

Проф. Е. В. Тарле.

36

# Западъ и Россія.

Статьи и документы изъ исторіи  
XVIII—XX в.в.



Издательство „БЫЛОЕ“.

Складъ изданія въ помѣщеніи редакціи журнала „Былое“.  
Петроградъ, Литейный 21.

## Книги Е. В. Тарле.

- Экономическая жизнь королевства Италіи въ царствованіе Наполеона I. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Юрьевъ, 1916. Стр. 532. Цѣна 3 р. 50 к.
- Континентальная блокада. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Москва, 1913. Стр. 739. Цѣна 4 р.
- Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen zur napoleonischen Zeit. Leipzig, 1913.
- Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Премиров. Акад. Наукъ. Два тома. Цѣна 4 р. 50 к. Томъ первый 1789 — 1791. Птр., 1909. Стр. 315. Томъ второй 1792 — 1799. Птр., 1911. Стр. 580.
- L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime. Paris, 1910.
- La classe ouvrière et la propagande contre-révolutionnaire en France pendant la Révolution. Paris, 1909.
- Studien zur Geschichte der Arbeiterklasse in Frankreich. Leipzig 1908. (Staats- und sozialwiss. Forschungen, herausgegeben von G. Schmoller und M. Sehring).
- Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ 1789—1799 гг. Птр., 1907. Цѣна 3 р.
- Паденіе абсолютизма въ западной Европѣ. Птр., 1906. Стр. 206. Цѣна 2 р.
- Исторія Италіи въ средніе вѣка. 2-е изданіе. Птр., 1906 (Ист. Европы по эпохамъ и странамъ подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго).
- Исторія Италіи въ новое время. 2-е изданіе. Птр., 1905 (Ист. Европы подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго).
- Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ. Птр., 1904. Стр. 367. Цѣна 2 р. (распродано).
- Общественныя воззрѣнія Т. Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англій его времени. Птр., 1901. Цѣна 2 р. (распродано).
-

Проф. Е. В. Тарле.

---

# Западъ и Россія.

Статьи и документы изъ исторіи  
XVIII—XX в.в.



Издательство „БЫЛОЕ“.

Складъ изданія въ помѣщеніи редакціи журнала „Былое“.  
Петроградъ, Литейный 21.

1918.



Въ настоящей книгѣ собраны статьи, которыя, какъ мнѣ казалось, въ той или иной степени могли бы по своей темѣ привлечь вниманіе лицъ, интересующихся русскою исторіею, въ частности, исторіею русскихъ дипломатическихъ отношеній, наконецъ, сужденіями иностранцевъ о Россіи въ былые годы, а также и сужденіями русскихъ людей о Европѣ.

Отличительная черта большинства этихъ статей та, что онѣ основаны либо всецѣло, либо въ значительнѣйшей степени на источникахъ не русскаго, но иностраннаго происхожденія. Это объясняется тѣмъ, что авторъ затрогиваль „русскія“ темы, чаще всего, въ связи со своими изысканіями, касавшимися западной Европы; такимъ образомъ, болѣе близкій подходъ ко многимъ изъ этихъ темъ обусловливался, прежде всего, стремленіемъ обратить вниманіе лицъ, интересующихся русской исторіею, на могущій имъ пригодиться матеріаль западно-европейскихъ архивовъ и библіотекъ.

Статьи: „Николай I и крестьянскій вопросъ въ Россіи по неизданнымъ донесеніямъ французскихъ дипломатовъ“ и „Послѣдніе дни Наполеоновской арміи“ появляются въ печати впервые. Остальныя статьи уже печатались въ періодическихъ изданіяхъ („Быломъ“, „Русскомъ Богатствѣ“, „Голосъ Минувшаго“ и „Современномъ Мірѣ“). Здѣсь онѣ появляются съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

Современныя условія печатанья книги, неожиданно заставившія, именно къ концу, значительно сократить намѣчавшіеся первоначально размѣры ея, не позволили мнѣ помѣстить въ приложеніи переводъ печатаемаго тамъ англійскаго текста, относящагося къ по-

слѣдней статьѣ. Пришлось въ послѣднюю минуту отказаться и отъ помѣщенія (также въ приложеніи) текста неизданныхъ документовъ, относящихся къ 1-ой, 3-ей, 5-ой, 7-ой, 9-ой и 10-ой статьямъ и использованныхъ мною въ этихъ статьяxъ, гдѣ они и указаны, а нѣкоторые даже цѣликомъ переведены.

Приношу свою искреннюю благодарность проф. В. Э. Грабарю, любезно пожелавшему взять на себя чтеніе корректуръ этой книги и много помогавшему мнѣ своими совѣтами.

---

## I.

# Императоръ Николай I и крестьянскій вопросъ въ Россіи по неизданнымъ донесеніямъ французскихъ дипломатовъ. 1842—1847.

Среди поисковъ въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ мнѣ пришлось натолкнуться на нѣкоторыя данныя, которыя могутъ представить извѣстный интересъ для изучающихъ исторію крестьянскаго вопроса въ Россіи при Николаѣ I, а еще болѣе — исторію дворянскихъ настроеній въ эту эпоху.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я попытаюсь дать читателю представленіе о содержаніи и характерѣ этихъ документовъ.

Не могу при этомъ не отмѣтить необычайную бюрократичность и подозрительность администраціи именно этого архива: этими качествами французскій архивъ министерства сильно превосходитъ, напр., нашъ Государственный архивъ (не только послѣ революціи 1917 года, но и до нея), — не говоря уже о парижскомъ Национальномъ архивѣ.

Во французскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, послѣ долгихъ стараній, хлопотъ, многомѣсячныхъ ожиданій, послѣ, наконецъ, полученнаго разрѣшенія отъ министра, — оказалось, что очень многого мнѣ все-таки не выдадутъ. Въ частности, читатель этого очерка долженъ принять къ свѣдѣнію, что мнѣ не выдали ничего, касающагося 1845 года. Почему? „C'est réservé“. Почему „réservé“? „C'est réservé“. На этомъ объясненія и кончились. Кромѣ 1845 г., — я не получилъ и еще нѣсколькихъ регистровъ серіи „Mémoires et documents“, тоже относящихся къ царствованію Николая I. Мало того: даже въ выданныхъ мнѣ регистрахъ кое-какіе документы оказались завернутыми въ толстую оберточную бумагу, а бумага прикрѣплена особыми шнурками къ корешку, — и по нѣкоторымъ соображеніямъ, на которыхъ здѣсь излишне было бы останавливаться я могъ заключить, что эти таинственные документы относятся тоже отчасти къ внутреннимъ русскимъ дѣламъ. Наконецъ, документы позднѣе 1848 г. — не выдаются никому, по общему правилу. Эти оговорки читатель предлагаемой работы долженъ имѣть ввиду: feci quod potui.

I.

Рукописи, съ которыми я хочу познакомить читателей, совершенно неизвѣстны. Не зналъ ихъ и авторъ капитальной общей исторіи крестьянскаго вопроса въ XVIII—XIX вв. въ Россіи, В. И. Семевскій. Онѣ касаются крестьянскаго вопроса при императорѣ Николаѣ, но, конечно, не по нимъ возможно отдать себѣ отчетъ объ истинномъ ходѣ дѣлъ въ официальныхъ учрежденіяхъ; онѣ не чужды наивностей, иногда граничащихъ съ абсурдомъ (гдѣ рѣчь идетъ, напр., о томъ, что Николай непремѣнно хотѣлъ въ свое царствованіе освободить крестьянъ и т. п.). Въ чемъ эти бумаги, дѣйствительно, интересны, это въ передачѣ дворянскихъ настроеній: историкъ русской общественности, навѣрное, пожелаетъ съ ними ознакомиться, такъ какъ онѣ безусловно являются любопытнымъ показаніемъ иностранцевъ-современниковъ о проявленіяхъ дворянской фронды, ознаменовывавшей кое-какіе моменты царствованія Николая.

Тѣ документы, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь, если не считать бумагъ Баранта, никогда ни изданы, ни, даже, цитированы нигдѣ, какъ сказано, не были. Эти документы бросаютъ весьма яркій свѣтъ на отношеніе Николая I къ крестьянскому вопросу и даютъ понятіе о побѣдоносной борьбѣ дворянства противъ всякой попытки сколько нибудь облегчить положеніе крѣпостныхъ. Погудно интересны и отзывы о характерѣ Николая I. Конечно, при этомъ я сравнительно мало касаюсь тѣхъ сужденій посла Баранта (1837—1841), которыя тоже нашелъ въ архивныхъ регистрахъ, — но которыя почти всѣ напечатаны въ его „Souvenirs“.

Періодъ, къ которому относятся разбираемые документы, (1842—1847) былъ, въ смыслѣ оживленія крестьянскаго вопроса, самымъ интереснымъ за все царствованіе императора Николая. Первые пятнадцать лѣтъ были заняты внѣшними войнами, кипучею дипломатическою дѣятельностью, усмиреніемъ и затѣмъ, ликвидацией польскаго возстанія, кодификаціонными работами, уніатскимъ вопросомъ; послѣдніе годы (съ 1848-го) — отмѣчены были воинственными дипломатическими выступленіями, затѣмъ венгерскою войною, восточнымъ вопросомъ, наконецъ, обостреніемъ внутренней реакціи. Что же касается до этихъ среднихъ лѣтъ царствованія, то именно тогда, повидимому, у императора проявилось стремленіе хоть отдаленно подойти къ исторической задачѣ, огромность которой онъ вполне сознавалъ. Замѣчу, кстати, что въ документахъ съ 1825 г. до конца 1830-хъ г.г. мнѣ не встрѣчались вовсе донесенія о крестьянскомъ вопросѣ.

Посмотримъ же, какое впечатлѣніе производили эти шаги Николая I на внимательныхъ и совершенно постороннихъ наблюдателей.

Прежде всего, необходимо напомнить общую позицію этихъ наблюдателей въ Петербургѣ. Французскіе послы чувствовали себя въ Петербургѣ, съ самой іюльской революціи и вплоть до



1848 года, — какъ во враждебномъ станѣ. Даже къ второй республикѣ Николай отнесся гораздо сочувственнѣе и уважительнѣе, чѣмъ къ Луи-Филиппу. „La comédie jouée et finie, et le coquin à bas!“ такъ отозвался онъ въ 1848 г. о концѣ царствованія французскаго короля. Желających ознакомиться съ тѣмъ, какъ Николай отзывался о королѣ въ интимной бесѣдѣ, можно отослать, напр., къ интереснѣйшей перепискѣ государя съ Паскевичемъ, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1909 годъ, здѣсь же объ этомъ распространяться излишне. Временами (при баронѣ де Барантѣ) эта вражда нѣсколько какъ бы утихала или, по крайней мѣрѣ, смягчалась ея внѣшнія выраженія; временами (при Перье, Андрэ, Рейневальѣ) отношенія доходили до предѣловъ допускаемой церемоналомъ холодности. Всѣ послы Луи-Филиппа относились къ Николаю, какъ къ признанному и непоколебимому врагу, руку котораго они распознавали во всякой дипломатической неудачѣ Франціи. Русский дворъ, русская аристократія во главѣ съ салономъ графини Нессельроде, — соображаясь съ политикою государя, относились къ французскому посольству съ „ледяною вѣжливостью“, и для членовъ посольства создавалась сама собою позиція постороннихъ наблюдателей, которые имѣли, тѣмъ не менѣе, много встрѣчь, много сношеній, позволявшихъ имъ быть *au courant* если не русской жизни, то петербургскихъ придворныхъ и великосвѣтскихъ настроеній. Сначала нѣсколько словъ объ отзывахъ посольства о Николаѣ. Нужно начать съ того, что, въ общемъ, отзывы французскихъ дипломатовъ скорѣе благоприятны Николаю I.

Имъ нравилась, прежде всего, его храбрость, которую они усматривали въ поведеніи его въ 1825 и 1831 г.г., его твердость, рѣшительность и прямота въ обращеніи, и всѣ они утверждали, будто онъ искренно хочетъ уврачевать многія болѣзни, отъ которыхъ страдаетъ Россія, — но что кругомъ себя онъ не видитъ людей, на кого можно было бы положиться. Даже просто честные люди — наперечетъ. Баронъ де Барантъ (бывшій посломъ съ 1837 г. до 21 августа 1841 г.) сообщая, напр., 30 декабря 1837 года, что въ Грузію будетъ назначенъ генераль Головинъ, прибавляетъ: „это человѣкъ безукоризненной честности, качество, весьма рѣдкое въ Россіи. Несомнѣнно, именно это побудило императора выбрать его, до такой стѣпени государь былъ пораженъ во время своихъ путешествій по Грузіи всѣми хищеніями и гнусностями (*de malversations et de vilainies*), которыя были ему раскрыты“<sup>1)</sup>. — Барантъ не одобряетъ Николая I за его „манію всѣмъ рисковать“ для быстрыхъ передвиженій по странѣ, за „недостойную государя“ быстроту ѣзды по самымъ опаснымъ и непроѣзжимъ дорогамъ. Вообще, Барантъ считалъ императора человѣкомъ очень храбрымъ. Однажды рѣчь зашла между ними о 1831 годѣ, времени холернаго бунта и мятежа воен-

<sup>1)</sup> Арх. мин. ин. дѣлъ, серія Russie. Correspondance politique, régistre 192, 30 декабря 1837 г.

ныхъ поселеній. „Я сдѣлалъ намекъ на храбрость и твердость, которая онъ выказалъ при волненіяхъ по поводу холеры и во время бунта поселеній“, доноситъ Барантъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, — и передаетъ отвѣтъ государя: „мнѣ дешево создали эту славу, тутъ не было никакой храбрости и никакой заслуги. Я не подвергался никакой опасности, я зналъ, что ея нѣтъ“<sup>1)</sup> и т. д. Барантъ утверждаетъ положительно, что государь полагаетъ свою силу — въ симпатіи къ нему низшихъ классовъ, а какъ къ нему относятся высшіе классы „онъ о томъ мало заботится“. Фрондирующие или нѣсколько независимые помѣщики, живущіе въ Москвѣ, мало его въ этомъ отношеніи интересуютъ<sup>2)</sup>. Тутъ Барантъ, отмѣчая (такъ же настойчиво какъ и другіе послы), что государь не любитъ дворянства и, въ концѣ концовъ, разсчитываетъ на народъ,—спрашиваетъ себя: правильно ли учитываетъ императоръ относительную силу классовъ общества? Правда, онъ инстинктомъ понимаетъ народъ, и между нимъ и народомъ есть симпатія. „Но если бы неразумнымъ и крайнимъ деспотизмомъ ему привелось вывести изъ терпѣнія высшій классъ общества, мнѣніемъ котораго онъ, повидимому, часто пренебрегаетъ, то именно этотъ высшій классъ его погубилъ-бы, — причемъ классъ низшій не подалъ бы ему никакой помощи“. Это не только Барантъ, но и преемники его не перестаютъ подчеркивать: ссориться съ дворянствомъ русскому государю рѣшительно опасно; народъ ему во время никакъ не поможетъ. Впрочемъ, Барантъ оговаривается, что непосредственной опасности въ положеніи государя онъ не видитъ. „Его повелѣнія могутъ быть суровыми, его воля — абсолютною и слишкомъ быстрою (*sa volonté — absolue et trop prompte*), но у него больше, чѣмъ у всѣхъ окружающихъ, стремленія къ порядку, желанія справедливости, любви къ странѣ“. Эти чувства бываютъ у него иногда дурно направлены, въ его дѣйствіяхъ иногда нѣтъ достаточно зрѣлаго размышленія, и это придаетъ часто его правленію тираннической видъ“. „Но, взятое въ цѣломъ, его управленіе внутренними дѣлами продолжаетъ увеличивать силу и процвѣтаніе имперіи и благосостояніе его подданныхъ“<sup>3)</sup>.

Барантъ отмѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что государь желаетъ приготовить отмѣну крѣпостного права, „великій переходъ“ (*la grande transition*), но, въ полномъ согласіи съ только что отмѣченнымъ мнѣніемъ о силѣ дворянства, посоль полагаетъ, что къ этому дѣлу „нужно приступать съ крайнею осторожностью“. <sup>4)</sup> Спустя нѣкоторое время послѣ этого перваго замѣчанія (вызваннаго, между прочимъ, особыми милостивыми знаками вниманія къ Киселеву), французскій посоль сообщаетъ своему министру:

1) Rég. 193, стр. 273-verso. 22 декабря 1838 г. Барантъ къ Молэ.

2) *ibid.*: Ce n'est pas les propriétaires frondeurs ou un peu indépendants qui habitent Moscou, dont il est allé ramener l'approbation.

3) *ibid.*, 274 (verso), 275—276. Барантъ къ Молэ.

4) Rég. 192, стр. 234. 30 декабря 1837 г.

„Императоръ очень надѣется, что въ его царствованіе во владѣніяхъ, принадлежащихъ государству, можно будетъ установить режимъ, который сдѣлаетъ крѣпостного крестьянина арендаторомъ опредѣленной части земли, платящимъ арендную плату“. За казною должны будутъ, по мнѣнію Баранта, послѣдовать по тому же пути также частные владѣльцы: это послѣднее обстоятельство „всякій предвидитъ“<sup>1)</sup>.

## II.

Но при Барантѣ постороннему, хотя и очень внимательному наблюдателю, возможно было лишь говорить о надеждахъ и предположеніяхъ государя. Дѣло съ указомъ объ обязанностяхъ крестьянъ разыгралось уже при преемникѣ барона — Казимирѣ Перье (отцѣ будущаго президента республики), который завѣдывалъ дѣлами посольства съ 21 августа 1841 года до 14 августа 1842 г.

Напомню сначала, какъ рисуется исторія указа объ обязанностяхъ въ воспоминаніяхъ свидѣтеля и соучастника всего дѣла — барона Корфа. Государь передалъ еще зимою 1840—1841 г. г. въ особый комитетъ одобренную имъ записку, составленную министромъ государственныхъ имуществъ гр. П. Д. Киселевымъ. Этотъ проектъ предусматривалъ рядъ мѣръ, которыя клонились къ уничтоженію крѣпостного права.<sup>2)</sup> Поднялись толки, „тревожная молва“, и уже въ комитетѣ проектъ былъ сильно урѣзанъ: по свидѣтельству бар. Корфа, проектъ былъ встрѣченъ „сильною оппозиціею;“ „основа проекта — свобода крестьянъ“ „была отстранена“<sup>3)</sup> и было рѣшено предоставить помѣщикамъ право, въ случаѣ желанія ихъ, заключать съ крестьянами сдѣлки, причѣмъ земля оставалась бы собственностью помѣщика, а получающій свободу крестьянинъ, становясь „обязаннымъ“, долженъ былъ бы платить помѣщику условенныя повинныя деньгами или натурою. „Вслѣдствіе этого весь внесенный гр. Киселевымъ проектъ обширнаго закона самъ собою палъ и былъ замѣненъ однимъ, очень небольшимъ проектомъ указа, въ которомъ съ намѣреніемъ избѣгли не только слова свобода, но и всякого о ней намека“<sup>4)</sup>. Въ этомъ видѣ проектъ перешелъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ первоначальная мысль государя и Киселева подверглась дальнѣйшему искаженію.

Извѣстно изъ записокъ барона Корфа, что государь явился въ засѣданіе 30 марта 1842 года — впервые послѣ девяти лѣтъ

1) Reg. 193—205 (verso). Барантъ къ Молѣ.

2) „Помѣщики, сохраняя право вотчинной собственности на земли, представляютъ крестьянамъ личную свободу и, отдѣливъ имъ опредѣленную пропорцію земель, пользуются взаимнъ того соразмѣрными отъ нихъ повинностями или оброкомъ, по особому для каждаго имѣнія инвентарю. Мѣра сія есть общая по всему государству и независящая отъ воли помѣщиковъ“ и т. д. (Ср. Корфъ, Матеріалы и черты къ біографіи Императора Николая I. и къ исторіи его царствованія. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 106).

3) *ibid.*, 109.

4) Корфъ, *ibid.*, 109.

(предъ тѣмъ онъ присутствовалъ въ Совѣтѣ 19 января 1833 года, при окончательномъ утвержденіи Свода Законовъ). Въ его рѣчи (записанной и напечатанной барономъ Корфомъ,<sup>1)</sup> было прямое опроверженіе слуховъ объ освобожденіи („я также никогда на это не рѣшусь“), и вообще рѣчь явно клонилась къ успокоенію встревоженныхъ — но тѣмъ не менѣе въ ней были слова: „нѣтъ сомнѣній, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ, есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное“, но „нынѣшнее положеніе таково, что оно не можетъ продолжиться“; „необходимо . . . приготовить пути для постепеннаго перехода къ другому порядку вещей, и, не утрущаясь передъ всякою переменъю, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія“ и т. п. Государь счелъ нужнымъ подчеркнуть, что онъ не рѣшился покончить дѣло по собственному своему произволенію: „не скрывая передъ собою всѣхъ его трудностей, я не рѣшился подписать указъ безъ новаго пересмотра въ Государственномъ Совѣтѣ. Я люблю всегда правду, господа, и, полагаясь на вашу опытность и вѣрноподданическое усердіе, приглашаю васъ изъяснить ваши мысли со всею откровенностью, не стѣсняясь личнымъ моимъ убѣжденіемъ“. Въ заключеніе императоръ заявилъ: „Одно только не могу не поставить съ прискорбіемъ въ виду Совѣта — именно той публичной, естественно преувеличенной народной молвы, которой источникъ отношу къ неумѣстнымъ разглашеніямъ со стороны лицъ, облеченныхъ моимъ довѣріемъ и обязанныхъ, самымъ долгомъ ихъ присяги, хранить государственную тайну.“ Онъ такъ былъ раздраженъ этимъ, что прямо грозилъ (въ послѣднихъ словахъ рѣчи, въ случаѣ новыхъ „разглашеній“ — „судить тотчасъ виноватыхъ по всей строгости законовъ, какъ за государственное преступленіе“. Но, все равно, дѣль „разглашеній“ уже была достигнута: не только на засѣданіи въ редакціи указа былъ усиленъ элементъ факультативности<sup>2)</sup>, — но государь, уже когда все было окончено, счелъ умѣстнымъ прибавить . . . „я, съ моей стороны, не предвижу отъ указа ничего, кромѣ послѣдствій самыхъ благодѣтельныхъ. Но какъ нѣкоторые изъ васъ все еще опасаются отъ него какой-то тревоги, то чтобъ вполнѣ всѣхъ успокоить, я велѣлъ заготовить пояснительный циркуляръ губернаторамъ. Онъ разошлется отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ одновременно съ обнародованіемъ указа, и, надѣюсь, въ концѣ уже предупредить всякіе превратные толки, а съ ними и всякій поводъ къ волненію“.

---

1) С. И. Р. И. О., т. 98, ст. 114—117.

2) Корфъ. I. с., 120—121: „чтобы еще болѣе выразить мысль, что вступать или не вступать въ договоры зависитъ отъ доброй воли cadaго, слова въ введеніи: предоставить помѣщикамъ, если они пожелаютъ, замѣнены такъ: предоставить тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые сами сего пожелаютъ.“

И тутъ же велѣлъ прочесть уже заготовленный циркуляръ<sup>1)</sup>. Засѣданіе окончилось. Указъ объ обязанныхъ былъ подписанъ 2 апрѣля государемъ, циркуляръ — 3 апрѣля — министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ. Оба акта были опубликованы одновременно (7 апрѣля 1842 г.). Теперь посмотримъ, что писало объ всемъ этомъ въ своихъ шифрованныхъ донесеніяхъ французское посольство.

Посольство прежде всего не можетъ скрыть своего удивленія, донося сначала о слухахъ (еще до изданія указа). Правда, Казиміръ Перье говоритъ, что Барантъ еще въ 1840 году сообщалъ ему, что императоръ подготавливаетъ „проектъ освобожденія крестьянъ“, — но подробнѣе не указываетъ, о чемъ именно у нихъ шла рѣчь. Во всякомъ случаѣ, судя по всему, подготовленіе и изданіе указа объ обязанныхъ явилось для Перье неожиданностью. На его донесеніямъ министру иностранныхъ дѣлъ Гизо подтверждается рассказъ Корфа: 1) первоначально указъ долженъ былъ — по мысли государя — быть гораздо шире и опредѣлительнѣе и, дѣйствительно, могъ затронуть самыя основы крѣпостного права; 2) первоначальный проектъ натолкнулся на серьезную оппозицію и былъ измѣненъ весьма существенно, въ благопріятномъ для владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ смыслѣ. Съ точки зрѣнія французскаго дипломата первоначальный проектъ былъ со стороны государя предпріятіемъ слишкомъ смѣлымъ и радикальнымъ и неудача этого проекта еще усилила позицію дворянства.

Обратимся къ первому, относящемуся сюда, длинному, расшифрованному въ Парижѣ донесенію Казиміра Перье министру иностранныхъ дѣлъ Гизо.<sup>2)</sup> „Уже давно нѣкоторые хорошо осведомленныя лица знали, что императоръ, усвоивши, отчасти, мысли графа Киселева и слѣдуя своей естественной склонности

---

1) Такъ какъ о немъ впереди идетъ рѣчь, — напоминаю наиболѣе характерные пункты этого „Отношенія департамента полиціи исполнительной господину гражданскому губернатору“, отъ 3 апрѣля 1842 года. „Настоящій указъ, не содержа въ себѣ существенно ничего новаго, есть одно развитіе и дополненіе правилъ... о свободныхъ хлѣбопашахъ, относительно того рода условий, гдѣ крестьяне оставаясь крѣпкими землѣ, обязуются къ исправленію извѣстныхъ въ пользу себя владѣльцевъ повинностей... теперь какъ и прежде заключать оныя (договоры) съ крестьянами, или оставлять ихъ на нынѣшнемъ положеніи, зависитъ совершенно отъ воли и усмотрѣнія самихъ помѣщиковъ. Единственная цѣль указа заключается въ томъ, чтобы... самыя земли на коихъ крестьяне водворены оставались попрежнему полною вотчинною собственностью дворянства... За симъ, болѣе того, что выражено самими словами указа, не должно въ немъ и подразумѣвать (курсивъ подлинника. Е. Т.)... изыскивать въ указѣ или внашать другимъ какое либо иное значеніе онаго, было бы дѣйствіемъ законопреступнымъ“... Циркуляръ предписываетъ властямъ имѣть бдительный надзоръ, чтобы крестьяне пребывали въ непрекословной покорности, а распространителей слуховъ строго наказывать.

2) Reg. 198., — стр. 113 и сл. (dechiffrement) <sup>2</sup>/<sub>14</sub> апрѣля 1842. Перье къ Гизо. Это первое донесеніе написано въ самый день, когда подписанъ былъ законъ <sup>2</sup>/<sub>14</sub> апрѣля, но Перье его еще не знаетъ, а говоритъ о первоначальномъ проектѣ.

къ мѣрѣ, которая должна поразить умы и привлечь вниманіе Европы, питаль въ умѣ своемъ обширный проектъ освобожденія крѣпостныхъ... Но никто не думалъ, конечно, что рѣчь идетъ о немедленномъ выполненіи этого гигантскаго предпріятія, и что для него будетъ выбранъ настоящій моментъ, когда русскому правительству приходится преодолевать не одно затрудненіе, устранять не одну опасность, разрѣшать не одну трудность.“ Перье пишетъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ слуховъ, будто прошла первоначальная болѣе радикальная редакція указа: „Вдругъ начинается распространяться еще на половину таинственная новость, что освобожденіе — рѣшено, и что черезъ нѣсколько дней появятся необходимые указы.<sup>1)</sup> Признаюсь Вамъ, что я принялъ первый слухъ съ недовѣрчивостію“, но источникъ свѣдѣній, детали и т. п., — все это удостовѣрило Перье, что слухъ основателенъ. Это рѣшено, и подобная мѣра по мнѣнію французскаго дипломата открыто направлена къ соціальной революціи, а можетъ привести и къ политической<sup>2)</sup>. Позавчера (т. е. значить 12 апр.—31 марта) императоръ явился въ Государственный Совѣтъ и сообщилъ остолбенѣвшимъ членамъ (à ses membres stupefaits), что онъ предлагаетъ имъ на обсужденіе мѣру, которая въ принципѣ уже рѣшена, но для осуществленія которой онъ проситъ ихъ содѣйствія и ихъ мнѣнія. „Повидимому, прежде всего и несмотря на повелительную форму сообщенія, проявилась довольно оживленная оппозиція“. Нѣкоторые сановники<sup>3)</sup> „заявили съ энергіею, что это значить — ставить на карту судьбу имперіи; что они не перестанутъ возвышать голосъ, чтобы заклинать государя — отказаться отъ его рѣшенія, или, по крайней мѣрѣ, отсрочить выполненіе его“.

Перье говоритъ, что ему неизвѣстны детали засѣданія. Но за то онъ весьма опредѣленно и ярко характеризуетъ настроеніе высшихъ круговъ „Дворянство живѣйшимъ образомъ взволновано предстоящимъ посягательствомъ на его богатство и на его могущество. Прямо заинтересованное въ удержаніи существующаго, оно въ то же время находитъ сильныя аргументы въ священныя правахъ собственности, въ отсталомъ состояніи низшихъ классовъ, въ опасности сразу сказать о свободѣ тридцати милліонамъ полудикихъ людей“. Перье самъ считаетъ эти мнѣнія дворянства „des arguments puissants“. Онъ, посоль либеральной монархіи и самъ либеральный конституціоналистъ, становится на сторону крѣпостнической оппозиціи,

---

1) *ibid.*, Перье къ Гизо: Tout à coup la nouvelle encore à demi mystérieuse vient de se répandre que la mesure de l'affranchissement était arrêtée et que les ukases nécessaires paraîtront sous peu de jours.

2) . . . a toutes les proportions d'un coup d'état qui peut conduire à une révolution politique et tend ouvertement à une révolution sociale.

3) Въ этомъ донесеніи Перье называетъ въ числѣ враговъ реформы кн. Васильчикова и кн. Меншикова, но въ *post-scriptum*ѣ къ слѣдующему донесенію вноситъ поправку: Васильчиковъ вмѣстѣ съ Киселевымъ были за первоначальную редакцію указа.

такъ какъ и ему борьба Николая I противъ крѣпостного права кажется тоже неосторожной и субверсивной; оговорки, которыя онъ при этомъ считаетъ всетаки нужнымъ сдѣлать даже въ шифрованномъ донесеніи, — ничуть не ослабляютъ самого факта этого любопытнаго совпаденія мнѣній. Конечно, пишетъ онъ, мѣра эта благородна въ принципѣ, и можетъ быть даже однимъ изъ мотивовъ государя было заслужить похвалы Европы. Правда, онъ указываетъ тутъ же и на другой мотивъ (и даже называетъ его „главною цѣлью“), — стремленіе разрушить „настоящій, хотя и неполный феодализмъ“ и обосновать на преданности народа силу и прочность монархіи. Въ то же время „онъ бы ослабилъ дворянство, которое является для императорской власти самою непосредственною и самою постоянною опасностью“. Но каковы бы ни были мотивы государя, „остается еще разсмотрѣть стоитъ ли онъ на высотѣ задачи, достаточно ли зрѣло онъ ее обдумалъ, подходящий ли онъ выбралъ моментъ, хорошо ли подготовилъ ходъ дѣла“. Казимиръ Перье не скрываетъ отъ Гизо своихъ опасеній: онъ сомнѣвается, понялъ-ли государь, что „малѣйшій ложный шагъ на той скользкой почвѣ“, на которую онъ вступилъ, можетъ его погубить<sup>1)</sup>. „Императоръ Николай, вѣрный своему характеру, увлекается личными своими желаніями, необдуманно бросается на путь приключеній“, не имѣетъ точной цѣли, соблазняется славою реформатора и основателя новаго общества<sup>2)</sup>. Французскій посолъ не увѣренъ въ томъ, что дворянство подчинится желанію государя. Съ другой стороны, „въ какой степени русскій народъ подготовленъ къ тому, чтобы принять благодѣяніе, которое ему предназначается? Когда уже не будетъ нынѣшняго государя съ его желѣзною рукою, не завѣщаетъ ли онъ своему наслѣднику, кромѣ тяжести вѣнца, еще и трудно исполнимую задачу? Кончаетъ Перье тѣмъ, что государь предпринимаетъ дѣло, похожее на совершенное во Франціи Людовикомъ XI, а затѣмъ Ришелье (сокрушителями дворянства), и что, если „можетъ быть“ онъ и не рискуетъ подвергнуться участи Павла I, то, все же, онъ дерзаетъ на многое.<sup>3)</sup>

Посылая 8/20 апрѣля своему министру второе донесеніе, а съ нимъ уже текстъ и переводъ указа 2 апрѣля и циркуляра Перовскаго, Перье сообщаетъ о дворянской побѣдѣ, плодомъ кото-

---

1) *ibid.*, Перье къ Гизо: A-t-il tout prévu? S'est-il rendu compte à lui-même de l'immensité de son entreprise? A-t-il compris où pouvait le précipiter le moindre faux pas sur un terrain si glissant? Il est permis d'en douter.

2) *ibid.*: L'empereur Nicolas, fidèle à son caractère, cède à l'entraînement des désirs personnels, se lance à la légère dans la carrière des aventures, semble vouloir sans but précis et entrevoit surtout l'auréole de la gloire dont le double titre de réformateur et de fondateur d'une société nouvelle ferait résonner son nom.

3) *ibid.* En rendant à l'Empereur Nicolas toute la justice, qui lui est due, on arrivera facilement dans la circonstance présente à cette conclusion: que s'il impose assez à ceux qui l'entourent pour ne pas avoir à redouter peut être le sort de Paul I, il ose beaucoup. и т. л. и т. д.

рой явился этот указъ, столь далекій отъ первоначальныхъ намѣреній государя. Онъ называетъ то, что произошло, „печальною сценою комедіи“: государь „отступилъ, не желая признаваться въ этомъ, предъ затрудненіями, которыхъ не предвидѣлъ, предъ недовольствомъ дворянства, которое взволновалось, когда оно увидѣло посягательство на свои богатства и старинныя права“<sup>1)</sup>. Борьбу противъ первоначальнаго проекта Перье изображаетъ такъ: „Я уже сообщилъ вашему превосходительству, что императоръ на этотъ разъ натолкнулся на живую оппозицію въ Государственномъ Совѣтѣ; хотя онъ и пытался сначала ограничить обсужденіе простымъ разсмотрѣніемъ средствъ, которыя нужно употребить, и формъ, которыми нужно слѣдовать, чтобы осуществить рѣшенный имъ планъ, но члены Совѣта не побоялись выйти изъ этихъ границъ. Великій князь Михаилъ и принцъ Ольденбургскій подали примѣръ, князь Меншиковъ, морской министръ, баронъ Ганъ, графъ Гурьевъ—высказались энергично (*se sont proposés avec force*) и лица, обыкновенно самыя послушныя императорской волѣ, — Рибоьеръ, Бутурлинъ и другіе хранили молчаніе. Въ городѣ, или, лучше сказать, въ салонахъ — было любопытное и необычное зрѣлище: Люди встрѣчались съ испуганными лицами, говорили только о разореніи и грабежѣ“. Впрочемъ, французскій дипломатъ и тутъ считаетъ нужнымъ стать отчасти на сторону встревоженнаго дворянства. „На ряду со слухами, безъ сомнѣнія, преувеличенными, высказывались также нѣкоторыя истины“.

Въ чемъ же заключались эти истины, услышанныя Казиміромъ Перье въ петербургскихъ салонахъ? Первоначальный проектъ Киселева налагалъ на владѣльца обязательство освободить всѣхъ тѣхъ крѣпостныхъ, которые могли уплатить ему сумму, равную капитализаціи оброка (сообщаетъ Перье министру). Но такъ какъ прежде всего имѣлось ввиду освободить крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ, то частные владѣльцы имѣли основаніе бояться, что послѣ этого освобожденія ихъ крестьяне просто взбунтуются. Перье хочетъ высказать мысль, что крестьяне не захотѣли бы платить сумму, равную капитализаціи оброка, видя, что удѣльные и государственные освобождены на болѣе льготныхъ основаніяхъ. И тутъ Казиміръ Перье переходитъ къ воззрѣніямъ русскаго крестьянства на землю. Эти воззрѣнія онъ приписываетъ крестьянскому невѣжеству и относится къ нимъ съ неодобреніемъ. „Самое серьезное препятствіе заключается въ состояніи нравственнаго огрубѣнія, или, по крайней мѣрѣ, совершеннаго невѣжества сельскаго населенія. Почти всюду оно вооб-

<sup>1)</sup> Reg. 198, — fol. 123 20 апрѣля 1842 г. Перье къ Гизо: *Votre Excellence verra par la lecture de ce document embarrassé, par l'examen de ces dispositions évidemment incomplètes et tronquées, combien il y a loin de ce qu'on fait à ce qu'on avait projeté. Tout ce qui vient de se passer est une triste scène de comédie... Aujourd'hui il réclame sans vouloir l'avouer devant les difficultés qu'il n'avait pas prévues, devant le mécontentement de la noblesse qui s'est émue, quand elle a vu l'atteinte, portée à sa richesse et à ses droits anciens.*



ражаетъ, что, будучи лично въ рабствѣ, оно одно имѣетъ реальныя права на обладаніе землею. Очень часто владѣльцу, желающему переселить земледѣльцевъ, отправить ихъ изъ одной губерніи въ другую, противопоставляется страшная сила инерціи, подкрѣпляемая слѣдующими словами, въ которыхъ заключается кодексъ русскаго крѣпостного: Наша жизнь принадлежитъ тебѣ, ты можешь ее взять, но ты не имѣешь права отнимать у насъ землю, которая намъ принадлежитъ. Этотъ опасный предразсудокъ (*ce préjugé dangereux*) укоренился въ умахъ миллионъ людей, и не указами онъ будетъ побѣжденъ. Это могло бы быть дѣломъ цивилизаціи, нравственнаго совершенствованія, для котораго еще ничего не сдѣлано<sup>1)</sup>“. Эти строки живо напоминаютъ о позднѣйшихъ усиліяхъ Герцена сдѣлать русскія крестьянскія воззрѣнія на землю болѣе понятными западнымъ европейцамъ и, особенно, французамъ; вѣдь, не нужно также забывать, что Казиміръ Перье писалъ въ 1842 году, до книги Гакстгаузена, которая уже не объясняла опасный предразсудокъ русскіхъ крестьянъ только нравственнымъ огрубѣніемъ и совершеннымъ невѣжествомъ. — Такъ или иначе, Казиміръ Перье боится послѣдствій даже такого шага, какъ урѣзанный законъ 2 апрѣля: „Эти люди (крестьяне) не поймутъ ни того, что свыше декретируютъ сегодня, ни того, что хотѣли декретировать вчера. Они услышатъ, что императоръ хотѣлъ ихъ освободить; должно опасаться, чтобы они не потребовали страшнаго отчета у помѣщика за лишеніе ихъ того благодѣянія, которымъ они и воспользоваться не сумѣли бы. Изъ всего предыдущаго легко заключить, насколько опасна и ненадежна всякая преждевременная или легкомысленно затѣянная попытка измѣнить нынѣшній порядокъ вещей“. Поэтому Казиміръ Перье понимаетъ, почему при первыхъ же слухахъ объ указѣ нѣкоторые помѣщики отправились въ свои деревни, чтобы тамъ выждать, какой оборотъ примутъ событія и, если понадобится, предотвратить печальныя послѣдствія этой мѣры добровольными уступками, если и не добровольными, то, по крайней мѣрѣ, благоразумными“. Весь этотъ переполохъ подѣйствовалъ на государя, котораго Перье теперь, послѣ неудачи, уже рѣшительно осуждаетъ за поспѣшность дѣйствій и нетерпѣливость въ абolicіонистскихъ стремленіяхъ.

„Императоръ, поверхностный и абсолютистскій умъ котораго навѣрно не вошелъ въ разсмотрѣніе этихъ важныхъ вопросовъ, и который даже не счелъ умѣстнымъ посоветоваться съ тѣми изъ своихъ интимныхъ довѣренныхъ лицъ, мнѣніе которыхъ могло бы его просвѣтить, сразу увидѣлъ, какая мрачная картина развертывается предъ его глазами, — во время преній въ Государственномъ Совѣтѣ; въ этихъ преніяхъ боязнь не угодить уступила на сей разъ болѣе серьезнымъ опасеніямъ. Онъ встрѣтилъ оппозицію, не уступить которой было бы слишкомъ

<sup>1)</sup> *ibid.* 20 октября 1842, Перье къ Гизо.

опасно<sup>1)</sup>. Итакъ, „государственный переворотъ“ не удался, но Казиміру Перье кажется, что изданіе даже этого урѣзаннаго, обезвреженнаго съ дворянской точки зрѣнія указа — все же большая ошибка. „Нужно было спасти лицо: уступая въ дѣйствительности, не желали, чтобы вышло, что уступаютъ и формально, — и указъ появился въ томъ видѣ, какъ ваше превосходительство его получите. Осмѣливаюсь сказать, этотъ указъ — серьезная ошибка. Слѣдовало сдѣлать больше — или ничего не дѣлать. Въ такой странѣ, какъ эта, полумѣры — гибельны, опытъ и исторія доказали, что ничего не можетъ быть опаснѣе, чѣмъ неполная реформа или неудавшійся государственный переворотъ (un coup d'état avorté)“. Дворянство — слишкомъ сильный врагъ, чтобы слѣдовало его раздражать. „Неблагоразумно дѣлать безсильное покушеніе на такого врага, съ которымъ слѣдуетъ завязать борьбу только съ тѣмъ, чтобы побѣдить. Нужно было бы поколебаться предъ тѣмъ, какъ возбуждать столько тревоги, поднимать столько жгучихъ вопросовъ, и все это для столь незначительнаго результата . . . Съ точки зрѣнія интересовъ и принциповъ правительства этой страны было ошибкою привлечь вниманіе къ рассмотрѣнію тѣхъ трудностей, устранить которыя не чувствовали себя въ силахъ“. Какія могутъ быть непосредственныя послѣдствія этой „злосчастной попытки“, спрашиваетъ себя дальше Казиміръ Перье. Самая попытка является „навѣрное, за многіе годы наиболѣе важнымъ событіемъ русской внутренней политики“, и дворянство не такъ легко забудетъ пережитую большую тревогу, тѣмъ болѣе, что эти наклонности императора уже давно извѣстны<sup>2)</sup>, и, напр., разныя попытки перемѣнъ въ положеніи государственныхъ крестьянъ давно сѣяли недовольство среди помещиковъ. Государь отступилъ, но дворянство знаетъ его характеръ, знаетъ, какъ его раздражаетъ и побуждаетъ къ сопротивленію всякое противодѣйствіе, знаетъ, что онъ отъ своихъ идей не отказывается. Дворянство чувствуетъ, что гроза только отдалилась, но не надолго<sup>3)</sup>. — Въ заключеніе Казиміръ Перье передаетъ также объ огорченіи уже не только принципальныхъ сторонниковъ крѣпостнаго права, но „самыхъ благоразумныхъ людей, которые просвѣщенно желаютъ прогресса цивилизации своей странѣ и которые съ грустью видятъ, что желательная мѣра, трудная, но возможная, мѣра, которую время сдѣлаетъ необходимою, скомпрометирована такъ съ самаго начала“. Таково, по увѣренію Перье, также чувство иностранцевъ и всего дипломатическаго корпуса.—

---

1) *ibid.*: Il a rencontré une opposition à laquelle il eût été trop dangereux de ne pas céder.

2) *ibid.*: La noblesse n'oubliera pas facilement cette chaude alarme et ne sera pas aisément rassurée contre le retour de velléités semblables. Elle sait que l'empereur en a porté depuis longtemps le germe dans sa pensée . . . . .

3) Elle (la noblesse) ne se laisse pas tromper au calme apparent qui succède à l'orage, elle voit cet orage éloigné sans le croire pour longtemps conjuré.

Въ post-scriptum'ѣ Казиміръ Перье добавляетъ еще нѣсколько словъ о только что появившемся „распоряженіи оберъ-полицмейстера“ (Рѣчь идетъ объ уже упомянутомъ выше циркулярѣ Перовскаго о томъ, что не нужно въ указѣ искать какаго либо иного значенія, кромѣ прямо вытекающаго изъ смысла пунктовъ его, что указъ 2 апрѣля укрѣпляетъ за помѣщиками право собственности на землю, что искать въ указѣ иное, скрытое значеніе значитъ идти противъ воли государя и т. д. Кокошкинъ уже отъ себя разослалъ особый приказъ по полиціи — всѣми мѣрами препятствовать распространенію ложныхъ слуховъ). По мнѣнію Перье это распоряженіе окончательно аннулируетъ указъ 2 апрѣля и доказываетъ всю полноту побѣды дворянства. Подобный шагъ долженъ быть недешево обойтись императору<sup>1)</sup>. Очень ужъ повелительная необходимость, полагаетъ Перье, могла заставить государя сдѣлать подобную уступку во имя успокоенія дворянскихъ тревогъ<sup>2)</sup>, — и онъ думаетъ, что и дворянству эта побѣда можетъ современемъ дорого обойтись. Подобный актъ всюду вызвалъ бы много комментаріевъ, — а въ Россіи при этихъ обстоятельствахъ онъ вдвойнѣ любопытенъ, по мнѣнію французскаго дипломата.

Прошло два мѣсяца, и за это время въ европейской прессѣ была рѣчь объ указѣ, а въ Россіи — все обошло тихо. Но Казиміръ Перье не вѣритъ въ то, что объ этой мѣрѣ будто бы забыли. Ни та, ни другая сторона не оставили своихъ стремленій, ни императоръ, ни дворянство<sup>3)</sup>. Крестьяне — „самые заинтересованные — оказываются наиболѣе индифферентными. До сихъ поръ, благодаря ли принятымъ суровымъ предосторожностямъ, или благодаря апатіи и невѣжеству, — народъ мало взволновался“. Это спокойствіе народа, по мнѣнію Перье, можно было бы считать благоприятнымъ симптомомъ для будущаго, „если бы самыя опасныя препятствія можно было предвидѣть съ этой стороны“. Но въ томъ то и дѣло, что опасность не въ народѣ, а въ сопротивленіи дворянства<sup>4)</sup>. И тутъ Перье — въ иныхъ выраженіяхъ, но столь же убѣжденно — повторяетъ мысль своего предшественника Баранта: дворянство способно быть болѣе опаснымъ врагомъ,

---

<sup>1)</sup> Cette publication qui semble contredire et annuler l'oukase du 2/4 avril et qui a toute l'apparence d'une retractation prouve assez à elle seule que je n'ai point chargé les couleurs du tableau que j'ai l'honneur de vous tracer. Une pareille démarche a dû coûter beaucoup à l'empereur.

<sup>2)</sup> Elle lui est imposée par une bien impérieuse nécessité ou elle fait pressentir que la noblesse aura plus tard à payer cher la concession momentanée accordée à ses alarmes.

<sup>3)</sup> Reg. 198, fol. 138. 7 Юня 1842. Перье къ Гизо . . . on semble presque, ici, les avoir oubliés. Mais il est permis de ne voir là qu'une feinte insouciance, une tranquillité affectée et de ne pas plus croire à l'abandon des vues de l'empereur, qu'à la sécurité de la noblesse.

<sup>4)</sup> . . . Ces obstacles seront moins dans trop d'empressement de la part des peuples que dans la résistance de la classe privilégiée.

чѣмъ народъ надежнымъ другомъ, оно одно способно къ согласованнымъ дѣйствіямъ, несмотря на свою малочисленность, оно одно умѣетъ разумно и ловко вести себя въ этомъ полускрытомъ поединкѣ <sup>1)</sup>.

### III.

Свою тревогу дворянство, въ самомъ дѣлѣ, не такъ скоро простило, если повѣрить любопытному донесенію, которое Гизо получилъ осенью того же 1842 года (уже не отъ Казиміра Перье, а отъ д'Андрэ, который 14 августа 1842 года смѣнилъ Перье на его посту).

Д'Андрэ считаетъ, что онъ нарушилъ бы свой долгъ, если бы не увѣдомилъ министра „о царящемъ въ Россіи недовольствѣ.“ Весь дипломатическій корпусъ озабоченъ этимъ явленіемъ, и д'Андрэ пишетъ, что подвергъ вопросъ о причинахъ недовольства серьезному обслѣдованію <sup>2)</sup>. Самый фактъ недовольства онъ считаетъ очевиднымъ, и особенно отмѣчаетъ это явленіе — въ отношеніяхъ между государемъ и дворянствомъ. Недовольство это — давнишнее, „но совѣмъ недавно оно возросло“. Дѣло въ томъ, что, со времени своего восшествія на престолъ, государь „не терялъ ни одного случая уменьшить значеніе дворянства, ограничить привилегіи, какія были дворянству даны еще императрицею Екатериною“. Ему всегда было тѣсно отъ этого скрытаго сопротивленія, слишкомъ хотѣлось найти опору въ народѣ. Дворянства онъ не любитъ и не уважаетъ (*il n'a pour la noblesse ni goût, ni considération*). „Со своей стороны дворянству, ревниво относящемуся къ своимъ привилегіямъ, не нравятся тенденціи государя, которыхъ онъ и не скрываетъ“. Дворянство мало любитъ государя. „Императоръ это знаетъ, но, можетъ быть, не отдаетъ себѣ въ точности отчета о положеніи вещей“. Во всякомъ случаѣ, „кажется, онъ предвидитъ тѣ затрудненія, которыя могли бы возникнуть вслѣдствіе подобныхъ отношеній между государемъ и дворянствомъ въ будущемъ, особенно если у его преемника не окажется характера, столь же твердаго, какъ его собственный характеръ. Пока онъ царствуетъ, онъ считаетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы удерживать въ повиновеніи тѣхъ, которые бы желали отъ него освободиться, но что произойдетъ послѣ него, это всегда его живѣйшимъ образомъ озабочивало“. Сыну своему онъ нерѣдко говорилъ: „*tandisque nous vivons tranquilles, Dieu sait quel événement le sort te réserve*“. Д'Андрэ, какъ и предшественники его, категорически настаиваетъ на томъ, будто Николай I положительно желалъ освободить крестьянъ. Онъ хотѣлъ поборотъ самое огромное изъ всѣхъ затрудненій, съ которыми пришлось бы считаться его сыну, и рѣшилъ совершить самый гро-

<sup>1)</sup> *ibid*: Celle-là (la classe privilégiée). malgré son immense minorité, est seule capable toutefois d'action, de concert, d'intelligence. Elle agit avec habileté, dissimule ses craintes et retarde la lutte.

<sup>2)</sup> Reg. 198, fol. 192. — 30 сентября 1842 г. Д'Андрэ къ Гизо.

мадный актъ, какой только можетъ быть совершенъ въ Россіи: освобожденіе крестьянъ. По своему обыкновенію, онъ хотѣлъ и эмансипацію совершить вдругъ (*il l'a voulue soudaine comme il veut toutes choses*). — Въ согласіи съ министромъ государственныхъ имуществъ онъ прежде всего предложилъ Государственному Совѣту проектъ, по которому помѣщикъ принужденъ былъ бы дать на извѣстныхъ условіяхъ опредѣленное количество земли крестьянину. „Вашему Превосходительству извѣстно, какую сильную оппозицію встрѣтилъ этотъ первый проектъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Самые робкіе въ обыкновенное время члены сдѣлались самыми смѣлыми. Въ Совѣта волненіе было не менѣе сильнымъ. Отовсюду слышны были вопли о разореніи и грабежѣ. Въ Москвѣ дворяне заявляли, что, если этотъ указъ пройдетъ, то они постараются продать остатокъ имѣній и удалятся въ Германію, такъ какъ они не желаютъ быть свидѣтелями страшнаго смятенія, которое, по ихъ словамъ, должно произойти въ имперію“. Нѣкоторые помѣщики уже стали закладывать свои имѣнія, другіе брали изъ банковъ свои капиталы. „Ужасъ предъ появленіемъ такого указа былъ огроменъ. Сопrotивленіе проявлялось открыто. По этимъ признакамъ императоръ понялъ, что слѣдуетъ остановиться. Но онъ не хотѣлъ, чтобы показалось, будто онъ всецѣло отказывается отъ своихъ идей. Онъ измѣнилъ проектъ указа и объявилъ, что эта мѣра — факультативна“ (т. е. что сдѣлка между крестьяниномъ и помѣщикомъ совершается лишь при желаніи обѣихъ сторонъ). Что касается циркуляра Перовскаго (который д'Андрэ неправильно называетъ *le règlement du grand-maitre de police*), то эта декларация, подчеркивавшая, что помѣщики остаются собственниками земли, была даже выгодна дворянству, такъ какъ этотъ принципъ помѣщицьяго права собственности на землю нелишне было напомнить крестьянамъ<sup>1)</sup>. „Борьба была жаркою, дворянство вышло изъ нея торжествующимъ“. По мнѣнію д'Андрэ также дальнѣйшее сопротивленіе со стороны государя было сопряжено съ „величайшими опасностями“.

На помощь помѣщикамъ пришло и то обстоятельство, что какъ разъ произошло нѣсколько случаевъ волненій среди государственныхъ крестьянъ: правительство произвело именно среди нихъ кое гдѣ опытъ, дало имъ землю въ собственность на извѣстныхъ условіяхъ, такъ что крестьянамъ пришлось уплачивать вдвое противъ прежняго. „Крестьяне увидѣли въ этой перемѣнѣ лишь увеличеніе податей, безъ всякой для себя выгоды, такъ какъ каждый русскій крестьянинъ совершенно убѣжденъ, что земля, которую онъ обрабатываетъ, и такъ ему принадлежитъ“. Дворяне-же не преминули воспользоваться этими волненіями среди государственныхъ крестьянъ, — и указали, что сами крестьяне предпочитаютъ, чтобы старый порядокъ вещей не подвергался измѣненіямъ.

<sup>1)</sup> *ibid.* Ce règlement du grand-maitre de police fut même avantageux à la noblesse, parce qu'il servit à constater un principe qu'il était à propos de rappeler aux paysans: celui de la propriété de la terre.

„Но я предоставляю вашему превосходительству судить о чувствах, оставшемся у дворянства отъ всѣхъ этихъ тревоженій. И вотъ тогда-то дворянство вспомнило всѣ свои неудовольствія противъ императора и, всегда столь сдержанное, заговорило такимъ языкомъ, что это удивило людей, которые уже давно живутъ въ Россіи. Никогда общество не говорило въ столь свободномъ тонѣ о томъ, что воля императора часто оказывалась гибельною для истинныхъ интересовъ страны; что его царствование вовсе не было славнымъ для Россіи; что его вкусъ къ военному дѣлу разорителенъ для государства, что вмѣсто того, чтобы тратить сотни милліоновъ для сбора столь большого количества безполезныхъ людей, было бы гораздо лучше употребить часть этой суммы на устройство дорогъ, хорошихъ путей сообщенія; что Московская желѣзная дорога, которую онъ выстроилъ, не была столь настоятельно необходимою, и что странно видѣть, какъ отстраняются русскіе поставщики рельсовъ, а предпочтеніе отдается рельсамъ англійскимъ. (Здѣсь, къ слову нужно замѣтить, что вообще обсужденіе вопроса о Николаевской желѣзной дорогѣ прошло не безъ большихъ преній, — и французское посольство еще въ февралѣ 1842 г. извѣщало Гизо, что Москва ропщетъ, ибо находитъ болѣе нужною и выгодною такую желѣзную дорогу, которая соединяла бы ее съ югомъ, а не съ Петербургомъ <sup>1)</sup>).

Перечисляя дальше, что ставится недовольными въ вину государю, д'Андрэ пишетъ, что говорятъ о „министрахъ, которые вмѣсто того, чтобы благопріятствовать развитію національныхъ богатствъ, стараются остановить это развитіе и стремятся лишь обогатиться и удержаться въ фаворѣ“; жалуются и на то, что торговля и промышленность не получаютъ никакой настоящей помощи, жалуются на то, что безсрочноотпускные солдаты являются внутри государства элементомъ броженія и беспорядковъ; жалуются и на то, что государь слишкомъ предается религіознымъ преслѣдованіямъ <sup>2)</sup>). О настроеніи государя говорятъ, что онъ иногда цѣлыя недѣли проводитъ въ глубокой печали и упадкѣ духа; что нервы его ослабли, что приступы гнѣва происходятъ чаще, чѣмъ прежде, и чаще случаются приливы крови къ головѣ. Посла поражаетъ, съ какимъ хладнокровіемъ разсуждаютъ о возможной смерти государя. О наследникѣ держатъ того мнѣнія, что онъ — характера нерѣшительнаго, и посолъ полагаетъ, что дворянство при немъ постарается вернуть себѣ все то, что потеряетъ при Николаѣ Павловичѣ, „если только великія событія не измѣнятъ предвидѣній будущаго“. Д'Андрэ кончаетъ свое длинное донесеніе словами: „Вотъ до какой сте-

---

<sup>1)</sup> Reg. 198, — fol. 48. 6 февраля 1842 г. (Перье къ Гизо).

<sup>2)</sup> ... qu'il s'abandonnait sans mesure aux persécutions religieuses (ibid., д'Андрэ къ Гизо).

пени проявилось неудовольствіе дворянства послѣ борьбы, изъ которой оно вышло побѣдоноснымъ, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени.“ Центръ неудовольствія — Москва, и въ Москвѣ (сообщаетъ онъ уже въ post-scriptum'ѣ, какъ самую свѣжую новость) „пріемъ, который сдѣлали императору, былъ самый холодный“. — Д' Андрэ, въ заключеніе, совѣтуетъ все таки не преувеличивать значеніе рѣзкаго тона недовольныхъ: съ одной стороны, русскіе — народъ измѣнчивыхъ настроеній, а съ другой стороны, государь понимаетъ свою страну и, можетъ быть, найдетъ способъ примириться съ тѣми, кого отдалилъ отъ себя <sup>1)</sup>).

Впрочемъ, на этотъ разъ неудовольствіе дворянъ прошло во всякомъ случаѣ не такъ скоро. Черезъ годъ, 23 сентября 1843 г., д'Андрэ опять извѣщаетъ министра иностранныхъ дѣлъ, что о государѣ выражаются очень рѣзко. Онъ опять пораженъ неизвѣстною прежде „свободою языка“<sup>2)</sup> въ этомъ отношеніи. Его удивляетъ также ненасытность царедворцевъ и приближенныхъ, осыпаемыхъ неслыханными въ Европѣ милостями, — и все таки недовольныхъ. Напр., по случаю крещенія внука государя (вел. кн. Николая Александровича) тридцать четыре чело-вѣка получили чинъ полнаго генерала, — и все таки „много недовольныхъ“<sup>3)</sup>

Въ послѣднемъ интересующемъ насъ донесеніи д'Андрэ говоритъ опять о слухахъ, касающихся освобожденія дворовыхъ. Д'Андрэ еще не знаетъ (дѣло было весною 1844 г.) подробностей обсуждаемаго мѣропріятія, но снова повторяетъ, что государь не оставляетъ всего „огромнаго вопроса“ объ уничтоженіи крѣпостного права и хочетъ, чтобы этотъ вопросъ разрѣшился въ его царствованіе.

#### IV.

Исторія указа о дворовыхъ изложена тѣмъ же барономъ Корфомъ (С. И. Р. И. О., т. 98, стр. 208—248). Вопросъ возникъ въ зиму 1843—1844 г. когда государь объявилъ Перовскому о своемъ желаніи постепенно превратить дворовыхъ въ „новое сословіе вольныхъ слугъ“. Былъ образованъ особый комитетъ, — и, конечно, опять поднялась оппозиція, и пошли тревожные слухи. Государю указывали на трудность дѣла. „Знаю, — прервалъ государь съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, — знаю, что тутъ есть трудности, и даже, мно же ст в о трудностей <sup>4)</sup>“. Я восемнадцать лѣтъ занимаюсь этимъ дѣломъ, восемнадцать лѣтъ взвѣшиваю

<sup>1)</sup> *ibid*: Le peuple russe a des impressions mobiles, le souverain qui a l'instinct de son pays saura peut être ramener à lui ceux qu'il en a éloignés...

<sup>2)</sup> Reg. 199, fol. 144. 23 сентября 1843. Д'Андрэ къ Гизо: Quand on a vu la société russe il y a 12 ans et qu'on la voit aujourd'hui, on est frappé de la liberté de langage avec laquelle on s'exprime sur le compte de l'Empereur.

<sup>3)</sup> 28 октября 1843. Д'Андрэ къ Гизо.

<sup>4)</sup> Курсивъ бар. Корфа (I. с., 227).

его трудности, борюсь съ ними и — надѣюсь ихъ превозмочь. Главная цѣль моя — и з м ѣ н и т ь к р ѣ п о с т н о е у н а с ь с о с т о я н и е<sup>1)</sup>). Мысль о томъ никогда меня не оставляла“ и т. д. Послѣ одного засѣданія комитета „государь схватилъ себя за голову и, обратясь къ Васильчикову, сказалъ: c'est singulier qu'il m'est impossible d'attaquer des questions d'une nature aussi grave sans que le sang ne me monte d'abord à la tête“<sup>2)</sup>). Между прочимъ, во время обсуждения этого новаго указа, государь жаловался, что указъ объ обязанныхъ фактически почти свелся къ нулю: и однако, новый указъ о дворовыхъ (опубликованный 10 іюля 1844 года) тоже вышелъ изъ рукъ комитета факультативнымъ<sup>3)</sup>, и обреченнымъ на ту же участь, хотя въ собственноручно написанномъ первоначальномъ планѣ государя предполагался рядъ мѣръ<sup>4)</sup>, рассчитанныхъ на понужденіе помѣщиковъ. И это дѣло — съ дворовыми — тоже привлекло вниманіе французскаго посольства<sup>5)</sup>.

О появленіи указа, касающагося дворовыхъ, извѣстилъ Гизо уже Рейневаль, смѣнившій лѣтомъ 1844 г. д'Андрэ, въ качествѣ chargé d'affaires французскаго посольства. Рейневалью кажется, что этотъ указъ могъ бы быть болѣе приемлемымъ для помѣщиковъ, чѣмъ указъ 2 апрѣля 1842 года: дѣло въ томъ, что дворовый, при освобожденіи, не получаетъ земли, а остается должникомъ — на срокъ или на всю жизнь — своего помѣщика, если не выплачиваетъ ему всей суммы выкупа разомъ. По этому поводу Рейневаль заводитъ рѣчь объ освобожденіи крестьянъ вообще<sup>6)</sup>. Онъ тоже усматриваетъ „великую трудность вопроса въ той идеѣ, врожденной у русскихъ крестьянъ, что они — неразлучны съ землею“, что гораздо больше земля принадлежитъ имъ, нежели они — принадлежатъ землѣ<sup>7)</sup>. Рейневаль (послѣ бесѣды съ графомъ Киселевымъ), передаетъ свое мнѣніе, что освобожденіе государственныхъ крестьянъ (Киселевъ сообщилъ ему, что они — свободны) должно сильно подвинуть впередъ и освобожденіе крестьянъ помѣщичьихъ. Но, хотя императоръ уже „хотѣлъ бы избѣжать всякаго потрясенія, приведя постепенно дворянство къ необходимости освободить крестьянъ“, однако помѣщики „мало

1) Курсивъ бар. Корфа (ibid.).

2) Корфъ, I, с., стр. 219.

3) Первая статья: Владѣльцамъ, желающимъ отпустить своихъ людей на волю безъ земли, дозволяется заключить съ ними, по обоюдному согласію, договоры о платежѣ сими послѣдними особыхъ суммъ въ одинъ или нѣсколько сроковъ, или же ежегоднаго оброка по смерти владѣльца или на опредѣленное число лѣтъ.

4) „Сихъ людей, кромѣ паспортовъ, обложить слѣдуетъ четверными подушными, дабы нобудить помѣщиковъ ихъ отпускать на волю“ и т. п.

5) Reg. 199, fol. 255. 1 апрѣля 1844. д'Андрэ къ Гизо.

6) Reg. 199, fol. 310. 15 сентября 1844. Raynevalle къ Гизо.

7) ibid., Рейневаль къ Гизо: La grande difficulté de la question de l'affranchissement consiste dans cette idée innée chez les paysans, qu'il est inséparable de la terre dans ce sens que la terre lui appartient bien plus qu'il n'appartient à la terre.

8) Reg. 201, fol. 58. Рейневаль къ Гизо. 7 ноября 1846 г.



расположены войти въ намѣренія императора“. Такъ, даже указъ о дворовыхъ, казалось бы, вполне приемлемый и удобный для помѣщиковъ, „принятъ ими плохо, какъ и все, что направлено къ измѣненію существующаго порядка вещей.“ — Но, конечно, такой бури, какъ первоначальный проектъ указа объ обязанныхъ, мѣра, касавшаяся дворовыхъ, не вызвала и вызвать не могла.

Съ этого времени лишь два раза посольство доносить въ Парижъ о крестьянскомъ вопросѣ. „Вопросъ объ освобожденіи все еще на очереди“, пишетъ Рейневаль въ ноябрѣ 1846 г. „Я узналъ, что заняты тѣмъ, чтобы даровать крѣпостнымъ законное право владѣть движимымъ имуществомъ, — право, которымъ они теперь пользуются только въ силу терпимости и доброты совѣстности своихъ помѣщиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, они могутъ имѣть собственность лишь на имя помѣщика. Нужно признать, что помѣщикъ никогда не злоупотребляетъ этимъ довѣріемъ крестьянина, и что крестьянинъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напр., въ смыслѣ защиты отъ часто придирчивыхъ дѣйствій властей, чувствуетъ себя хорошо при этой комбинаціи. Но ея большое неудобство заключается въ томъ, что она препятствуетъ развитію въ умѣ крестьянина истинныхъ понятій о собственности и личной независимости.“ Наконецъ, 27 ноября 1847 г. посольство извѣщаетъ Гизо, что опять заговорили объ освобожденіи крестьянъ. По инициативѣ государя, въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждается вопросъ о споспѣшествованіи крестьянамъ при выкупѣ ихъ на волю, — и прежде всего о помощи и кредитѣ изъ казны крестьянамъ, въ случаѣ если бы они желали купить заложенные и назначенныя къ продажѣ имѣнія (къ которымъ они принадлежатъ). — Напомнимъ, что, въ самомъ дѣлѣ, въ 1847 году возникъ вопросъ о распространеніи на всю имперію уже дѣйствовавшаго въ Грузіи закона, по которому крестьяне имѣній, продаваемыхъ съ публичнаго торга за долги помѣщиковъ, имѣли право, внося должную сумму, купить, такимъ образомъ, имѣніе и тѣмъ самымъ пріобрѣсти личную свободу. Заходила рѣчь о государственномъ кредитѣ, который бы при этомъ облегчалъ крестьянамъ покупку продающихся имѣній, но эта мѣра не прошла (и только Киселеву былъ открытъ ежегодный кредитъ въ 300.000 рублей, изъ которыхъ уже онъ могъ бы въ тѣхъ случаяхъ, когда признаетъ нужнымъ, ссужать выкупающихся крестьянъ). Дѣло окончилось изданіемъ указа 8 ноября 1847 года<sup>1)</sup>, тоже не имѣвшего никакихъ реальныхъ послѣдствій, но опять нѣсколько всполошившаго дворянъ.

Эта мѣра кажется французскому дипломату важною именно потому, что „она, повидимому, связана съ планомъ эмансипаціи,

---

<sup>1)</sup> Ст. 1-я: „Когда населенное недвижимое имѣніе, за лежашіе на немъ долги казенные, частные или въ кредитные установленія, назначено будетъ въ публичную продажу, крестьянамъ, къ таковому имѣнію принадлежащимъ, предоставляется выкупать себя вмѣстѣ съ землею и прочими составными частями. чрезъ взносъ послѣдне-состоявшейся на торгахъ цѣны, или, при неявкѣ покупателей, полной оцѣночной суммой“ и т. д.

которая безусловно повлекла-бы за собою разореніе дворянства<sup>1)</sup>“. Онъ „не смѣетъ утверждать“, что этотъ планъ уже существуетъ, но ему „позволительно думать это и тревожиться этимъ, такъ какъ извѣстны чувства императора и его пламенное желаніе приурочить уничтоженіе крѣпостного права къ времени своего царствованія<sup>2)</sup>“. Дипломатъ беспокоится и тоже находитъ, что государь слишкомъ торопится. Правда, и онъ считаетъ необходимымъ даже въ зашифрованномъ письмѣ оговориться, что и „русскіе высшихъ классовъ признаютъ нынѣшній порядокъ вещей позоромъ для ихъ страны и препятствіемъ для цивилизаціи,“ но, съ другой стороны, „они находятъ въ немъ выгоды, отъ которыхъ не хотѣли бы отказаться, напримѣръ, что этотъ порядокъ вещей предотвращаетъ пауперизмъ, пролетаріатъ и т. д.“. Къ сожалѣнію, онъ не говоритъ точнѣе, что понимать подъ е т с и какіе именно предстопители „высшихъ классовъ“ ему это говорили. А, главное, онъ „двухъ лицъ не нашель, которые были бы между собою согласны относительно средствъ“ къ уничтоженію крѣпостного права. Государь же слишкомъ спѣшитъ: „если онъ хочетъ достигнуть этой большой цѣли раньше, нежели это будетъ достаточно подготовлено (что потребовало бы, можетъ быть, больше времени, чѣмъ онъ можетъ предвидѣть), то ему съ трудомъ удастся избѣжать необходимости пожертвовать интересами и, даже, правами дворянства“. Правда, государь не питаетъ къ дворянству никакой симпатіи. О наслѣдникѣ, напротивъ, говорятъ, что онъ благопріятствуетъ знати и въ Государственномъ совѣтѣ борется противъ правительственнаго проекта<sup>3)</sup>, о которомъ идетъ рѣчь въ началѣ этого донесенія).

Любопытно, въ заключеніе, замѣтить, что, не одобряя религіозныхъ преслѣдованій, произвола въ расправѣ съ провинившимися (напр. въ дѣлѣ съ Головинымъ), съ укоризною говоря о политикѣ въ Польшѣ, французскіе дипломаты признавали самый фактъ существованія абсолютной власти совершенно необходимымъ для Россіи. Это можно отмѣтить едва ли не у всѣхъ пословъ и *chargés d'affaires* за рассматриваемый періодъ. Такъ, Рейневаль признаетъ, что „императоръ обходится со своею имперіею, отчасти, какъ съ полкомъ и рассматриваетъ малѣйшее неповиновеніе своимъ приказаніямъ, какъ самое важное нарушеніе правительственной дисциплины“, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представитель Франціи утверждаетъ, что „пассивное повиновеніе — есть единственная связь, которая можетъ соединить въ единую массу и сдѣлать управляемыми (*gouv. nables*) — многочисленные народы, разбѣянные по неизмѣримымъ пространствамъ, нециви-

---

1) Reg. 201, fol. 290 и сл. 27 ноября 1847.

2) Reg. fol. 293: Je n'oserais affirmer l'existence de ce plan, mais il m'est permis d'y croire et de s'en inquiéter quand on connaît les sentiments de l'Empereur et son ardent désir de faire dater de son règne l'abolition du servage.

3) *ibid.* 27 ноября 1847.

лизованные или почти нецивилизованные, которымъ нечего сообщать, ни защищать, ни завоевывать" <sup>1)</sup>).

Тѣмъ интереснѣе отмѣтить, что, признавая необходимость неограниченной власти въ Россіи, французскіе представители, какъ мы видѣли, не взирая ни на какія неопредѣленные и ни къ чему не обязывающія оговорки, рѣшительно не одобряли эту самую неограниченную власть въ тѣхъ случаяхъ, когда она слишкомъ поспѣшно, по ихъ мнѣнію, выступала противъ дворянства и на защиту закрѣпощенной массы. Послы Луи-Филиппа въ этихъ своихъ интимныхъ, шифрованныхъ, скрытыхъ отъ нескромнаго глаза донесеніяхъ не перестаютъ безпокоиться по поводу слишкомъ радикальнаго, слишкомъ нетерпѣливаго умонастроенія, которое они подозреваютъ въ императорѣ Николаѣ относительно крѣпостного права. Отложить, отложить и отложить реформу, — вотъ общій ихъ мотивъ, при извѣстной неодинаковости въ выраженіяхъ, которыми они пользуются. Такъ судили представители самой либеральной изъ тогдашнихъ континентальныхъ монархій. Таковъ одинъ изъ неожиданныхъ выводовъ, который самъ напрашивается при чтеніи этихъ документовъ. Что касается настроенія высшаго петербургскаго круга, — то оно также рисуется здѣсь вполне ясно и ярко. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о свидѣтельствахъ, касающихся предрасположеній государя, его отношенія къ крѣпостному праву и къ дворянству. Въ этой области многое въ донесеніяхъ французскихъ дипломатовъ сбивается на домыслы и легковѣсныя гипотезы. Во всякомъ случаѣ, тутъ краски слишкомъ сгущены. Слѣдуетъ еще отмѣтить слова французскихъ дипломатовъ о воззрѣніяхъ русскаго крестьянина на землю, на право собственности: эти слова почти буквально совпадаютъ со свидѣтельствомъ барона Августа фонъ-Гакстгаузена, какъ разъ въ 1843—44 г. г. путешествовавшаго по Россіи <sup>2)</sup>). Иностранцевъ эти народныя воззрѣнія поражали прежде всего. Не только официальные представители короля Луи-Филиппа, но и представители радикально-республиканскаго теченія во Франціи были совершенно чужды духу этого своеобразнаго строя понятій русскаго крестьянства <sup>3)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Reg. 199, fol. 336. Rayneval къ Гизо. L'empereur traite quelque peu son empire comme un régiment et regarde la moindre désobéissance à ses ordres comme la plus grave infraction à la discipline gouvernementale и т. д. и т. д.

<sup>2)</sup> Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands, I, 154—155 и passim. (Hannover, 1847).

<sup>3)</sup> Ср. стетью „Письма Герцена къ Эдгару Кинзу“ (въ настоящей книгѣ).

## II.

# Императоръ Николай I и французское общественное мнѣніе.

Донесенія французскихъ дипломатовъ (см. „Николай I и крест. вопросъ“, въ этой же книгѣ) рисуютъ императора Николая скорѣе въ благопріятномъ свѣтѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ является въ ихъ глазахъ поборникомъ облегченія участи крестьянъ, даже какъ бы борцомъ за крестьянъ противъ дворянства.

Но эти донесенія хранились въ строгой тайнѣ, въ архивахъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Французское общество ихъ не знало. Но оно зато видѣло другія стороны дѣятельности русскаго монарха, несравненно менѣе благопріятныя.

Мы видѣли, что писали конфиденціально дипломаты. Посмотримъ теперь, что печатали въ ту же эпоху публицисты, политики, путешественники, подъ вліяніемъ которыхъ сформировывалось во Франціи общественное мнѣніе относительно политической системы и личнаго характера императора Николая I.

## I.

Начиная съ Екатерины, вдохновившей, хоть и не самолично написавшей опроверженіе („l'Antidote“) на путевыя записки Шаппа д'Отроша, переписывавшейся съ энциклопедистами, хлопотавшей долгіе годы надъ тѣмъ, чтобы систематически просвѣщать и Вольтера, и Дидро, и Гримма касательно русскихъ дѣлъ, представители самодержавной власти не переставали заботиться о своевременномъ внушеніи Европѣ самыхъ благопріятныхъ представленій относительно себя самихъ и своего обращенія съ подданными. У Павла эта черта была, конечно менѣе замѣтна, чѣмъ у Екатерины, чѣмъ у Александра и Николая, но даже и у него она проглядываетъ. Александръ Павловичъ обладалъ этою чертою въ высокой степени. Онъ даже Наполеона I въ Тильзитѣ чуть не въ республиканскій образъ мыслей совращалъ, и хартію при реставраціи Бурбановъ поддерживалъ, и свои гуманныя заботы о крестьянахъ не прочь былъ выставить на видъ, и въ концѣ-концовъ ему указанная задача удалась достаточно хорошо. И Екатерина, и Александръ удачно дѣлали это дѣло, а кромѣ

того, жить и дѣйствовать пришлось имъ въ эпоху, когда, не говоря уже объ остальной Европѣ, даже во Франціи конституціонный режимъ еще только начинался. Кромѣ послѣднихъ семи лѣтъ Екатерины и послѣднихъ 11 лѣтъ царствованія Александра, во Франціи за весь этотъ періодъ дѣйствовалъ либо (до 1789 г.) абсолютизмъ Бурбоновъ, либо военный деспотизмъ Наполеона; объ остальныхъ государствахъ континентальной Европы и говорить нечего.

Мало того. Даже Англія никогда не переживала со времени паденія Стюартовъ такой реакціонной эпохи, какъ царствованіе Георга III и начало правленія Георга IV., т. е. именно время, соответствующее періоду Екатерины II, Павла и Александра I. Русскому абсолютизму, слѣдовательно, можно было чувствовать себя не совсѣмъ одинокимъ. Если же принять во вниманіе, что эта эпоха была временемъ расцвѣта военно-дипломатическаго могущества русскаго самодержавія, то мы поймемъ, почему ко времени вступленія на престолъ Николая I репутація русскаго абсолютизма стояла высоко.

И именно при Николаѣ I она испортилась и ни разу уже истиннымъ образомъ не поправлялась съ тѣхъ поръ. Все шло впередъ, выступали новыя жизненныя потребности, новыя идеи; казалось, одинъ Николай стоялъ на мѣстѣ и задерживалъ Россію. Абсолютизмъ существовалъ въ его время и въ Пруссіи, и въ Австріи, и въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Но даже этотъ послѣдній, даже абсолютизмъ неаполитанскихъ Бурбоновъ, не сталъ въ глазахъ либеральной Европы такъ ненавистенъ, какъ абсолютизмъ Николая; даже о Меттернихъ не говорили съ такимъ раздраженіемъ; и только бойней польскихъ помѣщиковъ въ 1846 году Меттернихъ напомнилъ Европѣ, что онъ всѣ мѣры къ защитѣ абсолютизма считаетъ допустимыми. Что касается, напримѣръ, Пруссіи, то, конечно, и ея администрація, и ея государственное хозяйство были въ наилучшемъ состояніи, какое только, вообще, возможно при абсолютизмѣ; ея короли, особенно взбалмошный, добродушный и романтичный Фридрихъ-Вильгельмъ IV, до курьеза не походили на тирановъ.

Іюльская, потомъ Февральская революція со всѣмъ, что и за первую, и за вторую слѣдовало, перевернули все въ Европѣ. Николай и къ первой, и ко второй революціи отнесся, конечно, вполне неодобительно. Онъ сталъ самымъ страшнымъ и активнымъ врагомъ европейской свободы; онъ ссорился не только съ народами, но и съ правительствами (французскимъ, бельгійскимъ), возникавшими изъ революцій... Тридцать лѣтъ онъ стоялъ на стражѣ всесвѣтной реакціи. И чувство, которое онъ внушалъ, усилилось въ необычайной степени, когда въ Европѣ стали присматриваться къ тому, что онъ дѣлалъ у себя дома. Скучно и поверхностно знали николаевскій режимъ въ Европѣ; девять десятыхъ удавалось укрыть отъ нескромныхъ глазъ; изъ газетъ европейскихъ (этого періода) многого не узнаешь о Россіи. Но и то, что писалось, было достаточно поучительно. Больше

свѣдѣній давали книги о Россіи, которыя и займутъ насъ здѣсь главнымъ образомъ; нѣкоторыя изъ нихъ дѣлали общую характеристику режима и царя, и этотъ матеріалъ становился основою для сужденій прессы.

Пересмотрѣвши всю руководящую французскую прессу 30-хъ и 40-хъ г.г., мы говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что о внутреннихъ дѣлахъ Россіи писалось въ тогдашнихъ газетахъ несравненно меньше, нежели, напр., пишется теперь о внутреннихъ дѣлахъ Персіи.

Самое слово Россія поминалось тогда, когда рѣчь шла о дипломатическихъ предметахъ, и почти все, относящееся къ характеристикѣ „внутреннихъ“ дѣлъ, бралось, повторяемъ, изъ книгъ, описаній, путешествій, памфлетовъ, политическихъ брошюръ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы не хотимъ дать сколько-нибудь исчерпывающаго обзора литературы о Россіи, опубликованной во Франціи за время царствованія Николая I<sup>1)</sup>. Насъ тутъ будетъ интересовать исключительно одно: выясненіе, хотя бы въ общихъ чертахъ, причинъ того серьезнаго историческаго факта, что, когда Наполеонъ III по личнымъ и династическимъ своимъ соображеніямъ счелъ нужнымъ начать противъ Россіи войну, то онъ встрѣтился съ единодушною поддержкою самыхъ разнообразныхъ общественныхъ классовъ и политическихъ партій, — отъ стараго дворянства до рабочихъ, отъ клерикаловъ до социалистовъ. Какъ подготовился этотъ искренній взрывъ ненависти къ Николаю? Какъ ухитрилось правительство приготовить и вооружить противъ своего народа такого яростнаго врага, — врага, воеващаго, можно сказать, не за страхъ, а за совѣсть, ибо, положительно, крымская кампанія является одною изъ популярнѣйшихъ войнъ, которыя когда-либо вела французская нація? Франція явилась самымъ сильнымъ изъ всѣхъ членовъ коалиціи, обрушившейся на Россію, и можно, не колеблясь, утверждать, что этотъ членъ коалиціи пошелъ въ бой съ тѣмъ одушевленіемъ, которое никакими дипломатическими или династическими мотивами объяснить нельзя. Русскій абсолютизмъ превратилъ авантюру Наполеона III во

---

1) Къ слову нужно замѣтить, что царствованію императора Николая I до сихъ поръ какъ-то мало повезло въ историографіи. По многимъ вопросамъ нѣтъ серьезныхъ монографій. Что же касается общихъ обзоровъ, то, кромѣ неоконченнаго труда Шильдера и (тоже пока неоконченнаго) изслѣдованія Теодора Шимана о Россіи въ царствованіе Николая I, трудно назвать еще что-либо. Въ 1914 году въ Русскомъ биографич. Словарѣ появилась обширная (въ десять печатныхъ листовъ большаго формата) статья проф. М. А. Полиевктова, умѣло и живо изложенная, — объ императорѣ Николаѣ I.

Въ послѣдующемъ изложеніи я не буду, конечно, касаться всѣхъ книгъ и памфлетовъ о русской внѣшней политикѣ, выходившихъ во Франціи за время 1825 - 1855 г.г. (вродъ de-radt'a или „La Russie et l'équilibre européen“ или „Les cours du Nord dévoilées“ и т. п.). Эта литература хорошо мнѣ извѣстна, но она, по большей части, не относится къ настоящей темѣ. Впрочемъ, кое-что (наиболѣе замѣтное) и изъ этой области дальше затронуто въ моей статьѣ.

французскую національную войну и, тѣмъ самымъ, способствовали успѣху французовъ.

Именно со времени Николая I въ Европѣ начинается то движеніе общественного мнѣнія противъ русской системы, которое, то ослабывая, то усиливаясь, уже ни разу не прекращалось окончательно. Конечно, тамъ и тогда, гдѣ и когда руководящимъ общественнымъ классамъ казалось выгоднымъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ поддерживать русскую политику,—они ее поддерживали, и отрицательное мнѣніе о русскомъ абсолютизмѣ ни разу не оказалось достаточно могущественнымъ, чтобы породить серьезное противодѣйствіе въ этомъ смыслѣ. Но зато стоило Россіи европейскому правительству обнаружить враждебное къ Россіи отношеніе, чтобы мгновенно на его сторонѣ оказалось явственное сочувствіе общественнаго мнѣнія, толкавшее дипломатію съ полнымъ усердіемъ къ расширенію и углубленію конфликта. И даже страхъ предъ русскимъ могуществомъ не пересиливалъ этой жажды схватки: напримѣръ, Николая I очень могущественнымъ считали предъ крымской войной, и, однако, повторяемъ, эта война сопровождалась прямо всеобщимъ ликованиемъ во Франціи и поздравленіями правительству, не отступившему предъ Николаемъ.

И совершенно безспорно, что началось это уже никогда не прекращавшееся теченіе общественной мысли въ Европѣ именно со временъ императора Николая. Русский народъ могъ бы повторить о Николаѣ I шекспировскія слова: „Онъ охлаждалъ моихъ друзей, разгорячалъ моихъ враговъ“...

Отношеніе общественнаго мнѣнія къ правительственной системѣ всегда было обстоятельствомъ, усугублявшимъ для Россіи тяжесть и остроту дипломатическихъ конфликтовъ и уменьшавшимъ преимущества выгодныхъ конъюнктуръ, когда таковыя случались.

Въ предлагаемой статьѣ мы и хотѣли бы остановиться на нѣкоторыхъ моментахъ въ процессѣ развитія и укрѣпленія этой враждебной русскому абсолютизму силы, и именно во Франціи, гдѣ, какъ уже сказано, общественное мнѣніе такъ единодушно поддержало Наполеона III въ его политикѣ въ 1853—55 г.г. И не только потому выбрали мы Францію, что Франція сыграла такую рѣшающую роль въ жизни николаевского режима, когда наступилъ роковой часъ для этого режима: на французской публицистикѣ и литературѣ лучше всего сказывалось означенное движеніе европейскаго общественнаго мнѣнія въ тѣ времена. Англія интересовалась внутренними дѣлами Россіи совсѣмъ уже мало, и за весь періодъ ея публицисты и путешественники не дали, кромѣ 2—3 единичныхъ исключеній<sup>1)</sup>, мало-мальски серьезныхъ матеріаловъ для характеристики системы. Что касается до Пруссіи,

<sup>1)</sup> О самой любопытной изъ этихъ книгъ рѣчь будетъ впереди, такъ какъ она была переведена цѣликомъ на французскій языкъ, и оказала вліяніе, совершенно безспорное, на французское общественное мнѣніе.

германскихъ государствъ и Австріи, то, задавленная цензурою пресса этихъ государствъ не смѣла никакъ высказываться о могущественномъ сосѣдѣ иначе, какъ въ сладчайшихъ выраженіяхъ или, въ лучшемъ случаѣ, путемъ намековъ.

Франція тоже дала мало книгъ о Россіи за весь этотъ періодъ,—и изъ того, что дала, мы будемъ говорить исключительно о касающемся самодержавія и самодержца. Къ этому матеріалу мы можемъ прибавить кое-какія мнѣнія періодической прессы, влияние которой такъ возросло во Франціи съ 1830 года. Общая характеристика отношенія французскихъ руководящихъ органовъ печати къ тѣмъ немногимъ проявленіямъ русскаго правительственнаго гнета, слухъ о которыхъ Бенкендорфу и Дубельту не удавалось задавить окончательно, а также характеристика тѣхъ книгъ о Россіи, влияние которыхъ особенно сказалось на репутаціи русскаго абсолютизма, — вотъ что составитъ содержание настоящихъ замѣтокъ.

## II.

10-го января (нов. стиля) 1826 года въ Парижъ прибыли первыя извѣстія, что „въ Петербургѣ дерутся“. Официальная газета сообщила русскую правительственную версію, что большинство—болѣе „заблуждающіеся“, нежели виновные, что мертвыхъ осталось на полѣ битвы 200 человекъ, и что императоръ „за весь день обнаружилъ благороднѣйшій характеръ“.

Такъ изъяснялся казенный „Journal officiel du soir“. Въ тогдашнихъ реакціонныхъ сферахъ французскаго правительства и двора Карла X извѣстіемъ этимъ были очень смущены и испуганы. Общество также чрезвычайно заинтересовалось пришедшими извѣстіями.

Умѣренно-либеральный „Journal des Débats,“ очень читавшійся не только во Франціи, но и за границей, приглашалъ публику не судить о петербургскихъ событіяхъ „со страстностью“. Каковы будутъ послѣдствія этого бунта для Европы?—спрашиваетъ газета <sup>1)</sup>, еще не увѣренная въ окончательномъ успокоеніи въ Россіи. Газета думаетъ, что русскій императоръ, побѣдивши возстаніе, принужденъ будетъ завести войну съ Турціей, „чтобы положить конецъ внутреннему разладу“. Въ слѣдующихъ №№ газета въ рядѣ передовыхъ статей останавливается снова на русскихъ дѣлахъ и на возможности военнаго переворота. Она обнаруживаетъ, между прочимъ, курьезное невѣжество относительно истинной природы военныхъ поселеній, „учрежденія страшнаго и внутри страны, и для чужихъ земель“, и сближаетъ ихъ съ римскими пограничными легионами, низвергавшими и возводившими императоровъ. Газета полагаетъ также, что Николай отнынѣ будетъ стараться привлечь къ себѣ сердца солдатъ. „Наслѣдникъ царей прочелъ это въ завѣщаніи Екатерины II: *хорошо помните, что войска — это все*“ <sup>2)</sup>. Органы оппозиціи выражали недовѣріе къ тому официальному

<sup>1)</sup> Journal des Débats, 12 Janvier (нов. стиля) 1826, 3-я страница.

<sup>2)</sup> Journal des Débats, 13 Janvier 1826 г.



утвержденію, будто бунтъ въ Петербургѣ устроенъ „подонками народа“. Умѣренная пресса выражала увѣренность, что молодой монархъ, оставшись побѣдителемъ, пощадитъ жизнь попавшихся въ его руки, ибо сама императорская фамилія отчасти виновата въ происшедшемъ, — не слѣдовало дѣлать государственнаго секрета изъ отреченія Константина. Въ общемъ, декабрьскій бунтъ былъ очень плохо и поверхностно понятъ во Франціи; его понимали либо какъ борьбу династическихъ партій, либо какъ мятежное, анархическое выступленіе „отбросовъ“ арміи, „у которыхъ цѣль—анархія, средство—убійство“. И эта послѣдняя (русско-правительственная) версія, въ сущности, не вызвала окончательнаго и авторитетнаго отпора. Въ итогѣ—впечатлѣніе получилось для императора Николая даже выгодное: о его „геройскомъ поведеніи“ 14 декабря говорили въ теченіе всего его царствованія. Уже со второй половины января 1826 года извѣстія изъ Россіи становятся все рѣже и безсодержательнѣе. Воцаряется полное господство официальной русской версіи; если истина извращалась самымъ беззастѣнчивымъ образомъ даже въ эпоху развитыхъ сѣтей телеграфовъ и телефоновъ, въ эпоху мировыхъ связей биржи и индустріи, то насколько это было легче дѣлать въ тѣ времена, когда Россія на самомъ дѣлѣ была отрѣзана отъ всего міра! Къ тому же Франція слишкомъ была поглощена своими внутренними дѣлами вплоть до самой Іюльской революціи, чтобы обращать какое бы то ни было вниманіе на рѣдкія, скудныя вѣсти изъ Россіи.

Офиціозная газета Австріи, откуда свѣдѣнія о заговорѣ и событіяхъ 14 декабря перепечатывались французскими газетами, дѣлала все, чтобы унижить и опозорить декабристовъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Консервативная пресса Франціи весьма восторгалась Николаемъ Павловичемъ и изображала бунтъ дѣломъ рукъ нѣсколькихъ честолюбцевъ, которымъ удалось сбить съ толку невѣжественныхъ и пьяныхъ солдатъ. Нужно замѣтить, что русское правительство съ особеннымъ злорадствомъ поспѣшило описать, какъ унижался „диктаторъ“ Трубецкой предъ Николаемъ, какъ государь великодушно сказалъ ему: „если вы чувствуете силу пережить вашъ позоръ и угрызенія совѣсти,—то вы можете извѣстить вашу жену, что я вамъ дарую жизнь. Это—единственное, что я могу вамъ обѣщать“ и пр. и пр. Трубецкой при этомъ иронически именовался „героемъ“, „Катилиною“ и т. п. <sup>1)</sup> Самый процессъ декабристовъ вызвалъ нѣсколько замѣчаній въ либеральной прессѣ касательно „самобытности“ русскихъ судебныхъ формъ, при которыхъ подсудимые не могутъ защищаться мало-мальски правильно и „не имѣютъ ни малѣйшихъ гарантій“. Собственно, при этомъ тайномъ веденіи дѣла и полномъ отсутствіи защиты, при составѣ судей, являвшихся назначенными и покорными исполнителями чужой воли, конечно, о правосудіи трудно было и толко-

---

<sup>1)</sup> См. *Annuaire historique universel*, 1825, стр. 390 (Paris 1826, изд. Lesur.)

вать. Но это не помѣшало роялистическимъ органамъ всетаки считать, что слѣдствіе велось тщательно, и что этотъ процессъ, все же, есть дань деспотическаго, но просвѣщеннаго правительства правамъ человѣка. Затѣмъ, послѣ казни и ссылки декабристовъ, съ полною готовностью кто-то распространялъ въ европейской прессѣ извѣстія о великодушныхъ поступкахъ Николая по отношенію къ его врагамъ: г-жа Рылѣва впала въ душевное разстройство послѣ казни мужа, и Николай посылалъ къ ней неоднократно своего адъютанта для оказанія помощи и покровительства; отецъ Пестеля получилъ 50 тысячъ рублей и аренду и пр. и пр. Отъ всѣхъ этихъ разсказовъ, въ соединеніи съ легендою о поведеніи царя въ самый день возмущенія, и осталось то, въ общемъ, благоприятное для императора Николая впечатлѣніе, которое было разрушено вполнѣдствіи расправою съ поляками. Не надо забывать, что и дипломатическія отношенія между Франціей и Николаемъ въ 1825—30 гг. были весьма хороши,—и это также шло на пользу репутаціи Николая во французскомъ обществѣ, всегда внимательно слѣдящемъ за внѣшнею политикою.

### III.

Іюльская революція, возстаніе въ Польшѣ и усмиреніе его круто измѣнили отношеніе французскаго общественнаго мнѣнія къ Николаю. Прежде всего, самъ Николай сталъ въ прямо угрожающую позицію: торжество Іюльской революціи задѣло его, какъ личная обида, онъ демонстративно враждебно отнесся сразу къ Луи-Филиппу, и нѣкоторое время шли даже толки о желаніи Николая воевать съ Франціей. Либерализмъ, только что восторжествовавшій, увидѣлъ въ Николаѣ самаго грознаго и непримиримаго врага, который всюю душою хотѣлъ бы вмѣшаться во французскія дѣла и возстановить Карла X. Вотъ почему, когда въ Польшѣ спустя четыре мѣсяца вспыхнуло возстаніе, которымъ Николай оказался поглощенъ въ теченіе всего года, то широкіе круги общества,—и не только радикальная оппозиція, но и правящая крупная буржуазія,—выражали неоднократно въ своихъ органахъ ту мысль, что Польша спасла Францію отъ войны съ Николаемъ. Традиціонныя симпатіи къ Польшѣ, желаніе полного торжества дѣлу польской свободы слились, такимъ образомъ, съ чувствомъ живой признательности. Французы втеченіе всего 1831 года слѣдили съ громаднымъ интересомъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, и когда въ сентябрѣ 1831 года Варшава была взята, бурныя противоправительственныя манифестаціи въ Парижѣ показали, что не всѣ сочувствуютъ осторожной политикѣ короля, не желавшаго вмѣшиваться въ русско-польскія дѣла. Но все-таки, несмотря на всѣ симпатіи къ Польшѣ, даже французская радикальная пресса не обнаруживала еще къ Николаю такого враждебнаго отношенія, какъ вполнѣдствіи; въ 1831 году, до взятія Варшавы, онъ былъ воюющей стороною, онъ велъ войну, т. е. дѣлалъ то же, что дѣлалъ, напр. голанд-

скій король, воевавшій тогда съ бельгійцами. Но содроганіе ужаса пронеслось въ Европѣ (особенно же во Франціи и Англии), когда съ конца 1831 года и потомъ, въ теченіе 30 хъ годовъ, стали приходиться извѣстія о томъ, какъ мстятъ полякамъ за ихъ уже погибшее возстаніе, какъ казнятъ каторгою, солдатчиною, тюрьмою, Сибирью, розгами и шпицрутенами, реквизиціями и конфискаціями и виновныхъ, и невинныхъ. Уже слова Дибича, что будутъ наказаны виновные и пощажены „насколько возможно“ невинные <sup>1)</sup>, показали Франціи, что русское правительство говоритъ совсѣмъ на другомъ языкѣ, нежели самые суровые европейскіе усмирители. И это еще было сказано въ первые дни возстанія. Всѣ неистовства репрессій обрушились на Польшу, когда инсургенты были окончательно уничтожены, и Паскевичъ вошелъ въ Варшаву побѣдителемъ. Уничтоженіе польской конституціи „органическимъ статутомъ“ вызвало протесты Англии и Франціи, но эти протесты рѣшительно никакого дѣйствія не оказали. Страшныя наказанія и истязанія, сыпавшіяся какъ изъ рога изобилія на несчастную націю непрерывно въ теченіе слѣдующихъ за возстаніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, возмущали французское общество, но, опять-таки, наиболѣе ошеломляющее впечатлѣніе производила даже не эта дѣятельность военныхъ судовъ, учрежденныхъ Паскевичемъ, а именно такія мѣропріятія, которыя совсѣмъ ни на что европейское похожи не были. Напр., 9 ноября 1831 года министръ финансовъ послалъ Подольскому губернатору бумагу, въ которой извѣщалъ, что его величество желаетъ переселить изъ Подольской губерніи пять тысячъ дворянскихъ польскихъ семействъ преимущественно на Кавказъ, чтобы затѣмъ ихъ зачислить въ военную службу; выбрать же эти пять тысячъ семействъ предоставляется губернатору, изъ трехъ категорій: 1) изъ лицъ, возвратившихся домой къ указанному сроку и принесшихъ раскаяніе; 2) изъ 3-го разряда виновныхъ, получившихъ всемилостивѣйшее прощеніе и 3) изъ лицъ, *образъ жизни которыхъ, по мнѣнію мѣстныхъ властей, возбуждаетъ недоверіе.*

Эти неслыханныя мѣры, принимаемая относительно либо почти вовсе невинныхъ людей (ибо иначе они не получили бы „всемилоостивѣйшаго прощенія“), либо изъ *совершенно* невинныхъ, *завѣдомо* невинныхъ, съ точки зрѣнія самихъ властей, — возбудили ужасъ и оторопь во Франціи. Не только невинные люди, но и ихъ семьи, жены и дѣти должны были гибнуть неизвѣстно за что въ степяхъ и на Кавказѣ; нечего и говорить, что они разорялись вконцѣ этой внезапной ссылкой; графъ Блудовъ даже приказывалъ въ особой бумагѣ губернатору *не предупреждать* ссылаемыхъ заранѣе.

Имущество эмигрантовъ было секвестровано, при чемъ за вину одного члена пускались по міру цѣлыя семьи. Французскія

<sup>1)</sup> Это мѣсто воззванія Дибича-Забалканскаго къ полякамъ особенно поразило воображеніе французскаго общества и стало предметомъ комментаріевъ.

газеты и въ 1832, и въ 1833, и въ слѣдующихъ годахъ не переставали говорить о пыткахъ, которымъ, по ихъ словамъ, подвергались въ польскихъ тюрьмахъ и мужчины, и женщины, съ цѣлью вынудить у нихъ показанія. Въ 1835 году „Journal des Débats“ напечаталъ рѣчь Николая, сказанную 22 октября къ такъ называемому „муниципалитету“ Варшавы (не выборному, конечно, а назначенному русскимъ правительствомъ). Это опубликованіе надѣлало много шума: газеты Франціи и Англіи выражали свое недоумѣніе по поводу того, какъ государь могъ подобное сказать своимъ подданнымъ, сколько бы онъ на нихъ ни сердился. Вотъ особенно поразившее всѣхъ мѣсто этой рѣчи: <sup>1)</sup> „Если вы будете упорствовать въ сохраненіи вашихъ мечтаній объ обособленной національности, о независимой Польшѣ и обо всѣхъ этихъ химерахъ, то вы можете лишь навлечь на себя большія несчастья. Я приказалъ выстроить здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ волненіи я велю разгромить городъ, я разрушу Варшаву и, конечно, не я ее выстрою вновь“. Въ Россіи почувствовали, что нужно нѣсколько считаться съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ этою рѣчью, неожиданно получившею европейскую огласку. И вотъ, начались дополнительныя разъясненія, имѣвшія цѣлью придать этой рѣчи отгѣнокъ христіанскаго всепрощенія и забвенія обидъ (такъ прямо и говорилось: „ces paroles de raix et d'oubli... и т. д.); были сдѣланы и соответствующія, якобы умышленно пропущенныя въ „Journal des Débats“ вставки. Но и переизданная, такимъ образомъ, рѣчь Николая Павловича уже дѣлу не помогла; намъ часто встрѣчались въ позднѣйшіе годы ссылки въ прессѣ на эту рѣчь.

Слѣдуетъ сказать, что, вообще, до польскаго возстанія о Николаѣ I и о Россіи французское общество думало мало, вѣрнѣе, занималось однимъ только Николаемъ, и то исключительно какъ важнымъ факторомъ европейской международной политики. Первымъ серьезнымъ толчкомъ, отъ котораго французское общество какъ бы встрепенулось и вспомнило о правительственной системѣ Николая I и истинномъ его значеніи для народовъ, подвластныхъ Петербургу, — явилась для Франціи вѣсть именно объ усмиреніи польскаго возстанія въ 1831 году.

Уже задолго до взятія Варшавы въ прессѣ мелькали слухи о жестокостяхъ относительно взятыхъ въ плѣнъ солдатъ и офицеровъ польской арміи. Когда (16 сентября н. с. 1831 г.) газеты въ Парижѣ сообщили о штурмѣ Варшавы и гибели польскаго дѣла, то въ теченіе нѣсколькихъ дней Парижъ, какъ уже сказано, былъ ареною бурныхъ уличныхъ антирусскихъ манифестацій, по-

<sup>1)</sup> Французскій текстъ (рѣчь была сказана Николаемъ по-французски):

... „Si vous vous obstinez à conserver vos rêves de nationalité distincte, de Pologne indépendante et de toutes ces chimères, vous ne pouvez qu'attirer sur vous de grands malheurs. J'ai fait élever ici la citadelle, et je vous déclare qu'à la moindre émeute, je ferai foudroyer la ville, je détruirai Varsovie, et certes ce n'est pas moi qui la rebâtirai“.

требовавшихъ даже вмѣшательства войскъ. Манифестанты заставили всѣ театры прекратить представленія вечеромъ 17-го сентября. Крики „смерть министрамъ!“ гремѣли по городу. Радикальная печать съ горечью упрекала министерство въ томъ, что оно оставило Польшу на произволъ судьбы. Въ палатѣ депутатовъ бурныя нападенія на министровъ были сдѣланы Могэнномъ и другими членами оппозиціи, упрекавшими правительство за то, что оно не дало полякамъ вооруженной помощи. Луи-Филиппъ, ненавидимый Николаемъ и хорошо это знавшій, попалъ, къ досадѣ своей, въ неблагоприятное положеніе противника всякой помощи польскому возстанію, и эта двойственность, обусловленная, съ одной стороны, всегдашнимъ страхомъ короля предъ войною, а съ другой — сочувствіемъ его къ полякамъ, ясно сквозитъ въ тонѣ официальныхъ и офиціозныхъ органовъ. Нужно, вообще, напомнить, что Николай изъявилъ открыто свое неудовольствіе по поводу іюльской революціи и, аффикируя свое почтеніе къ павшему королю Карлу X до самой его смерти, не переставалъ коситься на Луи-Филиппа и всячески показывать, что не считаетъ „короля баррикадъ“ за „настоящаго“ монарха. Онъ даже въ 1848 году усматривалъ, повидимому, единственное свѣтлое послѣдствіе февральской революціи въ томъ, что Луи Филиппа уже не будетъ. „Комедія сыграна и окончена, и мошенникъ палъ“, — такъ выразился императоръ Николай I въ 1848 году, узнавши о низверженіи Луи-Филиппа<sup>1)</sup>. Отношенія между французскимъ и русскимъ дворомъ были за все царствованіе Луи-Филиппа самыя натянутыя. Вотъ почему руссофобское движеніе въ Парижѣ въ сентябрѣ 1831 года хотъ и подавлялось, но безъ особенной энергіи. Страшное негодованіе, вызванное въ странѣ заявленіемъ министра иностранныхъ дѣлъ въ Палатѣ (16 августа), что „порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ“, показало Луи-Филиппу невозможность поддаваться слишкомъ чувству страха предъ Николаемъ; общественное мнѣніе явно было раздражено гибелью Польши. Роялистская газета „La Quotidienne“, умѣренно-либеральная „Journal des Débats“, оппозиціонная „Le National“ и другіе вліятельные органы въ разной степени выражали свою скорбь по поводу торжества Николая. Клерикалы трепетали за судьбу католической церкви, либералы и радикалы сокрушались изъ-за гибели свободы польской націи. „Le National“ прямо говорилъ, что Польша задержала своимъ сопротивленіемъ „арміи, предназначенныя для того, чтобы возстановить у насъ іезуитовъ и божественное право“<sup>2)</sup>. Подобная мысль проводилась въ прессѣ не разъ и не два: Николай уже успѣлъ заслужить прочную репутацію вѣрнаго рыцаря всевропейской реакціи. Прошло нѣ-

1) См. мою статью „Николай I и крест. вопр.“ etc. помѣщенную въ этой же книгѣ. Ср. также Vapst, l'Empereur Nicolas I et la deuxième République française.

2) „Le National“, 18 Septembre 1831.

сколько недѣль и, минуя прусскую и австрійскую полицейскую перлюстрацію, въ Парижѣ стали приходиться ужасающія извѣстія о мести и карахъ. „Крики жертвъ, которыхъ рѣжутъ, ссыльных, которыхъ стадами гонятъ въ Сибирь, надменные ура казаковъ пробуждаютъ въ душѣ, пишетъ „Le National“<sup>1)</sup>, всю жалость и весь гнѣвъ, на какіе только способенъ человѣкъ“ Газета иронизируетъ надъ „милостью и благородствомъ русскаго императора“, о которыхъ пускался слухъ предъ взятіемъ Варшавы. Конфискація имущества, казни, ссылки, неистовый военный произволъ, воцарившійся въ Польшѣ, прямо подавляли парижскую печать самыхъ различныхъ отгѣнковъ.

Отчаянные вопли униатовъ съ конца 30-хъ г.г. и особенно послѣ „возсоединенія“ униі въ 1839 году — сильно возмущали общественную совѣсть во Франціи. Усмиреніе возставшихъ въ 1831 и слѣдующихъ годахъ, при всей своей жестокости, при всей мстительности побѣдителя, распространявшейся на родственниковъ, на малолѣтнихъ дѣтей „виновныхъ,“ все-таки хоть какъ-нибудь укладывалось въ головѣ людей середины XIX вѣка; все-таки тутъ хоть выступали впередъ категоріи „наказанія“, слѣдующаго за „преступленіемъ“, и можно было, проклиная безчеловѣчіе карающей руки, падающей даже на невинныхъ, понимать самое *протисхожденіе* правительственной ярости, причину кары. Но преслѣдованіе за вѣру, которую люди исповѣдывали сотни лѣтъ, массовая ссылка въ Сибирь униатскихъ семей, — все это приводило французское общественное мнѣніе не только въ негодованіе, но и въ изумленіе. Не понимали, къ чему *эти* мѣры? Да и нельзя было, дѣйствительно, судить эти дѣла съ точки зрѣнія какой бы то ни было цѣлесообразности. Въ другомъ мѣстѣ<sup>2)</sup> мы имѣли случай отмѣтить, что абсолютизмъ при Николаѣ I переживалъ свойственное, вообще, этой политической организациі психологическое состояніе жажды безпредметной дѣятельности, расточительнѣйшаго демонстрированія своей силы въ тѣ періоды, когда абсолютизмъ избавленъ отъ всякой серьезной борьбы, отъ всякой гнетущей заботы о самосохраненіи. Преслѣдованіе раскольниковъ въ коренной Россіи, истязанія униатовъ въ Польшѣ въ 30—40 г.г. — все это явленія той же соціологической природы, какъ истребленіе гугенотовъ при Людовикѣ XIV. Даже знаменитая рѣчь Николая при посѣщеніи Варшавы въ октябрѣ 1835 года, гдѣ онъ категорически общіиалъ разрушить городъ при малѣйшей попыткѣ возстанія, — даже эта рѣчь, вызвавшая самую недвусмысленныя апострофы во французской прессѣ, меньше разъяснила французамъ истинный характеръ самодержавной политики, нежели непонятное и свирѣпое гоненіе на униатовъ. Русское правительство очень желало внушить Европѣ, что внезапное „обращеніе“ униатовъ достигнуто мѣрами убѣжденія и кротости, но эти старанія

<sup>1)</sup> См. № отъ 1 ноября 1831 г.

<sup>2)</sup> „Паденіе абсолютизма“, стр. 80 и сл. (Птр. 1907)

были совершенно тщетны. Слухи о неслыханных истязаніяхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, пущенныя въ ходъ противъ несчастныхъ людей, медлившихъ исполнить желаніе императора Николая, возмутили общественное мнѣніе Франціи и Англїи, и ужъ на этотъ разъ негодовали не только свободомыслящіе круги, но и консерваторы, и французскіе клерикалы, и англійскіе пїетисты. То, чего вовсе не сдѣлала расправа Николая съ декабристами, то, что начали суровости относительно побѣжденныхъ польскихъ инсургентовъ, было довершено „возсоединеніемъ“ уніатовъ; европейское общественное мнѣніе стало понимать, что русская система можетъ заставить поплѣднѣть даже самодержавіе неаполитанскихъ Бурбоновъ (которыхъ, особенно же Фердинанда II, Николай Павловичъ высоко цѣнилъ, — замѣтимъ кстаѣи). Несомнѣнно, много было и преувеличеній. Разсказывали и писали, будто уніатскихъ священниковъ сѣкли, пытали, ссылали закованными попарно въ Сибирь; будто въ Полоцкѣ трехъ аббатовъ Бѣжинскаго, Зилинскаго и Зиленича обливали ледяною водою, пока они не умерли, четвертаго — Занецкаго убили полѣномъ. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ особенно много шума надѣлала исторія съ минскими монахинями. Она была во всѣхъ деталяхъ украшена вліятельнѣйшимъ католическимъ органомъ „l'Univers“ и много разъ цитировалась въ прессѣ<sup>1)</sup>. Вотъ что утверждала газета. Въ Минскѣ былъ женскій базилианскій монастырь. Тридцать четыре монахини этого монастыря занимались воспитаніемъ сиротъ и нѣкоторыми дѣлами благотворительности. Въ 1837 году архіепископъ Сѣмашко потребовалъ, чтобы онѣ перешли въ православіе. Онѣ отказались. Явились чиновники и жандармы, предводительствуемые Сѣмашко, и, арестовавши монахинь, отправили ихъ въ Витебскъ, въ монастырь, гдѣ ихъ заставили исполнять самыя тяжелыя работы. Кормили ихъ хлѣбомъ, котораго отпускалось на каждую не болѣе четырехъ фунтовъ въ недѣлю. Французская газета утверждала, будто было приказано впредь до ихъ обращенія сѣчь ихъ розгами чрезъ каждые два дня. Въ первый же разъ одна изъ нихъ умерла на тридцатомъ ударѣ, и солдатъ, совершавшій истязаніе, еще двадцать разъ ударилъ по трупу, пока не было полностью отсчитано указанное число. Четырнадцать монахинь также скоро умрло. Однажды, чтобы сломить упорство оставшихся монахинь, на нихъ были напущены солдаты, которые такъ ихъ избѣили, что двѣ умерли, у нѣсколькихъ были выбиты глаза, и всѣ онѣ были изранены. Другой разъ ихъ будто-бы бросили въ озеро, крича въ то же время: „обращайтесь!“ Трое изъ нихъ утонуло, остальныхъ вытащили. Эти пытки и издѣвательства длились будто-бы больше четырехъ лѣтъ, — и унесли половину всего числа монахинь. Остальныхъ сослали въ Сибирь, видя, что обращенія отъ нихъ нельзя добиться (всего че-

<sup>1)</sup> См. напр. L'Eglise, la France et le schisme en Orient, Eug. Veuillot, стр. 155 и сл.

тыремъ удалось бѣжать). Сѣмашко впослѣдствіи за аналогичные подвиги получилъ повышеніе. Всѣ эти разказы, слухи, легенды производили сильнѣйшее впечатлѣніе въ католическомъ мірѣ, гдѣ имъ вѣрили (или дѣлали видъ, что вѣрятъ).

Все это сообщалось Европѣ именно въ тѣ годы, когда Николай писалъ папѣ Григорію XI (въ 1839 г.): „Я никогда не перестану считать въ числѣ первыхъ моихъ обязанностей защиту благосостоянія моихъ католическихъ подданныхъ, буду уважать ихъ убѣжденія, обезпечивать ихъ покой“. Григорій XVI пробовалъ жаловаться, просить, дѣлать представленія, но преслѣдованія продолжались неуклонно. 13 декабря 1845 года, когда Николай побѣтилъ Римъ, папа указалъ снова Николаю въ личной бесѣдѣ на притѣсненія католиковъ. Николай отвѣтилъ: „Не слѣдуетъ вѣрить тому, что говорятъ газеты“<sup>1)</sup>. Но Григорій XVI тутъ же показалъ ему неопровержимые документы, послѣ чего проникнутый духомъ законности монархъ сослался на „законы имперіи“. Въ заключеніе — все осталось по прежнему.

И католическая, и свободомыслящая пресса во Франціи въ концѣ 30-хъ г.г. и въ началѣ 40-хъ привыкли (и именно по поводу гоненій на униатовъ и католиковъ) говорить о Николаѣ въ такомъ тонѣ, какого онъ не позволяли себѣ даже въ статьяхъ о наказаніи инсургентовъ 1830—31 г.г. А такая книга, какъ анонимный трудъ какого-то отставного русскаго чиновника „*Persécution et souffrances de l'église catholique en Russie*“<sup>2)</sup>, дала интересующимся документальный матеріалъ для характеристики религиозныхъ гоненій въ Польшѣ и Литвѣ. Авторъ — католикъ, и книга написана въ тонѣ давно наболѣвшаго чувства обиды. Онъ хочетъ окончательно разрушить довольно популярное на западѣ представленіе о вѣротерпимости русскаго правительства, представленіе, державшееся со временъ Екатерины II и Александра I; Николай уже и до 1842 года, правда, считался въ католическихъ кругахъ Франціи своего рода маленькимъ Нерономъ, и анонимный авторъ въ своей большой работѣ (551 стр.) стремится, съ своей стороны, посодѣйствовать укрѣпленію этой репутаціи. Любопытно, что его, католика, возмущаетъ униженіе „господствующей“ православной церкви предъ самодержавіемъ: онъ рассказываетъ, между прочимъ, будто „часто“ священниковъ, въ видѣ наказанія за проступки, отдають въ солдаты, въ деньщики къ офицерамъ . . . Правительство онъ называетъ чисто „азіатскимъ“ и констатируетъ, что, если свою церковь оно, просто, сводитъ къ безотвѣтственно рабскому положенію, то на католицизмъ обрушивается со всею яростью именно затѣмъ, чтобы и его довести до такого же моральнаго униженія. Авторъ приводитъ нѣсколько русскихъ офи-

1) Il ne faut pas ajouter foi à ce que disent les gazettes. см. Veillot, op. cit. стр. 175.

2) Вышла въ 1842 г., въ Парижѣ. Анонимный авторъ подписался акъ: Un ancien conseiller d'Etat de Russie.



ціальнихъ неизданныхъ документовъ для подтвержденія основной своей мысли, — но нужно сказать, что книга его слишкомъ проинкнута клерикальными ламентациями и схоластическою полемикою о „ереси“ православной церкви; весь этотъ мертвый балластъ ослабляетъ общее впечатлѣніе, которое книга могла-бы производить и подрываетъ довѣріе къ сообщаемымъ „фактамъ“.

Появившаяся спустя нѣсколько мѣсяцевъ книга Тейнера, также написанная съ клерикально-католической точки зрѣнія, обращала на себя гораздо больше вниманія ужъ потому, прежде всего, что была рекомендована публикѣ однимъ изъ самыхъ блестящихъ тоинствующихъ католическихъ публицистовъ того времени — графомъ Монталамбэромъ, перомъ Франціи<sup>1)</sup>. Этотъ французскій переводъ написаннаго первоначально по-нѣмецки труда Тейнера, благодаря предисловію Монталамбэра, не прошелъ незамѣченнымъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ въ этомъ предисловіи Монталамбэръ о Николаевской религіозной политикѣ въ Польшѣ: „Происходитъ теперь въ Европѣ жестокое дѣло, — и его жестокость, кажется намъ, имѣетъ мало примѣровъ даже въ самыя гибельныя эпохи міровой исторіи. Приступаютъ хладнокровно, среди глубокаго мира и несмотря на гласность, съ каждымъ днемъ все болѣе развивающуюся, къ методическому уничтоженію старей, славной національности, которая должна была бы быть священной въ глазахъ всѣхъ христіанскихъ народовъ вслѣдствіе благодѣяній, которыя она имъ оказала. Вырвавъ у польской націи изъ рукъ всѣ ея политическія, гражданскія и социальныя гарантіи, властитель, котораго она получила отъ небеснаго гнѣва, работаетъ съ рѣдкимъ соединеніемъ ловкости, смѣлости и успѣха надъ искорененіемъ въ ея лонѣ католической религіи“. Николай въ этомъ своемъ предпріятіи, пишетъ далѣе Монталамбэръ, „не уважаетъ ни человѣчности, ни состраданія, ни справедливости, ни клятвы, ни самыхъ интимныхъ тайнъ совѣсти, словомъ, ничего изъ того, что облагораживаетъ и очищаетъ чело-вѣка“. Съ яростью говоритъ авторъ о „недажней комедіи“ возсоединенія униатовъ и называетъ господствующую въ Россіи церковь „самодержавною схизмою“. Монталамбэръ съ горечью указываетъ, что печать во Франціи слишкомъ мало занимается ужасами, которые переживаетъ католическая церковь въ Польшѣ. По этому поводу онъ громитъ духъ вѣка, равнодушіе къ религіи и пр. Едва-ли, впрочемъ, при страшной скудости извѣстій, приходившихъ въ Европу изъ Россіи, можно было писать больше объ этомъ предметѣ: польская колонія въ Парижѣ дѣлала, что могла,

---

1) *Vicissitudes de l'Église catholique des deux rites en Pologne et en Russie . . . précéde d'un avant-propos par le comte de Montalambert.* (Paris, 1843.)

Любопытно, что вышедшая въ 1847 году въ Ганноверѣ классическая книга о Россіи бэра Гакстгаузена не только не удостоилась перевода на французскій языкъ, но и, вообще, осталась совершенно неизвѣстною во Франціи. Книга Тейнера, которую нельзя даже и отдаленно сравнивать съ трудомъ Гакстгаузена, оказалась счастливѣе.

для оповѣщенія общественнаго мнѣнія, но, вѣдь, и сама она была отрѣзана отъ родины. Русскіе, австрійскіе, прусскіе агенты почты, цензуры и жандармеріи — дѣлали даже частную переписку рискованнымъ предпріятіемъ. О книгѣ Тейнера Монталамбэръ говоритъ, что она ознакомитъ основательно публику „съ этою Россіей, предметомъ лести — для однихъ, неосвѣдомленности — для другихъ, инстинктивнаго страха — для всѣхъ, и которую мы, не колеблясь, объявляемъ наибольшимъ врагомъ всего, что еще намъ осталось спастись отъ христіанскаго общества“. Это языкъ типичный для всей литературы о Россіи того времени: и либералы, и клерикалы, и революціонеры, ненавидя Николая, боялись его, боялись непроборимымъ страхомъ, который Монталамбэръ и называетъ „инстинктивнымъ“. Только Севастополь разрушилъ этотъ миражъ безграничнаго могущества. Монталамбэра возмущаетъ не только беспощадность самодержавнаго правительства, но и безцеремонность пріемовъ: напр., и прежде, говоритъ онъ, бывали случаи, что у церкви отнимались принадлежащія ей имущества, — но никогда „не являлась счастливая мысль провозгласить, что конфискація этихъ имуществъ происходитъ отъ желанія избавить духовенство отъ заботъ, несовмѣстимыхъ съ его званіемъ“. Удивительно, какъ живучи оказались традиціи петербургской бюрократіи: вѣдь, спустя три четверти столѣтія послѣ событий, о которыхъ поминаетъ Монталамбэръ, В. К. Плеве, отнявши имущества у армянской церкви, тоже мотивировалъ это (устами преданныхъ ему газетъ) своимъ желаніемъ „избавить“ армянскую церковь отъ всякихъ бранныхъ, мірскихъ заботъ, связанныхъ съ управленіемъ этими имуществами. Въ данномъ случаѣ, Монталамбэръ, съ непривычки, возмущенъ вполнѣ неосновательною мотивировкою отнятія церковныхъ имуществъ, не зная, что это — вовсе не мотивировка, а разъ навсегда установленное для подобныхъ случаевъ придаточное предложеніе въ соотвѣтствующей бумагѣ за номеромъ.

Самая книга Тейнера, подтверждая рядомъ фактовъ несомнѣнность жестокаго религіознаго преслѣдованія со стороны правительства Николая I, давала кое-что и новое, или, по крайней мѣрѣ, не всѣмъ тогда извѣстное для характеристики николаевской системы. Чтобы русское правительство не могло даже вполнѣ голословно оправдывать гоненія на католиковъ и униатовъ необходимою, вытекающею изъ факта возстанія 1830—31 г.г., Тейнеръ съ документами въ рукахъ доказываетъ, что Николай началъ преслѣдованіе униатовъ за четыре года до возстанія, едва лишь вступивши на престолъ<sup>1)</sup>. Онъ еще и двухъ мѣсяцевъ не сидѣлъ на престолѣ, какъ уже обратилъ свое вниманіе на униатовъ и сталъ стѣснять ихъ всячески. Указы противъ униатовъ слѣдовали одинъ за другимъ еще до возстанія, но, конечно, съ начала 1832 года преслѣдованіе приняло совсѣмъ уже безудержный характеръ. Что касается до самаго акта о воссоединеніи униатовъ (1839 г.), то

<sup>1)</sup> *Vicissitudes etc.* (цит. изданіе), стр. 219, I-го тома.

Тейнеръ со скорбью отмѣчаетъ „лицемѣрное“ восхваленіе „мирнаго“ и „добровольнаго“ характера этого акта, построеннаго, какъ онъ утверждаетъ, исключительно на насиліяхъ и ужасахъ всякаго рода.

Еще когда книга Тейнера вышла на нѣмецкомъ языкѣ, русское правительство тщилося кое-какъ бороться съ нею. Вотъ что говорить по этому поводу авторъ въ особомъ прибавленіи, написанномъ для отмѣченнаго французскаго изданія. Указывая, что нѣмецкій оригиналъ появился уже тому назадъ два года, Тейнеръ замѣчаетъ: „Этого времени было бы довольно, чтобы отвергнуть факты, заключающіеся въ этой книгѣ; и на самомъ дѣлѣ нѣкоторыя продажныя перья (quelques plumes vendues) сначала попробовали дѣлать эту работу. Но вскорѣ, отказавшись отъ утайки, русское правительство предпочло само признаться въ поступкахъ, въ которыхъ его укоряли, и попробовать оправдать ихъ. Въ то время, какъ слышны были раздирающіе крики мучениковъ, и ихъ кровь на переставала течь, императоръ объявилъ міру, что населеніе, которое онъ, такимъ образомъ, истреблялъ, приняло схизматическій (православный) обрядъ по убѣжденію и „изъ любви“ (кавычки Тейнера). Квалифицируя дальше виновныхъ въ весьма рѣзкихъ эпитетахъ, авторъ продолжаетъ, что „варварскому нечестію, царящему въ Россіи“, удалось „къ жестокости“, проливающей кровь, присоединить „клевету, которая безчеститъ и хочетъ сломить сопротивленіе“.

Итакъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ Николай вырисовывался одинаково въ глазахъ и свободомыслящихъ, и клерикально-консервативныхъ круговъ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Но характерно, что именно расправа съ поляками, гоненія на униатовъ и католиковъ повредили ему въ общественномъ мнѣніи Франціи. О томъ, что кромѣ поляковъ въ Россіи есть еще и русскіе люди, которымъ также живется не легко, о томъ, что эта политическая система душитъ даже тѣхъ подданныхъ Николая, которые не родились поляками или униатами, — обо всемъ этомъ не только общество во Франціи не знало, но какъ будто и не хотѣло знать, вплоть до 1843 года, до появленія книги Кюстина.

Въ видѣ предисловія къ разсказу о Кюстинѣ, чтобы читатель не удивился утрированной любезности, съ которою Кюстина приняли въ Петербургѣ, замѣтимъ, что къ этому времени правительство уже явственно начало ощущать необходимость обратиться къ себѣ самому съ хвалебнымъ словомъ, и притомъ непременно на французскомъ языкѣ, въ назиданіе Европѣ. Какъ симптомъ подобнаго настроенія, имѣютъ свое значеніе и двѣ лежащія предъ нами книги, о которыхъ скажемъ два слова.

„Взглядъ на русское законодательство“ Толстого<sup>1)</sup> является безцвѣтнымъ, чиновничьимъ панегирикомъ Николаевскому законо-

---

<sup>1)</sup> Coup d'oeil sur la législation russe suivi d'un léger aperçu sur l'administration de ce pays, par J. Tolstoy (Paris, 1839).

дательству, за которое, будто бы, народы благословляютъ царя, ибо никогда эта страна не была столь процвѣтающей“, счастливой и славной, какъ при Николаѣ. Почти одновременно появился и другой образчикъ усердія, — вышедшая тоже на французскомъ языкѣ. но изданная въ Петербургѣ съ разрѣшенія цензора Фрейганга книга гр. Гуровскаго подъ названіемъ „La civilisation et la Russie“<sup>1)</sup>, посвященная авторомъ псковскому губернатору Пешурову. Эта книга — одинъ изъ курьезнѣйшихъ плодовъ соединенія въ одномъ человѣкѣ двухъ свойствъ: жажды угодить начальству, хотя бы приходилось вводить для этого сознательно въ заблужденіе читающую публику, и полного пренебреженія къ всякому чувству мѣры въ лести и лжи. Все въ Россіи хорошо, но лучше всего -- правительство; самодержавіе снизошло съ небесъ и лѣтъ нескончаемыхъ благодѣянія; россійскій государь есть главный свѣточъ цивилизаци; благодаря его стараніямъ просвѣщеніе повсемѣстно распространено; правительство даже климатъ въ Россіи смягчаетъ своими заботами (стр. 291); это правительство есть истинно христіанское (стр. 248) и т. д. Самое невѣроятное, восточно-наивное, что только можетъ выдумать фантазія, все это — на лицо въ книгѣ Гуровскаго. На какой предметъ ее нужно было издавать по-французски, явствуетъ изъ всего текста: для вразумленія и наставленія Европѣ. Ни одной ссылки на Гуровскаго во французской литературѣ о Россіи мы не встрѣтили.

#### IV.

Маркизь де-Кюстинъ, аристократъ, консерваторъ и убѣжденный католикъ ультрамонтанъ, благосклонно принятый при русскомъ дворѣ, изучавшій Россію съ жаднымъ любопытствомъ умнаго и образованнаго человѣка, написалъ четырехтомный трудъ подъ названіемъ „Россія въ 1839 году“<sup>2)</sup>, въ свое время страшно взволновавшій и обидѣвшій правящія сферы и придворный муравейникъ, несмотря на все спокойствіе и вѣжливость тона изложенія. „Мнѣ казалось, — пишетъ Кюстинъ въ предисловіи, — что, говоря правду о Россіи, я бы сдѣлалъ новое и смѣлое дѣло: до сихъ поръ страхъ и корысть диктовали преувеличенныя восхваленія; ненависть диктовала клеветы; я не боюсь ни того, ни другого преткновенія. Я отправлялся въ Россію, чтобы искать тамъ аргументовъ противъ представительнаго образа правленія, и я возвращаюсь оттуда сторонникомъ конституціи.“ Кюстинъ полонъ вѣры въ „величіе и политическую значительность“ русской націи, въ „высокое предназначеніе“ русскаго народа, но русское правительство онъ не колеблется назвать *страшнымъ* правительствомъ, --

<sup>1)</sup> La civilisation et la Russie, par le comte A. Gurowsky, St.-Petersbourg 1840. (332 стр.).

<sup>2)</sup> La Russie en 1839, par le Marquis de Custine (Paris 1843).

и „письма“, составляющія эти четыре тома, должны подтвердить данный эпитетъ.

Уже предъ въѣздомъ въ Россію его кое-что неприятно подготовило къ предстоящимъ впечатлѣніямъ: проѣжая чрезъ Эмсъ (въ первыхъ числахъ іюня 1839 года), онъ наблюдалъ тамъ, какъ вели себя придворные чины свиты русскаго наслѣдника, какъ разъ бывшаго тогда въ Эмсѣ. Его поразили неслыханныя ни при какомъ другомъ дворѣ раболѣпіе, низкая угодливость и полное забвеніе всякаго человѣческаго достоинства среди придворныхъ въ присутствіи великаго князя, и ихъ же развязность и даже наглость въ его отсутствіи. Этотъ контрастъ былъ для посторонняго весьма противенъ. Второе „русское“ впечатлѣніе еще до въѣзда въ Россію получилъ нашъ путешественникъ отъ хозяина гостинницы въ Любекѣ. Тогда Любекъ для большинства ѣдущихъ моремъ изъ Петербурга за границу былъ почти неизбѣжнымъ проѣзднымъ пунктомъ, и хозяинъ гостинницы, на основаніи многихъ наблюденій, сдѣлалъ выводъ, что вѣрноподаннымъ Николая Павловича живется не сладко: „у ѣдущихъ изъ Россіи — видъ веселый, свободный, довольный: это — лошади, вырвавшіяся на свободу, птицы, которымъ открываются клѣтки; мужчины, женщины, молодые, старые — всѣ счастливы, какъ школьники на каникулахъ. Но тѣ же люди, когда возвращаются обратно, имѣютъ фізіономію вытянутую, мрачную, безпокойную; говорятъ они тогда мало, слова ихъ отрывисты; лицо ихъ озабочено. Изъ этого различія я заключилъ, что страна, которую покидаютъ съ такою радостью, и куда возвращаются съ такимъ сожалѣніемъ, есть страна дурная“. На пароходѣ, шедшемъ въ Кронштадтъ, Кюстинъ познакомился и разговорился со старымъ русскимъ княземъ К., дипломатомъ въ отставкѣ. Между прочимъ князь какъ-бы предварилъ Кюстина, что ему больше придется полагаться на личныя наблюденія, нежели на слова обитателей русскаго государства, которое онъ намѣренъ изучать. „Рабство унизило человѣческое слово въ Россіи, — сказалъ князь, — до такой степени, что на него смотрятъ уже только, какъ на западню. Наше правительство живетъ ложью (*vit de mensonge*), ибо правда такъ же пугаетъ тирана, какъ и раба. Поэтому, какъ мало ни говорятъ въ Россіи, все-таки говорятъ еще слишкомъ много, потому что въ этой странѣ всякая рѣчь есть выраженіе религіознаго или политическаго лицемѣрія“. Кюстинъ на всѣ эти и подобныя рѣчи отвѣтилъ, что онъ ему просто не вѣритъ (какъ уже замѣчено, Кюстину *хотьлось* убѣдиться, что отсутствіе конституціи очень хорошо, и поэтому онъ сначала пытался не вѣрить тому, что шло въ разрѣзъ съ этою предвзятою мыслью). Между прочимъ, Кюстинъ замѣтилъ, что его собесѣдникъ говорилъ съ опаскою, постоянно оглядываясь по сторонамъ. „Императоръ боится гласности, какъ Россія боится императора“, между прочимъ сказалъ онъ. Другой путешественникъ тоже заговорилъ въ либеральномъ духѣ и ужъ безъ всякой боязни, но Кюстинъ быстро разглядѣлъ въ немъ шпіона, и рѣ-

шилъ, что, вступая въ царство шпіонства, нужно разъ навсегда приучиться къ скрытности и притворству.

Но, вотъ, пароходъ уже подходитъ къ Кронштадту. Кюстинъ видитъ флотъ, которому не придаетъ никакого военного или торговаго значенія, и который, по его мнѣнію, является „рекреаціей“, игрушкою Николая Павловича, орудіемъ для морскихъ парадовъ, ненужнымъ Россіи. И видъ этого флота производитъ на него тягостное впечатлѣніе. „Только одинъ Богъ и русскіе знаютъ, составляетъ ли парадъ удовольствіе!“ восклицаетъ нашъ путешественникъ: „вкусъ къ парадамъ доведенъ въ Россіи (читай — у правительства) до маніи“. И эта черта — „ребячество en grand — кажется мнѣ вещью ужасною; это — чудовищность, возможная только при тираніи, которой откровеніемъ, быть можетъ, самымъ страшнымъ, она является! Всюду въ другихъ мѣстахъ, не при абсолютномъ деспотизмѣ, когда люди дѣлаютъ большія усилія, то затѣмъ, чтобы добиться великой цѣли, и только у народовъ, слѣпо подчиняющихся, господинъ можетъ приказать принести безчисленныя жертвы для достиженія ничтожной цѣли.“ По поводу русскаго флота Кюстинъ вспоминаетъ слова лорда Дэргэма, сказанныя въ глаза Николаю I: „русскія военныя суда суть игрушки русскаго императора<sup>1)</sup>“. Грустное впечатлѣніе произвелъ на Кюстина этотъ флотъ. По пріѣздѣ цѣлыя „категоріи шпіоновъ“ разсматривали путешественниковъ и ихъ багажъ, и Кюстинъ окончательно убѣдился, что пріѣхалъ въ „царство страха“. Его поразили и многочасовыя формальности, и разглядываніе, и переписка бумагъ и паспортовъ, и военные матросы, одѣтые въ позорныя лохмотья „какъ каторжники“. Вотъ тутъ-то нашъ консерваторъ, поглядывая на русскихъ матросовъ, и спросилъ себя впервые: „что такое сдѣлалъ человѣкъ Богу, за что шестьдесятъ миліоновъ его ближнихъ осуждены жить въ Россіи?“

Съ первыхъ же дней, проведенныхъ въ Петербургѣ, Кюстинъ понялъ, что „русское правительство — это... осадное положеніе, сдѣлавшееся нормальнымъ состояніемъ общества“. Даже дышать въ Россіи, по его мнѣнію, только вслѣдствіе приказа царя. Все подавлено, бояливо жметя, все мрачно, все молчаливо, все слѣпо повинуетя невидимой палкѣ. Тупая и желѣзная казарменная дисциплина сковала всѣхъ и все. „Я какъ бы вижу тѣнь смерти, рѣящую надъ этой частью свѣта“. Безграничная тиранія, топчущая душу человѣка, сказывается такъ явно на всѣхъ и всемъ, что Кюстину становится тяжело. „Общественный порядокъ въ Россіи слишкомъ дорого обходится, чтобы я могъ имъ восхищаться“, заявляетъ онъ. Поражаетъ его тоже съ пер-

---

<sup>1)</sup> Тутъ невольно вспоминаются строки изъ дневника Пушкина (30 ноября 1834 г.): Вчера балъ у Бутурлина... Любопытный разговоръ съ Блайемъ. Зачѣмъ у васъ флотъ на Балтійскомъ морѣ? Для защиты Петербурга? Но онъ защищенъ Кронштадтомъ. Игрушка!

ваго взгляда рабское состояніе образованныхъ классовъ, отсутствіе протеста противъ всѣхъ дикостей деспотизма, самаго отталкивающаго, какой только когда-либо существовалъ въ Европѣ. Но, наблюдая этотъ деспотизмъ въ эпоху полного его расцвѣта, за пятнадцать лѣтъ до не ожидавшагося никѣмъ крымскаго разгрома, Кюстинъ испытываетъ ко всему этому строю больше ужаса, нежели презрѣнія: „дрожать — не значитъ пренебрегать: нельзя презирать того, чего боишься.“ Для него „непостижимая тайна“ вся эта система и „страшная жизнь обитателей этого гранитнаго лагеря.“ Думаетъ онъ и объ „ужасныхъ антрактахъ,“ время отъ времени прерывающихъ руссiйское „идолопоклонство.“ „русскій образъ правленія есть -- абсолютная монархія, умѣряемая убійствомъ,“ говоритъ онъ. Эта знаменитая, часто съ тѣхъ поръ повторявшаяся фраза (покойный Лавелэ ее очень любилъ) — сказана именно имъ, маркизомъ Кюстиномъ (стр. 317, томъ I, указ. изд.). Кюстинъ съ жадностью слушаетъ о случаяхъ крестьянскихъ возмущеній, о тяжелой жизни эксплуатируемаго народа. „Когда я думаю объ этихъ фактахъ и о массѣ другихъ жестокостей, болѣе или менѣе тайныхъ, ежедневно происходящихъ въ глубинѣ этой колоссальной имперіи, гдѣ разстоянія одинаково благопріятствуютъ возмущенію и репрессіи, то я начинаю ненавидѣть страну, правительство, все населеніе; неопредѣлимое тягостное чувство меня охватываетъ, и я думаю только о томъ, какъ бы бѣжать.“ Его прямо подавляютъ неслыханныя и невиданныя формы и размѣры всеобщаго рабства. Онъ начинаетъ бояться за Европу, рядомъ съ которой существуетъ подобная система. „Или цивилизованный міръ снова попадетъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ подъ иго варваровъ, или Россія переживетъ революцію, болѣе страшную, нежели та, послѣдствія которой западъ Европы чувствуетъ еще до сихъ поръ,“ — это пророчество сдѣлано на стр. 338-й I-го тома сочиненія Кюстина, писаннаго въ 1839 году. . . Французскій путешественникъ ошибся только относительно срока.

Общее вынужденное и боязливое молчаніе — законъ страны. Объ императорѣ и его поступкахъ позволительно говорить только захлебываясь отъ восторга; спрашивать — значитъ ставить людей въ неловкое положеніе или, просто, сойти за шпіона. Вотъ почему Кюстинъ былъ очень радъ, когда его допустили ко двору почти точнось по его пріѣздѣ, и, даже, по личному приказу Николая. Стало возможнымъ кое-что увидѣть собственными глазами.

Лицо Николая, несмотря на безспорную красоту его, нашему путешественнику показалось непріятнымъ, вслѣдствіе отражавшейся на немъ господствующей черты: „безпокойной суровости.“ Во всемъ онъ видитъ, по мнѣнію Кюстина, признаки или тѣнь возмущенія. Его сердить, напр., даже муха, которая некстати пролетаетъ по дворцу во время церемоніи (Кюстинъ присутствовалъ при бракосочетаніи Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ). „Независимость природы кажется ему дурнымъ примѣромъ; вся-

кое существо, которое онъ не можетъ подчинить своимъ произвольнымъ законамъ, становится въ его глазахъ солдатомъ, возмущающимся противъ своего сержанта среди сраженія.“ Вообще, видъ у него былъ „военный и болѣе нѣмецкій, нежели славянской.“ Императрица имѣла лицо мягкое, симпатичное, но измученное. Хотя она болѣла и едва выздоравливала, Николай снова заставлялъ ее быть въ вѣчномъ движеніи. Балы, путешествія, празднества и пр. — все это ее истощало. Но императоръ „терпѣть не можетъ предосторожностей, которыя бы предупредили зло; жена, дѣти, слуги, родственники, любимцы — всѣ должны кружиться въ императорскомъ вихрѣ, улыбаясь до самой смерти.“ Во время обряда бракосочетанія Маріи Николаевны императоръ все оглядывался по сторонамъ, переставлялъ стоящихъ около него, слѣдилъ, нѣтъ ли упущеній насчетъ этикета и церемоніала; напр., одного великаго князя онъ во время богослуженія передвинулъ на два шага впередъ и пр. Все это дивило Кюстина. Предъ тѣмъ, какъ стать на колѣни, Николай Павловичъ удостовѣрился, что всѣ встали, а потомъ уже всталъ и онъ. Вообще, набожному Кюстину хотѣлось бы, чтобы тутъ думали больше о Богѣ, не отвлекаясь церемоніаломъ.

Чѣмъ чаще бывалъ Кюстинъ во дворцѣ, тѣмъ больше его поражала всегдашняя неестественность Николая; выраженія на его лицѣ смѣнялись по призову, „какъ маски,“ но преобладавшимъ было выраженіе суровости; онъ всегда „позировалъ,“ говоритъ Кюстинъ. И все больше и больше онъ склонялся къ мысли, что русскій простой народъ — „безкорыстные философы,“ отъ всего отказавшіеся, молчаливо и покорно страдающіе для обожествленія одного человѣка. Принимали Кюстина очаровательно: онъ замѣтилъ господствовавшую въ этой семьѣ боязнь европейскаго общественнаго мнѣнія. Императрица нѣсколько разъ къ нему подходила, — а однажды даже любезно упрекнула: „М. Кюстинъ, почему вы отъ меня убѣгаете?“ и потомъ прибавила, что очень желаетъ, чтобы Monsieur Custine все какъ слѣдуетъ въ Россіи разсмотрѣлъ, дабы своимъ мнѣніемъ „исправить мнѣніе людей глупыхъ и злыхъ.“ И Николай Павловичъ тоже очень былъ внимателенъ. На одномъ балу Кюстинъ, разговаривая съ нимъ, удивился, какъ при его трудахъ, у него хватаетъ времени присутствовать на увеселеніяхъ. „Къ счастью, — отвѣтилъ Николай — административная машина очень проста въ моей странѣ; ибо при разстояніяхъ, которыя все дѣлаютъ труднымъ, если бы образъ правленія былъ сложнымъ, головы одного человѣка не хватило бы.“ Кюстинъ восхитился такимъ откровеннымъ тономъ; Николай же продолжалъ: „если я съ вами такъ говорю, то потому, что я знаю, что вы можете меня понять: мы продолжаемъ дѣло Петра Великаго.“ Кюстинъ на это счелъ нужнымъ отпустить подходящую придворную любезность, что, вотъ, геній Петра еще управляетъ Россією и пр. Николай вызвался самъ показать ему въ Москвѣ Кремль. Вообще, за знатымъ и пишущимъ иностранцемъ чрезвычайно сильно ухаживали. Однажды, напр., императоръ Ни-



колай ему даже рассказывалъ о собственномъ поведеніи 14 декабря 1825 года: „Я не зналъ, что я сдѣлаю и скажу, я былъ вдохновленъ“. . . и т. д. Впрочемъ, онъ скромно оговаривался самъ насчетъ преувеличенныхъ восхваленій его геройства въ этотъ день: „On a beaucoup trop vanté ce que j'ai fait alors.“ Любопытно, что самъ Николай сказалъ Кюстину: „Деспотизмъ еще существуетъ въ Россіи, ибо онъ составляетъ сущность моего правленія; но онъ согласенъ съ духомъ націи“<sup>1)</sup>. Затѣмъ, Николай еще высказалъ нижеслѣдующее: „Я понимаю республику, это — правительство прямое и искреннее, или, по крайней мѣрѣ, могущее таковымъ быть; я понимаю абсолютную монархію, потому что я самъ глава подобнаго порядка вещей, но я не понимаю представительной монархіи. Это — правительство лжи, обмана, подкупа; и я скорѣе бы хотѣлъ отступить до Китая, нежели когда-либо принять (этотъ образъ правленія)“. Тутъ же съ ненавистью онъ вспомнилъ о Польшѣ до 1830-го года: „Я былъ конституціоннымъ монархомъ, и міръ знаетъ, чего мнѣ стоило нежеланіе подчиняться требованіямъ этого гнуснаго образа правленія.“ (Кюстинъ подчеркиваетъ, что онъ все записалъ дословно). „Покупать голоса, совѣсти, соблазнять однихъ, чтобы обманывать другихъ — всѣми этими средствами я пренебрегалъ, какъ унижительными для повинующихся и для повелѣвающаго, и я дорого заплатилъ за свою откровенность; но, слава Богу, я навсегда покончилъ съ этою ненавистною политической машиною. Больше я конституціоннымъ королемъ не буду. Мнѣ слишкомъ необходимо говорить, что думаю, чтобы я когда-либо согласился царствовать надъ какимъ-нибудь народомъ хитростью и интригою.“

Всѣ эти откровенности и любезности плѣнили Кюстина, но окружающія впечатлѣнія слишкомъ кричали, слишкомъ волновали и непріятно поражали путешественника, и, въ концѣ концовъ, восторжествовали надъ подкупающимъ вліяніемъ двора. „Въ Россіи существованіе для всѣхъ тягостно,“ не перестаетъ онъ повторять. Во всемъ и на всемъ сталъ онъ видѣть эманацию деспотизма. „La telega“, на которой мчится въ пространство „le feldjaeger“ кажутся ему особенно характерными для всего режима; но самый-то режимъ онъ называетъ антинаціональнымъ, вовсе не типичнымъ для характера націи. Онъ отдаетъ себѣ вполне ясный отчетъ, что правительство желаетъ искусственно удержать весь народъ въ рабствѣ, варварствѣ и на положеніи вѣчныхъ дѣтей, — причемъ отъ европейской культуры взято только то, что могло бы технически помочь этой цѣли. Страхъ, страхъ и страхъ, рабскій и безконечный — вотъ господствующее чувство всѣхъ и cadaго по отношенію къ давящей сверху власти. Кюстинъ, всю жизнь проведенный въ путешествіяхъ, говоритъ: „Я полагаю, что изъ всѣхъ странъ

---

<sup>1)</sup> Вотъ подлинныя слова Николая: „Le despotisme existe encore en Russie, puisque c'est l'essence de mon gouvernement; mais il est d'accord avec le génie de la nation.“ Custine, vol. II, стр. 128.

земли Россія есть та, гдѣ у людей меньше всего реального счастья“. Все ложь, притворство, разочарованіе въ Россіи: нѣтъ смертной казни, но есть кнутъ, убивающій съ страшными мученіями, есть близость народа къ царю посредствомъ петергофскихъ праздниковъ, куда „всѣхъ“ пускаютъ, но, пишетъ Кюстинъ: „изъ шести или семи тысячъ представителей этой мнимой русской націи, втиснутыхъ вчера вечеромъ въ Петергофскій дворецъ, я тщетно искалъ хоть одно веселое лицо; люди не смѣются, когда лгутъ“. И такъ всегда и во всемъ, — такова система. „Имперія каталоговъ“, гдѣ не слѣдуетъ докапываться до сущности скрывающейся за блестящими этикетками, — вотъ какъ опредѣляетъ Кюстинъ Россію. Его мучаетъ видъ несчастныхъ, заморенныхъ, забитыхъ солдатъ, на лицахъ которыхъ онъ читаетъ повѣсть о воровствѣ и жестокости ихъ начальства; онъ думаетъ о тюрьмахъ, Сибири, о свирѣпостяхъ, о которыхъ даже говорить не смѣютъ изъ-за страха шпионовъ. И все больше онъ проникается симпатіею къ русскому народу. „Мысль о томъ, что онъ (русскій народъ) могъ бы сдѣлать, если бы онъ былъ свободенъ, доводитъ до отчаянія гнѣвъ, который я чувствую, видя, что этотъ народъ дѣлаетъ теперь“. Окружающая и туманящая всю русскую жизнь официальная ложь представляется ему дѣломъ прямо необходимымъ при царшемъ порядкѣ: „здѣсь лгать — значитъ защищать общество, говорить правду — значитъ потрясти государство“. Россія — страна нѣмыхъ“, и здѣсь даже о библейскомъ потопѣ „считалось бы неумѣстнымъ говорить, если бы онъ случился въ царствованіе російскаго императора“. Кюстинъ все ищетъ разгадки: изъ-за чего русскій народъ всему этому подчиняется, изъ-за чего идолопоклонствуетъ? И эти разгадки — одна другой искусственнѣе. Вотъ образчикъ: русскій народъ стремится завоевать весь міръ, „ибо только подобноу цѣлю можно объяснить преувеличенныя жертвы, которыя налагаются здѣсь на индивидуума обществомъ“. Безъ „этой задней мысли — говоритъ Кюстинъ, — исторія Россіи мнѣ показалась бы необъяснимой загадкою“. Лгалъ ему не только дворъ, скрывали отъ него все неприятное не только чиновники, съ замаскированно-шпионскими цѣлями къ нему приставленные: въ томъ же духѣ дѣйствовали и, вообще, аристократическіе его знакомые, которые его, кстати, своею внѣшнею утонченностью прельстили очень мало, и которыхъ онъ называлъ „испорченными дикарями“. Его, въ концѣ концовъ, даже начало восхищать „единство въ дѣйствіяхъ“ всей русской администраціи тамъ, гдѣ нужно скрыть отъ постороннихъ глазъ что-нибудь „неудобное“, вродѣ Шлиссельбургской тюрьмы, гдѣ его не хотѣли пустить въ камеру Ивана VI на томъ основаніи, что въ той части зданія сидятъ политическіе заключенные. Онъ съ дрожью думалъ и о томъ, что этому правительству „слишкомъ хорошо“ и исправно служатъ, и о томъ, что съ такою заботою можно скрывать только безчеловѣчныя дѣянія. Онъ передаетъ кстати, что его увѣряли, будто въ кронштадскихъ тюрьмахъ

сидять еще со времени Александра I политическіе заключенные въ ужасающихъ условіяхъ. Такъ какъ обо всемъ приказано молчать, то онъ многому, что удается услышать, склоненъ придавать вѣру. И снова и снова повторяетъ онъ съ несвойственнымъ этому сдержанному человѣку увлеченіемъ: „ихъ революція будетъ ужасна“ . . . „въ націи, управляемой такъ, какъ эта, страсти долго кипятъ раньше, нежели разразиться; опасность можетъ приближаться съ часу на часъ, зло продолжается, кризисъ затягивается; наши внуки, быть можетъ, еще не увидятъ взрыва, который тѣмъ не менѣе мы можемъ предсказать уже теперь, какъ неизбѣжный, не предсказывая времени его наступленія“<sup>1)</sup>.

Замѣчательно, что къ личности Николая Кюстинъ относится какъ-то двойственно, онъ все чего-то не договариваетъ. Только когда ему пришлось узнать о жестокости царя къ дѣтямъ декабристовъ, онъ называетъ Николая „достойнымъ преемникомъ Ивана (Грознаго) и Петра I“. Въ его безпощадной и неослабывающей съ годами суровости къ декабристамъ Кюстинъ видитъ личную месть. „Нѣтъ болѣе колебаній, нѣтъ болѣе неизвѣстности, — восклицаетъ маркизъ, — для меня судъ надъ императоромъ Николаемъ состоялся наконецъ. Это — человѣкъ характера и воли, и это нужно, чтобы сдѣлаться тюремщикомъ трети земного шара; но нѣтъ у него великодушія: это мнѣ слишкомъ доказываетъ употребленіе, которое онъ дѣлаетъ изъ своей власти“. Правительственныя гоненія, поражающія еще не родившихся дѣтей политическихъ преступниковъ, безчестятъ всю націю, съ отчаяніемъ восклицаетъ Кюстинъ.

Страна горя, слезъ, подавленныхъ стоновъ, произвола, чисто восточной лжи, покорныхъ, несчастныхъ рабовъ — вотъ резюме впечатлѣній Кюстина о Россіи. И онъ съ тревогою предостерегаетъ Францію и Европу отъ завоевательныхъ плановъ русскаго абсолютизма, весь *raison d'être* котораго онъ видитъ только въ завоевательной политикѣ. Онъ рѣшительно отказывается сравнивать какой бы то ни было европейскій абсолютизмъ съ русскимъ. „Нужно жить въ этой пустынѣ безъ покоя, въ этой тюрьмѣ безъ отдыха, которая называется Россіею, чтобы почувствовать всю свободу, которою люди пользуются въ другихъ странахъ Европы, какая бы форма правленія ни была тамъ принята“ . . . „Когда вашъ сынъ, — добавляетъ онъ своей корреспонденткѣ, — будетъ недоволенъ Франціею, воспользуйтесь моимъ рецептомъ, скажите ему: отправляйся въ Россію. Это — путешествіе, для всякаго иностранца полезное; кто хорошо видѣлъ эту страну, тотъ будетъ доволенъ жизнью во всякомъ другомъ мѣстѣ“.

1) Custine, III, стр. 137. — Герценъ говоритъ о Кюстинѣ: „Безъ сомнѣнія, это самая занимательная и умная книга, писанная о Россіи иностранцемъ. Есть ошибки, много поверхностнаго, но есть истинный талантъ . . . наблюдателя . . . глубокой взглядъ . . . (П. Собр. Соч., изд. Лемке, 1917, III, 138—139).

V.

Можно себѣ представить, какой переполохъ вызвала книга Кюстина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея автора такъ ласкали, гдѣ съ нимъ такъ пріятельски откровенничали, гдѣ явно льстили себя надеждою, что этотъ знатный и замѣтный иностранецъ, вернувшись въ Парижъ, разсѣетъ разные неблагопріятные слухи и сведетъ къ нулю „польскую интригу“ и отзывы всѣхъ, имѣющихъ смѣлость не восхищаться режимомъ. И вдругъ такой всеевропейскій скандалъ, къ тому-же исходящій отъ консерватора, клерикала, маркиза, представителя старой аристократіи! Тогдашнее русское правительство къ европейской своей репутаціи было очень чувствительно. Нужно было возможно скорѣе опровергнуть неблагодарнаго маркиза. И вотъ, въ началѣ 1844-го года, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ опубликованія книги Кюстина, на свѣтъ Божій появляется въ Парижѣ книжечка Николая Греча, посвященная уничтоженію Кюстина<sup>1)</sup>. Гречъ изъясняетъ что онъ написалъ сначала ее по русски, но „уступая желанію“ компатріота (т. е. какого-то Кузнецова, какъ явствуетъ изъ обложки) онъ позволилъ этому компатріоту опубликовать это произведеніе на французскомъ языкѣ. Кромѣ того, написалъ онъ эту книжку по собственному „движенію“, а вовсе не по порученію русскаго правительства, какъ объ этомъ сообщало ложно нѣсколько газетъ въ Германіи и Франціи. И „единственно для исполненія долга совѣсти, въ интересѣ чести и истины“, — больше ни для чего, — онъ создалъ свой трудъ. Все это читаемъ въ предисловіи. Съ чувствомъ описываетъ Гречъ, какъ онъ, „бродя“ по Парижу, набрелъ въ одномъ пассажѣ на книгу Кюстина (конечно, совершенно случайно!) и ждалъ отъ нея сначала много пріятнаго. „Произведеніе маркиза Кюстина! сказалъ я самому себѣ: это имя мнѣ знакомо; это имя потомка благородной фамиліи, которая нѣкогда пожертвовала своею жизнью и всѣмъ своимъ имуществомъ чести и долгу<sup>2)</sup>; произведеніе этого краснорѣчиваго и умнаго писателя, который еще недавно былъ гостемъ Россіи, который получилъ тамъ со сторны двора самый обязывающій, самый милостивый, самый лестный приемъ“. . . И вотъ, горькое разочарованіе суждено было пережить доврчивой душѣ Греча: книга Кюстина оказалась ложной и клеветнической, а самъ Кюстинъ — неблагодарнымъ слѣпцомъ. Кюстинъ такъ ничего не понялъ въ Россіи, какъ глухонѣмой въ оперѣ. Онъ, Гречъ, даже не хотѣлъ и опровергать эту книгу на французскомъ языкѣ, потому что вѣдь „она не возбудила въ Парижѣ большого интереса“, и ее „быстро забыли“, и уже „черезъ три недѣли о ней не говорили“.

1) Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine intitulé „La Russie en 1839“, par N. Gretsck. Traduit du russe par Alexandre Kousnetzoff. A. Paris, 1844.

2) Намекъ на генерала Кюстина, казненнаго во время революціи.

Къ этой фразѣ присоединено примѣчаніе: „Я ошибся; только что появилось второе издание этой книги.“ Въ Германіи книга Кюстина также „возбудила негодование“, но „въ Германіи ее читаютъ, ее комментируютъ, ее переводятъ“. Итакъ, движимый презрѣніемъ къ забытому въ Парижѣ, но возмущающему Германію маркизу Кюстину, Николай Гречъ рѣшилъ окончательно опровергнуть всѣ клеветы на Россію и ея монарха. Во-первыхъ, Гречъ до такой степени не понимаетъ, какъ возможно человѣку не любить императора Николая, что даже просилъ въ Парижѣ объяснить ему эту протiwоестественную черту, обнаруженную Кюстиномъ. „Мнѣ отвѣтили (кто — неизвѣстно: *op me géopité*), что „вообще думаютъ“, что Кюстинъ хлопоталъ за одного поляка, но неудачно, и безуспѣшность его стараній воспламенила ненависть къ Николаю.

Все ложно въ книгѣ Кюстина. Князь К. на пароходѣ разсказалъ Кюстину нѣсколько исторій предосудительнаго характера, рѣчь была и о возможности произвольной ссылки въ Сибирь по приказу императора Николая. Гречъ въ праведномъ гнѣвѣ восклицаетъ: „... Происходило ли что-либо подобное въ Россіи, въ царствованіе нынѣшняго императора? Ссылали ли когда-либо въ Сибирь кого-либо кромѣ преступниковъ, уличенныхъ и осужденныхъ въ порядкѣ, предписываемомъ правосудіемъ?“ Употребляетъ Кюстинъ также фразу: „императоръ боится гласности“. Гречъ замѣчаетъ на это: „я могу увѣрить маркиза и всѣхъ его читателей, что нашъ императоръ, который слѣдуетъ божественнымъ заповѣдямъ и голосу своей совѣсти, — любимъ и обожаемъ своимъ народомъ, что онъ не боится ничего въ мірѣ...“ Правда, цензура существуетъ, „но она учреждена не въ пользу императора, а въ пользу его подданныхъ; ибо важно предохранить ихъ отъ яда, который растлилъ и разрушилъ много государствъ въ Европѣ“. Всѣ опроверженія въ такомъ же родѣ. Кюстинъ говоритъ, что при постройкѣ (безумно-спѣшной) Зимняго дворца погибла масса людей. Нѣтъ, не масса! Спросятъ: а все-таки, сколько? „Я могу громко и смѣло отвѣтить: ни одного!“ И очень просто почему: „дай Богъ, чтобы за границей узнали, съ какою отеческою заботливостью императоръ бдитъ надъ сохраненіемъ жизни и здоровья послѣдняго изъ своихъ подданныхъ!“ Всѣмъ при Николаѣ хорошо живется, особенно же солдатамъ: „знаетъ ли онъ (Кюстинъ), насколько свободно отъ всякихъ заботъ существованіе русскаго солдата, когда онъ возвращается къ своему очагу?“ Личность русскаго гражданина также вполне обезпечена: „Нужно знать, что люди, которымъ въ Россіи ввѣрено высшее управленіе полиціей, принадлежатъ къ благороднѣйшей части націи и пользуются довѣріемъ императора такъ же, какъ уваженіемъ всей имперіи“. Конечно, „мы не отрицаемъ, что въ случаѣ важныхъ подозрѣній или вслѣдствіе доноса, имѣющаго сильныя признаки правдоподобія, иногда случается, что и невинный попадаетъ подъ арестъ“, — но „какъ только его невинность узнается, двери тюрьмы тотчасъ

же раскрываются“, и пострадавший получает еще вознаграждение! Напрасно, поэтому, Кюстину такъ тяжело было въ оградѣ Петропавловской крѣпости: „Мы, вѣрнопожденные добраго и справедливаго императора, проходимъ по этой крѣпости безъ малѣйшаго страха, убѣжденные, что отъ насъ самихъ зависить быть или не быть тамъ заключенными“. Далѣе, Гречъ прямо какъ будто издѣвается надъ своими заказчиками: Кюстинъ утверждалъ, что въ Россіи бояться говорить свободно; Гречъ апеллируетъ къ Европѣ: „развѣ у насъ не думаютъ, не говорятъ свободнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ?“ Какъ не любить Николая Павловича?— вопрошаетъ онъ далѣе: „слишкомъ ужъ легко и пріятно людямъ живется при немъ и жилось при всей династіи: наши отцы были счастливы при Екатеринѣ, мы сами — при Александрѣ I были счастливыми юношами, при Николаѣ I счастливыми мужами. Всякій съ довѣріемъ и любовью взираетъ на государя, кромѣ, конечно, людей съ нечистою совѣстью: тѣ только никакъ не могутъ „вынести орлинаго взгляда государя“. Вообще, Гречъ ручается, что если бы и разрѣшить народъ отъ присяги, то шестьдесятъ милліоновъ голосовъ выбрали бы все равно Николая императоромъ. И не только Николай безупречно прекрасенъ, не только высшая полиція есть цвѣтъ русской націи, но и низшая тоже весьма достойна. Лжетъ Кюстинъ, говоря, что полицейскіе офицеры часто бьютъ безъ вины простой народъ. Ничего подобнаго: „если же что-либо такое случается, и если подана жалоба правительству, то виновный предается суду, который налагаетъ на него суровое наказаніе“.

Говорить Кюстинъ и о ссылкѣ Лермонтова за стихи на смерть Пушкина. Но, во-первыхъ, не могли же эти стихи понравиться правительству, во-вторыхъ, Лермонтовъ, вообще, былъ виновенъ въ нарушеніяхъ субординаціи, а въ третьихъ, пребываніе на Кавказѣ было очень полезно для развитія его таланта. Словомъ, все налагалъ Кюстинъ, и нечего много объ этомъ писать. „Для всѣхъ людей благомыслящихъ (*bien pensants*), для всѣхъ друзей истины, я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, того что я сказалъ, будетъ достаточно. Что касается до другихъ, то не для нихъ взялся я за перо“. Такъ гордо кончается книжечка „*Nicolas Gretch'a*“.

Но, повидимому, этого произведенія показалось для полнаго уничтоженія Кюстинна нѣсколько мало. Очень ужъ жадно читался всюду Кюстинъ; очень ужъ быстро сдѣлался онъ настольной книгою всѣхъ тѣхъ французскихъ и англійскихъ газетныхъ публицистовъ, которымъ приходилось касаться Россіи. За все царствованіе Николая едва ли другая книга о Россіи надѣлала столько шума, какъ книга Кюстина, быть можетъ, именно вслѣдствіе явнаго отсутствія всякихъ либеральныхъ пристрастій у этого легитимиста-консерватора. Слѣды кюстиновскаго вліянія мы находимъ едва-ли не на всей послѣдующей (не по казенному заказу возникшей) литературѣ о николаевской Россіи. Пришлось поэтому вслѣдъ за Гречемъ выпустить и другого правдолюбца<sup>1)</sup>.

1) О двухъ изданіяхъ того же Якова Толстого, о которомъ шла рѣчь выше

Кто такой был Дюэ, написавший въ томъ же 1844 году „Критику“ на сочиненіе Кюстина <sup>1)</sup>? Изъ обложки явствуетъ, что онъ былъ парижскимъ адвокатомъ. Библиографическія справки убѣдили меня, что за свою жизнь онъ написалъ три работы, изъ коихъ каждая не имѣетъ абсолютно ничего общаго съ двумя остальными: 1) „французская и латинская реторика для употребленія въ пансіонахъ“; 2) „Военное уложеніе о наказаніяхъ“ во Франціи (неофициальное изданіе съ примѣчаніями) и 3) вышеназванное опроверженіе книги Кюстина о Россіи. По какому поводу онъ написалъ этотъ трудъ? Съ какою цѣлью? Ни о чемъ подобномъ онъ не говоритъ; предисловія нѣтъ, поясненій ни малѣйшихъ, и Дюэ съ первой строчки вводитъ in medias res, т. е. начинаетъ браниться. Кюстинъ желалъ произвести скандалъ (a visé au scandale), и „позорно преуспѣлъ въ этомъ“. Только за этимъ онъ „призвалъ европейское вниманіе на Россію и на государя, которымъ она имѣетъ счастье обладать въ качествѣ главы“. И вотъ теперь, въ іюнѣ 1844 года, когда его величество какъ разъ пребываетъ въ Лондонѣ, газеты опять рекламируютъ книгу Кюстина. Въ этихъ четырехъ томахъ нѣтъ никакой логики, они безсвязны, противорѣчивы, и, вообще, совершенно не нравятся Дюэ. Хотя Дюэ и чуждъ Россіи, и никогда тамъ не былъ, но „нашему безкорыстому голосу... повѣрять больше“, чѣмъ злокачественному маркизу. Дальше идетъ, рѣшительно ни съ того, ни съ сего, изложеніе исторіи Россіи отъ „859 года“, откуда почему-то „date l'empire russe“. Это изложеніе, гдѣ уже ни единымъ звукомъ не поминается Кюстинъ съ его книгою,—тянется на протяженіи половины книжки. Jgoг'и Yaropolk'и, Mstislaf'ы смѣняются разсказомъ о томъ, какъ Карлъ XII перешелъ въ Малороссіи черезъ рѣку „Неперъ“ и т. д. Даже отдаленнаго касательства все это къ книгѣ Кюстина не имѣетъ,—да, впрочемъ, и излагается вовсе не въ полемическомъ духѣ, а въ тонѣ спокойнаго, эпического повѣствованія. Потомъ, дойдя до Николая, Дюэ сообщаетъ, что царь подобенъ льву, а разные памфлетисты—червякамъ, и царь не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Послѣ всего этого вдругъ къ изумленію читателя слѣдуетъ фраза: „Finissons avec M. de Custines“. Какъ же съ нимъ „кончитъ“, когда даже не было „начато“? Кончаетъ же Дюэ съ Кюстиномъ такъ: Россія счастлива при династіи, которую она для себя выбрала, а посему—оставьте же, г. маркизь, ее, эту Россію, съ ея счастьемъ, котораго не разрушить вашъ длинный памфлетъ; онъ не заставить ее забыть пословицу: когда хорошо, то искать лучшаго, значитъ найти худшее“. На „частностяхъ“ Дюэ не останавливается вовсе, кромѣ немногихъ случаевъ. Насчетъ простройки Зимняго

„La Russie en 1839, rêvée par Mr. de Custines“ и „Lettre d'un russe à un journaliste français, такъ же, какъ, о брошюрѣ Лабенскаго „Un mot sur l'ouvrage de M-de Custine“ (писанныхъ также, какъ это теперь установлено, по заказу III Отдѣленія и являющихся перепѣвами Греча), — говорить тутъ излишне.

<sup>1)</sup> Critique des mystères de la Russie et de l'ouvrage de M. de Custines: La Russie en 1839\*, suivie de l'extrait du voyage de l'empereur. Par Duez (Paris 1844).

дворца (пунктъ, больно уязвившій Николая,) онъ говоритъ, что рабочіе, строившіе его „вовсе не мученики“, потому что „замѣтите, эта постройка была произведена не по приказу“... „всѣ русскіе, живущіе въ Петербургѣ, захотѣли выстроить вновь дворецъ по добровольной подпискѣ, которую отвергъ императоръ“. А если такъ, то вполне понятна неестественная быстрота постройки: „усердіе, любовь сдѣлали это чудо, а не насиліе и не принужденіе“. Значить, ларчикъ открывался очень просто!

Коротенькое славословіе по поводу путешествія Николая въ іюнѣ 1844-го года въ Лондонъ, приложенное къ брошюрѣ Дюзэ, ясно говоритъ, что книга Кюстина продолжаетъ приносить вредъ, ибо всѣ описанія пребыванія Николая въ Лондонѣ написаны „съ возмутительною партійностью“, и при этомъ всѣ авторы признаютъ авторитетомъ Кюстина, грязнаго лжеца и пр. Это показываетъ, почему нужно было возможно скорѣе прибѣгнуть ко вторичному опроверженію, разъ первое не принесло никакой пользы; вѣрно, въ виду неприятностей съ путешествіемъ, столь поспѣшно и возникла книжка Дюзэ. Кстати, по поводу этого путешествія слѣдуетъ особо сказать нѣсколько словъ.

Въ маѣ 1844 года Николай, въ сопровожденіи многочисленной свиты, чрезъ Берлинъ и Гаагу выѣхалъ въ Англію. Въ это время русская дипломатія старалась тѣснѣе сблизиться съ Англіей, чтобы изолировать Францію, и это путешествіе безъ заѣзда къ „королю баррикады“ должно было ясно подчеркнуть гнѣвъ Николая на французскій народъ. 1-го іюня царь прибылъ въ Вульвичъ, и начались балы, выѣзды, смотри, и проч.; все это длилось нѣсколько дней, послѣ чего Николай уѣхалъ обратно. Пребываніе въ Лондонѣ, невзирая на всю любезность Викторіи и принца-супруга, прошло не безъ треній. Друзья поляковъ рѣшили устроить какъ разъ во время пребыванія Николая въ Лондонѣ митингъ протеста противъ жестокостей русскаго правительства, и митингъ очень удался и сопровождался бурей криковъ противъ Николая. Былъ изданъ „циркуляръ“ подъ названіемъ „императоръ Николай въ Англіи“, приглашавшій обсудить, до какой степени долженъ англійскій народъ обнаружить гостепримство къ пріѣхавшему посѣтителю. Высшая англійская аристократія во главѣ съ маркизою Эльсбери и герцогиней Сомерсетъ устроили въ пользу поляковъ блестящій балъ, при чемъ еще устроители напечатали (6-го іюня) въ газетахъ, что по ихъ постановленію, нѣтъ никакихъ препятствій къ устройству этого бала: иначе говоря, они отказались разсматривать присутствіе въ Лондонѣ русскаго гостя, какъ такое препятствіе. Послѣ виндзорскаго смотра толпа такъ бурно привѣтствовала герцога Веллингтона, что старикъ принужденъ былъ обратиться къ ней съ увѣщаніемъ: „Не мнѣ, господа, не мнѣ, а императору!“ (который тутъ же находился). Николай послалъ въ пользу поляковъ 500 фунтовъ стерлинговъ — устроителямъ бала, послѣ того какъ стало ясно, что балъ все равно отмѣненъ не будетъ, а они (по словамъ Герцена — леди



Соммерсетъ, по словамъ Лондонскаго корреспондента *Journal des Débats* въ № отъ 14-го іюня 1844 г. — лордъ Дедли-Стюартъ) отказались отъ этого пожертвованія, ибо сочли этотъ подарокъ „несовмѣстимымъ съ столь жестокими указами, жертвами которыхъ являются какъ польскіе эмигранты, такъ и оставшіеся въ родной странѣ“. Этотъ отказъ произвелъ огромную сенсацію, и поляки рѣшили отправить къ лорду Дедли-Стюарту благодарственную депутацію. Все это были частности; важнѣе всего былъ ледяной приѣмъ со стороны народа всюду, гдѣ высокій гость появлялся. Образъ преслѣдуемой Польши замораживаетъ симпатіи англійскаго народа, — писали „*Times*“ и другіе руководящіе органы, отмѣчая эту демонстративную холодность. Были приняты, повидимому, кое-какія мѣропріятія для борьбы со зломъ. Англичане, какъ извѣстно, очень любятъ скачки и всячески отличаютъ выигравшую лошадь. И вотъ, Николай Павловичъ, по окончаніи скачекъ въ Эскоттѣ, вдругъ вышелъ изъ своей ложи и, въ сопровожденіи тоже гостившаго тогда въ Англій саксонскаго короля, подошелъ къ побѣдительницѣ-кобылѣ „*Миссъ-Элайсъ*“ и собственноручно ее похлопалъ. Но и это пошло на пользу больше саксонскому королю: „это обстоятельство, — пишутъ газеты, — доставило такое удовольствіе толпѣ, что тотчасъ же образовался кругъ возлѣ ихъ величествъ, и саксонскому королю стоило большого труда избавиться отъ сердечныхъ объятій зрителей“.

Путешествіе окончилось, и Николай возвратился въ Россію, а Дюзъ, какъ сказано, почелъ благовременнымъ къ опроверженію книги Кюстина присоединить столь же горячее и столь же убѣдительное опроверженіе всякихъ предосудительныхъ толковъ насчетъ поѣздки его величества и пребыванія въ Лондонѣ. Очевидно, это было признано нелишнимъ потому, что въ Парижѣ о поѣздкѣ императора въ Лондонъ говорили едва-ли не больше, чѣмъ въ самомъ Лондонѣ.

## VI.

Книга Кюстина, являющаяся лишь собраніемъ путевыхъ набросковъ, впечатлѣній и размышленій изъ области политической философіи, — возбудила чрезвычайно болѣшой интересъ не только во Франціи, но и въ Англій, и даже въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи (тамъ, гдѣ цензура ее пропустила). Не только искренность тона и живость изложенія были тому причиною: Кюстинъ первый, въ сущности, заставилъ европейскую публику вспомнить, что Николай царствуетъ не только надъ поляками: что въ Россіи страдаютъ и русскіе. Отсутствіе явнаго протеста въ Россіи заслоняло весьма сильно этотъ фактъ отъ глазъ европейскаго общества. Кюстинъ попробовалъ показать царившую систему, какъ и чѣмъ она жила на самомъ дѣлѣ, — а не въ изображеніи казенныхъ хвалителей.

Интересъ къ Россіи замѣтно оживился, и въ 1844 году вышла въ Англіи, а въ 1845 году была переведена на французскій языкъ начальникомъ отдѣленія французскаго министерства торговли — Ноблэ — трехтомная книга о Россіи и Николаѣ <sup>1)</sup>. Переводчикъ прямо ставитъ въ связь появленіе и переводъ этой книги съ интересомъ, возбужденнымъ книгою Кюстина въ Англіи и Франціи. И, дѣйствительно, авторъ неоднократно ссылается на Кюстина, показанія котораго онъ обильно дополняетъ и подтверждаетъ своими собственными, хотя отмѣчаетъ нѣсколько неточностей въ рассказѣ Кюстина (въ тѣхъ частяхъ книги послѣдняго, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ нашей темѣ и, поэтому, не были нами затронуты).

Въ книгѣ видны, дѣйствительно, признаки долгаго пребыванія въ Россіи и внимательныхъ наблюденій надъ русскою жизнью. Авторъ одаренъ большимъ темпераментомъ. И предъ читателемъ абсолютизмъ выступаетъ въ какихъ то апокалиптическихъ формахъ — проклятія, тяготѣющаго надъ милліонами одичалыхъ, несчастныхъ, униженныхъ рабовъ, не смѣющихъ даже жаловаться на свою участь. Авторъ настаиваетъ, что нельзя сравнить „несчастій шестидесяти милліоновъ русскихъ подданныхъ“ съ несчастнымъ положеніемъ какого бы то ни было класса, напр., въ Англіи: онъ горячо доказываетъ, что русскій деспотизмъ сотворилъ будто-бы для своихъ жертвъ такой адъ, который стоитъ внѣ всякихъ европейскихъ сравненій. Безпощадность монарха, холодная и всегда одинаковая, рельефно оттѣняется авторомъ: „впродолженіе девятнадцати лѣтъ его царствованія всего 7 человекъ были приговорены къ смерти, что не мѣшаетъ тому, что, въ дѣйствительности, отъ руки палача въ его царствованіе погибло, вѣроятно, больше, нежели во всѣ остальные царствованія вмѣстѣ. Правда, уже не рубятъ головъ, не сажаютъ на колъ, какъ прежде, не привѣшиваютъ на желѣзной крюкъ; но цѣлыми отрядами польскихъ плѣнниковъ сѣкли до тѣхъ поръ, пока не наступала смерть. За политическіе проступки (онъ имѣетъ тутъ ввиду бунтъ военныхъ поселеній, а также „увѣщаніе“ униатовъ) тысячи людей подвергаются наказанію кнутомъ или плетью, которые обрываютъ мускулы и обнажаютъ кости отъ мяса длинными полосами; они умираютъ день или два спустя или, если временно остаются живы, то погибаютъ еще до прибытія въ Сибирь, куда ихъ немедленно посылаютъ. Расправы эти съ врагами авторъ считаетъ болѣе жестокими, чѣмъ расправы Бирона. И такъ какъ этотъ режимъ пользуется неслыханными въ былые вѣка средствами, то нашъ авторъ полагаетъ, что онъ осуществляетъ то, о чемъ Неронъ римскій могъ лишь мечтать. „Россію,“ пишетъ нашъ авторъ, „можно назвать страной лжи по преимуществу. Главное дѣло для управляемыхъ состоитъ въ томъ, чтобы обманывать агентовъ правительства; для агентовъ

---

<sup>1)</sup> Révelations sur la Russie ou l'empereur Nicolas et son empire en 1844, par un résident anglais. Ouvrage traduit de l'anglais par M. Noblet et annoté par M. Cyprien Robert. vols: I—III. Paris, 1845

правительства — въ томъ, чтобы обманывать императора; для императора — въ томъ, чтобы одной части народа внушить вѣрованіе въ своего (Николая) небесномъ избранничествѣ и что онъ есть предстатель Бога на землѣ, живое Провидѣніе, а другой части народа — внушить идею, что онъ человѣкъ рока, противъ счастья и власти котораго всякое сопротивленіе было бы тщетно.\* Воззрѣніе на внутреннюю политику правительства необычайно пессимистично: „Николай не улучшаетъ,—онъ съ каждымъ днемъ ухудшаетъ положеніе человѣка въ своемъ государствѣ.“ Въ искреннія намѣренія царя по части борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, коренною язвою русской жизни, авторъ не вѣритъ: „Императоръ, самый крупный собственникъ во всей имперіи, — аболиторионистъ по отношенію къ рабамъ другихъ собственниковъ.“ Авторъ не находитъ страннымъ, что всякія попытки улучшить положеніе вещей въ Россіи—остаются на бумагѣ: онъ почти всегда затрагиваютъ, по существу дѣла, „сложные интересы“ абсолютизма, а поэтому и ничѣмъ не кончаются, ибо царь — всемогущъ.

Особая глава посвящена главному орудію деспотизма: политической полиціи. Авторъ отмѣчаетъ культъ шпіонства въ Россіи. Только за высшія заслуги, за громкіе подвиги даютъ почетное добавленіе къ фамиліи: и вотъ, рядомъ съ Дибичемъ-Забалканскимъ и Паскевичемъ-Эриванскимъ, — вниманіе читателя обращается на Шервуда-Вѣрнаго, получившаго это названіе за предательство и доносъ. Много говорится объ „арміяхъ шпіоновъ,“ о колоссальныхъ денежныхъ средствахъ, о безграничныхъ полномочіяхъ, которыми располагаетъ начальникъ 3-го отдѣленія. Тутъ же, какъ водится, прибавлены фантастическіе рассказы о чудесахъ, совершаемыхъ 3-мъ отдѣленіемъ съ людьми, которые кажутся ему „опасными.“ Есть и классическая выдумка о дамѣ, взятой съ бала и проведенной четырнадцать лѣтъ въ Сибири безъ объясненія причинъ и т. п.

Авторъ категорически, изъ „вѣрнаго“ источника, сообщаетъ, что за границею русское шпіонство процвѣтаетъ: въ одномъ Парижѣ шпіоновъ, слѣдящихъ за пребывающими тамъ русскими, якобы сто пятьдесятъ человѣкъ. Много говоритъ онъ о вымогательствахъ, которыя пускаетъ въ ходъ 3-е отдѣленіе относительно богатыхъ людей; еще больше говоритъ о продажности общей полиціи. (Между прочимъ, разказано о преступленіи петербургскаго будочника, убивающаго и грабившаго людей; по словамъ автора, это дѣло „получило необычную огласку.“ Вѣроятно, рѣчь идетъ о томъ самомъ дѣлѣ, за сообщеніе о которомъ Николай сослалъ Герцена въ Новгородъ).

О личной храбрости Николая авторъ мнѣнія не столь опредѣленнаго, какъ другіе писатели. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, будто и 14-го декабря, какъ и въ польскую войну царь держался внѣ сферы огня. Вообще же, онъ признаетъ природный эгоизмъ одною изъ коренныхъ чертъ характера царя, обусловливающихъ многіе его поступки и общее направленіе его политики. Во вся-

комъ случаѣ онъ не видитъ ничего, что бы императоръ Николай принесъ въ жертву благу народа. Даже о правосудіи въ судебныхъ дѣлахъ царь заботится будто бы постолько, поскольку онъ не заинтересованъ въ томъ или иномъ исходѣ дѣла. „Всѣ его заботы когда его фамилные интересы это позволяютъ, — направлены къ улучшенію матеріальнаго состоянія его народа,“ — замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. „Суровость и мстительность,“ отсутствіе милосердія — считаетъ онъ также характерными свойствами Николая.

Мы оттого остановились на этомъ французскомъ переводѣ англійской работы, что эти „Révélations“ вмѣстѣ съ книгою Кюстина оказали очень замѣтное, вполне ясно опредѣлимое вліяніе на сформированіе во Франціи мнѣнія о Николаевскомъ режимѣ, о характерѣ этого режима не только въ Польшѣ, но и въ коренной Россіи. О книгахъ же Н. Тургенева<sup>1)</sup> и Ивана Голвина<sup>2)</sup> мы, конечно, въ предлагаемой статьѣ говорить не имѣемъ никакого основанія: эти книги не только написаны не французами, но и сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на французскую литературу о николаевской Россіи — не оказали.

## VII.

Конецъ царствованія Луи-Филиппа не отмѣченъ во Франціи особеннымъ интересомъ къ Николаю и Россіи. Даже слухи о Польшѣ стали доноситься все глуше и производили уже меньшее впечатлѣніе. Полная придворныхъ сплетенъ книга Schnitzler'a (*Histoire intime de la Russie etc.*) не произвела никакого впечатлѣнія.

Легкая салонная болтовня Меримэ<sup>3)</sup> не можетъ идти (по содержательности и по оказанному ею вліянію) въ сравненіе съ книгою Кюстина, но, конечно, имя автора не могло не привлечь читателей. Авторъ ко всему относится съ легкою игривостью, шуткою и беззаботною ироніей; къ русскому правительству, впрочемъ, онъ сохраняетъ отношеніе полной независимости. Въ предисловіи онъ шутливо жалуется (явно намекая на ярость, вызванную въ Петербургѣ книгою Кюстина), что, вотъ, прежде лучше было рассказывать о путешествіяхъ, нежели въ новое время. Такъ, Шарэнъ описалъ политику шаха персидскаго, Марко-Поло разоблачилъ великаго могола, (*sic!*) — и „это не смущало ни въ чемъ пицеваренія этихъ высокихъ величествъ“, а въ новое время, того и гляди, такого рассказчика уже никогда въ страну вторично не пустятъ. Теперь „они слушаютъ голосъ прессы и боятся его: они освѣдомляются о новомъ произведеніи печати и, если заглавіе возбуждаетъ ихъ тревогу, они его пробѣгаютъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ, которое охватываетъ актера при видѣ фельетона“. Точка зрѣнія Меримэ такова. Человѣку, пріѣхав-

<sup>1)</sup> *La Russie et les russes* (3 vols) 1847.

<sup>2)</sup> *La Russie sous Nicolas I* (1845).

<sup>3)</sup> *Une année en Russie, lettres à M. Saint-Marc Girardin par Henri Merimée.* Paris 1847.

шему въ Россію, приходится жить въ тяжелой атмосферѣ, отъ которой онъ задыхается, — но нужно „предоставить Россіи устраиваться какъ ей угодно и быть счастливою по своему“, — и не слѣдуетъ вмѣшиваться со своею критикою. Иначе Россія можетъ иностранцу отвѣтить какъ женщина въ комедіи: „Зачѣмъ вы вмѣшиваетесь? Мнѣ нравится быть битою“ (стр. XII). Въ Россіи Меримэ „не ненавидитъ абсолютное правительство,“ по крайней мѣрѣ относится къ нему „какъ благосклонный зритель“; *любитъ* же онъ въ Россіи „свѣжую икру“. Такова его profession de foi.

Вся книжка написана въ подобномъ стилѣ, въ тонѣ болтающаго и порхающаго легкомыслія. Нашего туриста больше занимаютъ быть и пейзажи, нежели политика и социальныя особенности. И его больше, чѣмъ кого-либо, сбиваетъ съ толку молчаніе, отсутствіе слышнаго протеста, и встрѣчая что-либо возмутительное, онъ, по собственному признанію, склоненъ думать, что, можетъ быть, для Россіи тутъ ничего возмутительнаго нѣтъ. Онъ — большой любитель русскаго языка, но читать нечего: газеты въ Петербургѣ — тоже самое, говоритъ онъ, что была Gazette de France при Людовикѣ XIV, т. е. собраніе казенныхъ сообщений, приказовъ и т. п.; литераторамъ позволяютъ только браниться между собою. Слова „республика, хартия, конституція“ такъ преслѣдуются цензурою, что, по мнѣнію Меримэ, не одинъ честный гражданинъ Кіева или Владиміра можетъ будто-бы умереть со счастливою мыслью, что на вашингтонскомъ тронѣ сидитъ монархъ божьею милостью. Вообще русскія газеты сдѣланы столь спокойными, что даже чтеніе ихъ можно рекомендовать для успокоенія нервовъ. Русскую исторію онъ называетъ мартирологомъ, но, опять таки, убѣжденъ почему-то, что „угнетеніе и пытки“ Россія переносила съ охотою, съ увлеченіемъ. И онъ глубоко убѣжденъ, что Россія не только обожала, но и продолжаетъ обожать абсолютную власть (стр. 83). „Казарма господствуетъ здѣсь надъ всѣмъ социальнымъ строемъ, пишетъ онъ (стр. 93), — но и это съ согласія Россіи, ибо она имѣетъ настроеніе „вродѣ древняго Рима“. Этотъ методъ разсужденія примиряетъ нашего автора со всѣмъ, что онъ видитъ въ Россіи. Но тамъ и сямъ проскальзываетъ въ немъ пониманіе объективнаго значенія абсолютизма и всей этой системы для страны; такъ, онъ „дрожитъ“, когда слышитъ, какъ иногда русскіе, наиболѣе просвѣщенные, говорятъ спокойно о тѣхъ или иныхъ хотя бы частичныхъ перемѣнахъ; онъ пугается этого спокойствія, „ибо Богъ знаетъ, что останется цѣлымъ, разъ уже приблизятъ молотъ къ этому зданію, которое имѣетъ новый фасадъ и проѣденный червями корпусъ“. И тутъ же, какъ бы забывая объ этомъ, Меримэ продолжаетъ восхищаться военною мощью Россіи, ея величіемъ и вліяніемъ на міръ, — и настаиваетъ, что слава и могущество дѣлаютъ русскихъ подданныхъ счастливыми . . . „Фасадъ“ Николаевскаго строя, очевидно, обладалъ способностью гипнотизировать даже людей, разгадавшихъ, что за нимъ скрывается.

Иногда случалось Меримэ слышать и кое-какія жалобы (къ сожалѣнію, онъ не говоритъ объ этомъ точнѣе), но, повидимому, и онъ не разубѣдили его въ правдивости основного его воззрѣнія, — что нечего подданныхъ Николая жалѣть, если они сами себя не жалѣютъ.

Нѣсколько оживилась вражда къ Николаю въ свободомыслящей прессѣ подъ влияніемъ извѣстій объ участи Кракова. На этотъ разъ вражда подогрѣвалась и раздраженіемъ французской дипломатіи, не скрывавшей своего протеста предъ поступкомъ восточныхъ державъ. Сразу умолкли тѣ и безъ того немногіе голоса, которые говорили о возможности лучшихъ отношеній между Россіей и Франціей<sup>1)</sup>.

Если уничтоженіе краковской республики при дѣятельномъ участіи Николая подняло противъ него во французской оппозиціонной прессѣ бурю, то подобно тому, какъ послѣ нападеній Кюстина нашелся у императора Николая безкорыстный защитникъ въ лицѣ Николая Греча, случайно бродившаго въ парижскомъ пассажѣ, случайно купившаго книгу Кюстина и случайно опубликовавшаго по поводу этой книги свое негодование, — такъ и теперь, въ 1847 г. не вытерпѣлъ нѣкто Онорэ Арнуль<sup>2)</sup>, и мужественно выступилъ въ печати на защиту Николая Павловича. Главная тема его книги — это, конечно, Краковъ, — и онъ находитъ, что присоединеніе Кракова къ Австріи имѣетъ свои выгоды для поляковъ „съ религіозной точки зрѣнія“: поляки — католики и австрийцы — тоже католики; и, вообще, гибель Кракова не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чѣмъ стоило бы возмущаться. Дальше идутъ укоризненные размышленія по тому поводу, что оппозиціонныя газеты, вообще, плохо и невѣрно судятъ о Николаѣ, обнаруживаютъ къ нему упорную вражду — и не видятъ, что необходимо стремиться къ франко-русскому союзу. „Мы громко заявляемъ, — франко-русскій союзъ есть единственный пріемлемый прочный и вѣрный“, восклицаетъ Арнуль<sup>3)</sup>. Николай любитъ французовъ: „посмотрите, не есть ли

1) Укажемъ кстати на самое достопримѣчательное изъ такихъ немногихъ примирительныхъ писаній, появившихся въ сороковыхъ годахъ: на книгу „De la Russie et de la France, entretiens politiques par un inconnu“ (Paris, 1842).

Авторъ пропагандируетъ заключеніе франко-русскаго союза, причемъ во имя этого патриотическаго дѣла относится къ русскому правительству не только съ подобающею случаю учтивостію но и съ нѣкоторымъ жаромъ. Въ этой книгѣ больше всего отражается тотъ престижъ военной силы самодержавія, который безспорно стоялъ тогда въ глазахъ публики необычайно высоко. Имѣя въ виду эту цѣль дипломатическаго сближенія, „Неизвѣстный“ пытается реабилитировать и русскій абсолютизмъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ.

2) La vérité sur l'empereur Nicolas et les journaux français. Par Honoré Arnoul. (Paris, 1847), стр. 13-я.

3) Ibid, стр. 27.

онъ уже — провидѣніе нашихъ ученыхъ, нашихъ артистовъ? Онъ поощряетъ искусства, вознаграждаетъ роскошно, по царски, за полезныя открытія“ и т. д. И, кромѣ того, за него говорятъ привлекательныя черты выбранныхъ имъ министровъ: „Выборъ министровъ обнаруживаетъ въ императорѣ Николаѣ глубокое знаніе людей и обстоятельствъ и превосходный тактъ“. „Много-ли у насъ во Франціи государственныхъ людей“, продолжаетъ авторъ, „которыхъ мы могли-бы противопоставить г-ну Нессельроде? или князю Ванильчикову? (такъ Арнуль называетъ Васильчикова). Много ли у насъ безкорыстныхъ, способныхъ и преданныхъ администраторовъ, какъ графъ Вронченко, министръ финансовъ? какъ г Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія? и вы называете варваромъ такого монарха!“ Брошюрка кончается совѣтомъ французской журналистикѣ не увлекаться „сплетнями“ и „очерненіемъ“ російскаго императора. — Объ этомъ голословномъ наборѣ фразъ, озаглавленномъ столь кричащимъ образомъ („Правда объ императорѣ Николаѣ и французскія газеты“), мы упомянули больше затѣмъ, чтобы показать, въ какое затруднительное положеніе попали неумѣлые защитники Николая Павловича, когда имъ нужно было сойти que соите измыслиг факты въ пользу своего тезиса Арнуль, напрімѣръ, искренно повидимому полагаетъ, что оказываетъ императору Николаю цѣнную услугу, освѣщая его блестяще лучей, исходящихъ отъ Вронченки, Васильчикова, Нессельроде и Уварова: другихъ фактическихъ указаній въ его брошюрѣ никакихъ нѣтъ, этотъ „выборъ министровъ“ — гвоздь защиты царя отъ хулителей.

Подводя итоги всему сказанному, мы можемъ отмѣтить, что литература о Николаѣ I довольно отчетливо выявила предъ французскою публикою то, что старались скрыть официалныя, дипломатическія недомолвки: уже до 1848—49 г.г. Николай предсталъ предъ Франціей какъ неутомимый и неумолимый врагъ свободы и правъ гражданина не только въ раздавленной Польшѣ, но и въ Россіи. Общественное мнѣніе Франціи было вполне подготовлено къ тому, что русское правительство всегда вмѣшается всюду, гдѣ возможно будетъ поддержать угнетеніе. Кризисъ 1848—49 г.г., принесшій русско-венгерскую войну, уже не далъ ничего новаго для характеристики Николая I: венгерскій походъ былъ лишь логическимъ выводомъ изъ всего, что къ этому времени уже знали о царѣ французы.

### VIII.

Во время общеевропейскаго кризиса 1848—49 г., особенно-же съ весны 1849 года, когда императоръ Николай сталъ обнаруживать явныя намѣренія вмѣшаться въ европейскія дѣла и послать армію въ Венгрію, — грозное значеніе для Европы русскаго абсолютизма ярко предстало предъ общественнымъ сознаніемъ. Достаточно просмотрѣть такія умѣренныя, и, отчасти, реакціонныя газеты, какъ

„Tems“ и „Journal des Débats“ за первые мѣсяцы 1848 года, чтобъ оцѣнить то раздраженіе, смѣшанное съ живѣйшимъ безпокойствомъ, которое внушалъ Николай французскимъ руководящимъ буржуазнымъ кругамъ своею надменною политикою и явнымъ желаніемъ властно вліять на судьбы Европы. Венгерская же кампанія 1849 года только усилила эти чувства. За эпоху 1848—49 гг. сначала европейскіе троны, а потомъ сама революція по очереди оказывались безсильными и побѣжденными, и одна только сила — сила русскаго царя оставалась въ полномъ обладаніи всегдашняго престижа. Это особенно пугало и безпокоило. И кромѣ того, даже Турцію считали <sup>1)</sup> болѣе близкою къ духу вѣка и къ гуманности, нежели петербургское правительство, которое только тѣмъ и отозвалось на современныя движенія, что грозило залить ихъ кровью русскихъ солдатъ. Безпокойство это особенно усиливалось тою часто подчеркиваемою мыслью, что въ самой Россіи ни на какія революціонныя потрясенія, которыя могли бы остановить поднятую руку Николая, надѣяться нѣтъ возможности. О дѣлѣ Буташевича-Петрашевскаго Европа узнала только то, что угодно было русскому правительству опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Тщетно искали мы во французскихъ газетахъ 1849—50 гг. какихъ-нибудь самостоятельныхъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ. Въ ежегодникѣ „Annuaire des deux Mondes“, задавшемся цѣлью давать сводку важнѣйшимъ происшествіямъ въ разныхъ странахъ Европы, мы находимъ слѣдующія строки о петрашевцахъ <sup>2)</sup>: „Было невозможно, чтобы революціонный кризисъ не подѣйствовалъ съ 1848 года на русское воображеніе, столь впечатлительное и столь живое. При абсолютномъ режимѣ проекты нововведеній, естественно, принимаютъ форму заговоровъ. На самомъ дѣлѣ, тайное общество образовалось въ Петербургѣ: съ какимъ положительнымъ намѣреніемъ? Неизвѣстно. Но несомнѣнно, съ общей и смутной мыслью дойти до насильственнаго дѣйствія противъ правительства, то есть противъ императорскихъ особъ: это характеръ, который принимаютъ естественно всѣ заговоры въ Россіи. Общество было открыто втеченіе 1849 года, и двадцать одинъ членъ ассоціаціи былъ присужденъ къ разстрѣлу“. Въ примѣчаніи перечислены осужденные, а затѣмъ „Annuaire“ продолжаетъ: „императоръ, ознакомившись съ рапортомъ аудиторіата, счелъ долгомъ смягчить наказаніе; но смягченіе совершилось въ драматическихъ формахъ, которыя нравятся абсолютнымъ правительствамъ и которыя свойственны также личному характеру императора. Двадцать одинъ осужденный были выведены на мѣсто казни, въ присутствіи войскъ, собранныхъ какъ бы для того, чтобы присутствовать при трагическомъ спектаклѣ. Тутъ читаютъ приговоръ къ смерти, затѣмъ были сдѣланы всѣ приготовленія къ казни; наконецъ, въ

---

<sup>1)</sup> См. напр., „Tems“, 7 Mai 1849.

<sup>2)</sup> Annuaire des deux Mondes. Année 1850 (Paris 1851), стр. 754.



послѣдній моментъ является адъютантъ, который объявляетъ арестантамъ, что императоръ ихъ помиловалъ. Взамѣнъ казни они лишены всѣхъ гражданскихъ правъ и осуждены, сообразно со степенью виновности каждаго, одни— къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ или въ крѣпостяхъ, другіе къ зачисленію въ армію послѣ болѣе и менѣе продолжительнаго заключенія. Это событіе было официально объявлено манифестомъ, опубликованнымъ 6 января 1850 года. Такова была единственная стычка, которую имѣлъ царизмъ съ революціоннымъ духомъ внутри имперіи съ 1848 года. Какъ видно, этотъ заговоръ зародился въ мелкомъ служащемъ дворянствѣ и въ буржуазіи. Замѣтно также, что въ немъ участвовали только русскіе и не было поляковъ. Въ этомъ двойномъ отношеніи онъ былъ благоразумно рассчитанъ; но что отнимало у него всю его важность,— это то, что онъ былъ задуманъ въ европейскомъ революціонномъ духѣ; онъ вдохновлялся идеями, которыя обращались въ Германіи, въ Италіи, въ Венгріи, — безъ особеннаго вниманія къ тому, созданы ли (эти идеи) для Россіи“.

Такъ же, какъ и здѣсь,—былъ съ небылицею насчетъ петрашевецъ была распространена всюду въ Европѣ, куда только, вообще, дошла вѣсть объ этомъ дѣлѣ. Но, конечно, не петрашевцы могли интересоваться Европу въ этомъ страшномъ 1849 году. Усмиреніе Венгріи при помощи русскихъ войскъ взволновало независимо мыслившихъ людей. Для какой-то надобности, быть можетъ, для извѣстнаго воздѣйствія на слишкомъ уже взволнованное общественное мнѣніе Европы, въ самыхъ высшихъ кругахъ Россіи необычайно сурово и демонстративно порицали казни и издѣвательства, которыми австрійское правительство отмстило венграмъ послѣ побѣды русскихъ войскъ надъ возставшими. Едва-ли удалось этимъ маневромъ кого-нибудь обмануть, ибо одновременно русское правительство, совмѣстно съ австрійскимъ, задумало заставить султана выдать венгерскихъ и польскихъ инсургентовъ, бѣжавшихъ въ Турцію. Франція и Англія поддержали султана, и онъ рѣшительно отказалъ въ этомъ требованіи. Такъ и пришлось ретироваться ни съ чѣмъ. Эта дипломатическая неудача вызвала во французскомъ обществѣ взрывъ злорадства... Настроеніе, такъ ярко впослѣдствіи сказавшееся въ 1854 году, уже давало, хотя и очень рѣдко, себя чувствовать. Но страхъ, все болѣе усиливающійся, не покидалъ европейское общественное мнѣніе. Можно сказать, что со времени паденія Наполеона, съ 1814 года, сила Россіи никогда такъ высоко не цѣнилась въ Европѣ, какъ въ 1849—51 гг. О тенденціяхъ же этой силы никто никогда и не заблуждался, особенно послѣ усмиренія Венгріи: „говорили, что царь со времени революцій этихъ послѣднихъ двухъ лѣтъ намѣренъ стать великимъ префектомъ полиціи Европы; да, префектомъ полиціи со скипетромъ и тѣарою, такъ же, какъ со шпагою“, — читаемъ мы въ томъ же умѣренномъ и сдержанномъ „Ежегодникѣ“, который уже цити-

ровали. Та же оторопь предъ силою царизма сказывается и во всей французской прессѣ этихъ лѣтъ; въ прогрессивныхъ органахъ это чувство смѣшивается со злобою, въ реакціонныхъ и умѣренныхъ съ почтениемъ и какъ будто съ завистью къ порядку въ Россіи, который обнаруживаетъ такую стойкость. „Revue des deux Mondes“<sup>1)</sup>, напр., все доискиваясь до причины непомѣрнаго, нигдѣ не бывавшаго могущества монархической власти въ Россіи, находитъ, „что царизмъ имѣетъ двойной базисъ“, — а именно „религіозную власть“ и „панславизмъ“. Правительство русское, думаетъ журналъ, держится прежде всего страхомъ, а также „энтузіазмомъ“, внушаемымъ подданнымъ. Поддерживать въ сердцахъ подданныхъ этотъ духовный терроризмъ — вотъ постоянная забота русского правительства“. Тутъ журналъ ссылается на Мицкевича, рассказывающаго, будто Минихъ во время войны противъ турокъ отдалъ приказъ по войскамъ, воспрещавшій солдатамъ заболѣвать чумою подъ страхомъ быть за это погребенными заживо. И все это не препятствуетъ журналу относиться къ царизму съ робкимъ почтениемъ: не надо, впрочемъ, забывать, что для правящихъ слоевъ тогдашней Франціи, — Франціи, пережившей іюньскіе дни и вступившей въ періодъ реакціи, — „префектъ полиціи“, даже не фигуральный, а самый настоящій былъ желаннымъ героемъ дня<sup>2)</sup>. Отсюда — почтене; а ужъ страхъ — вслѣдствіе неизвѣстности, не захочетъ ли царизмъ, уничтожая революцію, за одно уничтожить и Европу?

Французская реакція, особенно усилившаяся къ концу второй республики, отразилась и на литературѣ о Россіи. Ненависть къ Николаевскому режиму во имя свободолубія уже перестаетъ сказываться, ненависть къ Николаю, какъ къ дипломатическому врагу Франціи и противнику возстановленія бонапартовской династіи еще не начинается слишкомъ сильно проявляться. Къ этому времени относятся кое-какія совершенно безвѣтные работы о Россіи, о которыхъ либо совсѣмъ не стоитъ упоминать, либо можно сказать нѣсколько словъ. Такова, напр., книга Мармье<sup>3)</sup>, вышедшая почему-то въ двухъ изданіяхъ, и являющаяся собраніемъ писемъ путешественника изъ Россіи. Географія, этнографія, исторія очень его занимаютъ и поглощаютъ большую часть работы. Есть кое-какія замѣчанія, указывающія, что передрага съ Кюстиномъ не прошла даромъ для французскихъ путешественниковъ: полицейскій генераль, очаровательно принявшій Мармье, все-же приставилъ къ нему шпионовъ. Полиція носитъ въ Россіи форму зеленую — цвѣтъ надежды, и голубую — цвѣтъ небесной лазурі, замѣчаетъ Мармье, — и является эта полиція

<sup>1)</sup> Revue des deux Mondes, 1850, 15 Mars, стр. 1102—1103.

<sup>2)</sup> Вспомнимъ Герцена: „Но не одна Венгрія была у его ногъ, а вся Европа . . . Орлеанскіе журналы, смиренно прощая оскорбленія Николая Людовику-Филиппу, называли его Агамемнономъ . . . Мѣщане . . . звали русскія пушки на защиту собственности и религіи . . . (П. С. Соч. VIII, 168; изд. Лемке 1917 г.).“

<sup>3)</sup> Lettres sur la Russie, la Finlande et Pologne, par X. Marmier (Paris 1851).

скрытымъ и всемогущимъ механизмомъ. „Человѣкъ, котораго вы двадцать разъ встрѣчали бродящимъ походкою фланера по проспекту или читающимъ съ весьма важнымъ видомъ газеты въ кафе Беранже“ вдругъ можетъ явиться къ вамъ и потребовать вашего отъѣзда въ 24 часа. Но увы! Мармье констатируетъ, какъ и другіе путешественники, что полиція очень снисходительно относится къ ворами и мошенникамъ, лишь бы „они не дѣлали шума“. Но, въ общемъ, Мармье совершенно повидимому безразличенъ къ „деспотизму“, который, по его заявленію, царитъ въ Россіи. Отсутствіе общественнаго протеста въ Россіи заставляетъ его не останавливаться на ужасахъ системы въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, — а о Польшѣ онъ говоритъ съ явнымъ состраданіемъ, и ужасается предъ тѣмъ желѣзнымъ игомъ, которое давитъ несчастную страну: разговоры съ поляками все-таки просвѣтили его отчасти, а разговоры съ русскими, попадавшимися ему въ Россіи, не могли не сбить его съ толку; очевидно, онъ все встрѣчался съ „патріотами“ узаконеннаго тогда образца, или съ людьми, видѣвшими въ немъ французскаго сотрудника Дуббельта: ибо рисковано было тогда говорить не только о Николаѣ Павловичѣ, но, какъ показала участь Герцена, даже о будочникѣ, уличенномъ въ Петербургѣ въ убійствѣ и грабежѣ.

## IX.

Война 1853—55 гг. породила, вообще, во Франціи довольно много книгъ и памфлетовъ о Россіи—либо справочнаго характера, либо враждебно-шовинистическаго. Особаго интереса и та и другая группа печатныхъ произведеній о Россіи для насъ не представляетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что памфлеты черпаютъ свое фактическое содержаніе большею частью либо изъ Кюстина, либо изъ *Révélations* (уже отмѣченнаго перевода съ англійскаго, вышедшаго въ 1845 году)<sup>1)</sup>. Главный „позоръ“ Россіи — „самодержавный кнутъ“ — играетъ, конечно, видную роль въ памфлетной литературѣ. Скажемъ нѣсколько словъ о двухъ-трехъ образчикахъ, имѣвшихъ болѣе замѣтный успѣхъ.

Въ книгѣ „Кнутъ и русскіе“<sup>2)</sup> Жерманъ де-Ланьи (лично побывавшій въ Россіи) высказываетъ о русскомъ самодержавіи рядъ мнѣній, успѣвшихъ, повидимому, стать къ концу царствованія Николая I ходячими во французскомъ обществѣ. Авторъ говоритъ, что прежде, при Иванѣ IV и Петрѣ I, цари травили людей

<sup>1)</sup> Перепѣвами по Кюстину является и книжка Галэ-де-Кюльюра „Le tzar Nicolas et la sainte Russie“, появившаяся, собственно, въ 1854 году, но помѣченная 1855. Герцену она понравилась, можетъ быть, явно преувеличенными надеждами на близкую революцію въ Россіи (Ср. П. Собр. Соч., изд. Лемке, 1917 г. VII, 147—148)

<sup>2)</sup> Le Knout et les russes. Moeurs et Organisation de la Russie, par Germain de Lagny. Paris, 1853. (стр. 324).

дикими животными и собственноручно рубили головы. „Теперь— варварство такое самое, какъ нѣкогда, только оно облекается въ болѣе лицемѣрныя — и осмѣлюсь сказать — въ болѣе цивилизованныя формы“. Онъ настаиваетъ, что о Россіи распространяются въ Европѣ часто невѣрныя представленія, благодаря самимъ русскимъ. „Привычка къ притворству и лести заходить у нихъ такъ далеко, что всѣ безъ исключенія дѣлаются тамъ сообщниками правительства съ цѣлью обманывать и вводить въ заблужденіе самую грубою ложью путешественниковъ“, которые иначе могли бы узнать истину. Переходя къ жгучему вопросу о томъ, кто желаетъ въ Россіи воевать, авторъ замѣчаетъ, что ни солдаты, ни крестьяне, ибо тѣ и другіе — безсловесные рабы, и если бы ужъ возымѣли мысль о крестовомъ походѣ, то противъ непосредственныхъ своихъ угнетателей. (Не надо забывать, что въ 1853 году особенно много говорилось о ревностномъ и благочестивомъ стремленіи, внезапно обурявшемъ Николая Павловича, бороться за ключи отъ Гроба Господня). Такъ кто же хочетъ войны? Духовенство? Но авторъ смѣется надъ этою мыслью. „Царь управляетъ церковью, какъ онъ управляетъ своею арміею и своими рабами“. Царя въ синодѣ представляетъ „одинъ изъ его адъютантовъ, кавалерійскій офицеръ“, „генералъ Протасовъ управляетъ духовенствомъ, какъ полкомъ“. Дворянство? Оно въ такомъ же рабствѣ у царя, какъ всѣ другіе обитатели Россіи. Таково мнѣніе французскаго публициста объ участіи русскаго народа въ подготовкѣ войны.

Очевидно, логика фактовъ оказалась могущественнѣе официальной версіи правительства: мы часто встрѣчали въ политической прессѣ Франціи и Англіи того времени аналогичныя мнѣнія — о полной непричастности русскаго народа къ войнѣ, затѣянной отъ его имени.

Самодержавіе рисуется Ланьи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Полиція, главное орудіе власти, — всесильна, и человѣку, живущему въ Россіи, рекомендуется, во избѣжаніе непріятностей, быть ко всему и всѣмъ вполне равнодушнымъ: „быть гуманнымъ — настолько же воспрещено, какъ разговаривать о политикѣ“. (Можно подумать, что Ланьи зналъ о непріятностяхъ, постоянно причинявшихся доктору Гаазу Закревскимъ и другимъ московскими властями). Произволь такъ, что будто-бы „исчезновенія людей весьма“ часты. Результатъ ли это преступлений, или дѣйствіе таинственнаго царскаго правосудія, или мечь могущественныхъ лицъ этой страны? Никто не можетъ сказать“. Полиція воруетъ, дѣлаетъ всякія беззаконія, — но вовсе не охраняетъ безопасности гражданъ: все ея вниманіе направлено на политическое шпіонство. „Полиція больше занимается мыслями cadaго, чѣмъ безопасностью всѣхъ.“ Если въ Россіи собираются три человѣка, — двое изъ нихъ шпіоны, — такъ говорятъ (по увѣренію автора) сами русскіе.

„Россія — огромная казарма“, резюмируетъ авторъ. Онъ

приводить во всѣхъ подробностяхъ примѣры наказанія кнутомъ, шпицрутенами, плетью, — и картина системы выходитъ въ общемъ весьма живою (несмотря на нѣкоторыя утверждения анекдотическаго характера, впрочемъ, бывшія „на границѣ вѣроятнаго“ въ тѣ времена). Любопытно, что о личности Николая авторъ хорошаго мнѣнія, и въ этомъ смыслѣ отличается отъ большинства французскихъ писателей, занимавшихся тогдашнею Россіею. Для характеристики невѣжества касательно политическихъ тенденцій русскаго общества, отмѣтимъ упорно повторяемое утверждение о какихъ то много разъ якобы повторявшихся „вплоть до 1848 года“ попыткахъ аристократіи и чиновниковъ — свергнуть или убить царя, всегда кончавшихся неудачею, благодаря его мужеству и хладнокровію. Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ отзвуками 14-го декабря и дѣла петрашевцевъ: въ перепечатанномъ на Западѣ официальномъ извѣщеніи о петрашевцахъ обозначены были чины участниковъ, что и сбило съ толку, по видимому, не одного Ланьи.

Маленькій шовинистическій памфлетъ Люрена „Le Mannequin Russe“<sup>1)</sup> имѣетъ цѣлью уподобить всецѣло Россію манекену и этимъ успокоить людей, боящихся наступившаго уже военного столкновения съ Николаемъ. Армія, флотъ, правосудіе, религія, администрація, правительство, цивилизація — все это въ Россіи будто бы автоматы — безсловесныя машины, повинующіяся своему господину. Жизни никакой въ Россіи нѣтъ, есть только маріонетки и автоматы, и ихъ 60 милліоновъ, — повторяетъ авторъ на всѣ лады. Законъ, правосудіе, судьи — все это въ Россіи лишь поддѣлки и украшенія, ибо для манекеновъ это не нужно, а рабство, неподвижность, молчаніе, страхъ — это все настоящее. Таковы мнѣнія автора этого довольно бездарнаго, лубочнаго пасквиля.

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одномъ памфлетѣ, появившемся ужъ тогда, когда военный провалъ Николаевскаго режима сталъ на очереди дня.

Вышедшая въ началѣ крымской войны и быстро потребовавшая новаго изданія книга Фредерика Лакруа<sup>2)</sup> имѣла шумный успѣхъ; самая распространенная газеты ее обильно цитировали и, вообще, она, безспорно, оказала вліяніе на общественное мнѣніе. Въ основу ея положена „рукопись одного дипломата, долго жившаго въ Россіи“, а также замѣтки путешественниковъ, очень приближенныхъ къ императору и двору; пользовался авторъ и раньше вышедшими сочиненіями о Россіи. Книга написана въ весьма спокойномъ тонѣ, съ подчеркнутымъ стремленіемъ къ полному безпристрастію. Хорошія стороны на-

---

1) Le Mannequin russe. Pamphlet, par Louis Lurin (Paris 1854).

2) Les Mystères de la Russie. Tableau politique et moral de l'empire russe, par M. Frédéric Lacroix. Deuxième éditon. Paris, 1854.

ціонального характера Лакруа отмѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. Согласно съ своимъ заявленіемъ въ предисловіи, авторъ старательно исключилъ изъ книги всякія „личности“, все, что касалось характеристики Николая и членовъ императорской фамилии, — ибо цѣлью его было прежде всего говорить объ учрежденіяхъ страны, а не о личности ея властителя.

Лакруа посвящаетъ самодержавію спеціальную главу (*Le despotisme*). Онъ настаиваетъ, что Россія — болѣе деспотическое государство, нежели Персія и Турція, даже болѣе, нежели Китай. Всюду, говоритъ онъ, абсолютизмъ смягчался хоть какими-нибудь традиціями, учреждениями и т. п., въ Россіи же ничего подобнаго нѣтъ. При этомъ, „у русскихъ — деспотическій принципъ вооружень съ головы до ногъ“, армія „удесятеряетъ его силу“, и авторъ отмѣчаетъ весьма понятную заботливость Николая объ этомъ орудіи его власти. „Русское правительство есть идеаль деспотической власти; можно даже сказать, идеаль, отягченный всѣмъ самымъ чудовищнымъ, самымъ необычайнымъ, что только можетъ породить злоупотребленіе властью“. Приводя примѣры насилій абсолютизма надъ человѣческимъ достоинствомъ, честью, жизнью, надъ здравымъ смысломъ, надъ всѣми понятіями о правѣ и нравственности, Лакруа не перестаетъ напоминать, что все это лишь необходимыя, логическія послѣдствія русской политической системы. „Странности, противорѣчія, даже безуміе — все это понятно у судьи, который произноситъ свои приговоры по прихоти дурныхъ или хорошихъ страстей и можетъ послать человѣка на смерть подъ вліяніемъ тяжелаго сна или дурного пищеваренія“. „Съ русскимъ деспотизмомъ споръ невозможенъ. Приказъ, подписанный или отданный властелиномъ, нелѣпъ, невѣроятенъ; ничего не значить, исполненіе должно поспѣдовать немедленно. То, что царь говоритъ — должно быть хорошо, то, что онъ хочетъ — должно быть выполнимо“. Конечно, въ главѣ о самодержавіи почетное мѣсто авторъ отводитъ кнуту (*le Knout*), „сквозь-строю“ (который пишется у него такъ: *skross-stroï*), палкамъ, сѣченью и т. д. и т. д.

Характерно, что большая часть иностранцевъ также всегда говорила о кнутѣ и палкахъ непосредственно вслѣдъ за анализомъ основъ нашей политической самобытности. Авторъ, въ общемъ, чувствуетъ, что ему прямо могутъ не повѣрить на Западѣ. „Россія — классическая страна чудесъ; здѣсь происходятъ вещи столь необычныя, что тотъ, кто не знаетъ этой удивительной страны, отнесетъ ихъ къ области сказокъ и лжи“, говоритъ онъ. Въ доказательство онъ приводитъ желаніе Николая, чтобы сгорѣвшій Зимній дворецъ былъ выстроенъ въ одинъ годъ. „Этотъ *tour de force* былъ исполненъ; но изъ шести тысячъ (*sic*)

---

<sup>1)</sup> *Les Mystères de la Russie. Tableau politique et moral de l'empire russe par M. Frederic Lacroix. Deuxième édition. Paris, 1854.*

рабочихъ, занятыхъ этимъ трудомъ втеченіе суровѣйшей зимы, большое число умерло отъ переутомленія и холода“. Авторъ отмѣчаетъ тѣ страхи, которымъ подвержена эта самая жестокая и неограниченная власть. Страшную силу этой власти (въ тѣ времена), полнѣйшее отсутствіе оппозиціи, всеобщее рабство, самое полное, самое унижительное, самое восточное рабство всего народа предъ своимъ владыкою — онъ признаетъ всецѣло; „русская знать лежитъ на животѣ предъ самодержцемъ“, замѣчаетъ онъ. И все-таки — власть неспокойна; она бдитъ, подслушиваетъ, шпионитъ, варварски караетъ за малѣйшій проблескъ свободной мысли. „Ни въ одной странѣ шпионство не организовано лучше, нежели въ Россіи. Въ Петербургѣ стѣны имѣютъ уши“; въ каждомъ домѣ, въ каждомъ нубличномъ мѣстѣ — шпионы и предатели. „Почтовая тайна есть чистѣйшая фикція. Никакая печать не священна для русской полиціи. И это признается (полиціею) громко, гласно, какъ самая простая вещь“. Частные люди, даже знать, иногда прямо боятся получать письма иначе, какъ по почтѣ, именно оттого, что почта, по крайней мѣрѣ, прочитываетъ и цензируетъ письма, а если получишь чрезъ посыльнаго, — то тамъ вдругъ окажется что нибудь неблагонадежное! Даже слуги великой княгини Елены Павловны убоялись какъ-то принять письмо, посланное ей англичаниномъ Рэксомъ не по почтѣ, а чрезъ лакея. „Всѣ русскіе воспитаны въ суевѣрномъ страхѣ предъ тѣмъ, что напоминаетъ идею власти. Повиноваться и молчать, обожать самодержца, если возможно, бояться его, если нѣтъ другого чувства, отречься отъ себя самого, чтобы все отдать требующимъ властителемъ, подавить всякій порывъ ума или сердца къ независимости, примириться съ тѣмъ, чтобы втеченіе всей своей жизни быть только солдатомъ подъ ружьемъ, пользоваться слухомъ и зрѣніемъ, только чтобы видѣть и слышать приказанія или разрѣшенія власти, обречь себя на роль нѣмого въ области политики, исторіи, философіи и религіи, приучиться къ притворству, къ обману, къ лести и низости — таковъ катехизисъ, по которому русскіе учатся общественной жизни“. Безграничное раболѣпіе знати предъ царемъ особенно поражаетъ Лакруа. „Царь есть центръ стремленія всѣхъ мыслей, ось, вокругъ которой движется все это странное общество. Нужно дѣлать столько вещей, чтобы ему понравиться, и избѣгать столько вещей, чтобы его не разгнѣвать, что этотъ смертный богъ, въ нѣкоторомъ родѣ, составляетъ единственную заботу русской знати. Тѣ, которые его не любятъ, — боятся его“. Удивляетъ нашего автора то, „что въ Россіи демонстративныя изъявленія любви подданныхъ къ монарху — обязательны“; на орденъ онъ смотритъ лишь какъ на средство сдѣлать всѣхъ этихъ преданныхъ людей болѣе ревностными. Въ то время какъ въ другихъ странахъ, пишетъ онъ, орденъ предназначенъ для вознагражденія заслугъ предъ отечествомъ, „въ Россіи это — средство вознаградить за низость и возбудить честолюбіе придворныхъ“. Лживость при дворѣ онъ констатируетъ страшнѣйшую. „Импера-

торъ и хотѣлъ бы не быть обманываемымъ, но всегда имъ будетъ; печальная участь . . . . . Онъ даже не узнаетъ никогда въ точности положенія своихъ обширныхъ владѣній, какія провинціи страдаютъ, какія части населенія жалуются, какихъ улучшеній требуютъ тѣ или другія части имперіи<sup>1)</sup>. Обманъ русскихъ царедворцевъ, длянщійся „изъ царствованія въ царствованіе“, Лакруа считаетъ такимъ невообразимымъ, что европейцу даже и понять трудно всѣ размѣры этой царедворческой лжи. Только лезть этихъ вельможъ по размѣрамъ своимъ можетъ сравниться съ ихъ лживостью. „Развѣ неизвѣстно, что въ 1837 году знатъ одной провинціи рѣшила превратить домъ, въ которомъ остановилась царъ во время одного своего путешествія, въ часовню, гдѣ бы ежедневно возносились молитвы о сохраненіи дней этого государя?“ Лакруа не видитъ никакой перемѣны даже въ способахъ лести и обмана при Николаѣ I — сравнительно съ эпохою, напр. Екатерины: если знаменитое путешествіе Екатерины на югъ было обставлено всевозможными бутафорскими деревнями и театральнымъ благополучіемъ, то при путешествіи Николая съ императрицею въ Одессу по всей дорогѣ власти устраивали аналогичныя декорации, кокетливо разукрашивали постройки и т. д.<sup>1)</sup>. Во всемъ этомъ удостовѣрили автора очевидцы этихъ старинъ преданныхъ властей — два французскихъ путешественника, случайно находившихся на мѣстѣ дѣйствія.

Предательство при дворѣ также приводитъ Лакруа въ недоумѣніе своею обнаженностью и безцеремонностью. „Деспотизмъ принижаетъ всѣхъ тѣхъ, кто подвергается его дѣйствію“, онъ оподляетъ характеры и ожесточаетъ сердца до того, что дѣлаетъ ихъ чуждыми всякому чувству милосердія, деликатности и благородства. „Въ Россіи, какъ только какойнибудь придворный упадетъ въ немилость, всѣ отъ него отдаляются. Нѣтъ у него уже друзей, покровителей; вокругъ его подвергшейся заклятію особы образуется пустыня; это — Каинъ послѣ своего преступленія, это — средневѣковой отлученный, которому отказывали въ водѣ и соли, и прикосновенія котораго боялись“.

Въ картинѣ, рисуемой Лакруа, вся русская жизнь, по мысли правительства, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ только эманацией, исходящей отъ самодержца; и въ матеріальной и въ духовной области никто и ничто не должно имѣть самостоятельнаго существованія. „Самодержецъ есть самъ по себѣ и папа, и соборъ. Онъ рѣшаетъ самыя трудныя богословскіе вопросы (sic), модифицируетъ богослуженіе, какъ желаетъ, заставляетъ принять новыя вѣрованія, декретируетъ святыхъ и отставляетъ ихъ. Императоръ Николай настолько хорошо понимаетъ, что религія, какъ на нее смотрятъ и какъ ее практикуютъ въ его имперіи, необходима для его деспотизма, что онъ безжалостенъ ко всему тому, что можетъ посягнуть на это основаніе его могущества“.

<sup>1)</sup> „Тотъ же корыстный шарлатанизмъ, тѣ же льстивыя уловки, тѣ же стратagemы — и при путешествіи нынѣшняго самодержца въ тѣ же губерніи“, говоритъ онъ.



Въ обрисовкѣ свирѣпости полиціи относительно народа, ея продажности, продажности всей администраціи сверху до низу, Лакруа сходится съ другими авторами. И онъ не видитъ возможности для абсолютизма помочь бѣдѣ, хоть немного измѣнить администрацію къ лучшему. „Зло неизлѣчимо. Впрочемъ, царь и не попытуетъ его излечить; онъ слишкомъ заинтересованъ въ сохраненіи этого порядка вещей, чтобъ не стараться его поддержать. Очевидно, что если бы его подчиненные агенты поднялись въ нравственномъ отношеніи, то онъ бы нашелъ въ нихъ безконечно менѣе послушанія и готовности исполнять его деспотическія приказанія“. Больше всего возмущаетъ нашего автора, что эта самая, столь безжалостная и свирѣпая полиція „относится съ совершенно отеческою снисходительностью къ ворамъ“, съ которыми входитъ въ соглашеніе насчетъ дѣлеж добычи . . .

Другія части книги Лакруа не относятся непосредственно къ нашей темѣ. Безотрадное впечатлѣніе отъ всей картины, — картины глубочайшаго рабства, гдѣ люди душатъ и угнетаютъ другъ друга, и всѣ вмѣстѣ являются безсловеснымъ стадомъ въ рукахъ общаго владыки, гдѣ власти сверху до низу творятъ, когда имъ это нужно, преступленія — это впечатлѣніе отъ книги Лакруа должно было смягчиться (съ точки зрѣнія его тогдашнихъ французскихъ читателей) новою нотою, почти невѣдомою его предшественникамъ: онъ очень скептически относится къ арміи и флоту Николая I и не вѣритъ въ ихъ несокрушимость.

## X.

Нужно сказать, что французская литература о Россіи въ періодъ Крымской войны, вообще, не такъ интересна тутъ для насъ, какъ можно было-бы ожидать: за вычетомъ шовинистической французской брани противъ непріятели мало остается такого, что стоило бы сколько нибудь подробно отмѣтить. Больше всего это перепѣвы Кюстина, „*Révélations*“ и другихъ старыхъ книгъ.

Анонимная книга о Россіи „*La Russie et la Turquie devant l'Europe*“<sup>1)</sup>, несмотря на свои 478 страницъ, не говоритъ ничего маломальски обстоятельнаго о Николаѣ и его режимѣ. Она больше занята дипломатическою исторіею 1853—54 г. г., турецкими дѣлами, значеніемъ восточной войны для Европы и пр. О Николаѣ I даются свѣдѣнія отрывочныя и беспорядочно разбросанныя. Онъ очень крѣпкаго здоровья. Любитъ носить мундиръ дивизионнаго генерала, вообще, любитъ военныхъ, и всякій разъ, какъ Франція

---

<sup>1)</sup> Полное заглавіе: „*La Russie et la Turquie devant l'Europe. Aperçu historique sur ces deux états. Gouvernement, religion, moeurs et coutumes. Portraits de Nicolas I et d'Abdul-Medjid. Testament politique et authentique de Pierre le Grand. Causes de la guerre actuelle. Campagnes de 1853—1854.* Paris (Morel éditeur), 1854.

отправляла къ нему посломъ генерала, царь встрѣчалъ его съ большою симпатіей. Поддерживаетъ очень суровую дисциплину не только въ арміи, но и въ своей семьѣ, и при дворѣ, и среди всѣхъ, кто его окружаетъ и пр. и пр., все въ такомъ же родѣ. Составилось лубочное представленіе объ отношеніи русскихъ къ Николаю, вѣчно повторявшееся всѣми, кто долженъ былъ наскоро написать о немъ, что подъ перо попадетъ: онъ считается отцомъ своего народа, послѣ царя Небеснаго народъ обожаетъ его больше всего. „Лучшій день для русскаго въ его жизни — это когда его императоръ обращается къ нему съ словомъ“, и т. д. Все это находимъ и въ названной книжкѣ; впрочемъ, ея авторъ такъ торопится перейти къ своей непосредственной темѣ, что личность Николая и русскій режимъ затронуты у него въ самой бѣглою, поверхностной, конспективной формѣ. Это — справочная книжка для большой публики, написанная по поводу войны и предназначенная для ориентировки читателя газетъ, чтобъ удобнѣе было слѣдить за происшествіями.

Книга Дюссье<sup>1)</sup>, профессора Сень-Сирскаго военнаго училища, разсматриваетъ начавшійся конфликтъ съ военной точки зрѣнія, и съ этой же стороны Россія его исключительно интересуется. Для насъ тутъ любопытны лишь нѣкоторыя мелькомъ высказанныя соображенія автора о россійскомъ самодержавіи. Онъ не надѣется на скорый миръ, какія бы пораженія ни пришлось потерпѣть Россіи: „самодержцы не пріучили насъ къ тому, чтобы мы видѣли, что они принимаютъ въ расчетъ потери и убытки, налагаемые войною на ихъ подданныхъ“. Это по части матеріальныхъ послѣдствій пораженія; что же касается моральныхъ, то здѣсь дѣло устранивается еще проще: потерянное сраженіе объявляютъ выиграннымъ, и „вмѣсто траура заставляютъ служить благодарственное молебствіе“. Идетъ дальше рѣчь и о „варварскомъ преслѣдователѣ польскихъ католиковъ и униатовъ“ и тому подобныя комплименты, но по существу не говорится почти ничего. Бюрократію русскую онъ характеризуетъ такъ: „русская бюрократія — формалистична, погружена въ бумажное производство, ей свойственна волокита. Она нагла и алчна“. Если Дюссье хотѣлъ дать справочную книгу о Россіи, то Баро Рулонъ задался болѣе широкою цѣлью<sup>2)</sup>: онъ указываетъ на Россію какъ на могучаго и страшнаго врага Европы и въ доказательство излагаетъ русскую исторію. Книга написана подъ вліяніемъ Кюстина, на котораго авторъ и ссылается. На подданныхъ Николая шовинистъ-авторъ смотритъ какъ на „стадо“, управляемое „кнутомъ“ — и въ войнѣ союзниковъ

---

<sup>1)</sup> Force et faiblesse de la Russie au point de vue militaire, par L. Dussieux, professeur à l'école impériale militaire de Saint-Cyr -Paris 1854.

<sup>2)</sup> Dangers pour l'Europe Origine, progrès et l'état actuel de la puissance russe. Question d'orient au point de vue politique, religieux et militaire, par C. H. Baurault-Rouillon (Paris 1854).

противъ Россіи усматриваетъ самозащиту цивилизаціи противъ „варварства“. Эта книга—отраженіе взглядовъ клерикальной части французскаго общества, которую, какъ сказано, Николай Павловичъ вооружилъ уже давно противъ Россіи преслѣдваніемъ польской церкви и униатовъ; клерикалы ненавидѣли его поэтому не меньше, нежели прогрессисты: это оригинальное единство общественнаго мнѣнія Франціи удалось создать только одному Николаю изъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ абсолютныхъ монарховъ тогдашней Европы.

Скажемъ два слова о книгѣ, хоть и не французомъ написанной, но слѣды вліянія которой отразились на памфлетахъ и памфлетныхъ статьяхъ, посвященныхъ личности царя въ 54—55 г.г. Книга „La Vérité sur l'empereur Nicolas“<sup>1)</sup>— написана, безспорно, русскимъ человѣкомъ, за котораго и выдаетъ себя анонимъ. Онъ глубочайшимъ образомъ ненавидитъ Николая, считаетъ его лицемеромъ и рѣшается довольно голосовно утверждать, что, какъ во время декабрьскихъ событій 1825 г., такъ и въ эпоху бунта военныхъ поселеній государь проявилъ будто-бы малодушіе. Онъ подчеркиваетъ какъ выдающіяся черты его характера—деспотизмъ и „лицемѣріе“. Авторъ отмѣчаетъ также жестокость: „онъ дошелъ до того, что единственный между всѣми современными государями, онъ часто усиливаетъ наказанія, къ которымъ приговариваютъ судебныя мѣста и военные суды“.

Эта книга прямо и непосредственно повліяла, между прочимъ, на „Исторію“ Николая, написанную Огюстомъ Роланомъ и вышедшую въ свѣтъ уже въ 1855 году<sup>2)</sup>. Роланъ тоже настаиваетъ на тенденціи Николая не смягчать, а усиливать суровость судебныхъ приговоровъ, и приводитъ разсказъ о княгинѣ Сангушко, умолявшей Николая о смягченіи участи мужа, котораго отправляли въ ссылку въ Сибирь, причемъ выслушавъ мольбу, Николай велѣлъ принести приговоръ и собственноручно приписалъ: „пѣшкомъ!“ Въ книгѣ упоминается о многихъ дѣяніяхъ режима; говорится объ „умиротвореніи“ Польши, о томъ, какъ было приказано забирать дѣтей у нуждающихся лицъ въ Польшѣ и отдавать ихъ въ кантонисты, причемъ, чтобы установить списокъ жертвъ, полицейскіе комисары предварительно пригласили всѣхъ нуждающихся дать о себѣ и своихъ семьяхъ свѣдѣнія, якобы для раздачи имъ вспомоствованій<sup>3)</sup> и т. п. Любопытно, что авторъ, повторяя вмѣстѣ съ другими мнѣніе о чувствительности Николая къ отзывамъ иностранной печати, утверждаетъ, что его больше всего беспокоятъ

---

<sup>1)</sup> La vérité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son regne, par un russe. Paris, 1854 (319 страницъ).

<sup>2)</sup> Auguste Rolland, Histoire politique et anecdotique du czar Nicolas I, empereur des russes (Paris 1855).

<sup>3)</sup> Rolland. Histoire polit. et anecd. du czar Nicolas I, стр. 61.

именно газеты, а не книги, „исключая книгу г. Кюстина“. Роланъ повторяетъ извѣстіе русскаго анонима (о которомъ мы только что говорили), что императоръ Николай старательно собираетъ все появляющееся о немъ на иностранныхъ языкахъ: книги, брошюры, альбомы съ наклейками газетныхъ вырѣзокъ — все это хранилось въ его кабинетѣ и постоянно пополнялось. Русскій консулъ въ Санъ-Франциско получилъ орденъ Станислава только за то, что прислалъ Николаю номеръ газеты съ извѣстіемъ съ Сандвичевыхъ острововъ: въ газетѣ излагался разговоръ американскаго представителя съ мѣстнымъ королемъ Камегамехою, въ каковомъ разговорѣ шла рѣчь о Николаѣ Павловичѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что французскія газеты 1854—55 г.г., нападая на Николая, больше повторяли то, что было имъ извѣстно изъ книгъ и памфлетовъ 30—40-хъ г.г., варіировались лишь тѣ факты и впечатлѣнія, какіе дала публикѣ охарактеризованная выше литература о Николаѣ. Впрочемъ, эти нападки, такъ сказать, имѣли преимущественно на сей разъ шовинистическое направление и происхождение: Николая громили за „ненасытное честолюбіе“, за стремленіе „поглотить Турцію“ и т. д. — О деспотизмѣ и произволѣ газетамъ, выходившимъ въ свѣтъ при режимѣ Морни и Персиньи, говорить уже было не столь удобно, какъ при Людовикѣ Филиппѣ или при второй республикѣ.

Во всякомъ, случаѣ, ни одна война Наполеона III (ни, даже, война съ Австріей 1859 г.) не была принята такъ сочувственно даже непримиримыми врагами французскаго императора, какъ именно война противъ Николая. Сидѣвшій въ тюрьмѣ республиканецъ и революціонеръ Барбесъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ узналъ о войнѣ съ Россіей (и, даже, одно его частное письмо съ выраженіемъ этихъ чувствъ, перехваченное администраціей, было причиною того, что Наполеонъ III его помиловалъ). Консервативная часть общества вспоминала униатовъ, ссылку ксендзовъ въ Сибирь, сѣченіе католическихъ монахинь; республиканцы и социалисты говорили о столпѣ всесвѣтной реакціи, о разгромѣ Польши, объ усмиреніи Венгріи — и всѣ они радовались, съ изумленіемъ видя, что ихъ суевѣрный страхъ былъ напрасенъ . . .

О русскихъ солдатахъ, тысячами безропотно и геройски гибнувшихъ въ Крыму, въ Парижѣ думали такъ же мало, какъ и въ самомъ Петербургѣ. Система Николая I уже научила Европу ненавидѣть тотъ народъ, который больше всего отъ этой системы страдалъ, изъ котораго такъ хищнически высасывались жизненные силы <sup>1)</sup>. Но были во время войны и голоса, отмѣтившіе, что не надо смѣшивать Россію съ тѣми, кто ею управляетъ. Чтобы напомнить объ одномъ такомъ голосѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы, разста-

---

<sup>1)</sup> Хотя о непричастности русскаго народа къ объявленію войны, объ отсутствіи народа въ этомъ смыслѣ — говорилось.

ваясь съ нашею темою, дать читателю понятіе о популярной, ходячей во Франціи оцѣнкѣ николаевскаго режима, какъ она сложилась окончательно въ этой роковой, заключительный моментъ его существованія, мы скажемъ нѣсколько словъ о самомъ выдающемся изъ французскихъ юмористическихъ сборниковъ эпохи Крымской войны.

## XI.

Вышедшая въ 1854 году карикатурная исторія Россіи, иллюстрированная Гюставомъ Дорэ,<sup>1)</sup> является, вообще, образчикомъ тѣхъ общихъ лубочныхъ представлений о Россіи, какія были въ это время распространены въ средней публикѣ на Западѣ. Кнутъ, нагайки, цѣлыя страницы кроваво-красныхъ пятенъ, пытки, рабы лежащіе связанными „пачками“ на карточномъ столѣ, гдѣ игроки ихъ проигрываютъ и выигрываютъ, — вотъ главное содержаніе иллюстрацій. Конечно, дипломатической злобѣ дня и Николаю Павловичу отведено чрезвычайно много мѣста. Вотъ „большой балъ при русскомъ дворѣ“, гдѣ изображенъ Николай, а вокругъ него — спины придворныхъ, ибо они такъ низко кланяются, что головы совсѣмъ не видно. Подпись гласитъ, что изъ этого рисунка всякій можетъ убѣдиться въ справедливости „уже весьма распространеннаго мнѣнія“, будто царь превосходитъ ростомъ всю свою націю. Вотъ — театръ: въ ложѣ, надъ которой прикрѣплены двѣ перекрещивающіяся нагайки съ черепомъ посрединѣ, стоитъ фигура; всѣ зрители стоятъ безъ шапокъ и у всѣхъ взоры устремлены къ этой ложѣ; капельмейстеръ изъ оркестра лицомъ обращенъ къ стоящей массѣ и дирижируетъ имъ палочкой, — а сзади, на сценѣ, изображены „французскіе артисты, весьма удивленные тѣмъ, что имъ предпочтительно даютъ играть роль зрителей“. Далѣе, съ прямой ссылкой на Кюстина, изображенъ лежащій въ постели путешественникъ, а изъ стѣны, изъ подъ стола, изъ подъ пола, изъ занавѣсокъ выглядываютъ шпионы. Въ нѣкоторыхъ карикатурахъ подчеркивается изобиліе шпионовъ женскаго пола въ тогдашней Россіи. Лживость военныхъ донесеній также отмѣчена: на одномъ рисункѣ изображены горы, сваливающіе на идущихъ внизу русскихъ солдатъ уничтожающія весь отрядъ глыбы, а на другомъ — блестящая иллюминація въ Петербургѣ по поводу этой „побѣды“, сообразно съ донесеніемъ генерала Остенъ-Сакена. Вообще, лживость и раболѣпіе бюрократіи отмѣчены нѣсколько разъ. На стр. 161-й, напр., изображенъ Николай, а предъ нимъ губернаторы помахиваютъ кадилницами, изъ коихъ исходитъ еиміамъ, одинъ же изъ нихъ стоитъ на колѣняхъ и лицомъ прижался къ николаевскимъ ботфортамъ. Особенно злобны карикатуры, осмѣивающія самоувѣ-

---

<sup>1)</sup> Histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie (Paris, 1854).

ренность, царившую въ высшихъ сферахъ Россіи предъ этой страшной Крымской войной. Книга издана въ 1854 году — но тамъ есть зловѣщее предсказаніе: лежитъ бумага съ надписью: „объявленіе Франціи войны“, а подъ бумагою подпись: „извѣщеніе о кончинѣ императора Николая I“. Частая въ русскихъ официальныхъ устахъ угроза 1812-мъ годомъ, т.-е. возможностью его повторенія, какъ извѣстно, такъ пріѣлась, что ничего кромѣ насмѣшекъ уже не вызывала (это обстоятельство, между прочимъ, отмѣчено было спустя нѣсколько лѣтъ и нашимъ Добролюбовымъ). На стр. 187 изъ игрушечнаго сундучка выскакиваетъ на пружинкѣ физиономія страшнаго вида, у которой на лбу изображена цифра: 1812, — на знамени въ рукѣ: 1812, и, даже, въ раскрытой пасти та же цифра: 1812. Предъ сундучкомъ хохочетъ французскій солдатъ, а подъ каррикатурой подпись: „Le diable des petits enfants“. Впрочемъ, не надъ народомъ тутъ смѣялись; къ народу русскому злобы нѣтъ. Вотъ изображены погибающіе въ бою русскіе солдаты, которыхъ гонятъ прямо на французскіе штыки чьи-то руки съ нагайкою; одинъ французскій солдатъ говоритъ другому: „пощадимъ эти бѣдныя жертвы, которыя противъ своей воли борятся съ нами“.

Такъ, кончается эта французская литература „сказаній иностранцевъ“ о николаевскомъ режимѣ, которую мы пытались охарактеризовать въ настоящемъ очеркѣ. Страхъ и ненависть къ режиму смѣнились злорадствомъ. Но, даже, для краснаго словца и въ разгарѣ войны — враги не всегда включали въ это чувство весь русскій народъ: — они оставляли его въ сторонѣ. Они къ нему никакъ не отнеслись, ибо онъ въ ихъ глазахъ тогда былъ ничѣмъ.

Ознакомившись съ этою литературою, начинаешь лучше понимать слова, сдѣлавшіяся обычными въ европейской прессѣ послѣ 18 февраля 1855 года: „смерть Николая I — самая большая услуга, которую онъ могъ при данныхъ обстоятельствахъ оказать своему народу, такъ какъ надъ его молодымъ преемникомъ не тяготѣетъ всеобщей ненависти, которая такъ затруднила бы и безъ того нелегкое положеніе русской дипломатіи во время мирныхъ переговоровъ“.

Слухи о томъ, будто императоръ Николай I покончилъ съ собою, даже какъ бы примирили французское общественное мнѣніе съ удалившеюся суровою фигурою и придали ей нѣкоторое трагическое величіе.

---

#### IV.

### Письма Герцена къ Эдгару Кинэ <sup>1)</sup>.

(Изъ рукописей Национальной библіотеки въ Парижѣ).

Сравнительно недавно (съ 1906 года) администрація „департаментъ рукописей“ парижской Национальной библіотеки начала выдавать изслѣдователямъ корреспонденцію и бумаги Эдгара Кинэ, поступившія въ это національное хранилище согласно волѣ вдовы историка еще въ 1890 году. Эти „Papiers et correspondance d'Edgar Quinet“ составляютъ 113 рукописныхъ томовъ, — причѣмъ переписка въ точномъ смыслѣ слова занимаетъ двадцать томовъ (съ 20781 по 20800 въ каталогѣ „fonds francais, nouvelles acquisitions“). Согласно принципу, усвоенному департаментомъ рукописей, письма подклеены къ бѣлымъ листамъ переплетенныхъ томовъ въ алфавитной послѣдовательности (по фамиліямъ корреспондентовъ, писавшихъ къ Эдгару Кинэ). Въ X-мъ фоліантѣ (по общему каталогу = f. fr. nouv. acq. № 20790), между корреспондентами, фамилія которыхъ начинается съ буквы Н, я нашелъ также и Герцена: девять его подлинныхъ писемъ подклеены къ стр. 85--96 этого тома.

Эти письма не только не были изданы, но и вообще, о нихъ нигдѣ нѣтъ упоминанія. Не говоритъ о нихъ также и М. О. Гершензонъ въ своей интересной статьѣ „Западные друзья Герцена“, напечатанной въ журналѣ „Былое“ за 1907 годъ и перепечатанной въ книгѣ „Образы прошлаго“ (Москва, 1912): впрочемъ, бумаги Кинэ и выдаваться стали впервые лишь незадолго до того, какъ работа М. О. Гершензона появилась въ печати.

Отношенія Герцена къ знаменитому тогда историку и эмигранту, не пожелавшему мириться съ бонапартовскимъ режимомъ и удалившемуся въ изгнаніе, были теплы и сердечны, несмотря на то, что они рѣдко и недолго живали въ одномъ городѣ. У Эдгара Кинэ была та душевная теплота, въ которой всегда, а особенно въ свои нерадостные послѣдніе годы нуждался Герценъ. Первое письмо помѣчено 14 декабря 1865 года, послѣднее — 22 іюля 1869 г., т. е. писано Герценомъ за полгода до смерти. Читателя охватитъ всецѣло тоскливая атмосфера, въ которой оканчивалась жизнь Герцена, когда онъ прочтетъ кое-какія строки

<sup>1)</sup> Эта статья напечатана впервые въ 1909 году.

этой корреспонденціи, напр., то письмо, въ которомъ Герценъ пишетъ, что онъ „плакалъ какъ ребенокъ“ надъ строфами итальянскаго поэта; e sono morti, — повторяетъ Герценъ, и чувствуется, что онъ это сказалъ бы не только объ итальянскихъ революціонерахъ, которыхъ онъ такъ любилъ, но и о погибшихъ надеждахъ своей собственной жизни. Принципіальный интересъ имѣетъ также его полемика въ двухъ письмахъ противъ Кинэ по поводу излишне уважительнаго (по мнѣнію Герцена) отношенія Кинэ къ принципу частной собственности.

Русскій народъ, по мысли Герцена, несетъ съ собою будто бы новое социальное откровеніе — общинное владѣніе землей. Это все тѣ же фантастическія воззрѣнія, за которыя онъ ухватился и держался не то съ надеждой, не то съ отчаяніемъ до конца жизни, какъ человекъ твердо знающій, что другого просвѣта, другихъ перспективъ ждать уже нечего, что тутъ — послѣднее и единственное свѣтлое упованіе. Историкъ мессіанистской струи въ народничествѣ — не пройдетъ мимо этихъ писемъ Герцена къ Кинэ.

Печатаемъ письма въ томъ же (хронологическомъ) порядкѣ, въ какомъ они подклеены къ листамъ упомянутаго фоліанта департамента рукописей. Французскій стиль Герцена — капризный, неровный, фразы построены часто прихотливо и запутанно (напр. въ 1-мъ письмѣ). Почеркъ — довольно четкій, хотя есть мѣста, которыя разбираются съ очень большими трудностями. Слово „profiter“ Герценъ пишетъ по старинному „profitter“; есть описки (util вм. utile и т. п.).

1.

1 Декабря 1865 г. Grande Boissiere, Женева.

Monsieur.

Осмѣлюсь ли я ввести (къ вамъ) моего молодого друга Александра Мордвинова<sup>1)</sup>, который желалъ бы имѣть случай говорить съ вами? Онъ принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ фамилій въ Россіи, — я хорошо знаю его брата. Во всякомъ случаѣ будьте снисходительны къ нему и ко мнѣ.

Я только что просматривалъ и изучалъ вашъ трудъ. Если бы я чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, я бы пріѣхалъ, чтобы сказать вамъ прежде всего, что я восхищаюсь вашимъ произведеніемъ, но затѣмъ, что мнѣ невозможно понять, какъ это случилось, что замѣчательному автору, который такъ превосходно начерталъ картину нашествія реакціи, когда Робеспьеръ остановился предъ католицизмомъ, предъ средними вѣками, — какъ это случилось, что наслѣдіе Рима, древняго государства, право земельной собственности согласно кодексу, — кажется ему (этому автору) абсолютнымъ?

<sup>1)</sup> Подстрочное примѣчаніе въ подлинникѣ: M-r. M. s'occupe de l'histoire des religions.



Дайте мнѣ разрѣшеніе пріѣхать къ вамъ, чтобы изложить вамъ мои идеи, хотя бы и немножко варварскія. Я думаю пріѣхать 5 января въ Монтре.

Простите мнѣ эту болтовню и примите мой почтительный привѣтъ.

Алекс. Герценъ.

Рѣчь идетъ объ исторіи революціи, которую выпустилъ какъ разъ въ 1865 г. Кинэ. Это — скорѣе философія исторіи революціи; книга имѣла шумный успѣхъ. Точка зрѣнія Кинэ — это точка зрѣнія республиканца-демократа, не особенно внимательно анализирующаго понятіе „народъ“, но уже и не довольствующагося однимъ только стариннымъ противоположеніемъ tiers-état — привилегированнымъ сословіямъ. Въ эти годы полной подавленности французской прессы, гоненія свободной политической мысли и усиленнаго культивированія клерикальных тенденцій книга Кинэ производила очень сильное впечатлѣніе и читалась на захватъ оппозиціонно-настроенными кругами. Ея общественное значеніе оказалось несравненно больше научнаго<sup>1)</sup>.

2.

Monsieur.

Вы не откажете мнѣ въ правѣ объяснить относительно того, что я осмѣлился сказать въ рекомендательномъ письмѣ, которое мой молодой другъ имѣлъ честь вамъ передать. Можетъ быть я плохо изъяснился, — такъ вотъ какова моя мысль и мотивы, почему она мнѣ особенно дорога.

Мы несемъ съ собою другое отношеніе человѣка къ землѣ, наша задача состоитъ въ попыткѣ развитіи индивидуальной свободы безъ потери права на землю, въ ограниченіи верховнаго права земельной собственности верховнымъ правомъ cadaго на земельное владѣніе, въ удержаніи общинной собственности рядомъ съ собственностью индивидуальной. Намъ, земледѣльцамъ, распахивавшимъ землю, привыкшую къ извѣстному аграрному передѣлу, подъ владычествомъ слоя завоевателей, сидѣвшихъ у насъ на плечахъ, намъ легче, нежели другимъ народамъ, разрѣшить въ нѣкоторомъ смыслѣ социальный вопросъ. Отношеніе человѣка къ землѣ, какъ мы его понимаемъ, не есть новое изобрѣтеніе въ Россіи, это есть фактъ первоначальный, такъ сказать естественный, мы застали его когда родились, мы имъ пренебрегли, мы его не знали, и мы хотимъ теперь съ искреннимъ раскаяніемъ развитъ его съ помощью науки и опыта Запада. Лишите насъ этой задачи, которую нужно разрѣшить, и мы снова

<sup>1)</sup> Кругъ вопросовъ, относящихся къ революціи (и затронутыхъ въ этомъ и слѣд. письмѣ), очень хорошо проанализированъ — проф. Н. И. Карѣвымъ въ его статьѣ о книгѣ П. Кропоткина „La grande Révolution“ („Рус. Бор.“, 1910, №№ 9 и 10).

впадемъ въ варварство, изъ котораго мы едва выходимъ . . . и мы останемся ордою казаковъ-завоевателей.

И вотъ почему мы не промѣняемъ нашего аграрнаго закона въ его зародышевомъ состояніи на старую латинскую кодификацію, на англосаксонское законодательство. Религія собственности по римскому закону и французскому кодексу убила бы наше будущее, какъ она въ союзѣ съ церковью убила великую революцію. Очевидно, что съ двумя подобными абортивными средствами, республика не могла создать что-либо жизненное. Парижскій народъ хорошо понималъ это, когда въ первый разъ поднялъ голову послѣ бурь террора, и когда въ конвентѣ прогремѣлъ его мрачный вопль: „хлѣба!“ Его отсылаютъ прочь, — онъ больше не мѣшается въ дѣла, и онъ правъ.

Экстравагантности Бабефа, утопіи почти всѣхъ социалистическихъ школъ не говорятъ ничего противъ сущности дѣла. Интенсивность бреда свидѣтельствуетъ объ интенсивности болѣзни.

Страданіе констатируется наличностью галлюцинацій, патологической вопросъ поставленъ. Если терапіи не оказалось, — это еще не основаніе для того, чтобы обойти вопросъ, да это, какъ мы видимъ, и невозможно. Экономическій и социальный вопросъ это „великое неизвѣстное“ нашего времени. И каждый разъ, когда представляется случай, мы обращаемъ вниманіе нашихъ „старшихъ“, нашихъ „сенаторовъ“ (*pères conscrits*) въ наукѣ и въ цивилизаціи на то, что произрастаетъ въ нашихъ степяхъ.

На Россію до сихъ поръ смотрѣли только какъ на грозящую лавину; ну, такъ, вотъ, мы хотимъ показать, что подъ снѣгомъ, есть земля, и что эту землю владѣютъ другимъ способомъ, чѣмъ историческою землею стараго міра.

Такова причина, побудившая меня въ 1851 году написать длинное письмо къ знаменитому другу вашему (и моему, осмѣлюсь я сказать теперь) Ж. Мишле „о русскомъ народѣ и социализмѣ“. Со времени неудачи февральской революціи я только и дѣлаю, что проповѣдую все то же. Вы признаете за мною это смягчающее обстоятельство. Съ восхищеніемъ читаю широкую, суровую, полную силы и мужества картину, которую вы даете, — картину самоубійства революціи посредствомъ католицизма, я невольно думалъ о другомъ врагѣ . . .

Позвольте мнѣ предложить вамъ (какъ только я буду имѣть экземпляръ, — это лондонское изданіе вышедшее въ 1862 году) работу моего друга Огарева о „положеніи Россіи“; просмотрѣвши ее, вы найдете *in extenso* то, что я затронулъ только что въ своемъ письмѣ.

Французское изданіе „Колокола“ уже не выходитъ. Г. Фонтэнъ намѣренъ редактировать журналъ, составленный изъ нашихъ статей въ переводѣ.

Примите, М., искреннее выраженіе моего глубокаго уваженія.

Алекс. Герценъ.

P. S. Вы мнѣ позволите, Monsieur, привести общую часть письма въ нашемъ журналѣ.

30 Дек. 1865. Grande Boissière, Женева.

Герценъ, дѣйствительно, напечаталъ вскорѣ существеннѣйшую часть этого письма въ „Колоколѣ“.

3.

Monsieur.

Я получилъ телеграмму, которая принуждаетъ меня немедленно уѣхать въ Женеву, мнѣ невозможно придти проститься съ m-me Кинэ и съ вами. Я надѣюсь вернуться чрезъ пятнадцать дней и тогда воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ.

Примите, М., выраженіе моей искренней симпатіи и моего глубокаго уваженія.

Алекс. Герценъ.

Воскресенье утромъ.

P. S. Я вамъ послалъ „le Nord“. Одинъ изъ нашихъ интимныхъ друзей г. Бакстъ взялся передать это письмо, позвольте мнѣ рекомендовать его вамъ, какъ очень выдающуюся личность.

5 января 1866. G-de Boissière, Женева.

4.

Monsieur.

Безконечно благодарю васъ за ваше письмо, которое я имѣлъ честь получить, и я вамъ предлагаю брошюру г. Огарева, который только что прибылъ изъ Лондона. Взгляните на нее, и вы увидите, какой странный міръ эта Россія.

Мнѣ невозможно пріѣхать въ Вейто раньше, нежели дней черезъ десять, и я доставлю себѣ истинное удовольствіе, воспользовавшись вашимъ приглашеніемъ.

Примите, М., мой почтительный и усердный привѣтъ.

Алекс. Герценъ.

5.

Monsieur.

Очень мнѣ не посчастливилось, что не былъ вчера утромъ дома. Я предполагалъ сегодня придти засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, но мнѣ нужно еще разъ поѣхать въ Вевэ. Я нашелъ нѣчто очень хорошее -- недалеко отъ вокзала Вевэ, со стороны аллеи для прогулокъ.

Говоря съ вами о „Dovere“ я смѣшалъ его съ „Libertà e lavoro“, которая прервана на нѣсколько мѣсяцевъ. Я вамъ по-

сылаю одинъ № и одинъ № „Nord“, который я выписалъ изъ Женева — вы тамъ найдете дополнительныя правила объ экспроприации духовенства въ Польшѣ. По ошибкѣ мнѣ не прислали № отъ 18 января. Я постараюсь найти его.

Примите, Monsieur, мой почтительный привѣтъ.

Алекс. Герценъ.

27 янв. 1868. Hôtel des Alpes.

6.

9 сентября 1866. Женева. 7, Quai Mont Blanc.

Monsieur.

Еще разъ я имѣю случай просить у васъ позволенія ввести къ вамъ одного изъ моихъ соотечественниковъ, который очень желаетъ засвидѣтельствовать вамъ почтеніе. У него тоже французская кровь въ жилахъ, его фамилія — Стадлеръ. Вы найдете въ немъ очень образованнаго и очень интереснаго человѣка.

Простите меня и примите мой почтительнѣйшій привѣтъ.

Алекс. Герценъ.

Слѣдующее письмо Герцена относится уже къ началу 1869 года и служитъ отвѣтомъ на то, которое, по поводу прекращенія „Колокола“, 4 января 1869 года Кинэ написалъ Герцену. Для связи приведемъ сначала это письмо Кинэ, напечатанное въ четвертомъ томѣ „Lettres d'exil“<sup>1)</sup>. „Никто больше меня не жалѣеть о „Колоколѣ“. Ничто его не замѣнитъ. У меня есть потребность поблагодарить васъ за хорошіе часы, которыми я вамъ обязанъ. Каждый изъ вашихъ номеровъ былъ для меня великолѣпнымъ сѣвернымъ сіяніемъ въ нашей западной ночи. О, я прошу васъ по крайней мѣрѣ дать намъ переводъ этой несравненной ма-зурки, которую вы намъ прочитали въ Вейто. Радости и счастья!“

7.

8 января 1869. Ницца (Alpes Mar.)<sup>2)</sup>.

Villa Filippi, Rue Merlanzoni.

Très cher et vénérable Monsieur.

Ваше письмо отъ 4-го было для меня большимъ утѣшеніемъ. Очень васъ благодарю за него, — и отъ всего моего сердца. Черствѣешь, сохнешь безъ этихъ словъ симпатіи со стороны лицъ, которыхъ мы привыкли уважать и любить.

<sup>1)</sup> Quinet, Lettres d'exil, t. IV, стр. 45. Ср. также Гершензонъ, Образы прошлого, стр. 252.

<sup>2)</sup> Департаментъ Морскихъ Альпъ.

Мнѣ всегда казалось, что во время остановиться есть дѣло необходимое, безъ „memento mori“ со стороны Хора. Не ожесточеніе нашихъ враговъ заставило насъ рѣшиться завязать нашъ колоколь, но равнодушіе нашихъ друзей, отсутствіе всякой моральной опоры. Я боролся одинъ съ 1853 года, потомъ вдвоемъ, — теперь пора, чтобы другіе испробовали свои силы.

Мы будемъ продолжать нашу работу, мы также готовы снова взяться за „Колоколь“, но при другихъ условіяхъ.

Русскій корабль фатально натолкнется чрезъ одинъ годъ, въ 1870 году, на грозную скалу. Нѣтъ рулевого, который бы ее обошелъ. Это — конецъ срока выкупа земель, и тутъ будетъ довершеніе освобожденія крестьянъ. Мы ждемъ на этомъ правительстве и дворянствѣ. Это гораздо важнѣе для насъ, чѣмъ воинственные крики и крестовые походы Анри Мартэна, Петра Пустынника „Вѣка“<sup>1)</sup>.

Издали я слѣжу за вами — и въ книгѣ m-me Кинэ, и въ вашихъ „Горахъ“. Съ какимъ огромнымъ удовольствіемъ я читалъ заключеніе статьи въ *Revue des deux Mondes*; послѣ женевской рѣчи слѣдовало еще разъ раздавить гордость — природою. Я увѣренъ, что вы заставили вздрогнуть цѣлое поколѣніе вашихъ соотечественниковъ. Они никогда объ этихъ вещахъ не думали; никогда до такихъ размѣровъ не доходили.

Чрезъ двѣ недѣли вы получите приложеніе къ „Колоколу“ (на половину — на французскомъ языкѣ, на половину — на русскомъ). Я васъ прошу взглянуть на маленькую статью „Monte Rosa“ — это отрывокъ изъ моихъ мемуаровъ.

Къ несчастью у меня тутъ нѣтъ русскаго текста маленькой статьи „Мазурка“. Какъ только приѣду въ Женеву (чрезъ 2—3 мѣсяца), — еще разъ переведу ее для васъ, — это мнѣ доставитъ истинное удовольствіе.

Вашъ всецѣло преданный

Алекс. Герценъ.

---

Намъ кажется умѣстнымъ познакомить читателя съ тою статьей Герцена, о которой тутъ идетъ рѣчь. „Мазурка“ напечатана была въ „Колоколѣ“ 15 іюня 1867 года (№ 243), — по поводу шумныхъ офиціозныхъ овацій славянскимъ гостямъ, прибившимъ на московскую выставку. Эта „всеславянская“ манифестация на другой день послѣ усмиренія Польши и вызвала герценовскія строки, которыя необходимо напомнить. „Колоколь“ давно уже сталъ библиографическою рѣдкостью, а изданіе Герцена, предпринятое М. К. Лемке, при нынѣшнихъ условіяхъ печатанія, едва-ли очень скоро доберется до 1867 года.

Статья начинается общеою критикою „національныхъ болѣзней“, послѣ чего переходитъ къ эпизоду со славянскими гостями.

---

<sup>1)</sup> Газ. „Le Siècle“, гдѣ писалъ Мартэнъ.

„При приѣмѣ въ Петербургѣ „славянскихъ гостей“, пожаловавшихъ на выставку (какъ выражается канцелярскій служитель, писавшій одну изъ корреспонденцій Голоса), ихъ повезли въ Оперу“. „Какъ ни несчастлива названіе“, пишетъ Герценъ, — (это была „Жизнь за царя“) —, но за неимѣніемъ другой хорошей русской оперы надобно было избрать пьесу, на выставкѣ которой политическое идолопоклонство и неловкая демонстрація. Имя оперы придало представленію что-то служебное — и добрые гости наши, сильно попривыкнувшіе къ обычаямъ милой Австріи, такъ хорошо это поняли, что явились въ театръ, осѣнивъ себя крестами, кто св. Анны на шеѣ, кто Владиміромъ въ петлицѣ“ . . . Тутъ-то и произошла демонстрація: „но вотъ раздается мазурка, знаменитая великая мазурка Глинки . . .“ Публика шикаетъ . . . Чему? тому (поясняетъ Голосъ), что на этомъ праздникѣ славянъ, что на этой Жизни за царя, нѣтъ поляковъ.

„Въ этомъ жестокосердомъ отсутствіи такта, въ этой грубо-безжалостной выходкѣ, мы съ ужасомъ увидѣли всѣ ненавистныя намъ, всѣ скверныя стороны русскаго характера. Такъ и пахло муравьевщиной, катковщиной, крѣпостниками, квартальными . . .

Объяснять, почему поляки не могли, не должны были быть, излишне. Они слишкомъ много невосковыхъ фигуръ клали въ саванѣ, чтобы смортѣть на рамазановскія и не знаю каковскія въ Москвѣ“. „Да оставьте же этому народу, взявши у него все, — его трауръ, его отсутствіе на вашихъ пирахъ.

Еслибъ русскіе хотѣли примириться съ поляками, они бы ихъ звали на это примиреніе — словами любви, кротости, смиренія, — мы ничего подобнаго не слышали. Нѣтъ, тутъ хотѣлось другого“... Пусть она, въ крови, въ слезахъ идетъ на зрѣлище, и пусть она, потерявшая все, осиротѣлая вдова, бездѣтная мать, пусть смотритъ и аплодируетъ, вотъ чего хотѣло правительство, по мнѣнію Герцена. „Намъ это будетъ пріятно“.

„Шикай правительство, Бергъ и Адлербергъ, Валуевъ и Шува-луевъ, мы не сказали бы ни слова, но вѣдь шикаль городъ, его „образованная часть“, и отъ этого у насъ сердце обливается кровью. Какъ ни стара грустная отмѣтка, что правительство всегда соотвѣтствуетъ своему народу, а нельзя ее не помянуть“.

Далѣе онъ выражаетъ свое негодованіе и по поводу поведенія славянскихъ гостей.

„Ну, а гости?.. Маститый Палацкій, краснорѣчивый Ригерь... они своимъ молчаніемъ подтвердили, что ли, приговоръ? Трудно сказать, люди эти всю жизнь такъ привыкли бояться полиціи и властей, что имъ можетъ и въ голову не пришло, что ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы протестовать во имя отсутствующаго народа. Можетъ они это сдѣлаютъ въ Москвѣ. Подождемъ.

Протестовать, словно какъ-то неловко, больно много хлѣбасоли, меда-вина въ русскомъ гостепріимствѣ... „Только одинъ молодой король до того запутался въ Парижѣ, что забылъ о несчастной сестрѣ, исходящей въ зломъ недугѣ, и о братѣ, котораго

чуть не разстрѣляли. Пиръ пиромъ, а дѣло дѣломъ. Именно имъ-то, „дорогимъ гостямъ“ всеславянскимъ, приходилось всего лучше, средь ликованій, вспомнить не шиканьемъ, а слезой, что одной сестры нѣтъ, и что одинъ братъ казненъ“. Далѣе слѣдуетъ *post-scriptum*, въ которомъ клеймится тость кн. Черкаскаго, приглашавшаго поляковъ покаяться въ своихъ грѣхахъ. — Какъ извѣстно, Герценъ издалъ „Мазурку“ во французскомъ переводѣ и посвятилъ ее Эдгару Кинэ. Это случилось безъ малаго спуста пва года.

Еще одно мѣсто этого письма требуетъ поясненія: это, именно, слова о „заключеніи статьи въ „*Revue des deux Mondes*“, которое Герценъ читалъ съ „огромнымъ удовольствіемъ“.

Рѣчь идетъ, очевидно, о статьѣ Эдгара Кинэ „*La Nouvelle Genèse. L'esprit nouveau dans les Sciences de la nature.*“ Эта статья напечатана въ *Revue des deux Mondes* 15 ноября 1868 г. (стр. 294—316). Заключение статьи, понравившееся Герцену, полно смѣлыхъ фантазій, отчасти въ духѣ современнаго намъ Уэльса. Кинэ спрашиваетъ, не явится ли когда-нибудь на землѣ существо, которое будетъ такъ владычествовать надъ человѣкомъ, какъ человѣкъ нынѣ владычествуетъ надъ животными и т. п. Читатель вспомнить, что Герценъ и самъ любилъ построеніе гипотезъ о будущемъ рода *homo sapiens* (причемъ, напр., иной разъ ему казалось, что природа такъ же уничтожитъ людей, страдающихъ гипертрофированной сознательностью, какъ она уничтожила допотопныя гигантскія породы). Смѣлый полетъ фантазіи Кинэ увлекъ его. Замѣтимъ кстати, что эта статья Кинэ должна была служить введеніемъ къ книгѣ „*La création*“.

---

8.

12 іюня 1869. Женева 19 Pré l'Evêque. Pens. Krauss.

Cher Monsieur.

Я получилъ съ живѣйшею признательностью три письма для Брюсселя <sup>1)</sup>, которыя вы были такъ добры, прислать мнѣ. Вы найдете на другой страницѣ моего письма цитированныя въ моей статьѣ строфы изъ „*Spigolatrice di Sapri*“, — я ихъ переписалъ, чтобы предложить ихъ m-me Кинэ. Это восхитительно въ своей наивности, въ первый разъ, когда я читалъ

---

1) Очевидно рекомендательныя: Герценъ собирался тогда ѣхать въ Брюссель.

эти стихи, прекрасный образъ Пизакане, какъ будто стояль предо мною — и я плакаль какъ дитя.

. . . e sono morti!

Вы получите вмѣстѣ съ этимъ нѣсколько экземпляровъ „Ма-зурки“, воскрешенной вами.

Привѣтствую васъ отъ всего моего сердца и остаюсь всецѣло вамъ преданный

Алекс. Герценъ.

На другой половинѣ листка приведены итальянскія строфы изъ *Spigolatrice di Sapri*, произведенія поэта эпохи объединенія Италіи—Луиджи Меркантини . . . <sup>1)</sup> Простодушный разсказъ собирательницы колосьевъ о высадкѣ экспедиціи Пизакане, о трехстахъ юношахъ, которые „со слезою и улыбкой“ шли умирать за родину принадлежить, въ самомъ дѣлѣ, къ лучшимъ созданіямъ Меркантини. Герценъ приводитъ двѣ самыя поэтическія, больше всего за душу берущія строфы этого стихотворенія (вторую и третью). Карло Пизакане отплыль 25 июня 1857 г. изъ Генуи на купеческомъ суднѣ „Cagliari“ съ небольшимъ отрядомъ революціонеровъ, которые сѣли подъ видомъ пассажировъ. Судно отправлялось, собственно въ Сардинію, но когда вышли въ открытое море, Пизакане потребоваль у капитана, чтобы онъ держаль курсъ къ королевству Обѣихъ Сицилій. Высадившись сначала въ портѣ Понцы, затѣмъ въ Сапри, Пизакане съ товарищами подверглись нападенію со стороны неаполитанскихъ королевскихъ войскъ и послѣ отчаянной защиты, частью были перебиты, частью разстрѣляны уже послѣ сраженія; Пизакане погибъ вмѣстѣ съ большинствомъ участниковъ своего маленькаго отряда. О его „голубыхъ глазахъ“ и „золотистыхъ волосахъ“ и говоритъ дѣвушка въ строфахъ Меркантини.

---

1) Sceser con l'armi ea noi non fecer guerra,

Ma s'inchinaron per baciare la terra.

Ad uno, ad uno li guardai nel viso:

Tutti aveano una lagrima e un sorriso.

Li disser ladri usciti dalle tane,

Ma non portaron via nemmeno un pane;

E li sentii mandare un solo grido:

— Siam venuti a morir pel nostro lido.

Eran trecento, eran giovani e forti, —

E sono morti!

Gon gli occhi azzuri e coi capelli d'oro,

Un giovin camminava innanzi a loro.

Mi feci ardita, e, presol per la mano, —

Cli chiesi: Dove vai, bel capitano?

Guardommi e mi rispose: O mia sorella,

Vado a morir per la mia patria bella. —

Jo me sentii tremare tutto il core,

Nè potei dirgli: V'ajuti il Signore!

Eran trecento, eran giovani e forti

E sono morti!



Отвѣтъ Кинэ на это письмо находимъ среди уже упомянутыхъ выше „Lettres d'exil“<sup>1)</sup>); приведемъ его для читателя, не имѣющаго подъ рукою этого изданія: „Г. Александру Герцену, въ Женеву. Вейто, 16 іюня 1869. Cher Monsieur, еще разъ — моя благодарность за героическую Мазурку. Письмо, которое вы написали въ началѣ, есть дружественный договоръ между нами. Я поищу отголоска<sup>2)</sup> въ нашихъ газетахъ, но онѣ слишкомъ напуганы своею побѣдою. Я совсѣмъ недавно испыталъ это.

Моя жена очень признательна за восхитительныя строфы, которыя вы потрудились переписать. Ничего нѣтъ болѣе захватывающаго, болѣе энергичнаго. Онѣ заслуживаютъ того, чтобы быть вашими. Какимъ вечеромъ мы вамъ обязаны! Какими разсказами! Какою жизнью! Все это продолжаетъ вибрировать во мнѣ поминутно.

Если въ Брюсселѣ я могу вамъ быть для чегонибудь полезнымъ, это для меня было бы честью. Только извѣстите меня. Добраго здоровья, хорошаго пути и возвращайтесь къ намъ скоро! Edgar Quinet.“

Эдгаръ Кинэ былъ, прежде всего, человѣкомъ искреннимъ и неспособнымъ говорить фальшивые и преувеличенные комплименты. Тѣмъ любопытнѣе, что онъ, не зная какъ лучше выразить свой восторгъ по поводу поэтическихъ строфъ Меркантини, пишетъ Герцену: „онѣ заслуживаютъ того, чтобы быть вашими“.

Спустя пять недѣль Герценъ написалъ Кинэ еще одно письмо — послѣднее (по крайней мѣрѣ, изъ сохранившихся).

9.

22 іюля 1869. Брюссель, 18 Rue de Paris.

Cher et vénérable Monsieur,

Я намѣревался поблагодарить васъ за ваши хорошія письма и за прекрасный пріемъ со стороны г.г. Ванъ-Меккенъ, Лансделенъ и Бона и сказать вамъ нѣсколько словъ о первомъ впечатлѣніи, которое произвелъ на меня Брюссель, какъ, вотъ, вдругъ одинъ совсѣмъ особенный случай, который лучше моего разсказа рисуется положеніе вещей, заставляетъ меня обратиться къ вамъ съ просьбою.

Одинъ молодой французскій ученый, занимающийся точными науками, г. Робэнъ, только что высланъ изъ Бельгіи за свои социалистическія мнѣнія. Я съ нимъ познакомился въ Парижѣ у редактора „Philosophie positive“. Это человѣкъ женатый и безъ средствъ. Онъ отправился въ Швейцарію искать уроковъ или какогонибудь занятія. Позволяю себѣ дать ему это письмо. Одно

1) Quinet, Lettres d'exil, IV стр. 126.

2) Относительно выхода въ свѣтъ французскаго изданія „Мазурки“

слово въ его пользу можетъ быть для него очень полезно; можетъ быть г. Барни не откажетъ ему въ рекомендацій.

Я сознаюсь, что этотъ инцидентъ пролилъ холодную воду на мою голову, и я уже не знаю, останусь ли здѣсь на зиму или нѣтъ. Я получилъ вашу статью о выборахъ,—съ большою признательностью. Теперь, впрочемъ, результатъ не такъ для меня ясенъ. Около 5 Августа я дней на десять поѣду въ Парижъ, я хочу посмотрѣть, возможно ли чтонибудь сдѣлать съ Delacroix или съ Revue des deux Mondes.

Еще и еще разъ примите увѣреніе въ величайшемъ моемъ уваженіи къ вамъ и m-me Кинэ и позвольте мнѣ пожать вамъ руку.

Ал. Герценъ.

---

„Выборы“ о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, это — выборы 1869-го года во французской Законодательный Корпусъ, давшіе оппозиціи столько мѣстъ, сколько она ни разу не имѣла за весь періодъ второй имперіи (большинство, конечно, осталось всетаки за правительствомъ,—и большинство подавляющее).

И Герценъ, и Кинэ вѣрили и не вѣрили (т. е. боялись слишкомъ много вѣрить) въ начинающееся оживленіе оппозиціи противъ второй имперіи. Кинэ спустя одинъ годъ увидѣлъ паденіе Наполеона III, но Герцену уже не довелось узнать, куда примчалъ, наконецъ, Францію ея „траурный кучеръ“, о которомъ онъ нѣкогда—по поводу покушенія Орсини—писалъ.

---

#### IV.

### Герценъ и германская государственность.

Тѣ, у кого есть привычка перечитывать Герцена, вѣроятно, давно уже поинтересовались вспомнить, что онъ думалъ о нѣмцахъ вообще, объ Австріи и Пруссіи — въ частности, и что онъ думалъ (это тоже любопытно) о разныхъ манерахъ порицать Австрію и Пруссію. Герценъ не любилъ очень многого въ германскомъ прошломъ и настоящемъ, считалъ гибельнымъ для „всякаго прогресса“ усиленіе политическаго вліянія этихъ державъ, но никогда эта ненависть не выражалась у него въ формѣ національнаго самохвальства (которое онъ считалъ самымъ смѣшнымъ изъ нѣмецкихъ недостатковъ) или псевдомистическихъ прозрѣній. Никогда онъ не звалъ на помощь ветхія суевѣрія, сакраментальныя словечки и заклинанія, — которыя, впрочемъ, и въ первый моментъ своего появленія больше нравились Шевыреву, чѣмъ Хомякову, — Погдину, чѣмъ Ивану Аксакову; тѣмъ, которые были поглубѣе душою и крикливѣе въ стилѣ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я укажу сначала на сужденія Герцена, касающіяся Пруссіи, Австріи, германцевъ, какъ политической націи; затѣмъ, охарактеризую общее отношеніе Герцена къ германской эмиграціи и, шире, къ представителямъ демократическихъ германскихъ теченій въ 1848 году, въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ. Конечно, я не коснусь вліянія гегельянства и, вообще, теоретической философской мысли Германіи на Герцена, а также отношенія его къ германской поэзіи, къ Гете, романтикамъ Шиллеру, Гофману и т. д.; не сдѣлаю я этого не только потому, что этотъ сюжетъ въ достаточной степени извѣстенъ, но, прежде всего, потому, что цѣль моего очерка — характеристика возрѣній Герцена на германскую государственность и на политическую сторону германской культуры, германскаго историческаго бытія.

Долженъ замѣтить, что чрезвычайно много любопытнаго для моей темы (больше, чѣмъ въ извѣстныхъ всѣмъ и каждому „Быломъ и Думахъ“) я нашелъ въ быстро забываемомъ „Колоколѣ“. На двухъ съ половиною почти тысячахъ страницъ „Колокола“ за 1857—1869 гг. (какъ русскаго, такъ и французскаго изданій, съ

прибавленіями) разбросано вообще много статей, отрывковъ, замѣтокъ, которые не вошли ни въ женевское, ни въ позднѣйшее петербургское изданіе (1905 и сл. гг.); въ частности, повторяю, безъ „Колокола“ нельзя и братья за интересующую насъ здѣсь тему. Укажу, между прочимъ, что, когда мнѣ приходится цитировать тѣ произведенія Герцена, которыя первоначально печатались въ „Полярной Звѣзды“ и „Колоколъ“ и только потомъ попали въ собраніе сочиненій, — я стараюсь пользоваться текстомъ „Полярной Звѣзды“ и „Колокола“, какъ печатавшимся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого автора; когда нужно цитировать собраніе сочиненій, я обращаюсь къ женевскому изданію. Что касается изданія, предпринятаго М. К. Лемке, то оно пока (1917 г.) доведено лишь до конца 1857 года. Оно тоже тутъ принято мною во вниманіе.

## I.

Въ годы, когда Герценъ съ жадностью изучалъ не только прославленныхъ и гремѣвшихъ вождей германскаго философскаго движенія, но и представителей исторической эрудиціи вроде Гфререра и Шлоссера, когда онъ, безспорно, какъ никто изъ его молодыхъ современниковъ, осваивался съ германской умственной атмосферою, онъ ужъ выработалъ себѣ отрицательный взглядъ на ту государственность, наиболѣе типичною представительницей которой была среди германскихъ государствъ именно Пруссія. И тогда же онъ включилъ въ формулировку своего взгляда одну оговорку, весьма для него характерную. Вотъ что записалъ онъ въ своемъ дневникѣ подъ 7 октября 1842 года, послѣ прочтенія анонимной брошюры De la Prusse: „Пруссія должна была, если не вся, то правительствомъ, покраснѣть до ушей. Скрытый, обманчивый, безэнергичный и тупой деспотизмъ, облеченный въ формы германо-quasi-европейскія. Страшно сдѣлается на душѣ, когда видишь все бѣдное развитіе права гдѣ-нибудь въ Пруссіи, вдругъ взглянешь домой — Пруссія покажется раемъ земнымъ“<sup>1)</sup>. Онъ усердно изучаетъ исторію Германіи, и ея прошлое кажется ему не только ужасающимъ, но и отвратительнымъ: „Судьбы Германіи жалки и пошлы въ XVIII вѣкѣ. Ея аристократы все-таки мѣщане, *cela n'est pas du comme il faut*, нѣтъ граціи, нѣтъ благоденства. И отвратительные кретины, царствовавшіе, не занимаясь, разоряя, уничтожая въ глупой роскоши свои народы, заставляютъ дивиться: откуда взялись цѣлыя поколѣнія дураковъ и мерзавцевъ на тронѣ и около, и еще болѣе дивиться этой кошачьей живучести нѣмцевъ, которыхъ разоряютъ, разоряютъ и войной, и войсками, и палачами, и фальшивыми деньгами и таксами, и всѣмъ на свѣтѣ, а они все съ голоду не мрутъ. Вотъ великіе результаты

<sup>1)</sup> Сочиненія (Женева, 1875), т. I, 43. (-изд. Лемке III, 46).

картофельной экономии. Безнравственность въ Германіи дошла до высшаго предѣла, ни малѣйшей тѣни человѣческаго достоинства. Крѣпости набиты арестантами, гоненія за религію, гоненія за стихи, гоненія за дерзкое слово о министрѣ, все это тихо, безъ шума и народъ — ничего... Ученые и духовенство первые клеветы власти. Французы, сгнетенные деспотизмомъ Людовика XIV, гнушались нѣмецкою подлостью... Во Франціи чувствуется вліяніе новаго духа... Въ Германіи нѣтъ ни одного луча свѣта, тамъ одинъ либераль — Фридрихъ II, самодержавецъ Пруссіи<sup>1)</sup>. Эпоха „галломаніи“, вліянія французовъ, была „весьма необходима, чтобъ очеловѣчить нѣмцевъ“<sup>2)</sup>. Но тутъ же прибавляетъ: „Удивительное развитіе: гдѣ и какъ прозябали зародыши, распустившіеся вдругъ? Откуда столько силъ у Германіи, изнуренной войнами? Какъ просвѣщеніе коснулось массъ въ столь короткое время?“ Но отъ этого просвѣщенія государственность не выигрывала: чѣмъ больше Герценъ размышляетъ объ исторіи Германіи и особенно Пруссіи, тѣмъ больше онъ укрѣпляется въ сужденіи, будто въ самихъ нѣмцахъ есть особая, яко-бы немислимая для другихъ націй стихія низкопоклонства, присущая въ такой мѣрѣ только имъ однимъ. По поводу вербовки людей въ солдаты въ XVIII столѣтіи онъ восклицаетъ: „...это только-возможно съ нѣмцами и въ Германіи“<sup>3)</sup>. Эта мысль, высказанная имъ впервые въ августѣ 1844 года, уже не оставляла его, — и спустя четырнадцать лѣтъ онъ раздраженно писалъ: „мы очень серьезно обращаемъ вниманіе русскихъ журналистовъ на необходимость воздержаться (отъ) этихъ цвѣтовъ подобострастія... Ссылаться въ этомъ на нѣмцевъ нечего, отъ нихъ-то мы и заразились вполонину принижаящимъ сквернословіемъ. Нѣмцы вообще люди безъ такта. Ни Гете, ни Гегель не умѣли держать себя съ достоинствомъ... Но вѣдь — мы не нѣмцы“<sup>4)</sup>.

Замѣчу, къ слову, что къ такому отзыву Герцена о Гете читатель долженъ былъ быть подготовленъ замѣчательно яркимъ рассказомъ Герцена „Первая встрѣча“, написаннымъ еще въ 1834 году, во время ареста въ Крутицкихъ казармахъ; въ этомъ рассказѣ Гете выступаетъ холоднымъ, себялюбивымъ царедворцемъ; правда, ему противопоставленъ честный, смѣлый, откровенный полковникъ („кто не знаетъ ужасную откровенность военныхъ, особенно германскихъ? Ихъ изрубленные лица, ихъ прострѣленные груди даютъ имъ право-говорить то, о чемъ мы имѣемъ право молчать“). Объ этой чертѣ „германскихъ военныхъ“ Герценъ уже больше никогда не говорилъ впослѣдствіи. Нужно сказать, что, вообще, Герценъ дѣлалъ иногда довольно существенныя поправки къ своимъ презрительнымъ обобщеніямъ о нѣмецкомъ „характерѣ“. Иной разъ онъ

1) Соч., I, 130. (-П. С. Соч., изд. Лемке III, 129—130. — Въ изд. Лемке нѣм. измѣненія: самодержецъ вм. самодержавецъ).

2) Соч., I, 131. (-П. С. Соч., изд. Лемке, III, 131).

3) Соч., I, 222 (-П. С. Соч., изд. Лемке, III, 343).

4) Колоколь, 15 декабря 1858 (№ 30—31, стр. 251).

прямо ставить нѣмецкихъ мыслителей въ примѣръ англичанамъ по безстрашію мысли: „Развѣ Гете и Фихте, Кантъ и Шиллеръ, наконецъ, Гумбольдтъ въ наше время и Лессингъ сто лѣтъ назадъ скрывали свой образъ мыслей или имѣли безсовѣстность проповѣдовать шесть дней въ недѣлю въ академіяхъ и книгахъ свою философію, а на седьмой фарисейски слушать предіку и морочить толпу, la plèbe, своимъ благочестивымъ христіанствомъ?“<sup>1)</sup> Даже аполитизмъ нѣмцевъ (въ годы, предшествовавшіе мартовской революціи и объединительному движенію) иногда рисовался Герцену далеко не въ отталкивающемъ свѣтѣ: „нѣмца не скоро расшевелишь: привыкшій съ юности къ огню Шиллера, къ глубинѣ Гете, онъ никогда не могъ высоко цѣнить чутъ теплую прозу Вальтеръ-Скотта;... ему надобно, чтобы революція выплеснула Наполеона съ легіонами республики, для того, чтобы оставить отеческій кровь, закрыть книгу и думать о себѣ“<sup>2)</sup>; Герценъ, повидимому, находилъ это довольно естественнымъ „въ странѣ, гдѣ просвѣщеніе считается необходимымъ, какъ хлѣбъ насущный, въ Германіи“<sup>3)</sup>. Мало того, дѣлалъ онъ оговорки (хоть и очень сдержанныя) и къ своему безопащному мнѣнію о германской государственности эпохи стараго режима: „не смотря на всю гнусность тогдашнихъ нѣмецкихъ правительствъ, Спинозу не сослали на поселеніе, Лессинга не сѣкли и не отдали въ солдаты. Въ этомъ уваженіи не къ одной матеріальной, но и къ нравственной силѣ, въ этомъ невольномъ признаніи личности, — одинъ изъ великихъ человѣческихъ принциповъ европейской жизни“<sup>4)</sup>. Эта же черта — сравненіе германскихъ порядковъ съ порядками русскими, еще менѣе приглядными — сказывается и въ передачѣ первыхъ впечатлѣній послѣ переѣзда черезъ границу въ 1847 году. Въ Кенигсбергѣ ему „весело, тяжелая плита снята съ груди, неприятное чувство страха, щемящее чувство подозрѣнія — отлетѣли“. Онъ самъ впоследствии иронизировалъ, что „Кенигсбергъ кажется свободнымъ городомъ“, по первому впечатлѣнію послѣ переѣзда чрезъ границу. Даже изъ плохенькаго провинціального театра въ томъ же Кенигсбергѣ онъ „возвратился взволнованнымъ не актерами, а публикой“: „въ антрактахъ всѣ говорили громко и свободно, всѣ надѣвали шляпы (чрезвычайно важная вещь, столько же, сколько право бороду не брить и пр.)“<sup>5)</sup>. Но уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ, 12 мая 1847 г. онъ писалъ: „а впрочемъ бѣды большой нѣтъ, если до Рейна ничего не увидишь... Въ Германіи нечего смотрѣть. Германію надобно читать, обдумывать, играть на фортепьянахъ, и проѣзжать въ вагонахъ однимъ днемъ, съ конца на конецъ“ („Письма изъ Франціи и Итали“)“<sup>6)</sup>. Новыя и яркія впечатлѣнія захватили

<sup>1)</sup> Полярная Звѣзда, 1861, кн. 6-я, стр. 286 („Р. Оуэнъ“).

<sup>2)</sup> Соч. II, 13.

<sup>3)</sup> Соч. II, 28.

<sup>4)</sup> Соч. V, 11 („Съ того берега“).

<sup>5)</sup> Полярная Звѣзда, 1855 г. кн. I, 185 („Былое и думы“).

<sup>6)</sup> П. С. Соч. (Изд. Лемке), V, 116.

его, — и относительно Германии онъ ограничился нѣсколькими юмористическими замѣчаніями о вліяніи нѣмецкой кухни на національный характеръ.

1848 и 1849 годы произвели, какъ извѣстно, глубокой переворотъ — не въ основныхъ убѣжденіяхъ Герцена, но во всемъ его умонастроеніи; они были для него такъ ужасны, что онъ десять лѣтъ спустя съ содроганіемъ говорилъ о времени „крушенія всѣхъ надеждъ“. Онъ не могъ не начать статьи о 1849 годѣ словами: „проклятье тебѣ!“. И тутъ тоже впечатлѣнія германскія, вполне естественно, должны были заслониться впечатлѣніями французскими. Усмиреніе іюньскаго возстанія въ Парижѣ, десять тысячъ разстрѣлянныхъ рабочихъ, годъ, начавшійся провозглашеніемъ демократической республики и кончившійся избраніемъ Людовика-Наполеона въ президенты—все это не давало ему думать, гнѣваться, тосковать о чемъ-нибудь другомъ. Только когда потянулись долгіе годы лондонскаго сидѣнья, можно было на досугъ обратиться мыслью и къ другимъ мѣстамъ и моментамъ великой европейской катастрофы.

Правда, совѣмъ забыть о Германии и Австріи Герценъ — даже и временно — никакъ не могъ: Бакунинъ, сначала прикованный къ стѣнѣ, томившійся въ саксонской, затѣмъ въ австрійской тюрьмѣ и, наконецъ, выданный, слишкомъ напоминалъ о торжествѣ реакціи въ германскихъ странахъ. Свирѣпости австрійскаго усмиренія въ сѣверной Италіи, разстрѣлъ римскаго народнаго трибуна Чичероваккіо „палачами вѣнчаннаго мальчишки“ (Франца-Юсифа) — возбуждали въ Герценѣ безмѣрное негодованіе. Ненависть эта вспыхивала яркимъ пламенемъ по всякому, самому ничтожному, внѣшнему поводу. Ёдетъ онъ въ 1852 г. на пароходѣ, гдѣ находится нѣсколько австрійскихъ офицеровъ. „Надобно замѣтить, что въ ихъ числѣ были мальчишки лѣтъ двадцати и, вообще, они были молодые люди; я теперь слышу дребезжацій, горловой, казарменный голосъ, наглый смѣхъ, похожій на кашель, и къ тому еще отвратительный австрійскій акцентъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Повторяю, не было ничего ужаснаго, но я чувствовалъ, что за эту манеру стоять, повернувшись спиной возлѣ самага носа, ломаться и показывать: мы-де побѣдители, наша взяла, — слѣдовало бы ихъ всѣхъ бросить въ воду, и еще больше чувствовалъ я, что былъ бы радъ, если бы это случилось, и охотно помочь бы“.

Но вотъ пошли долгіе годы, первые лондонскіе годы Герцена — между катастрофою общею 1849 года, страшными бѣдствіями и трагедіями въ личной жизни и тѣмъ разсвѣтомъ, который забрезжилъ съ 1856 года, съ первыхъ временъ послѣ Крымской кампаніи. Эти нѣсколько лѣтъ — самое тяжелое время всей жизни Герцена, его усталое сердце медленно оправлялось отъ ударовъ, отдыхало, а умъ устремлялся не къ будущему, а къ прошедшему. Даже начало войны западныхъ державъ съ Россією не внесло крутого измѣненія въ это настроеніе.

И вотъ тутъ-то мы наблюдаемъ чрезвычайно интересное

явленіе. Только вполнѣ отчетливо зная исторію германскаго общества въ эту эпоху, возможно понять, почему чуть-ли не первыми, можетъ быть, еще и не безпокоющими, но во всякомъ случаѣ неприятными и, главное, живыми впечатлѣніями, падавшими на душу Герцена въ эту глухую пору, были именно впечатлѣнія, шедшія изъ Германіи, изъ той самой Германіи, которая въ разгарѣ своей революціи, въ 1848 году, почти не привлекла вниманія русскаго мыслителя.

Дѣло въ томъ, что Германія, — главнымъ образомъ Пруссія, Саксонія, Ганноверъ, сѣверъ и центръ, — переживала уже въ эти годы замѣтно возрастающее національное возбужденіе. Это было не продолжавшееся еще патриотическое, объединительное воодушевленіе временъ разогнаннаго въ 1849 году „франкфуртскаго парламента“, но нарастающая уже волна, которой суждено было вскорѣ вынести на гребнѣ своемъ Бисмарка. Здѣсь неумѣстно было бы даже только пересчитать главныя брошюры, статьи, рѣчи, въ которыхъ это возбужденіе (начиная именно съ 1854 года) сказывалось. И Герценъ чутко (сначала съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ) уловилъ эту новую пульсацію, столь замѣтную именно потому, что въ остальной Европѣ (особенно во Франціи Наполеона III) царилъ мертвый внутренній покой. „Седьмой годъ издаю я сочиненія о Россіи... ..Сначала европейская публика, озадаченная неистовымъ поведеніемъ возстановленныхъ властей послѣ 1848 года, слушала мои слова снисходительно. Теперь времена измѣнились; война возбудила удивительно боевой духъ, особенно въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ; онѣ дошли до яростной нетерпимости. Мнѣ стали ставить въ укоръ любовь мою къ славянамъ, мою вѣру въ величіе ихъ будущности, наконецъ, самую мою дѣятельность<sup>1)</sup> (Здѣсь имѣлись въ виду, очевидно, рецензіи на „Съ того берега“; нѣмецкое изданіе „Von andern Ufer“ обратило на себя большое вниманіе въ Германіи)<sup>2)</sup>. Но годъ шель за годомъ — и національная нетерпимость все больше и больше распространялась въ германскомъ обществѣ и публицистикѣ. Герценъ снова заговорилъ объ этомъ явленіи. Предлогомъ послужила давно забытая теперь брошюра Дицеля *Russland, Deutschland und die östliche Frage*, одно изъ безчисленныхъ претенціознѣйшихъ созданій тогдашней публицистической мысли Германіи, типичное для до-бисмарковской эры, когда уже налицо была жажда могущества, національнаго величія и т. д., но еще далеко не было увѣренности въ близкомъ осуществленіи этихъ мечтаній. Герцена поразила прежде всего исключи-

---

<sup>1)</sup> Соч. V, 337 (Народный сходъ въ память февральской революціи. Рѣчь, произн. 27 февр. 1854 г.) (-П. С. Соч. изд. Лемке, VIII, 143).

<sup>2)</sup> Ср. между прочимъ: „Въ Аугсбургской газетѣ“ есть мнѣ забавная похвала (за вещи, которыя я отродясь не писалъ), но главное, что меня тронуло, это выраженіе: „Der grimmigste Feind der russischen Regierung und Grundbesitzer“ (Листъ Герцена къ М. К. Рейхель, 14 дек. 1854 г. (П. С. Соч. изд. Лемке, VIII, 249).



тельность и раздраженность этихъ пророковъ: „Отвертываясь отъ маститаго романскаго старца, классически согбеннаго надъ клюкой, Дицель обращается къ славянамъ. Если тому пора умирать, то славяне врядъ-ли родились еще. Это дикія орды, сформированныя въ колоссальное военное поселеніе нѣмецкихъ деспотизмомъ. Дицель отказываетъ народу русскому во всѣхъ политическихъ способностяхъ, считаетъ ихъ годными только на коммунистическое житіе и досадуетъ на нѣмцевъ, сдѣлавшихъ изъ этихъ людскихъ табуновъ регулярные полки и усовершенствовавшихъ ихъ благосостояніе (вѣроятно, канцелярскимъ устройствомъ и письменнымъ инквизиторіальнымъ процессомъ)“<sup>1)</sup>. Герцена и возмущаетъ, и нѣсколько какъ бы смѣшить германская претензія, выдвигаемая все рѣзче и замѣтнѣе. Онъ не понимаетъ, что это все значить. „Франція такъ увѣрена въ своемъ передовомъ мѣстѣ, что, какъ Далай-Лама, и не считаетъ нужнымъ доказывать это; но любопытно видѣть притязанія Германіи (именно теперь!) на всемірно-историческое первенство. Ихъ исключительный націонализмъ, окгуженный космополитическими фразами, ихъ ревнивая зависть старой женщины къ Россіи и злопамятная зависть къ Франціи вмѣстѣ съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ доходятъ до комизма“. Дальше идетъ въ высшей степени характерное размышленіе Герцена о возможной причинѣ всей этой патриотической горячки: онъ склоненъ думать, будто дѣло тутъ, въ сущности, въ сознаниі политическаго слабости Германіи. Замѣчу, что это размышленіе въ нѣсколько видоизмѣненной редакціи было перенесено изъ „Колокола“—въ 37-ю главу пятой части „Былого и думъ“. Здѣсь же, въ № 6 „Колокола“, оно находится въ „Постъ-скриптумѣ къ статьѣ о новыхъ книгахъ“, гдѣ разбирается въ рендант къ Дицелю статья „Аугсбургской газеты“; изъ статьи приведена такая выдержка: „Вникая въ духъ и стремленіе русскихъ публикацій послѣдняго времени, мы убѣждаемся, что ихъ главная характеристика состоитъ въ возмущеніи славянскаго высокомерія противъ умственнаго превосходства нѣмцевъ... Безъ нѣмецкой партіи, т. е. безъ тѣхъ значительныхъ людей, которые прикладываютъ къ русскимъ дѣламъ мѣрило германскаго образованія, Россія потерялась бы въ безконечной путаницѣ... А потому, господа русскіе, не очень торопитесь изгнаніемъ германскихъ элементовъ“. Герцена ничто не могло возмутить болѣе, чѣмъ подобная тенденція. Онъ, извѣрившійся въ способности Запада къ скорому обновленію, переживавшій сильнѣйшее, фантастическое увлеченіе русской общиною, ждавшій, при всемъ своемъ скептицизмѣ, чуть не чудесъ отъ раскрѣпощенія тѣла и духа русскаго народа, не могъ пройти мимо этой претензіи чужестранца на поли-

1) Колоколъ, 1 декабря 1857 г., № 6, стр. 47.

Любопытно сравнить самый тонъ полемики Герцена противъ германскихъ консерваторовъ съ тономъ его хотя бы относительно Доносо Кортеса (о послѣднемъ см., между прочимъ, очень содержательный этюдъ проф. Д. К. Петрова: А. И. Герценъ и Д. Кортесъ (Птр. 1914).

цейскую опеку и руководство. И онъ подчеркиваетъ, что германскій націонализмъ въ самой отталкивающей формѣ — есть сущность, а все остальное фраза въ германской публицистикѣ: „страшное противорѣчіе въ характерѣ нѣмцевъ — всѣ они на словахъ, въ теоріи космополиты и, въ то же время, отъ безвыходно жалкаго положенія ихъ отечества, что-ли, исполнены самымъ раздражительнымъ, самымъ исключительнымъ и худо скрывающимъ свои притязанія патриотизмомъ. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы междугосударственныя, но чтобы Триестъ и Данцигъ принадлежали Германіи. Я не шучу, я самъ слышалъ подобныя сужденія. Впрочемъ, ихъ всѣ могли слышать. Развѣ воинственный конвентъ, собиравшійся въ Павловской церкви во Франкфуртѣ и состоявшій изъ добрыхъ и мирныхъ професоровъ<sup>1)</sup>, лекарей, теологовъ, фармацевтовъ и философовъ, не рукоплескалъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ членовъ) австрійскимъ солдатамъ въ Ломбардіи; развѣ онъ хотѣлъ дать ходъ рекламаціямъ познанскихъ поляковъ?.. Въ Иннсбрукѣ есть пушка, ее городу подарили студенты, ходившіе волонтерами бить ломбардовъ и завоевавшіе этотъ трофей подъ начальствомъ своего профессора... .. Первое свободное слово, сказанное послѣ вѣковъ политическаго молчанія въ революціонной Германіи 1848 года, было не въ пользу, а противъ притѣсненныхъ и слабыхъ народностей... А развѣ годъ тому назадъ не были нѣмцы готовы ринуться на свободную Швейцарію изъ-за Гогенцоллернскихъ интересовъ?“<sup>2)</sup>). Герценъ при этомъ совершенно почему-то не признаетъ политическихъ способностей въ германцахъ: „Англія... доказала, что можно сдѣлать изъ германской породы, когда она перемѣшается съ другою кровью, т. е. перестанетъ быть нѣмецкою“. Любопытно, что Герценъ въ эти, до-бисмарковскіе, годы склоненъ былъ считать политическое положеніе Германіи „безвыходно жалкимъ“. Въ позднѣйшей редакціи цитированнаго мѣста, въ 37-ой главѣ V части „Былого и думъ“ эта мысль выражена еще ярче: „...Германія смотритъ съ ужасомъ направо, съ ужасомъ налѣво. Тутъ Франція съ распушенными знаменами переходитъ Рейнь, тамъ Россія переходитъ Нѣманъ, и народъ въ двадцать пять милліоновъ головъ чувствуетъ себя круглымъ сиротою, бранится отъ страха, ненавидитъ отъ страха, и теоретически, по источникамъ, доказываетъ, чтобы утѣшиться, что бытіе Франціи есть уже не бытіе, а бытіе Россіи не есть еще бытіе“.

Шовинистическое возбужденіе въ германской прессѣ не прекращалось, даже не ослабѣвало, напротивъ, все усиливалось. У Герцена сдѣлако объясненіе факта еще долго оставалось неизмѣннымъ, онъ все объяснилъ „страхомъ“: „Французы почти ни-

<sup>1)</sup> О шовинистическихъ настроеніяхъ германскихъ историковъ середины вѣка ср. интересную работу проф. Бузескула „Соврем. Германія и нѣм. истор. наука“ (Петр., 1915).

<sup>2)</sup> Колоколь, 1 дек. 1857, № 6, стр. 50.

когда не ставили ни въ грошъ объективной истины; нѣмцы, бывало, любили ее, даже и не въ однихъ трансцендентальныхъ предметахъ; но подавленное положеніе ихъ и страхъ зашибъ имъ пониманіе. Имъ все мерещится семилѣтняя война, французы въ Майнцѣ, рускіе въ Берлинѣ, и они бранятъ Россію, чтобы отвести душу, чтобъ не такъ страшно было<sup>1)</sup>. Но эти „свирѣпые тевтоны“ были такъ настойчивы, что Герценъ надолго забыть о нихъ не могъ.

Онъ въ своемъ представленіи всегда сливалъ ихъ, этихъ теоретическихъ „тевтоновъ“, съ п р а к т и к а м и, правителями германскихъ странъ; а правителей онъ презиралъ отъ души. „Лакеи и нѣмцы не допускаютъ“, читаемъ мы въ „Колоколъ“ 15 февраля 1858 года. „И ты, Саксонія? Sachsen wo die schöne Mädchen wachsen! Указомъ 29 января запрещены въ Саксоніи „Колоколъ“, „Полярная Звѣзда“ и „Голоса изъ Россіи“. Въ Пруссіи давно уже учрежденъ цензурный кордонъ противъ насъ. Говорятъ, что самъ принцъ Липпе-Вальдекъ-Зондергаузенъ и Мейнингенъ хочеть взять мѣры дѣятельныя и энергическія,—если это правда, мы пропали. Все это дѣлается внѣшними и внутренними нѣмцами... и, вообще, людьми, на которыхъ шапка горитъ“<sup>2)</sup>. Именно съ этого времени все чаще и чаще подчеркиваетъ Герценъ роль германскихъ правительствъ въ поддержкѣ реакціонныхъ теченій въ русской высшей бюрократіи, при дворѣ и около династіи, все чаще и чаще у него вырываются озлобленныя обобщенія, отъ которыхъ до того онъ воздерживался: „или вы не знаете высоко-мѣрную ненависть нѣмцевъ ко всему русскому, ихъ отвращеніе къ намъ, которое они едва могутъ скрывать подъ личиной кліентизма и низкопоклонства, напоминающихъ рабовъ-германцевъ древняго міра“<sup>3)</sup>. „Надо отдать справедливость нѣмецкимъ побѣдамъ; это—самыя величайшія и самыя безкровныя въ мірѣ. Нѣмцы... завоевали всю Россію рыцарями Остзейскихъ губерній, Гольштейнъ-Готторпской фамиліи, тучами генераловъ, дипломатовъ, шпіоновъ и другихъ сановниковъ нѣмецкаго происхожденія“<sup>4)</sup>. Но вотъ наступаетъ война 1859 года, создавшая объединенную Италію (сказать, что она только положила начало объединенію—значить, не выразить всего ея истиннаго значенія); война потрясшая до основаній австрійскій абсолютизмъ, оживившая надежды всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ во всей Европѣ. Конечно, въ этихъ надеждахъ было много и преувеличеній; въ побѣжденной Австріи абсолютизмъ былъ потрясенъ, за то въ побѣдившей Франціи наполеоновское самовластіе необычайно упрочилось; были еще и еще соображенія, мѣшавшія многимъ (въ томъ числѣ Герцену) особенно ликовать. Чернышевскій и Добролюбовъ, напр., смотрѣли на войну 1859 года съ самага начала болѣе радушно, чѣмъ Гер-

1) Колоколъ, 15 мая 1859, № 43, стр. 356.

2) Колоколъ, 15 февраля 1858; № 9, стр. 71.

3) Колоколъ, 1 ноября 1858; № 27, стр. 218.

4) П. С. Соч. (изд. Лемке), VIII, 44.

ценъ, — и Герценъ однажды довольно раздраженно замѣтилъ: „Италію освобождаемъ, Австрія такая отсталая страна, деспотизмъ, невыносимо... ..охъ, вы, мои господа, ..посмотрите въ зеркало!“<sup>1)</sup>.

Но, конечно, онъ желалъ, какъ и всегда, всякого пораженія австрійской имперіи, хотя ему и жаль было жертвъ войны:... „Мы не рады войнѣ“, писалъ онъ, когда уже кампанія 1859 года открылась: „намъ жаль всякую кровь, потому что крови веселѣе течь въ жилахъ, чѣмъ по травѣ и по песку; намъ всего больше жаль австрійскую кровь, которая будетъ литься за неправо дѣло и, сверхъ того, изъ-подъ палки“<sup>2)</sup>. Мечтая о поражении Австріи, Герценъ, повидимому, предполагалъ, что дѣло не ограничится только изгнаніемъ австрійцевъ изъ Ломбардіи, но что, „гнилая“ имперія Габсбурговъ можетъ и вовсе разрушиться. Это разрушеніе онъ считалъ великимъ счастьемъ для европейскаго человѣчества: „стоитъ взглянуть на карту, чтобы понять, что отъ Балканъ до Адриатики готовы звенья обширной конфедерации съ славными берегами, съ естественными границами и съ плодоноснѣйшею почвою. Австрійскій кордонъ стоитъ плотиною между ними и Европой, не давая ни имъ ринуться впередъ, ни свѣту проникать къ нимъ“... Мечтая о разрушеніи Австріи, Герценъ въ то же время выражаетъ опасенія за участь австрійскихъ народовъ, окружающихъ могущественными сосѣдями: „но ринувшись изъ старой Бастилии, какъ бы народы не попались въ новый острогъ?“<sup>3)</sup> и т. д. Впрочемъ, самая мечта объ исчезновеніи Австріи вовсе не выражается у Герцена въ формѣ сколько-нибудь твердой надежды (не говоря уже объ увѣренности): „Растворятся ли, наконецъ, двери этой полуразсѣвшей и покачнувшейся Бастилии народовъ, готовыхъ ринуться впередъ, или старая дипломатія оставитъ подшибленнаго коршуна, изгнаннаго изъ Ломбардіи, заѣдать чудная земля отъ Адриатики до Дуная? Если послѣднее будетъ,—кровь лилась напрасно“<sup>4)</sup>. Но за то, если мечта объ уничтоженіи Австріи осуществится, — предъ европейскимъ прогрессомъ откроются необъятные горизонты: „... если же Австрія уничтожится, какъ сводное государство, то тогда... мы всѣми парусами входимъ въ новую эпоху“. Это было лишь повтореніемъ общихъ его воззрѣній на Австрію, выраженныхъ въ томъ же 1859 году, нѣсколько ранѣе: „Гибель Австріи—единственное условіе жизни народовъ, скованныхъ ею воедино. Австрія не народъ, Австрія — полицейская мѣра, сводная администрація... Безъ частей—ея нѣтъ, это величайшій историческій призракъ, который когда-либо существовалъ. Тутъ все ложь... Связь нѣсколькихъ народностей, основанная на

1) Колоколь, 15 апрѣля 1859, № 41, стр. 338.

2) Колоколь, 1 іюня 1859; № 44, стр. 357.

3) *ibid.*, стр. 362.

4) *ibid.*, 362.

5) *ibid.*, 360.

перекрестномъ отвращеніи ихъ другъ отъ друга. Тутъ нѣтъ ничего органическаго, отнимите Ломбардію справа и придайте слѣва Молдо-Валахію — и такъ хорошо. Отнимите Галицію и прибавьте Сербію—и это недурно, die Staatskanzley пойдетъ своимъ порядкомъ. Имперія австрійская не имѣетъ никакой будущности; когда ее отмѣнятъ, тогда только люди настоящимъ образомъ удивятся, какъ могла существовать такая нелѣпость, сшита изъ лоскутковъ конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображеніями... Оплоть Европы противъ исламизма, спасающій Турцію отъ Россіи... защищающая Рейнъ на По славянской и венгерской кровью противъ Италиі. Это какой-то сонъ больного горячкой<sup>1)</sup>.

Дѣло окончилось именно такъ, какъ боялся Герценъ: Австрія пока отдѣлалась только потерей Ломбардіи, но имперія вовсе не распалась. Она оказалась сильнѣе, чѣмъ вообще склоненъ былъ думать Герценъ (судя по разговору съ „Евгеніемъ Николаевичемъ“: „Ну, помилуйте, что же Австрія можетъ сдѣлать? Страна употребляетъ всѣ усилія, чтобъ не умереть, натягиваетъ всѣ мышцы, чтобъ части не распались, — ну, гдѣ же ей кому-нибудь грозить? Человѣкъ одной рукой придерживаетъ ногу, чтобъ она безъ него не ушла, а другой голову, чтобъ она не отвалилась. А тутъ говорятъ, что онъ въ драку лѣзетъ“ и т. д.). Послѣ 1859 года Герценъ уже не говорилъ о близкомъ концѣ Австріи; Бакунинъ, замѣтимъ, еще и въ 1861 году считалъ это очередною задачею (въ первомъ письмѣ, написанномъ Герцену послѣ бѣгства, Бакунинъ писалъ: „разрушеніе, полное разрушеніе австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики или даже въ прохвосты<sup>2)</sup>“... Мало того, что Австрія не распалась послѣ Мадженты и Сольферино: она обнаружила такую устойчивость, что во второй половинѣ 1860 года пошли слухи о готовящемся будто бы союзѣ между Россіей, Пруссіей и Австріей. Герцена такіе слухи всякій разъ приводили въ сильнѣйшее раздраженіе, онъ видѣлъ въ подобномъ союзѣ гибель всѣхъ надеждъ на прогрессъ во внутренней политикѣ Россіи. Слухамъ о союзѣ посвящена передовая статья подъ названіемъ „Послѣдній ударъ“<sup>3)</sup>: „Неужели мы доживемъ съ нашими пятилѣтними надеждами до этого предѣла и до этой безконечности позора?... Это была бы измѣна, преступленіе! Чѣмъ мы заслу-

1) Колоколь, № 34, стр. 273.

2) Сборн. посм. статей Герцена (Женева 1874), 192 (М. Б. и польское дѣло). Кстати. Офицеръ николаевской эпохи, Бакунинъ подъ „прохвостомъ“ понималъ слово профось, передѣланное такъ еще въ XVIII вѣкѣ на русскій ладъ. „Профось... передѣлано въ прохвостъ, военный парашникъ, убирающій въ лагерь всѣ нечистоты; встарь это были и военные полицейскіе служители и полковые палачи“ (Даль, Толковый словарь). Между тѣмъ мнѣ пришлось встрѣтить малограмотное ироническое истолкованіе этого выраженія у Бакунина.

3) Колоколь, 1 октября 1860, № 82, 681.

жили это? Несчастливая Россія! И такъ, ей не отпустится ни одно поруганіе, ни даже дружба съ Австріей? Князь Горчаковъ, выйдете въ отставку, если это такъ. Стачку нѣмцевъ противъ Россіи не долженъ скрѣпить своимъ именемъ русскій. У насъ есть довольно Адлерберговъ, Бенкендорфовъ, Гедерштремовъ и другихъ Герштенцевейговъ“. Не менѣ сильна и другая статья, по поводу свиданія монарховъ въ Варшавѣ<sup>1)</sup>. Союзъ не состоялся, но сближеніе, если не съ Австріей, то съ Пруссіей, безспорно послѣдовало, особенно съ конца 1862 года, въ прямой связи съ началомъ волненій въ Польшѣ<sup>2)</sup>. Герценъ склоненъ былъ приписывать еще съ 1861 года особую остроту репрессій совѣтамъ „нѣмеческихъ державъ“. Въ „Колоколѣ“ отъ 1 мая 1861 года, вышедшемъ вскорѣ послѣ подавленія варшавской демонстраціи, мы читаемъ слѣдующій діалогъ подъ названіемъ: „Урокъ изъ географіи“: Der Utschitel: wo ist die Hauptstadt von Petersburg? Der Utschenik: in Berlin... oder vielmehr in Wien. Der Utschitel: in beiden, mein Bursch“. И Герценъ прибавляетъ: „такъ вотъ отчего Allgemeine Zeitung, эта сѣдая баварская куртизанка на содержаніи у австрійскаго правительства, не можетъ скрыть радости, что въ Польшѣ начали рѣзню. Вотъ кому, стало, польза, вотъ откуда приказъ“<sup>3)</sup>. Онъ винить въ трагическихъ событіяхъ, бывшихъ въ апрѣлѣ 1861 г., — прусскаго консула (называя его ошибочно Бергеромъ: его фамилія въ дѣйствительности, была Термень) и одного генерала („изъ Курляндіи“): „гнусность внѣ мѣръ и вѣса — прусскій консулъ... убѣдилъ... стрѣлять... Вотъ куда насъ стащили: Россія стала какой-то Ost-Ost-Preussen...“ И, говоря о курляндскомъ генералѣ, прибавляетъ: „нѣмецъ нѣмцу вѣсть подаетъ“<sup>4)</sup>. Онъ не можетъ равнодушно говорить объ Австріи и Пруссіи: „какъ только заговоришь о шпіонахъ и палачахъ, такъ въ голову и идетъ нашъ добрый, почтенный бидерманъ, kreuzbraver Бейстъ... Такъ, какъ они въ 1849 году выдали нашего Бакунина, такъ теперь предали графа Телеки... Какое постоянство въ злодѣйствѣ, и какое терпѣніе у этого нѣмецкаго народа, zu christlich!“<sup>5)</sup>. Втеченіе всего періода польскаго возстанія Герценъ не перестаетъ настаивать на „нѣмецкомъ соучастіи“, на дѣятельной роли Пруссіи во всемъ совершавшемся. Одновременно, поскольку онъ обращаетъ вниманіе на происходившій какъ разъ тогда конфликтъ ландтага съ прусскимъ правительствомъ, онъ не перестаетъ указывать на сервильизмъ „камеры“ (палаты депутатовъ): „...Съ ногъ сбились наши нѣмцы въ должности русскихъ представителей. Вездѣ должны они протестовать и т. д. И только ты, Пруссія, du, frohes Land der Eichen und der Junker, ты одна остаешься „петербургеръ трей“, одна твоя камера ходитъ,

1) Колоколъ, 15 ноября 1860 (№ 85).

2) ср. Б. Э. Нольде, Внѣшняя политика, 172—177 (Птр., 1915).

3) Колоколъ, 1 мая 1861, № 97, 820.

4) Ibid.

5) Колоколъ, № 89, 752.

принявъ заушеніе, поздравлять папеньку страны, Landesvater, съ днемъ тезоименитства“<sup>1)</sup>. Такъ какъ Австрія была въ эпоху польскаго возстанія въ совсѣмъ иномъ дипломатическомъ положеніи, то Герценъ даже ее ставитъ въ примѣръ Пруссіи: „Sta, Borussia!“ пишетъ онъ: „останови твой смѣлый полетъ вверхъ ногами... За тобой никто поспѣть не можетъ. Давно ли ты парила такъ метафизически высоко на крыльяхъ трансцендентальнаго идеализма надъ Австріей; а теперь и Австрія словно на горѣ, такъ опередила ты, Borussia, ее въ твоемъ паденіи. Будь же скромна, Heil dir im Siegerkranz! На что же останавливать корпію, посланную изъ Парижа? Это роскошь“<sup>2)</sup>. И снова упоминаютъ (на этотъ разъ, замѣтимъ, гораздо болѣе упорные) слухи, — слухи, которымъ мѣсяца четыре вѣрили всѣ европейскія канцеляріи, что между Россіей, Пруссіей и Австріей будетъ заключенъ союзъ. Герценъ опять раздражается возмущенною статьею, какъ и за четыре года до того: „Die heilige Tripel-Allianz“, такъ готовъ онъ окрестить этотъ будущій союзъ: „Сердце рвется на части, и все хочется спросить по старой привычкѣ: да за что же? за что? ... Неужели намъ недостаточно нѣмцевъ, ненавидящихъ насъ, и нужны еще нѣмцы-союзники?“ ... Какъ будто царь „не знаетъ все отвращеніе русскаго народа отъ нѣмецкаго союза, всю его ненависть, кровную, племенную, къ нѣмцамъ“. Вспоминая Священный союзъ 1815 года, Герценъ говоритъ: „Петербургская Россія фигурировала въ немъ, какъ одна изъ нѣмецкихъ державъ, и въ этомъ почетномъ качествѣ участвовала въ преслѣдованіи нотами и штыками всякаго свободнаго движенія, гдѣ бы оно ни было, — въ Италіи, Испаніи, Греціи“ ... Новая комбинація, по мнѣнію Герцена, была бы еще „циничнѣе“, и онъ только желаетъ „не дожить до этого позора“<sup>3)</sup>.

Кончилось польское возстаніе, оказались неточными слухи о союзѣ, — но новое осложненіе привлекло вниманіе русскаго мыслителя. Собственно, самые слухи о союзѣ возникли въ связи съ подготовленнымъ бисмарковскою дипломатіей нападеніемъ Пруссіи и Австріи на Данію, съ цѣлью отнять у нея Шлезвигъ и Голштинію. Россія въ союзъ не вошла, но нападеніе двухъ нѣмецкихъ державъ на Данію состоялось. Герценъ не только негодовалъ на „циничный“ грабежъ „слабago государства“ двумя сильными державами, но его уже серьезно беспокоилъ этотъ кровавый первый успѣхъ Бисмарка. Онъ съ тревогою, съ досадою, почти съ отчаяніемъ говорилъ о томъ, что Англія и Франція позволяютъ Австріи и Пруссіи такъ усилиться; онъ видѣлъ въ возвышеніи нѣмецкаго элемента въ Европѣ угрозу всему лучшему, что выработала цивилизація: „Въ минуты самаго чернаго пессимизма никто не предполагалъ, что страны, путеводившія народы, безъ боя и

1) Колоколъ 1 апрѣля 1863, № 160, стр. 1325.

2) Колоколъ, 15 апрѣля 1863, № 161, стр. 1332. (Корпія была послана въ Польшу).

3) Колоколъ, 15 іюля 1864, № 187, стр. 1535.

крайности откажутся отъ своей гегемоніи, оставляя за собою старушечье право ворчать и читать мораль за каждое дѣйствіе двухъ господствующихъ казармъ, какъ будто всего того, что онѣ дѣлаютъ, нельзя было предвидѣть. . . . Исторія не брезглива, она также, какъ природа, не разбираетъ путей; нельзя пройти сухой дорогой, она идетъ грязью, нельзя идти Франціей и Англіей, она идетъ Пруссіей<sup>1)</sup>. Онъ совершенно отказывался вѣрить въ какіе бы то ни было „освободительные“ элементы похода на Данію, хотя германская пресса вся шумно торжествовала по поводу освобожденія „германскихъ братьевъ“ изъ-подъ датскаго ига. Встрѣтившись съ Герценомъ въ 1864 году въ Лондонѣ, Гарибальди вполнѣ съ нимъ сошелся во взглядахъ. „Гарибальди дивился, что нѣмцы не понимаютъ, что въ Даніи побѣждаетъ не ихъ свобода, не ихъ единство, а двѣ арміи двухъ государствъ, съ которыми они послѣ не сладятъ. . . . Я замѣтилъ ему, что нѣмцы страшные націоналисты, что на нихъ наклепали космополитизмъ, потому что ихъ знали по книгамъ. . . . Нѣмцы знаютъ невыгодное мнѣніе о себѣ другихъ народовъ и выходятъ изъ себя, чтобы поддержать свою репутацію. . . вы поговорите о Триестѣ, который имъ нуженъ для торговли, и о Галиціи или Познани, которыя имъ нужны для того, чтобы ихъ цивилизовать“.

Послѣ этого Герцену пришлось снова заговорить о „грязи“, по которой „идетъ исторія“—только въ 1866 году. Лѣтомъ 1866 года вспыхнула война между Австріей и Пруссіей, не подѣлвшихъ отнятой у Даніи шлезвигъ-голштинской добычи. Съ грустью и отвращеніемъ смотрѣлъ Герценъ на начавшееся вновь кровопролитіе. Второй ударъ, второй успѣхъ бисмарковской дипломатіи даже не особенно и поразилъ его; могло быть и то, что русскія дѣла слишкомъ поглощали его какъ разъ въ этотъ моментъ, и было не до внѣшней политики. Онъ чувствовалъ глубочайшую антипатію къ обоимъ противникамъ. Пруссія—это „нарость“, Австрія—„уродливое сращеніе“; онъ желаетъ, чтобы дѣло обернулось какъ-нибудь такъ, чтобы обѣ эти державы погибли. „Мы отъ души желаемъ освобожденія Венеціи (Италія воевала въ союзѣ съ Пруссіей, чтобы получить Венецію отъ Австріи, Е. Т.), желаемъ гибели Австріи, но съ тѣмъ вмѣстѣ гибели Пруссіи. Желаемъ такъ, какъ желали бы, чтобъ будущая холера обошла нашихъ друзей и, если ей необходимо морить, уморила бы. . . . согладатаевъ и доносчиковъ“<sup>2)</sup>. Подводя уже въ самомъ концѣ того же года итоги этой войнѣ (которой онъ больше не касался), Герценъ снова и снова отказывается признать въ прусской гегемоніи что бы то ни было, кромѣ казарменной реакціи, утвержденія всего отжившаго на новомъ и прочномъ базисѣ. Бисмаркъ ему ясенъ вполнѣ. „Опозоривши, унизивши народное представительство въ Берлинѣ до той степени, до которой въ исторіи нашего вѣка не доходило ни одно

1) Колоколовъ, 1 декабря 1864, № 192, стр. 1576.

2) Колоколовъ, 1 іюля 1866, № 223, стр. 1821.



правительство, онъ присмотрѣлся: народъ молчитъ "... 1). „Бисмаркъ не хуже Наполеона оцѣнилъ своихъ филистеровъ... Онъ понялъ, что нѣмцамъ политической свободы столько же нужно, сколько реформація дала имъ религіозной, что и эта свобода имъ нужна только *der Theorie nach*, что они власти повиноваться привыкли, а къ строгой англійской самозаконности вовсе не привыкли. И этого было бы довольно; но онъ больше понялъ, — онъ понялъ то, что въ настоящую минуту нѣмцы снѣдаемы завистью къ Франціи, завистью къ Россіи, что они бредятъ о томъ, чтобы быть сильнымъ государствомъ"... 2). Герценъ ни въ какомъ случаѣ не желаетъ признать итальянское и германское объединительныя движенія за явленія однотипныя. „Что выйдетъ изъ итальянской *unità*, мы не знаемъ. Но необходимость ея для того, чтобы прогнать австрійцевъ, Бурбоновъ и папу — очевидна. Нѣмцы не для своего освобожденія хотѣли единства, а съ агрессивною цѣлью; ихъ столько обижали, что имъ самимъ захотѣлось обидѣть другихъ“. Бисмаркъ это понялъ — и выдвинулъ шлезвигъ-голштинскій вопросъ, „давай битъ датчанъ“. „Вся Германія рукоплескала неравному бою. Нѣмецкіе выходцы въ Лондонѣ, Нью-Йоркѣ, въ Парижѣ — праздновали побѣды Австріи и Пруссіи. Послѣ этого опыта нечего было бояться, нечего церемониться, маски долой, и Бисмаркъ изъ Германіи пошелъ сколачивать имперію пруссаковъ, употребляя на пыжи клочья изорванной конституціи. — Вы хотѣли сильнаго государства, вотъ вамъ оно, Франція съ нами теперь считается. Вы хотѣли униженія Австріи, — мы вамъ ее забили почти до возрожденія. *Liebchen, was willst du noch mehr?* — Свободы, графъ, свободы“. „Ну, ужъ это извините, да вамъ ея и не нужно. Пользуйтесь вашимъ величіемъ, молитесь за будущаго императора пруссовъ и не забывайте, что рука, которая раздавила цѣлыя королевства, раздавитъ всякую попытку съ вашей стороны съ неумолимою строгостью. *„Sie sind entlassen, meine Herrn“*. Нѣмцы оказались объектомъ, матеріаломъ, они „пошли на округленіе прусскихъ владѣній“ (*ibid.*, стр. 1878-я). Да еще такъ все вышло, что все лучшее въ Германіи подчинилось худшему — Пруссіи, получилось „присоединеніе пол-Германіи къ Пруссіи, къ государству безъ отечества и которое должно было бы первое распуститься въ нѣмецкое *gesamtes Vaterland*“.

Очень рѣдко съ тѣхъ поръ вспоминаль онъ о ‘нѣмецкихъ державахъ и о той, которая побѣдила въ 1866 году, и о той, которая потерпѣла поражение. То „*la Bismarkia du Nord*“ отъказывается бѣглецамъ въ правѣ убѣжища<sup>3)</sup>, — то одинаково поступаетъ Австрія („въ декабрѣ мѣсяцѣ 1866 г. разстрѣлянь... Митрофанъ Подхалюзинъ, за участіе въ польскомъ возстаніи... Подхалюзина выдала Австрія! Вотъ характеръ, такъ характеръ! Ее

1) Колоколъ, 1 декабря 1866, № 230, стр. 1880.

2) *Ibid.*

3) Колоколъ (французское изданіе), du 15 juin 1868, № 9, 135.

бьютъ... вся въ фонаряхъ, вся въ синякахъ, въ лохмотьяхъ, ратеряла провинціи и репутацію, а все также подла, какъ прежде, все такъ же выдаетъ на казнь, какъ во времена Бакунина<sup>1)</sup>“.

И еще только два раза, въ 1867 году, заговорилъ Герценъ о Пруссіи и Бисмаркѣ, о томъ „германствѣ“, которое политически шло въ гору, но было ему ничуть не менѣе ненавистно, чѣмъ австрійская государственность, которая хотя и уцѣлѣла, однако не внушала ему все-таки никакихъ иллюзій на счетъ своей исторической долговѣчности.

Въ первый разъ побывавши въ февралѣ и мартѣ 1867 г. въ освобожденной Венеціи, онъ предается тамъ размышленіямъ о „латинскомъ“ мірѣ, о романской Европѣ. Со стѣсненнымъ сердцемъ замѣчаетъ онъ быстрый ростъ германскаго преобладанія и приписываетъ это опустошенію души Франціи, которое повлекло за собою ослабленіе французскаго народа. „Какъ только нѣмцы убѣдились, что французскій берегъ понизился, что страшныя революціонныя идеи ея поветшали, что бояться ея нечего, — изъ за крѣпостныхъ стѣнъ прирейнскихъ показалась прусская каска. Франція все пятилась, каска все выдвигалась. Своихъ Бисмаркѣ никогда не уважалъ, онъ наострилъ оба уха въ сторону Франціи, онъ нюхалъ воздухъ оттуда и, убѣдившись въ прочномъ пониженіи страны, онъ понялъ, что время Пруссіи настало. Понявши, онъ заказалъ планъ Мольтке, заказалъ иголки оружейникамъ... Я не вѣрю, чтобы судьбы міра надолго оставались въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцоллерновъ. Это невозможно, это противно человѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ. Я скажу, какъ Кентъ Лиру, только обратно: Въ тебѣ, Боруссія, нѣтъ ничего, что бы я могъ назвать царемъ. Но все же Пруссія отодвинула Францію на второй планъ и сама сѣла на первое мѣсто. Но все же, окрасивъ въ одинъ цвѣтъ пестрые лоскуты нѣмецкаго отечества, она будетъ предписывать законы Европѣ до тѣхъ поръ, пока законы ея будутъ предписывать штыкомъ и исполнять картечью, по самой простой причинѣ, потому что у нея больше штыковъ и больше картечей... Франція, удивленная, сконфуженная перемѣной положенія, грозитъ не Пруссіи войною, а Италіи, если она дотронется до временныхъ владѣній вѣчнаго отца...“ Герценъ со скорбнымъ недоумѣніемъ видитъ, что романская Европа готова предаться междоусобию. „Воскресить ли латинскую Европу дерущая труба, прусская труба послѣдняго военнаго суда, разбудить ли ее приближеніе ученыхъ варваровъ?“. Такъ вопрошалъ судьбу Герценъ въ мартѣ 1867 года. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и исторія дала отвѣтъ: „латинская Европа“ не услышала ничего, и французы пролили италіанскую кровь. И скорбь Герцена находитъ себѣ исходъ въ словахъ поразительной лирической силы.

Двѣ страницы, озаглавленныя Герценомъ „Послѣ набѣга“ и помѣченныя 31 декабря 1867 года, въ высшей степени характерны

<sup>1)</sup> Колоколь, 1 февраля 1867, № 233—234, стр. 1915.

для всего уклада герценовской психики, для всей его умственной биографии. Шопенгауэръ, какъ извѣстно, требовалъ отъ всякаго, кто желаетъ ознакомиться съ его философией, чтобы онъ прочелъ все, написанное философомъ, до послѣдней строчки. Я не знаю, необходимо ли это для пониманія Герцена, но скажу съ полною увѣренностью: двѣ страницы „Послѣ набѣга“ рѣшительно не пойметъ — ни въ главной мысли, ни въ частностяхъ — тотъ, кто вполнѣ точно и детально не знакомъ съ исторіею герценовскихъ настроеній и развитіемъ его идей за всю его жизнь. Прежде всего, внѣшнія поясненія. О какомъ набѣгѣ идетъ рѣчь? Конечно, о посылкѣ Наполеономъ III экспедиціи противъ гарибальдійцевъ, желавшихъ овладѣть Римомъ и присоединить его къ королевству Италіи. Французскія войска разбили гарибальдійцевъ 3 ноября 1867 г. при Ментанѣ, — и Римъ остался въ рукахъ папы Пія IX. „Удивленная, окровавленная Италія... дѣлала всѣ уступки. Но разсвирѣплаго француза, упивающагося всякой побѣдой, нельзя было остановить, — къ крови, къ дѣлу ему надобно было прибавить крѣпкое слово... Я считаю слово Руэра историческимъ откровеніемъ. Кто послѣ этого не понялъ Франціи, — тотъ слѣпорожденный“. Конечно, Герценъ имѣетъ въ виду историческую рѣчь французскаго министра Руэра, — вскорѣ послѣ Ментаны, — въ Законодательномъ Корпусѣ („Италія жаждетъ имѣть Римъ, который она считаетъ непремѣннымъ условіемъ объединенія. Ну, такъ мы объявляемъ отъ имени французскаго правительства, что Италія не завладѣетъ Римомъ никогда“). Герценъ съ привычною грустью, со свойственною его послѣднимъ годамъ усталою скорбью думаетъ объ этомъ новомъ крушеніи. Но онъ жалѣетъ не только Гарибальди и его мечту, не только Италію въ ея униженіи: онъ жалѣетъ, — и это для насъ тутъ интереснѣе всего, — Францію, этого самаго „разсвирѣплаго француза“, разстрѣлявшаго изъ ружей шасспо итальянскихъ патриотовъ-революціонеровъ. Онъ жалѣетъ романскую Европу, потому что, вообще, только ее, Россію да англосаксонскую расу и считаетъ, по преимуществу, Европой или, шире, „человѣчествомъ“; и когда онъ вѣритъ въ будущее человѣчества до 1848 г., и когда плачетъ на рѣкахъ Вавилонскихъ (по собственному выраженію) послѣ 1848 г. — онъ вѣритъ въ романскую Европу, плачетъ о романской Европѣ; когда эту потребность вѣры переноситъ со всею страстностью, на какую, вообще, былъ способенъ, — на „общинную“, артельную, „крестьянскую“ Россію, — онъ только одну страну любовно поминаетъ рядомъ — сѣверную Америку, „страну будущаго“, молодую вѣтвь англосаксонскаго племени; мало того, признавая колоссальную роль Англии въ мировой исторіи, онъ лишь слабо утѣшенъ тѣмъ, что свобода и многое, погибшее въ 1848 году на континентѣ, — уцѣлѣло за Ламаншемъ: Европа, романская Европа „больна“! Поэтому теперь, въ 1867 г., когда Франція разстрѣляла итальянскую идею, когда Италія безсильна смыть оскорбленіе, когда французскій народъ отказался „окончательно“ отъ своего

прошлаго, когда онъ вѣрить только въ голое насиліе, въ шасспо, когда онъ примирился съ долгимъ „рабствомъ“, съ Наполеономъ III, и мѣшаетъ освобожденію другихъ народовъ, — теперь грядетъ періодъ состязанія между насильниками, мракъ, хаосъ, кровопролитіе, — и поэтому Герценъ обращается къ Бисмарку со словами Филиппа II къ великому инквизитору: „святой отецъ — теперь ваше дѣло!“... „Эти слова мнѣ такъ и хочется повторить Бисмарку. Груша зрѣла, и безъ его сіятельства дѣло не обойдется. Не церемоньтесь, графъ!“ Романскій міръ, выдвинувшій идею политической свободы, идею экономическаго переустройства отъ всего этого отказался, увѣровалъ въ шасспо, — но въ такомъ случаѣ Бисмарку есть чѣмъ аргументировать: игольчатый ружьемъ, — такова не отдѣльная фраза, но душа этихъ лирическихъ двухъ страницъ. „Графъ Бисмаркъ, теперь ваше дѣло! А вы, Маццини, Гарибальди, послѣдніе могикане, сложите ваши руки, успокойтесь. Теперь васъ не нужно. Вы свое сдѣлали. Теперь дайте мѣсто безумію, бѣшенству крови, которымъ или Европа себя убьетъ, или реакція. Ну, что же вы сдѣлаете съ вашими ста республиканцами и вашими волонтерами, съ двумя — тремя ящиками контрабандныхъ ружей? Теперь миллионъ отсюда, миллионъ оттуда, съ иголками и другими пружинами. Теперь пойдутъ озера крови, моря крови, горы труповъ... а тамъ тифъ, голодъ, пожары, пустыри. А, господа консерваторы, вы не хотѣли даже и такой блѣдной республики, какъ февральская, не хотѣли подслащенной демократіи, которую вамъ подносилъ кондитеръ Ламартинъ. Вы не хотѣли ни Маццини-стойка, ни Гарибальди-героя. Вы хотѣли порядка. Будетъ вамъ за то война семилѣтняя, тридцатилѣтняя...“

Не желая упорно видѣть въ германской государственности, въ германской политической культурѣ ни малѣйшаго идейно-цѣннаго содержанія, съ отвращеніемъ и безпокойствомъ слѣдя за ростомъ могущества „ученыхъ варваровъ“, онъ именно въ ихъ пришествіи склоненъ усматривать ту катастрофу стараго міра, о которой онъ пророчествовалъ съ 1848 года, съ эпохи провала и гибели революціи. Есть не только отѣнокъ, но существенная разница между отношеніемъ Герцена къ Наполеону III и къ Бисмарку. Наполеонъ III задушилъ республику, управляетъ рабами, которыхъ развращаетъ деспотизмомъ и т. д., — и все-таки въ немъ есть нѣчто знакомое, онъ и его имперія выросли изъ такихъ-то и такихъ-то ошибокъ республиканцевъ, демократовъ, социалистовъ, но ошибки могутъ хоть въ будущемъ быть исправлены, и съ устраненіемъ причины, по старой латинской поговоркѣ, устранится эффектъ, послѣдствіе. Бисмаркъ же пришелъ изъ совсѣмъ чуждой, враждебной среды и страны, онъ внѣшняя, посторонняя сила, и всѣ „ученые варвары“, съ которыми онъ идетъ, тоже на-вѣки постронній, чужой лагерь, — и совсѣмъ, будто, неинтересно, всегда-ли эти „ученые варвары“ будутъ съ Бисмаркомъ, не могутъ-ли они въ будущемъ съ нимъ поссориться, какое

вляніе имѣютъ на ихъ собственную жизнь хотя бы, напр., тѣ общія дѣла, которыя они съ Бисмаркомъ дѣлаютъ и т. д. Наполеонъ III — „траурный кучеръ“, который мчитъ Францію „въ пропасть“, и погибнетъ съ нею; Бисмаркъ и Германія — это и есть „пропасть“, гибель, слѣпая сила, которая, правда, только потому вообще сила, что у нея есть игольчатые ружья и картечь, только потому можетъ побѣдить, что Франція отказалась отъ своего идейнаго богатства. Таково воззрѣніе Герцена. Я тщетно искалъ во всемъ, написанномъ Герценомъ, какихъ-нибудь слѣдовъ постепеннаго перехода отъ убѣжденія въ „слабости“, „жалкомъ положеніи“, „безвыходномъ“ ничтожествѣ политическаго бытія нѣмцевъ къ мысли объ ихъ опасности для романской Европы, объ ихъ хотя бы грубо матеріальной, но все же огромной силѣ. Потому ли, что онъ вообще мало писалъ въ шестидесятыхъ годахъ по вопросамъ дипломатіи и внѣшней политики<sup>1</sup>, или по другимъ причинамъ, — но я ничего не нашель, что позволило-бы прослѣдить эту эволюцію. Въ смыслѣ оцѣнки (этической и политической) и старой, и новой, и австрійской, и прусской государственности, и порядковъ раздробленной Германіи XVIII вѣка, и порядковъ Германіи объединяющейся — никакой эволюціи у Герцена прослѣдить нельзя. Для него германская — все равно, прусская или австрійская — реакція есть явленіе прочное, незывлемое, явленіе губительное и гнусное не только само по себѣ, но еще и въ качествѣ постояннаго „тыла“ реакціи общеевропейской, постоянной поддержки реакціонныхъ теченій и въ русской династіи и бюрократіи. Я намѣренно не касаюсь цѣлаго ряда герценовскихъ заявленій, статей, замѣтокъ, отдѣльных (часто крайне остроумныхъ и язвительныхъ) замѣчаній его о нѣмецкомъ („прибалтійскомъ“) вліяніи на русскую внутреннюю политику, общихъ его воззрѣній и мнѣній о томъ, насколько польскій вопросъ „тянетъ“ Россію „въ нѣмецкое болото“ и т. д. Это могло бы составить предметъ особаго экскурса, не входящаго въ рамки намѣченной мною здѣсь темы. Если я упоминаю тутъ и объ этой замѣтной чертѣ общей борьбы Герцена противъ произвола и нестроеній въ современной ему русской жизни, то исключительно затѣмъ, чтобы стало вполне ясно, насколько губительнымъ не только для романской Европы, но и для русскаго прогресса былъ, въ его глазахъ, успѣхъ бисмарковской политики „крови и желѣза“. А если изъ герценовской души удалить любовь къ Россіи и вѣру въ нее, любовь къ романской Европѣ и печаль за нее, — то что еще останется въ этой душѣ, въ послѣдніе годы предъ могилой?

---

<sup>1</sup> Замѣчу, что онъ упорно игнорировалъ въ 60-хъ г. г., напр., такой фактъ, какъ все возрастающее недовѣріе Англій къ Наполеону III, такое длительное и важное событіе, какъ мексиканская экспедиція. Многое, поэтому, ему должно было казаться неожиданнымъ и непонятнымъ въ блестящихъ успѣхахъ Бисмарка, которые нѣтъ, вѣдь, и возможности понять внѣ связи съ общемировой ситуацией.

## II.

Теперь мы переходимъ къ другой сторонѣ вопроса. Какъ смотрѣлъ Герценъ на нѣмецкихъ демократовъ, шире говоря, оппозиционеровъ? Что онъ думалъ о тѣхъ людяхъ, которые разошлись съ Бейстомъ, съ Бисмаркомъ, съ Францемъ-Иосифомъ, иной разъ заплативши за это тюрьмою, долготѣтною эмиграціею?

Раньше, чѣмъ привести герценовскія сужденія, я считаю нужнымъ предпослать нѣсколько словъ, которыя могутъ быть съ одинаковымъ правомъ и заключеніемъ предшествующей главы, и введеніемъ къ этой главѣ. Читатель уже изъ вышеприведеннаго видитъ, что Герценъ совершенно игнорируетъ тѣ сложнѣйшія политическія и экономическія причины, которыя побуждали огромные слои германскаго общества громко (еще до Бисмарка) требовать объединенія, съ полною готовностью (и радостью) нести для этого объединенія большія жертвы, словомъ, смотрѣтъ на грядущее созданіе имперіи какъ на основную, величайшую задачу германской исторіи. Нѣмцы, какъ матеріалъ, „пошли“ на округленіе гогенцоллернскихъ владѣній; „пошли“ — въ смыслѣ иди на потребу, въ качествѣ матеріала; нѣмцевъ столько обижали, что имъ самимъ захотѣлось другихъ обидѣтъ; нѣмцы завидуютъ Франціи и Россіи, — вотъ небрежныя, вскользь брошенныя фразы, содержащія попытку объясненія германскаго движенія. Ни одинъ историкъ, конечно, подобными объясненіями и формулировками не удовлетворяется, но здѣсь было бы въ высшей степени неумѣстно затѣять полемику съ этими фразами и излагать всѣ причины, реально обусловленныя и постановку самой задачи объединенія, и разрѣшеніе этой задачи въ эпоху Бисмарка. Мы тутъ занимаемся не исторіею Германіи въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ XIX столѣтія, но только и исключительно воззрѣніями Герцена на Германію, а съ этой точки зрѣнія для насъ въ высшей степени важны и показательны именно краткость, небрежность, бѣглость этихъ объясненій. Герцена до такой степени не интересовали Германія, какъ держава, германская государственность, германская политика — сами по себѣ, что онъ вовсе и не желалъ задерживаться на томъ, что прямо не касалось романской Европы и Россіи. Онъ билъ тревогу, замѣчая, какъ опасная лавина растеть, какъ на Рейнъ надвигается „прусская каска“, но углубляться въ первопричины явленія не желалъ. Онъ страдалъ за дорогой ему корабль, которому угрожаетъ столкновеніе съ внезапно показавшейся ледяной горой, но онъ не спрашивалъ и съ раздраженіемъ отказывался узнавать, какъ эта гора появилась, откуда она оторвалась, какіе вѣтры ее сюда занесли; онъ болѣлъ душою, замѣчая, что ослабѣла внутренняя энергія, воля къ сопротивленію въ дорогой ему, не смотря ни на что, Франціи, и въ это явленіе онъ вникалъ и вникалъ, старался, какъ мы видѣли, найти глубокіе его корни, приискать сложныя объясненія. Но въ Бисмаркѣ и во всей Германіи онъ видѣлъ только мультиплицированное игольчатое ружье. Какъ

оно появилось? Почему его до сихъ поръ не замѣчали? Это Герцену было вполне безразлично. Выходило даже такъ: оно всегда было налицо, но только когда романская Европа отказалась отъ стремленій впередъ, отъ идейныхъ порывовъ и поэтому ослабѣла, — Бисмаркъ рѣшилъ пустить это ружье въ дѣло и „заказалъ Мольтке планъ“: т. е. слѣдовательно, важна была и будетъ, — въ случаѣ, если „каска“ нападетъ, — не сила напора, но слабость сопротивленія. И Герценъ, такой глубокой аналитикъ, какъ никто умѣвшій выслушивать *alteram partem*, на этотъ разъ явственно не хотѣлъ думать о томъ, что его душевно нисколько не интересовало.

Чрезвычайно мало поэтому бесѣдовалъ онъ о разныхъ сторонахъ германскаго общественнаго движенія и съ тѣми представителями этого движенія, съ которыми сталкивала его судьба. Юморъ сначала, сарказмъ, раздраженіе, отчасти пренебреженіе в послѣдствіи — вотъ характерныя черты, почти безъ исключеній сопутствующія его разговорамъ о германскихъ „демократахъ“, „эмигрантахъ“, „фрейшерлерахъ“ (*Freischärler*), съ которыми ему приходилось вступать въ общеніе. Къ отдѣльнымъ лицамъ изъ этой среды онъ могъ чувствовать извѣстную симпатію; большинство онъ рѣшительно не переносилъ, и, нисколько не интересуясь ни ими, ни ихъ дѣломъ, онъ съ необычайною легкостью рвалъ всякія отношенія съ ними. Любопытно отмѣтить, что чуть ли не съ наибольшимъ уваженіемъ изъ всѣхъ нѣмцевъ вообще, съ которыми ему пришлось лично бесѣдовать по вопросамъ соціально-политическимъ, онъ отнесся къ консерватору барону Гакстгаузену („открывшему“ русскую общину), съ которымъ онъ встрѣтился еще въ маѣ 1843 года: „меня удивилъ ясный взглядъ на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще“<sup>1)</sup>. Впрочемъ, и вообще до эмиграціи онъ относился къ „нѣмцкому національному характеру“ какъ-то мягче, сочувственнѣе, чѣмъ позже. Если онъ тогда склоненъ былъ укорять въ чемъ-либо нѣмецкихъ интеллигентовъ, то больше всего въ метафизическомъ пареніи, забвеніи земныхъ дѣлъ и т. д. Затѣмъ, онъ столкнулся съ ними уже послѣ крушенія 1848—1849 гг., въ Лондонѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, въ эмиграціи. (Я не говорю, конечно, о Гервегѣ, съ которымъ связана была личная драма Герцена). Страницы, посвященныя имъ характеристикѣ нѣмцевъ въ эмиграціи, привычно остроумны, но непривычно злы у Герцена. Онъ ихъ почти не жалѣетъ въ ихъ тяжеломъ, чистомъ бѣдственномъ положеніи, какъ жалѣетъ другихъ эмигрантовъ, — французовъ, поляковъ, итальянцевъ; это чувствуется во всѣхъ его словахъ. Еще о баденскомъ революціонерѣ Густавѣ Струве и другѣ его Гейнценѣ, спасшихся въ Швейцарію и потомъ уѣхав-

---

<sup>1)</sup> Соч. I, 102, -П. С. Соч. изд. Лемке III, 111 (Дневникъ, 13 мая 1843). Я не хочу, конечно, сказать, что изъ всѣхъ нѣмцевъ, съ которыми встрѣчался Герценъ, Гакстгаузенъ былъ ему симпатичнѣе всѣхъ. Карла Фохта онъ искренно любилъ и уважалъ. Любилъ онъ очень и Шульца.

шнхъ въ Америку, онъ говоритъ хотъ и съ улыбкою, но беззлобной. Онъ считалъ Струве фанатикомъ („Лицо Струве съ самаго начала сдѣлало на меня странное впечатлѣніе; оно выражало тотъ нравственный столбнякъ, который изувѣрство придаетъ святошамъ и раскольникамъ. Глядя на этотъ крѣпкій, сжатый лобъ, на покойное выраженіе глазъ, на нечесанную бороду, на волосы съ просѣдю и на всю его фигуру, мнѣ казалось, что это или какой-нибудь фанатическій пасторъ изъ войска Густава-Адольфа, забывшій умереть, или какой-нибудь таборить, проповѣдующій покаяніе и причастіе въ двухъ видахъ“). Теоретическіе взгляды Струве и Гейнца возбуждали въ Герценѣ либо „сумасшедшій смѣхъ“, либо пренебреженіе („такъ какъ у нихъ не было тѣни новой идеи, то программа была тысячной вариацией тѣхъ демократическихъ разглагольствованій, которыя составляютъ такую же риторику на революціонные тексты, какъ церковныя проповѣди на библейскіе“) <sup>1)</sup>. Во всякомъ случаѣ, онъ считалъ Струве честнымъ человѣкомъ, — и однако, обѣщая „къ характеристикѣ нѣмецкихъ освободителей прибавить еще анекдотъ“, онъ рассказываетъ о некорректномъ поведеніи нѣкоего молодого нѣмецкаго эмигранта, котораго, очевидно, считаетъ болѣе типичнымъ для среды, чѣмъ Струве.

Характеристика „нѣмца“, включенная въ XXXVII главу пятой части „Былого и думъ“, признаетъ за нѣмецкою интеллигенціею извѣстныя интеллектуальныя преимущества, но общіе выводы крайне неблагоприятны. „Нѣмецъ теоретически развитъ, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ всѣ народы, но проку въ этомъ нѣтъ до сихъ поръ... онъ во всѣхъ классахъ учится примѣрно, и въ этомъ вся его исторія, на страшномъ судѣ ему сочтутъ баллы... Самые радикальные люди между нѣмцами въ частной жизни остаются фиделестерами. Смѣлые въ логикѣ, они освобождаютъ себя отъ практической послѣдовательности и впадаютъ въ вопіющія противорѣчія. Германскій умъ въ революціи, какъ во всемъ, беретъ общую идею и, разумѣется, въ ея безусловномъ, т. е. недѣйствительномъ значеніи, и довольствуется идеальнымъ построеніемъ ея, воображая, что вещь сдѣлана, если она понята“... Затѣмъ идетъ безпощадное обобщеніе: „англичанинъ и французъ исполнены предрасудковъ, нѣмецъ ихъ не имѣетъ; но и тотъ, и другой въ своей жизни послѣдовательны: то, чему они покоряются, можетъ быть, и нелѣпо, но признано ими. Нѣмецъ не признаетъ ничего, кромѣ разума и логики, но покоряется многому изъ видовъ, это—кривленіе душой за взятки“. Здѣсь Герценъ противорѣчитъ другой, нѣкогда имъ высказанной мысли, что нѣмецкіе мыслители не лицемѣрили такъ, какъ англійскіе. Да и всегда подобныя обобщенія несправедливы. Измученные голодовкою нѣмецкіе эмигранты въ Лондонѣ могли быть носителями какихъ угодно пороковъ, но вѣдь что-то да привело ихъ къ этой голодовкѣ? Можетъ быть, „нѣмецъ большой сибарить“, „привыкъ къ мелкому

<sup>1)</sup> Полярная Звѣзда, кн. 5, стр. 97 („Былое и думы“).



довольству, къ Wohlbehagen, къ покою“,—но тотъ нѣмецъ, который умиралъ отъ голода въ Лондонѣ въ 50-хъ годахъ, во всякомъ случаѣ, доказалъ же, что вовсе не всѣми его жизненными поступками, руководить „сибаритизмъ“ и желаніе покоя? Герценъ считаетъ, что „въ Германіи, кромѣ Вѣны“, „революція 1848 была исполнена комизма“,— и при всей скупости словъ своихъ, когда ихъ нужно тратить на германскую революцію, Герценъ находитъ все же возможнымъ обстоятельно разсказать о комичныхъ чертахъ дѣятелей германскаго 48-го года, поведеніе которыхъ напоминаетъ ему „рѣзвость коровы“, бѣгущей „косымъ галопомъ“ и т. д. Да и самый „комичный“ изъ приведенныхъ случаевъ заключается въ томъ, что одинъ изъ „дрезденскихъ агитаторовъ“, разсказывая Герцену о своемъ поведеніи во время баррикадной борьбы въ Дрезденѣ, гдѣ отъ него (разсказывавшаго) зависѣло лишить жизни любого бюргера, нарушившаго данныя распоряженія, повѣствовалъ: „Если бюргеръ, котораго ко мнѣ приводили, былъ хорошій патриотъ, я его пропускалъ, но если это было подозрительное лицо, то я давалъ знакъ стражѣ... И,—сказалъ я съ ужасомъ,—и она?—И она отводила ихъ домой,—прибавилъ гордо и самодовольно террористъ“<sup>1)</sup>. Герцену это кажется почему-то смѣшнымъ; рѣдко онъ такъ не похожъ на себя, какъ въ этомъ мѣстѣ.

Глава „Нѣмцы въ эмиграціи“ безпощадна и придиричива. „Нѣмецкая эмиграція отличалась отъ другихъ своимъ скучнымъ и сварливымъ характеромъ“. Они оказывались грубы, „излишне фамиллярны“, чувствовалась у нихъ „непріятная неловкость провинціала въ столичномъ салонѣ“; „общаго плана у нихъ не было; единство ихъ поддерживалось взаимною ненавистью и злымъ преслѣдованіемъ другъ друга“. Были исключенія (Шурцъ, Виллихъ и Рейхенбахъ), но эти люди уѣхали въ Америку. Арнольдъ Руге рисуется какъ злой сплетникъ, не щающій женской чести въ своемъ злорѣчьи. Онъ читаетъ лекцію въ Лондонѣ (о философскомъ движеніи въ Германіи), на лекцію приходятъ пять человѣкъ, да Герценъ съ Ворцелемъ. „Руге, проходя по пустой залѣ мимо насъ, сильно сжалъ мнѣ руку и прибавилъ: Польша и Россія пришли, а Италія—нѣтъ: этого я—ни Маццини, ни Саффи не забуду при новомъ возстаніи народовъ“. И, чтобы читатель не подумалъ, что Руге пошутилъ, Герценъ прибавляетъ тотчасъ же, что тотъ ушелъ „разгнѣванный и грозящій“. Это—явная карриатура, но Герценъ хотѣлъ въ немъ это видѣть и не хотѣлъ въ раздраженномъ и несчастномъ старикѣ найти кое-что отъ прежняго Руге, который, по его же словамъ, „былъ коротко знакомъ московскому университетскому кругу сороковыхъ годовъ: онъ издавалъ знаменитые Hallische Jahrbücher“ („мы въ нихъ черпали философскій радикализмъ“). И этотъ же Руге, замѣчу кстати, благородно выступилъ въ печати на защиту Бакунина противъ клеветниковъ—въ „Morning Advertiser“ 31 августа 1853 г.

<sup>1)</sup> Полярная Звѣзда 1859, кн. 5, стр. 117 и 118 („Былое и думы“).

Мягче, но тоже съ насмѣшкою, обрисованъ другой эмигрантъ (Готфридъ Кинкель, обозначенный у Герцена, „Готфридомъ К.“), — но тутъ же подчеркнуто, что его постоянно „обругивали“ „голодные и праздношатающіеся въ Лондонѣ освободители тридцати четырехъ нѣмецкихъ отечествъ“, „нечесанныя и шаршавыя шавки изъ нижняго этажа германской демократіи“. И тутъ тоже Герценъ дѣлаетъ одно изъ тѣхъ обобщеній, къ которымъ онъ склоненъ, когда говорить о нѣмцахъ: „Ругали его всѣ его соотечественники, не имѣвшіе никогда уроковъ, всегда просящіе денегъ займы, никогда не отдающіе занятаго и постоянно готовые выдать чело-вѣка за шпіона и вора въ случаѣ отказа“. Но и отъ сравнительно симпатичнаго Герцену Кинкеля его отталкивало національное самомнѣніе, „притязаніе на какое-то огромное національное значеніе“.

Тутъ слѣдуетъ коснуться одного важнаго факта, много обусловившаго въ образованіи взгляда Герцена на нѣмецкую эмиграцію. Мнѣ уже—въ другомъ мѣстѣ—приходилось говорить о въ высшей степени некрасивомъ поведеніи Маркса и близкихъ къ Марксу людей относительно Бакунина, котораго они осмѣлились печатно обвинять въ шпіонствѣ. Когда я писалъ объ этомъ (въ сборникѣ „Галлерей шлиссельбургскихъ узниковъ“, въ біографіи Бакунина), то мнѣ не были еще извѣстны нѣкоторыя новыя свѣдѣнія объ этихъ отношеніяхъ, опубликованныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ Жемсомъ Гильомомъ и рисующія поведеніе обвинителей Бакунина въ еще болѣе неприглядномъ свѣтѣ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на всей этой печальной эпопее и разбирать детально степень личной отвѣтственности Маркса и окружавшихъ его лицъ. Намъ важно отмѣтить лишь, что между Герценомъ и Марксомъ установились послѣ этого остро-враждебныя отношенія, и Герценъ съ тѣхъ поръ не могъ равнодушно говорить о „шайкѣ непризнанныхъ государственныхъ людей, окружавшихъ неузнаннаго генія первой величины—Маркса“. Между Герценомъ и, какъ онъ ихъ называетъ, „марксидами“ вражда дошла до того, что Карль Блиндъ (тогда—„fatuus Маркса“) печатно предостерегалъ Маццини, Кошута и Саффи отъ общенія съ Герценомъ, „выдающимъ себя за социалиста и республиканца“, отмѣчалъ ихъ близость съ нимъ и желалъ, „чтобы имъ не пришлось слишкомъ поздно въ этомъ раскаяться“<sup>1)</sup>. Когда образовался „международный комитетъ“ и туда избрали также Герцена, то Марксъ заявилъ, что хотя онъ лично Герцена не знаетъ, „но находитъ достаточнымъ и то, что Герценъ — русскій, и притомъ русскій, который во всемъ, что писалъ, поддерживаетъ Россію“, а потому, если Герцена не исключать, то онъ, Марксъ, уйдетъ изъ комитета. Герцена не исключили, и Марксъ вышелъ. Затѣмъ уже и всѣ вообще выходки противъ себя въ печати Герценъ склоненъ былъ приписывать „марксидамъ“.

<sup>1)</sup> Сборникъ посм. статей Герцена (Женева 1874), 64 (Нѣмцы въ эмиграціи).

Насъ все это тутъ интересуеть лишь по послѣдствіямъ. А послѣдствія заключались въ томъ, что Герценъ, нѣкогда пренебрежительно отвернувшійся отъ Струве и Гейнцена, между многимъ прочимъ за то, что они боялись упрека въ коммунизмъ<sup>1)</sup>, и не терпѣвшій нѣмцевъ, главнымъ образомъ, за ихъ скрытый или явный патріотизмъ и націонализмъ, — волею судьбы, больше, чѣмъ всѣхъ нѣмцевъ вообще, ненавидѣлъ и презиралъ именно „марксидовъ“, которые по своимъ воззрѣніямъ на экономическій строй современной имъ Европы какъ разъ во многомъ (именно въ критикѣ) сошлись бы съ Герценомъ, да и въ смыслѣ нѣмецко-шовинистическихъ увлеченій ихъ теоріи были свободны отъ упрека (хотя Герценъ и объяснялъ ихъ ненависть къ себѣ „патріотизмомъ“: „...какъ со стороны К. Блинда, такъ и со стороны Маркса, котораго я совсѣмъ не зналъ, вся эта ненависть была чисто платоническая, такъ сказать, безличная: меня приносили на жертву фатерланду изъ патріотизма“).

Итакъ, „марксиды“ — отпали. То, что еще могло бы выясниться при личномъ общеніи, тѣ точки соприкосновенія, какія могли бы оказаться при идейныхъ спорахъ и разногласіяхъ, — все это сразу сдѣлалось совершенно невозможнымъ между личными, смертельными врагами, поссорившимися на той почвѣ, на которой даже временнаго примиренія нѣтъ и быть не можетъ.

Оставалась та пестрая масса, которую Герценъ неопредѣленно именуеть нѣмецкой демократіей. Тутъ были лѣвые конституціоналисты, республиканцы, люди типа и склада разстрѣляннаго въ Вѣнѣ Роберта Блюма, дѣятели, мечтавшіе объ объединеніи и свободѣ будущей объединенной Германіи и т. д. Въ 50—60-хъ гг. эта среда переживала глубокую эволюцію; свободолюбіе все блѣднѣло, — по крайней мѣрѣ, у многихъ изъ нихъ, — а патріотическія мечты объ объединеніи все усиливались. Герцена раздражало ихъ презрѣніе ко всему русскому, воззрѣніе на русскихъ, какъ на низшую породу, и его давняя, инстинктивная антипатія къ нимъ все росла; особенно ядовито высмѣивалъ онъ противорѣчье между ихъ „космополитическими“ словами (до поры, до времени еще удерживавшимися) и германско-націоналистическимъ нутромъ. „Возьмите — писалъ онъ — статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ, и взгляните въ ихъ злую ненависть не только ко всему русскому, но ко всему славянскому... Еслибы эта ненависть была сопряжена съ какимъ-нибудь желаніемъ, чтобы Россія, Польша были свободны, порвали бы свои цѣпи, я бы понялъ это. Совсѣмъ не то. Такъ, какъ средневѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ. По счастью, они имѣютъ на этотъ разъ дѣло не съ разсѣяннымъ и

2) Полярная Звѣзда, 1859, кн. 5, стр. 101.

бѣднымъ племенемъ, а съ частью свѣта“<sup>1)</sup>. Грубость и безтактность этихъ радикальныхъ патриотовъ выводила Герцена изъ терпѣнія. Именно въ это время, къ концу пятидесятихъ годовъ, нѣмецъ становится для него синонимомъ безтактнаго человѣка (напр., говоря о приглашеніи Геккерна, „убійцы Пушкина“, какъ онъ выражается, на одну русскую великосвѣтскую свадьбу, Герценъ восклицаетъ: „ну, найдите мнѣ пошехонцевъ, ирокезовъ, лиллипутовъ, нѣмцевъ, — которые имѣли бы меньше такта!“<sup>2)</sup>). А когда въ концѣ 1861 года въ Лондонѣ появился Бакунинъ и опять возгорѣлась съ новою силою старая вражда къ его обвинителямъ, Герценъ окончательно формулируетъ свой взглядъ на отношеніе „нѣмецкихъ демократовъ“ къ русскому народу: „Замѣтимъ мимоходомъ, что Бакунинъ такъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣла съ нѣмецкими демократами. У большей части нѣмцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу нѣмецкаго народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобы онъ презиралъ свой народъ и несъ бы нѣмецкую цивилизацию своимъ дикарямъ<sup>3)</sup>, забывая, что у насъ на это, сверхъ Петербурга, есть Кур-Эст-и Лифляндія... Въ то самое время, какъ саксонскій король держалъ въ рукахъ перо, чтобы подписать смертный приговоръ Бакунину..., нѣмецкіе публицисты писали въ журналахъ, что Бакунинъ русскій агентъ... Но, чтобы ничего не недоставало, человѣкъ этотъ, выходя послѣ 14 лѣтъ страданій со знаками отъ цѣпей..., не только былъ встрѣченъ старыми друзьями, но и обвиненіями одной радикальной нѣмецкой газеты, напоминавшей, что онъ — ein verdächtiger Charakter. А, впрочемъ, пожалуй, нѣмцы и правы! Бакунинъ и мы — агенты русскаго народа...“ Жаль только, что нѣмцы забываютъ, что петербургское правительство — нѣмецкое<sup>4)</sup> и т. д.

Почти также его раздражали націоналистическія претензіи этихъ „демократовъ“ на Венецію, Ломбардію, на тѣ итальянскія области, которыя освобождающаяся Италія отняла у Австріи въ союзѣ съ Наполеономъ III въ 1859 году. Онъ приводитъ (въ уже цитированной главѣ „Нѣмцы въ эмиграціи“) разговоръ свой съ нѣмцами по поводу злодѣйствъ австрійской арміи въ Италіи: „демократы“ сначала пробовали отрицать твердо установленные факты, а потомъ, когда разговоръ перешелъ на австрійскихъ и прусскихъ офицеровъ, и Герценъ замѣтилъ, что прусскіе офицеры, „эти проклятые юнкеры съ дерзкимъ лицомъ, надменнымъ видомъ“ „несносны, противны“, — то присутствовавшій тутъ же

1) Колоколь, 15 января 1859, № 34, стр. 275.

2) Колоколь, 15 сентября 1858, № 24, стр. 200.

3) Ср. Колоколь, 1 янв. 1863, № 153, стр. 1270: Sehen Sie, какъ-то замѣтилъ мнѣ одинъ нѣмецкій революціонеръ, вѣровавшій, что изъ русскаго безъ палки и нѣмца ничего не сдѣлаешь, — и т. д.

4) Колоколь, 15 января 1862, № 119—120, стр. 989.

Мюллерь-Стрюбингъ ушелъ, не прощаясь, и навѣки порвалъ отношенія съ Герценомъ. А между тѣмъ этотъ человекъ (его Герценъ обозначаетъ всюду буквами М. С.) былъ еще, сравнительно, симпатиченъ Герцену, — и Герценъ пишетъ о немъ безъ злобы, со снисходительной усмѣшкой.

Герцену нѣсколько разъ приходилось выражать свое возмущеніе по поводу этого нѣмецкаго національнаго „патоса“, какъ онъ выражается (имѣя въ виду паѳосъ, Pathos). Согласно патосу, не слѣдовало пускать въ Венецію „иностранцевъ, т. е. итальянцевъ“; Герценъ съ ненавистью вспоминалъ иннсбрукскихъ студентовъ, которые ходили еще въ 1848 году усмирять итальянцевъ, хотя сами разглагольствовали о своемъ свободолюбіи; онъ и Гарибальди предупреждалъ, что нѣтъ такихъ нѣмцевъ, которые хотѣли бы отдать Италіи Венецію и „четырёхугольникъ“ итальянскихъ крѣпостей, „квадрилатерь“.

Слѣдуетъ замѣтить, что общее впечатлѣніе не обманывало Герцена относительно войны 1859 года и постановки итальянскаго вопроса въ германскомъ обществѣ вообще. Я могъ бы насчитать десятки и десятки брошюръ и газетныхъ статей, писавшихся въ 1859—1861 гг. въ Германіи и прямо побуждавшихъ германскія правительства прійти на помощь Австріи въ ея борьбѣ съ „гвельфскими разбойниками“, т. е. итальянцами. И либеральная, даже лѣво-либеральная пресса ничуть не оставалась позади въ этой кампаніи (и тоже пускала въ ходъ этотъ патріотически-средневѣковый жаргонъ, очень тогда модный: гвельфы, *das Teutschtum* и т. д.). Германія, еще только собиравшаяся объединиться, Германія, тогда начавшая сознавать, что Австрія — одна изъ главныхъ помѣхъ къ этому объединенію, все-таки съ гнѣвомъ взирала на то, какъ *das Teutschtum*, хотя бы въ лицѣ австрійскихъ войскъ, изгоняется изъ Ломбардіи, и ненавидѣла объединяющуюся Италію.

Конституціонный конфликтъ въ Пруссіи нисколько не возвысилъ въ глазахъ Герцена оппозиціонную часть прусскаго общества. „Какъ вы можете выносить всѣ обиды Бисмарка, спросилъ я... у одного лѣваго депутата изъ Берлина, въ самое то время, какъ графъ набивалъ себѣ руку для того, чтобы повышибать зубы покрѣпче Грабова и Кніи. — Мы все сдѣлали, что могли, innerhalb конституціи. — Ну, такъ вы бы, по примѣру правительства, попробовали ausserhalb. — То-есть, что же? сдѣлать воззваніе къ народу, остановить платежи налоговъ? Это — мечта... ни одинъ человекъ не двинулся бы за насъ, не поддержалъ бы насъ... и мы дали бы новое торжество Бисмарку, свидѣтельствуя сами нашу слабость. — Ну, такъ и я скажу, какъ вашъ президентъ при всякомъ заушеніи: воскликните троекратно: *es lebe der Koenig* и разойдитесь съ миромъ“<sup>1)</sup>.

1) Колокольъ, 15 мая 1867, № 241, стр. 1971 („Безъ связи“).

При свѣтъ прусскихъ конституціонныхъ столкновеній шестидесятихъ годовъ и полнаго конечнаго торжества Бисмарка, Герценъ уже склоненъ и германскую революцію 1848 года заднимъ числомъ опредѣлять, какъ „учено-литературную вспышку“, исчезнувшую, „какъ ракета“; вождей ея онъ считаетъ „блѣдными фюрерами, посторонними народу, который за ними не шелъ, кромѣ нѣсколькихъ забѣжавшихъ или завлеченныхъ работниковъ“<sup>1)</sup>. — Не интересуясь германскими событіями 1848 года въ самомъ 1848 году, онъ, — явственно, не интересовался ими и въ 1867 году, когда написалъ эти строки.

---

Подводя въ нѣсколькихъ словахъ итоги, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

И въ прошломъ своемъ, и въ настоящемъ, и въ раздробленномъ, и въ постепенно объединяющемся видѣ Германія, какъ государство, была Герцену не только антипатична, это мало сказать, — но прямо отвратительна. Онъ считалъ ее, — прежде всего Пруссію, — всегдашнимъ, прирожденнымъ, безсмѣннымъ оплотомъ европейской реакціи и прочнымъ тыломъ всякой реакціи русской. Онъ ненавидѣлъ „правительствующихъ нѣмцевъ“, гдѣ бы онъ ихъ ни встрѣчалъ, въ германскихъ ли государствахъ или въ негерманскихъ. Я бы затруднился указать пять номеровъ „Колокола“ подрядъ, гдѣ бы не было двухъ-трехъ ядовитыхъ, иногда разъяренныхъ выходокъ противъ „нѣмцевъ“, дѣйствующихъ вовсе не въ Германіи, а въ Россіи. Эта сторона не входила въ рамки моей темы, но она чрезвычайно характерна и очень гармонируетъ съ возрѣніями Герцена на германскую государственность вообще. Что касается Австріи, то онъ и ее, — какъ государство, — ненавидѣлъ и презиралъ, но со злорадствомъ надѣялся на ея близкое или отдаленное исчезновеніе; относительно же Пруссіи, онъ, съ 1864 года, въ особенности, не только не могъ питать серьезно такихъ иллюзій, но долженъ былъ усмотрѣть въ ней безспорную силу, — чего раньше признавать не хотѣлъ. На эту силу онъ смотрѣлъ, какъ на опасность для „латинской,“ романской Европы в о о б щ е, — для прогресса, возможности котораго таятся въ романской Европѣ, въ частности. Онъ не зналъ — и, скажу выраженіемъ Достоевскаго, — „съ отвращеніемъ знать не хотѣлъ,“ зачѣмъ понадобилась Пруссія въ дѣлѣ германскаго объединенія, каковы историческіе корни этого движенія, его возможные результаты для Германіи. Только въ одномъ мѣстѣ (въ статьѣ „Даніилы“) онъ заставляетъ какого-то анонимнаго нѣмца признать: „...мы идемъ этимъ тяжелымъ путемъ (пруссимъ деспотизмомъ), ненавида его и покоряясь необходимости, имѣя цѣль предъ глазами“; но и тутъ не поясняетъ этой мысли, не говоритъ точнѣе о цѣли, не пытается согласовать эти слова съ многократными утвержденіями, что сво-

---

<sup>1)</sup> Ibid.

боды нѣмцамъ будто-бы вовсе, по-настоящему, и не требуется. Да и самый нѣмецъ въ статьѣ „Даниилы“ выведенъ исключительно затѣмъ, чтобы его сарказмами поставить въ затруднительное положеніе одного француза. Но, относясь къ быстро прогрессирувавшему увеличенію прусскаго могущества съ возрастающимъ безпокойствомъ, хотя и полагая главную опасность для романскихъ странъ въ томъ, что онѣ отказались отъ собственнаго идейнаго богатства, — Герценъ въ послѣдніе годы жизни уже не закрываетъ глазъ на то измѣненіе, которое внесла въ Европу прусская гегемонія, не обманываетъ себя, и много горечи вноситъ эта новая „бѣда“ всемірной исторіи въ его настроеніе конца шестидесятихъ годовъ, и безъ того далеко не радостное. Онъ еще утѣшаетъ себя тѣмъ, что „судьбы міра“ не могутъ „оставаться надолго въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцоллерновъ, такъ какъ „это противно человѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ,“ но, доживая шестой десятокъ, человѣкъ къ словамъ „ненадолго“ часто мысленно прибавляетъ съ горечью: „на мой вѣкъ хватить“... Судьба, сведшая его въ могилу за семь мѣсяцевъ до Седана, избавила его отъ убійственнаго для него зрѣлища — Франціи, поруганной Гогенцоллернами, попранной „пятою лихтенштейнца,“ какъ объ этомъ сказалъ Салтыковъ. Что касается Россіи, то для нея Герценъ видѣлъ въ усиленіи Пруссіи не прямую опасность непосредственнаго нападенія, — но опасность заключенія союза въ Пруссіей. О возможности союза Россіи съ Пруссіей или Австріей Герценъ всегда говорилъ, какъ о крайней степени несчастья и позора для Россіи, для ея внутренняго развитія прежде всего.

Такъ судилъ онъ о германскихъ государствахъ и государственности. Германскихъ революціонеровъ 1848 года, эмигрантовъ пятидесятихъ годовъ, оппозиціонеровъ шестидесятихъ годовъ Герценъ, посылку зная, — уважалъ довольно мало; въ ихъ убѣжденіяхъ, опять-таки, прежде всего улавливалъ патриотизмъ, шовинизмъ, — словомъ, то, что касалось интересовъ другихъ, „сосѣднихъ“ народностей: итальянцевъ, французовъ, славянъ. Въ какую бы то ни было реальную силу ихъ въ 1848 ли году или позже, онъ категорически отказывался вѣрить; теории ихъ (въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ ихъ касался) казались ему либо смѣшною фантастикою (какъ у Густава Струве и Гейнцена), либо избитыми перепѣвами французскаго радикализма; ссора съ, сѣрною шайкою марксидовъ, „какъ онъ ихъ называетъ, не заохотила его и къ анализу и критикѣ ихъ взглядовъ.

Но самое характерное — это то, что на агитацію Лассалья позднѣе, въ 60-хъ гг., онъ не обратилъ вниманія, и, внимательно и многократно читая „Колоколь,“ мнѣ все же не удалось натолкнуться ни на одну его статью о Лассалѣ. А между тѣмъ Герценъ въ тѣ же годы, читая посмертныя воспоминанія Гейне, корилъ поэта за то, что тотъ нѣкогда съ безрливостью бѣлоручки чуждался рабочихъ собраній (въ Парижѣ), которыя не были похожи на „чопорный салонъ“ Варнгагена; и, однако, колоссальныя рабочіе митинги, со-

зывавшіяся Лассалемъ, не обратили на себя ни малѣйшаго вниманія Герцена. Это бросается въ глаза тѣмъ болѣе, что въ 60-хъ годахъ Герцену не рѣже, чѣмъ въ 50-хъ, представлялось необходимымъ указывать французскимъ, напр., представителямъ радикально-республиканской мысли на то, что они мало считаются съ вопросомъ объ экономической реформѣ общества. Мнѣ посчастливилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ найти въ парижской Национальной библіотекѣ неизвѣстныя до тѣхъ поръ письма Герцена къ Эдгару Кинэ (я опубликовалъ эти письма въ 1909 году, въ русскомъ переводѣ. Эта статья перепечатана въ настоящей книгѣ). Достаточно прочесть эти письма, гдѣ Герценъ съ такою экспрессіей говорить объ основномъ, по его мнѣнію, порокѣ французской радикальной традиціи, отсутствіи интереса къ экономическимъ нуждамъ народныхъ массъ, чтобы понять, какимъ важнымъ онъ считалъ всякое измѣненіе въ программѣ французскихъ республиканцевъ. Почему же онъ ни въ малѣйшей степени не заинтересовался въ эти самые годы Лассалемъ, хотя (мы это знаемъ по постояннымъ выдержкамъ въ „Колоколѣ“) читалъ аккуратно нѣмецкія газеты, а онъ (да и англійскія газеты тоже) очень много кричали въ это время и объ агитаціи Лассалья, и о трагической дуэли его, и хотя Лассаль иногда почти буквально (не зная того) повторялъ мысли Герцена объ экономической реформѣ, какъ основной задачѣ вѣка, и т. д.?

Ставлю этотъ вопросъ будущимъ біографамъ Герцена. Личное мое мнѣніе заключается въ томъ, что и „марксисты“, и Лассаль со своими идеями — были, по его глубокому убѣжденію, страшно далеки отъ чего бы то ни было, даже отдаленно похожаго на реальное вліяніе, реальное значеніе въ политической жизни Германіи. Европѣ, Россіи должно считаться съ Бисмаркомъ, потому что онъ враждебная, реакціонная сила, — но сила. А остальные нѣмцы — неинтересны, что бы они ни говорили и ни дѣлали: не важно, если они реакціонеры, нисколько не утѣшительно, если они социалисты. Таково было его мнѣніе. Еще въ 1866 году Герценъ мечталъ о несбыточномъ (сознавая несбыточность), желая „гибели Австріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гибели Пруссіи“. Въ этомъ Лассаль, — котораго впослѣдствіи Бисмаркъ печатно хвалилъ за патріотизмъ, — Герцену не могъ, конечно, не только помочь, но и сочувствовать. А безъ этого онъ былъ Герцену неинтересенъ и ненуженъ. Вотъ не все объясненіе факта, на первый взглядъ непонятнаго, но, по моему убѣжденію, одинъ изъ существенныхъ элементовъ объясненія.

Полнѣйшимъ отсутствіемъ (даже страннымъ въ такой широкой, разносторонней натурѣ) интереса къ Германіи и Австріи самимъ по себѣ, безъ отношенія къ судьбамъ славянскихъ и романскихъ народовъ, объясняется и другое обстоятельство: Герценъ рѣшительно проглядѣлъ весь огромной важности исторической процессъ, происходившій въ шестидесятыхъ годахъ какъ въ германскихъ государствахъ, такъ и въ Австріи. Онъ не учелъ,



что Пруссія 1867 года, эпохи Сѣверо-Германскаго Союза, и Пруссія до-мартовскихъ времянь, — это разныя страны; что Австрія послѣ Садовой почти такъ же мало похожа на былую меттерниховскую Австрію, какъ Россія послѣ Севастополя на николаевскую Россію, — и что именно въ отношеніяхъ габсбургской монархіи къ населяющимъ ее народамъ произошелъ глубочайшій, коренной, рѣшительно все измѣнившій и въ принципахъ управленія, и на практикѣ переворотъ. Онъ всего этого какъ-бы не замѣтилъ. Чѣмъ, въ свою очередь, объяснить эту черту въ герценовской психикѣ, — трудно сказать съ полною опредѣленностью, но фактъ остается фактомъ.

Можно лишь напомнить, что внутренніе кризисы, преобразившіе весь политическій укладъ центральной Европы, и огромныя внѣшнія перемѣны, тогда-же постигшія и Австрію, и Пруссію, и другія германскія государства, какъ разъ совершались именно въ самые послѣдніе годы жизни Герцена, когда его по прежнему огромный и блестящій, но усталый, разочарованный во многомъ умъ больше подводилъ итоги пережитому, снова и снова прилѣплялся къ старымъ, разъ навсегда поразившимъ его идеямъ и впечатлѣніямъ, но уже, вообще, меньше искалъ впечатлѣній новыхъ и меньше считался съ ними.

Съ этимъ хронологическимъ совпадениемъ, какъ мнѣ кажется, тоже долженъ будетъ считаться будущій биографъ Герцена, когда онъ пожелаетъ всесторонне освѣтить и объяснить отмѣченный фактъ.

---

## V.

### Была ли екатерининская Россія экономически отсталюю страню? <sup>1)</sup>

Экстенсивная мощь русской имперіи въ концѣ XVIII столѣтія является однимъ изъ важнѣйшихъ и грандіознѣйшихъ феноменовъ всемірной исторіи. И когда тѣ же лица, которыя вполнѣ признають этотъ безспорный фактъ, проходятъ мимо вопроса, базировалась ли эта мощь на какомъ-либо хоть сколько-нибудь широкомъ экономическомъ фундаментѣ, и отдѣляются отъ этого вопроса повтореніемъ стереотипной фразы о натуральномъ хозяйствѣ и экономической зависимости и отсталости Россіи, то естественно для всякого, обладающаго даже минимальной долей научной любознательности, отнестись къ подобнымъ утвержденіямъ съ апріорнымъ скептицизмомъ и потребовать фактическихъ доказательствъ. Но этихъ доказательствъ нѣтъ, ужь потому, что документы, на основаніи которыхъ можно было бы съ непрекаемою очевидностью рѣшить вопросъ, — большею частью не только не использованы, но даже и не описаны. Достаточно сказать, что лишь недавно вниманіе русскихъ историковъ было привлечено къ источнику громаднѣй, судя по всему, важности, правда, не для исторіи русской промышленности, но для исторіи внутренней русской торговли въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Я разумѣю замѣчательную статью проф. А. А. Кизеветтера „Дѣлопроизводство русскихъ внутреннихъ таможенъ, какъ историческій источникъ“ (въ „Сборникѣ В. О. Ключевскому“, М. 1909). За проф. Кизеветтеромъ этими документами заинтересовался и другой московскій историкъ г. Готье (см. Сборникъ въ честь С. Ѳ. Платонова, Птр. 1911). Весь этотъ кладъ ждетъ еще изслѣдователей. Несомнѣнно, что и для исторіи промышленности тоже существу-

---

<sup>1)</sup> (Докладъ, первоначально читанный въ засѣданіи „Историческаго общества, состоящаго при Спб. университетѣ“, 14 октября 1910 года. Здѣсь онъ появляется съ нѣкоторыми вставками и измѣненіями. Приношу живѣйшую благодарность за цѣнные совѣты и указанія А. С. Лаппо-Данилевскому, А. А. Кизеветтеру, и И. А. Шляпкину, а также А. И. Браудо за помощь при работѣ въ отдѣленіи Rossica.

ють нетронутыя залежи. Въ обширной книгѣ, напр., М. И Туганъ-Барановскаго „Русская фабрика“ мы находимъ лишь пять-десять шесть страницъ на весь XVIII вѣкъ: это лишь введеніе, собственно, въ исторію фабрики XIX столѣтія согласно съ общимъ планомъ изслѣдованія. „Исторія русскаго народнаго хозяйства XVIII столѣтія до сихъ поръ еще очень мало разработана“ <sup>1)</sup>, — говорятъ намъ авторитетные историки Россіи.

А пока эта колоссально-важная для науки задача не будетъ окончательно рѣшена изслѣдователями сокровищъ, хранящихся въ русскихъ архивахъ, интересно припомнить, какъ смотрѣли иностранцы-современники на екатерининскую Россію и ея экономическое развитіе. Эти свидѣтельскія показанія радикально расходятся со взглядомъ, ставшимъ впоследствии шаблоннымъ и именно въ силу единодушія своего позволяютъ предполагать, что окончательное рѣшеніе вопроса можетъ не совпасть съ популярнымъ сужденіемъ.

Напомнить вообще о показаніяхъ современниковъ по этому важному вопросу побуждаетъ меня найденная мною неизданная французская бумага официальнаго происхожденія, относящаяся ко второй половинѣ екатерининскаго царствованія.

Работая въ парижскомъ Национальномъ архивѣ надъ документами серіи F<sup>12</sup>, заключающей данныя по исторіи французской торговли и промышленности, я натолкнулся въ административной перепискѣ 1790 года на одно бѣглое указаніе, что въ бумагахъ бюро торговаго баланса должны быть слѣды какихъ-то подготовительныхъ трудовъ по заключенію русско-французскаго торговаго договора 1786 года. Обратившись къ связкѣ, гдѣ эти бумаги находятся (F<sup>12</sup> 1835), я нашелъ письмо генеральнаго контролера Калонна о русской торговлѣ, относящееся именно къ 1786 году.

Это письмо оказалось неизданнымъ и, судя по совершенному отсутствію ссылокъ на него, даже и неизвѣстнымъ, — что, впрочемъ, неудивительно, принимая во вниманіе, что документы этой серіи (F<sup>12</sup>), не описаны, не каталогизированы, и, напр., изслѣдователь, специально занимающийся экономической исторіей Россіи, могъ бы найти письмо Калонна совершенно случайно, такъ какъ масса документовъ, содержащаяся въ трехъ большихъ связкахъ, обозначена въ общемъ инвентарѣ Национальнаго архива половиною строчки: „F<sup>12</sup> 1834—1835. Balance du commerce“ и больше нигдѣ ни малѣйшихъ указаній на всѣ эти документы не имѣется.

Содержаніе письма Калонна, интересное и само по себѣ, заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ ознакомиться, хотя бы ужъ потому, что оно является новымъ показаніемъ современника, характеризующимъ состояніе русской торговли. Мнѣніе о Россіи

---

<sup>1)</sup> А. С. Лаппо-Данилевскій: Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія (Спб. 1899).

XVIII вѣка, какъ о странѣ преимущественно „натуральнаго хозяйства“, какъ о странѣ, экономически самой отсталой въ Европѣ того времени, — это мнѣніе, довольно прочно укоренившееся въ воззрѣніяхъ западно-европейской экономической историографіи, является одною изъ наиболѣе распространенныхъ и принимаемыхъ на вѣру легендъ. По поводу этого письма Калонна мнѣ хотѣлось бы вообще отмѣтить, что указанное сужденіе — въ значительной степени плодъ позднѣйшихъ домысловъ и ретроспективныхъ оцѣнокъ, и что современники въ западной Европѣ совсѣмъ иначе смотрѣли на экономическое состояніе Россіи.

## I.

Въ XIX вѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ, темпъ экономическаго развитія — сначала въ Англіи, потомъ отчасти во Франціи — настолько ускорился, что Россія (такъ же, впрочемъ, какъ и государства Германскаго Союза, какъ Австрія, Италия) явственно отошла въ разрядъ экономически-зависимыхъ странъ, такъ что реальная почва для мнѣнія объ экономической отсталости явилась. Нѣкоторыя побочныя причины сообщили этому мнѣнію особенную категоричность и заставили говорить о Россіи не какъ объ одной изъ отсталыхъ въ экономическомъ смыслѣ странъ континента, но какъ о самой отсталой. Дипломатическое соревнованіе между Россіей и западными державами, страхъ и вражда, которые питали извѣстные общественные слои къ политическимъ принципамъ Николая I, болѣе твердое и замѣтное въ соціальной жизни страны господство крѣпостнаго права — все это заставляло забывать, что крѣпостное право или его пережитки (очень замѣтные) продолжали существовать до самаго 1848 года также и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, заставляло забывать, что въ экономической зависимости отъ Англіи находятся всѣ страны, которыя съ тѣмъ или инымъ запозданіемъ ввели у себя машинное производство, — и Россія въ конечномъ счетѣ оказывалась страной якобы почти исключительно натуральнаго хозяйства, страной исключительно помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ.

Съ тѣмъ, что можно назвать среднимъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, повторилось (относительно Россіи) въ этомъ отношеніи то, что уже было при Наполеонѣ I съ среднимъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи (относительно Франціи).

Ненависть и страхъ, которые Англія питала къ Наполеону за все время его царствованія, нашли себѣ выраженіе во многихъ газетныхъ статьяхъ и памфлетахъ, и мнѣ приходилось тамъ читать курьезнѣйшія утвержденія, что французамъ грозятъ страшныя бѣдствія и даже гибель изъ-за континентальной системы, такъ какъ Франція безъ англійскихъ товаровъ жить не въ состояніи. Подобныя публицистическія преувеличенія — явленіе обыденное и давнишнее; достаточно вспомнить извѣстный англійскій памфлетъ XV столѣтія „*Libell of english polycie*“, гдѣ весьма патетически доказывается, что, если Англія захочетъ, то фламандцы умрутъ голодною смертью.

Подобныя же преувеличенія, старанія непремѣнно показать, что ненавистное чужое правительство никакъ не можетъ просуществовать ресурсами одной только своей страны, — все это, конечно, способствовало часто сгущенію красокъ, когда во Франціи или Англіи въ эпоху Николая I заходила рѣчь объ экономическомъ состояніи Россіи.

Это бросается въ глаза особенно ясно всякій разъ, когда удастся сравнить подобныя преувеличенія съ показаніями лицъ, которыя въ самомъ дѣлѣ безпристрастно передавали свои наблюденія и передавали ихъ не для публики, а въ строжайшей интимности. Напр., быстрый ростъ купеческаго капитала, происходившій параллельно съ уже замѣчавшимся разореніемъ части дворянства, былъ отмѣченъ (и отмѣченъ съ сожалѣніемъ) французскимъ посольствомъ въ Петербургѣ въ одномъ докладѣ французскому министру иностранныхъ дѣлъ въ 1830 году, до іюльской революціи. Тогдашнія правящія сферы (при Полиньякѣ) были настроены консервативно и стояли за сохраненіе и восстановленіе старинныхъ привилегій дворянства вообще; понятенъ, поэтому, тонъ сожалѣнія въ упомянутомъ документѣ. (Самое письмо хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ)<sup>1)</sup>. „Должно съ сожалѣніемъ смотрѣть на близкое разореніе части русской аристократіи, тогда какъ нѣкоторые крѣпостные, такъ же, какъ купцы, которые прежде были крѣпостными и выкупили себя, обогащаются чудовищнымъ образомъ“, — вотъ что читаемъ мы въ этой бумагѣ. Это показаніе пригодится историку, который вздумаетъ пересмотрѣть вопросъ о началѣ, такъ называемаго, „дворянскаго оскуднѣнія“ и о значеніи движимаго капитала въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Когда иностранцы смотрѣли повнимательнѣе, они переставали думать, что Россія состоитъ изъ помѣщиковъ и крѣпостныхъ. Но, повторяю, мнѣніе объ экономической отсталости Россіи, хоть и чрезвычайно преувеличенное, уже имѣло въ срединѣ XIX вѣка извѣстную почву. Я хочу только сказать, что это мнѣніе ретроспективно было тогда перенесено на XVIII вѣкъ — и благополучно утвердилось въ исторіографіи. Сейчасъ рѣчь пойдетъ не о томъ, чтобы установить точную дату, когда именно экономическое развитіе Россіи начало отставать отъ развитія нѣкоторыхъ другихъ континентальныхъ странъ Европы, а о томъ, что, повидимому, эту дату нужно искать не раньше XIX столѣтія.

Въ этомъ отношеніи ходячія мнѣнія (особенно въ европейской исторіографіи) относительно Россіи XVIII столѣтія не выдерживаютъ критики. Еще существованіе и крупныя размѣры торговли въ Россіи признаются иной разъ, — очевидность иной разъ бросается въ глаза, но зато о русской промышленности въ XVIII вѣкѣ часто

---

<sup>1)</sup> Архивъ франц. министр. иностр. дѣлъ. Серия: „Russie, mémoires et documents“ регистръ №. 36. Notice abrégée sur la situation actuelle des finances de l'empire de Russie.

упоминается лишь затѣмъ, чтобы заявить объ ея ничтожности, а иногда и совсѣмъ не говорится.

Примѣромъ такого отношенія къ русской промышленности XVIII вѣка можетъ служить хотя бы извѣстная четырехтомная „Исторія всемірной торговли“, написанная Бееромъ<sup>1)</sup>. Внимательный и добросовѣстный читатель Беера принужденъ будетъ сдѣлать выводъ, что вообще русская промышленность въ XVIII вѣкѣ не существовала, если не считать нѣсколькихъ заведеній учебно-образцоваго типа. „Суконное производство въ Россіи существуетъ съ Петра Великаго, и учрежденныя имъ суконныя фабрики служили въ позднѣйшія времена въ качествѣ образца. Число ихъ (суконныхъ фабрикъ) продолженіе нашего столѣтія (XIX) сильно возросло“, и т. д. — и больше о русскомъ суконномъ производствѣ въ XVIII вѣкѣ — ни слова<sup>2)</sup>. О полотняномъ производствѣ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ Бееръ не говоритъ ни слова. Относительно шелковаго замѣчаетъ только, что „приготовленіемъ шелковыхъ матерій въ Россіи занимались съ давнихъ поръ, такъ какъ довольно значительное количество шелка употреблялось въ облаченіяхъ священниковъ и церковной утвари“<sup>3)</sup>. О другихъ промыслахъ полное молчаніе.

Ни слова нѣтъ о русской индустріи и на тѣхъ 12 страницахъ (504—517) II тома, гдѣ рѣчь идетъ о русской торговлѣ въ теченіе всего XVIII вѣка.

Мы нарочно приводимъ популярнаго Беера, потому что, съ одной стороны, его трудъ выражаетъ общепринятыя въ срединѣ XIX столѣтія сужденія относительно исторіи торговли и промышленности, а, съ другой стороны, — эта книга способствовала, въ свою очередь, укрѣпленію и дальнѣйшей популяризаціи подобныхъ мнѣній.

Но если мы попробуемъ отрѣшиться отъ этихъ позднѣйшихъ оцѣнокъ и обратимся къ показаніямъ современниковъ, то сейчасъ же увидимъ, что они къ экономическому состоянію екатерининской Россіи вообще и къ ея промышленности, въ частности, относятся съ несравненно большимъ почтеніемъ.

Какъ общее правило, можетъ быть высказано слѣдующее: почти всѣ иностранцы-современники, писавшіе о русской торговлѣ и промышленности въ концѣ XVIII вѣка, вовсе не считаютъ Россію страню экономически отсталою и зависимою въ хозяйственномъ отношеніи отъ Запада.

Приведемъ отзывы нѣкоторыхъ географовъ, статистиковъ, путешественниковъ, на которыхъ въ тѣ времена часто ссылались на Западѣ, когда рѣчь шла о Россіи. Обратимся сначала къ сви-

---

<sup>1)</sup> „Allgemeine Geschichte des Welthandels“. Wien (1860—1864). Въ ней три части, причѣмъ третья въ 2-хъ томахъ.

<sup>2)</sup> Beer, op. cit. III часть, 1-ый томъ, стр. 115.

<sup>3)</sup> Beer op. cit. III часть, 1-ый томъ, стр. 140.

дѣльствамъ, касающимся торговли. Конечно, больше всего насъ тутъ интересуесть внѣшняя торговля.

Бюшингъ, который, какъ извѣстно, четыре года пробыль въ Россіи, пишетъ въ своей всеобщей географіи<sup>1)</sup>, что, хотя Россія можетъ еще сильно увеличить количество своего вывоза, но уже и теперь (т.-е. въ 1770-хъ гг.) этотъ вывозъ значителенъ. Онъ отмѣчаетъ силу и ростъ русской промышленности, причемъ говорить очень одобрительно о качествахъ шелковыхъ, ковровыхъ, кожаныхъ и нѣкоторыхъ другихъ издѣлій и указываетъ, что въ 1775 г. было вывезено за границу товаровъ на 32.196.000 рублей. „По-видимому, — прибавляетъ онъ<sup>2)</sup>: — русскій вывозъ сильно превышаетъ ввозъ (тутъ онъ приводитъ цифры на основаніи таможенныхъ справокъ и дѣлаеъ оговорку о контрабандѣ, о чемъ у насъ рѣчь еще впереди). Общій выводъ его о русскихъ, какъ о торговой націи, въ высшей степени благоприятенъ: „Можно, конечно, сказать, — пишетъ онъ: что ни одинъ народъ въ мірѣ не имѣетъ большей склонности къ торговлѣ, нежели русскіе“<sup>3)</sup>,

Вуржа, учитель-французъ изъ французскаго коллежа въ Берлинѣ, бывшій нѣкоторое время гувернеромъ у Татищева, въ подмосковномъ имѣніи послѣдняго, и поѣздившій по Россіи, говорить о способностяхъ русскихъ къ фабричному производству<sup>4)</sup>, — и характерно, что права русской націи на уваженіе онъ мотивируетъ такъ: „нельзя у нихъ оспаривать, что они — народъ, заслуживающій почтенія вслѣдствіе своихъ силъ, своихъ ресурсовъ, своей торговли и вслѣдствіе того, что они создали самую обширную имперію, какая когда-либо существовала“<sup>5)</sup>. Его, по-видимому, такъ поражаетъ состояніе русской торговли и промышленности, что онъ ищетъ объясненія этому факту и находитъ его въ томъ, что въ Россіи совсѣмъ не такъ чувствовался гнетъ цеховой системы, какъ въ зап. Европѣ; отмѣчаетъ онъ и свободу торговли, царящую въ Россіи, гдѣ товары не платятъ никакихъ внутреннихъ пошлинъ при ввозѣ въ городъ<sup>6)</sup>. Нужно вспомнить, что его книга вышла за четыре года до начала французской революціи, и что избавленіе отъ цеховъ и отъ внутреннихъ таможенъ было мечтою всѣхъ прогрессивно настроенныхъ людей во Франціи. Замѣтимъ кстати, что даже и революція далеко не сразу отмѣнила цехи; что же касается до внутреннихъ таможенъ, то частичное ихъ сокращеніе вызывало уже въ теченіе самой революціи самые бурные восторги. Напр., довольно

1) Büsching: Erdbeschreibung, I, 702 (восьмое издание).

2) Ibid., I, 704.

3) Ibid., 713: Man kann wohl sagen, dass kein Volk in der Welt eine grössere Neigung zum Handel habe, als die Russen..

4) Burja: Observation d'un voyageur sur la Russie (Berlin. 1785), стр. 211.

5) Burja: op. cit. 219.

6) Burja: op. cit. 49: „Point de maitrises qui empêchant un homme industriel de faire ce qu'il peut et ce qu'il veut... les productions du pays ne paient aucun droit en entrant dans la ville.

вспомнить ликованія парижскаго народа, когда, весною 1791 года, власти отмѣнили пошлину, уплачивавшуюся за ввозъ сѣстныхъ припасовъ въ стѣны столицы. Цехи тоже были уничтожены во Франціи 2 марта 1791 г., т.-е. лишь черезъ два года послѣ начала революціи. Когда Виржа писалъ свою книгу, у всѣхъ образованныхъ людей, слѣдившихъ за политикою, особенно у французовъ, жива была въ памяти попытка Тюрго уничтожить тиранію цеховъ и освободить хлѣбную торговлю отъ мѣшавшихъ ей путей; памятно было и рѣшительно сопротивленіе французскаго двора планамъ Тюрго, его паденіе и крушеніе всѣхъ его начинаній. Немудрено, что Виржа обратилъ большое вниманіе на то обстоятельство, что идеалы Тюрго уже были въ Россіи (въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ) живою дѣйствительностью.

Съ большою хвалою говорить объ отсутствіи стѣсненій для торговли также и Шторхъ, авторъ многотомнаго статистическаго описанія Россіи <sup>1)</sup>: „Можетъ быть, нѣтъ въ мірѣ государства, — читаемъ мы у него: — гдѣ внутренняя торговля была бы подвержена меньшему числу ограниченій и поборовъ, чѣмъ Россія“ <sup>2)</sup>. Онъ указываетъ на ничтожное количество монополій, на отсутствіе, такъ называемыхъ *Stapelstädte*, т.-е. городовъ, имѣвшихъ исключительную привилегію быть складочнымъ мѣстомъ извѣстнаго рода товаровъ или же обязательнымъ для извѣстныхъ мѣстностей рынкомъ сбыта и этапомъ. Такіе города были тогда и въ германскихъ государствахъ, и во Франціи. Прованская торговля избавилась отъ угнетавшихъ ее привилегій города Марселя лишь при революціи. Отмѣчаетъ Шторхъ и отсутствіе дорожныхъ пошлинъ (также, прибавимъ, разорявшихъ французскую торговлю).

Въ 1774 году въ засѣданіи англійской палаты общинъ было засвидѣтельствовано, что безъ русскаго полотна, ввозимаго въ Англію, бѣдные классы англійскаго народа обойтись не могутъ, и что сырые матеріалы, получаемые изъ Россіи, „существенно необходимы“ для англійскаго флота и англійской торговли <sup>3)</sup>.

Джонъ Ричардъ также удостовѣряетъ, что балансъ въ англо-русской торговлѣ рѣшительно склоняется въ пользу Россіи <sup>4)</sup>.

Еще съ большимъ удареніемъ говорятъ о томъ же десятью годами позднѣе и другіе свидѣтели <sup>5)</sup>.

<sup>1)</sup> Storch: Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts (Leipzig 1799).

<sup>2)</sup> Storch: *op. cit.*, томъ VII, стр. 268. — Какъ извѣстно, внутреннія таможи были отмѣнены по инициативѣ Шувалова еще въ 1754 году.

<sup>3)</sup> Observations on the evidence relating to the russian trade: as delivered at the bar of the honourable house of commons on the 5-th of May 1774 to a comitee of the whole house appointed to enquire into the present state of the linen trade of Great Britan and Ireland by m-r Forster. London. 1774.

<sup>4)</sup> A tour from London to Petersburg, by John Richard (London. 1780) стр. 23: . . . the balance of trade is greatly in favour of Russia.

<sup>5)</sup> Voyage de deux français dans le nord de l'Europe (1796. Paris), томъ IV, стр. 352: Le commerce de la Russie avec l'Angleterre est extrêmement au desavantage de cette dernière puissance qui perd environ 1 million sterling..



Мысль о томъ, что торговля Европы съ Россіей нужнѣ Европѣ, чѣмъ Россіи, проводится и Le Clerc'омъ, который именно этимъ объясняетъ, что балансъ всегда оказывается выгоднымъ для русской торговли<sup>1)</sup>.

Авторъ предисловія къ изданію 1789 года „Исторіи русской торговли“, Шерера приписываетъ именно въ очень значительной степени торговому развитію Россіи ея огромные политическіе успѣхи<sup>2)</sup>.

Таковы характерныя показанія современниковъ о русской торговлѣ. Я бы могъ еще увеличить число цитатъ, если бы не боялся повтореній: вышеупомянутыя сочиненія (особенно Шторха и Германа), съ упоминаніемъ или безъ упоминанія именъ ихъ авторовъ, легли въ основу многихъ современныхъ имъ и позднѣйшихъ компиляцій. Просматривая какъ въ берлинской королевской библіотекѣ и въ Британскомъ музеѣ, такъ и въ отдѣленіи „Rossica“ Публичной библіотеки въ Петроградѣ всю литературу по исторіи торговли Россіи въ концѣ XVIII вѣка, а также работы путешественниковъ за этотъ періодъ, я неоднократно встрѣчался съ повтореніемъ уже извѣстнаго матеріала, и все въ томъ же указанномъ освѣщеніи.

Къ этимъ показаніямъ современниковъ, выраженнымъ въ ихъ печатныхъ трудахъ, позволю себѣ присоединить еще одно, рукописное, о которомъ уже упоминалъ вначалѣ, — хранящееся въ связкѣ F<sup>12</sup> 1835 во французскомъ Национальномъ архивѣ. Это — письмо генеральнаго контролера Калонна къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Верженну, написанное 25 апрѣля 1786 и посвященное вопросу о русско-французскихъ торговыхъ отношеніяхъ<sup>3)</sup>. Письмо это не издано, и мнѣ, повторяю, даже не случилось ни разу встрѣтить какую бы то ни было ссылку на него ни во французской, ни въ русской литературѣ; а такъ какъ никакого описанія документовъ серіи F<sup>12</sup> не существуетъ, то этотъ документъ даже и не упоминается ни въ какихъ каталогахъ архива. Связка 1835-я этой серіи вмѣстѣ со связкою 1834-ю заключаетъ въ себѣ уцѣлѣвшіе документы, такъ называемаго,

---

1) Le Clerc: Histoire physique etc. de Russie moderne, стр. 300: ...la balance du commerce est toujours avantageuse à l'Empire. La raison en est palpable: les marchandises que l'on exporte de Russie sont de première nécessité pour toutes les nations de l'Europe la plupart de celles que l'on importe en Russie ...ne peuvent être consommées que par une très petite portion de la nation.

2) Johann Benedikt Scherers: Geschichte und gegenwärtiger Zustand des russischen Handels. In einem Auszuge mit Anmerkungen und Zusätzen von Karl Hammersdörfer, Professor in Jena. Leipzig. 1789.

Russland hat in einem kurzen Zeitraume einen so hohen Grad von Macht und Ansehen erlangt und ist so schnell zum Range einer der ersten Mächte Europas emporgestiegen, dass alles, was dieses Reich angeht, wichtig und wissenswerth ist. So also auch die Geschichte seines Handels der sehr viel dazu beigetragen hat dass Russland das wurde was es ist, der von dem Grossen Peter fast aus Nichts hervorgerufen und von der weisen Katharina zu einer erstaunenswürdigen Höhe gebracht worden ist.

3) Нац. Арх. F<sup>12</sup> 1834: Copie de la lettre de M. le Controleur Général des finances à M. le Comte de Vergennes, en date du 25 avril 1786.

„bureau de la balance du commerce“, которые относятся къ внѣшней торговлѣ Франціи. Въ своемъ небольшомъ рефератѣ объ официальной торговой статистикѣ Англии и Франціи въ XVIII вѣкѣ, напечатанномъ въ „Sitzungsberichte“ берлинской академіи наукъ за 1898 годъ<sup>1)</sup>, Фридрихъ Ломанъ пользовался связкою F<sup>12</sup> 1834, а о связкѣ 1835-й и онъ ничего не говоритъ; впрочемъ, тамъ и нѣтъ нужныхъ для его темы матеріаловъ. Только этимъ полнымъ отсутствіемъ указаній можно объяснить, что названный документъ не привлекъ ничьего вниманія. Я сталъ искать его, какъ сказано, только вслѣдствіе одного бѣглаго упоминанія въ официальной перепискѣ за 1790 годъ, что въ 1785 году производились какія-то спеціальныя работы надъ документами „balance du commerce“ въ виду подготовлявшихся торговыхъ договоровъ Франціи съ Англіей и Россіей.

Бюро торговаго баланса, учрежденное въ 1713 году, обязано было составлять ежегодныя сводки свѣдѣній какъ о ввозѣ, такъ и о вывозѣ товаровъ на основаніи отчетовъ таможенныхъ чиновниковъ (точнѣе — чиновниковъ, служившихъ по откупамъ этихъ таможенныхъ доходовъ, les receveurs des fermes, какъ они назывались)<sup>2)</sup>. Бюро составляло обстоятельную сводку о торговлѣ Франціи съ иностранными державами за годъ, причемъ конечный результатъ этой работы заключался въ томъ, что изъ суммы, на которую Франція вывезла своихъ товаровъ въ данную страну, вычиталась сумма импорта во Францію изъ данной страны, или же наоборотъ, смотря по тому, какая цифра была больше. Если французскій вывозъ былъ больше, то предъ результатомъ такого вычитанія ставился +, и это должно было обозначать, что торговля Франціи съ данной державой выгодна Франціи и приносить ей столько-то въ годъ; если французскій вывозъ былъ меньше ввоза во Францію изъ данной страны, то къ разницѣ прибавлялся знакъ —, обозначавшій ущербъ для Франціи отъ торговли съ этой страной. Меркантильная система еще всецѣло царила въ официальныхъ кругахъ Франціи, и съ показаніями этого бюро стремилось сообразоваться правительство въ случаяхъ, когда ему нужно было предпринять какой-либо шагъ въ своей торговой политикѣ. Съ Россіей французы уже давно хотѣли заключить торговый договоръ, который обезпечилъ бы имъ такое же положеніе, которое занимали англичане: рѣчь должна была, главнымъ образомъ, идти объ уменьшеніи русскихъ таможенныхъ ставокъ и объ уменьшеніи пошлины, взимавшейся съ французскихъ судовъ, приходящихъ въ Россію. Отголосокъ этой тенденціи мы находимъ, между прочимъ, у Леклера, въ его уже

---

1) Die Amtliche Handelstatistik Englands und Frankreichs im XVIII Jahrhundert, von Dr. Friedrich Lohmann (Sitzungsber. der Königl.-Preuss. Akademie d. Wissenschaften, 1898, Juli—Dezember. стр. 859.)

2) Объ учрежденіи и судьбахъ этого бюро см. Нац. Арх., F<sup>12</sup> 1834 — В. „Mémoire sur la Balance du commerce“.

цитированной выше исторіи Россіи, гдѣ онъ глухо жалуется, что привилегія, данныя англичанамъ, убиваютъ конкуренцію<sup>1)</sup>.

Добиваясь заключенія выгоднаго для Франціи торговаго трактата, министръ иностранныхъ дѣлъ Верженнъ натолкнулся на шедшее съ русской стороны возраженіе, что франко-русская торговля для Россіи невыгодна (опять-таки, съ точки зрѣнія теоріи „торговаго баланса“). Верженнъ обратился къ главѣ вѣдомства финансовъ (и фактическому первому министру), генеральному контролеру Калонну за справками по этому вопросу. Калоннъ препроводилъ ему при особомъ письмѣ справку о торговлѣ съ Россіею изъ бюро торговаго баланса. Это-то препроводительное письмо Калонна настъ тутъ и интересуетъ.

По словамъ Калонна, русскіе мотивируютъ свое мнѣніе такъ: „они видятъ въ своей имперіи большое обращеніе французскихъ продуктовъ, въ то время какъ подсчеты ихъ таможенъ показываютъ, что французы вывозятъ ихъ товары лишь въ очень небольшомъ количествѣ“.

Какъ самъ Верженнъ, такъ и Калоннъ убѣждены въ неправомерности подобнаго взгляда. Ввозъ русскихъ товаровъ во Францію былъ за послѣдній годъ (1785) очень великъ (Калоннъ съ умысломъ при этомъ подчеркиваетъ, что количество французскихъ кораблей, перевозившихъ эти товары, было ничтожно: „quatre ou cinq de nos bâtimens“, и что суда, участвовавшія въ торговомъ обмѣнѣ между Франціей и Россіею, принадлежали англичанамъ, голландцамъ, гамбургцамъ и др.). Для доказательства Калоннъ и препровождаетъ выписку о состояніи франко-русской торговли. Ввозъ изъ Россіи во Францію въ 1785 г., оказывается, былъ равенъ 6.412.329 ливрамъ, а вывозъ изъ Франціи въ Россію = 5.485.675 ливрамъ и, слѣдовательно, торговый балансъ сводился въ пользу Россіи на сумму въ 926.664 ливра.

Что касается торговаго мореплаванія, то изъ Россіи во Францію пришло въ 1785 г. 140 судовъ вмѣстимостью въ 24.892 тонны, а ушло изъ Франціи въ Россію всего 74 судна вмѣстимостью въ 14.391 тонну.

И это еще сравнительно хорошей для Франціи годъ: во время войны Франціи съ Англіей (изъ за независимости Сѣверо-Американскихъ Штатовъ) Россія получила еще больше выгоды: такъ, въ 1782 году Франція получила непосредственно изъ Россіи товаровъ на 9.721.000 ливровъ, а вывезла въ Россію всего на 4.802.000 ливровъ, что дало Россіи перевѣсъ съ 4.919.000 лив-

---

<sup>1)</sup> Le Clerc: Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne (Paris. 1783), t. I, стр. 14: ... c'est l'Angleterre qui jouit de la plus grande partie de ce bénéfice; le traité de commerce lui accorde les plus grands privilèges; elle y fait les plus grandes affaires et son influence majeure exclut, pour ainsi dire, toute concurrence. C'est cependant cette concurrence entre les nations, c'est l'égalité des privilèges et des prix qui sont les bases naturelles du commerce le plus étendu et le plus avantageux à tous les peuples, les privilèges particuliers ou exclusifs le resserrent, ce commerce, le minent sourdement et le détruisent à la longue.

ровъ. И хотя этотъ перевѣсъ нѣсколько уменьшился въ 1785 г., но все же остался за Россіей такъ же, какъ и въ 1784 и въ 1783 г.г. Благодаря этому Россія увеличиваетъ свой запасъ звонкой монеты въ ущербъ Франціи. Если русскіе видятъ у себя большое количество французскихъ товаровъ, то они должны были бы уже поэтому завести съ Франціей болѣе тѣсныя сношенія, даровавши французамъ тѣ же льготы, какими пользуются англичане, голландцы и австрійцы: до сихъ поръ, утверждаетъ Калоннъ, торговля между Франціей и Россіей находилась особенно въ рукахъ голландцевъ, которые и получали отъ нея выгоду. Они покупали во Франціи товары и перевозили ихъ въ Россію, гдѣ и продавали, конечно, по болѣе дорогой цѣнѣ, а затѣмъ нагружали свои корабли въ Россіи льномъ, веревками, строительнымъ лѣсомъ, кожами, мѣхами и т. д. — и перевозили все это во Францію. Немудрено, поэтому, что русскіе въ своихъ таможенныхъ книгахъ не видятъ, сколько ихъ товаровъ ввозится во Францію, такъ какъ голландцы только тогда заявляютъ, что ѣдутъ во Францію, если не имѣютъ въ виду остановиться либо у береговъ своей родины, либо гдѣ-нибудь еще по дорогѣ. А, между тѣмъ, Калоннъ говоритъ, что бывають годы, когда цѣнность русскаго ввоза во Францію превышаетъ 10.000.000 ливровъ. Пусть русскіе измѣнятъ свою систему (т.-е. пусть завѣдутъ болѣе прямыя сношенія съ Франціей), и ихъ ошибочное мнѣніе исчезнетъ, и они убѣдятся, что Франція является выгоднѣйшимъ рынкомъ сбыта для продуктовъ русскаго земледѣлія и русской промышленности. При прямыхъ сношеніяхъ цѣны на привозные продукты уменьшатся, и потребление увеличится. Между прочимъ, Калоннъ особенно подчеркиваетъ, что французскій флотъ будетъ тогда получать нужный строительный лѣсъ изъ первыхъ рукъ. (Замѣтимъ, кстати, что Калоннъ въ концѣ своего письма уже признаетъ, что количество французскихъ судовъ, торгующихъ съ Россіей, не четыре-пять, а десять; въ 1784 г. ихъ было семь, 1783 — одно, а въ 1782 — ни одного).

Таковъ этотъ документъ. Онъ подтверждается данными бюро торговаго баланса за 1785 годъ. Общія показанія бюро относительно русскаго ввоза такіа: паруснаго холста изъ Россіи во Францію ввезено на 98.000 ливровъ; сырыхъ продуктовъ на 4.280.000; продуктовъ индустріи — 1.412.000; пшеницы, ржи и овса — на 472.000, и разныхъ мелкихъ товаровъ (безъ болѣе точнаго обозначенія) на 150.389 ливровъ. Итого ввозъ русскихъ товаровъ во Францію = 6.412.339 ливрамъ.

Что касается французскаго вывоза въ Россію, то изъ общей цифры (5.485.675 ливровъ) главная сумма падаетъ на вина (1.156.009), водки (609.000), фрукты (126.000), соль (117.000) и на неопредѣленную категорію *les divers petits objets* (225.675), подъ которыми въ данномъ случаѣ можно понимать, отчасти, и предметы роскоши. Что касается вывоза продуктовъ французскихъ

мануфактуръ, то цифры, относящіяся сюда, сравнительно незначительны: суконъ было вывезено изъ Франціи въ Россію всего на 94.000, полотна на 56.000 и т. п.

Таковы эти цифры. Каково ихъ реальное значеніе? Всецѣло вѣрить полной точности этихъ цифръ нельзя. Дѣло въ томъ, что, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Ломанъ въ своемъ докладѣ берлинской академіи наукъ объ официальной торговой статистикѣ Англійи и Франціи въ XVIII вѣкѣ<sup>1)</sup>, Эльзась-Лотарингія, епископства Мець, Туль, Верденъ, затѣмъ т. наз. Pays de Gex, а также гавани Марсель, Байонна, Лоріанъ, Дюнкеркъ и (не упоминаемый почему-то Ломаномъ) Saint-Jean de Luz не давали свѣдѣній общему „бюро торговаго баланса“, ибо ихъ таможни подчинялись особой регламентации и дѣйствовали на особомъ основаніи. Далѣе.

Вѣдь, почти всѣ произведенія французской промышленности были избавлены отъ вывозной пошлины, а поэтому, хотя для цѣлей статистики и приказано было вести имъ счетъ, но, конечно, это исполнялось не особенно аккуратно, ибо главною своею задачею таможенные чиновники считали регистрацію товаровъ, за вывозъ которыхъ полагалось пошлину взимать. Точно также, съ другой стороны, ввозъ во Францію цѣлой массы сырья былъ освобожденъ отъ всякой пошлины (напр., все, что нужно для ткацкой и прядильной индустріи, для споспѣшествованія сельскому хозяйству и т. д.). Такъ что и статистика ввоза по этой же причинѣ могла вестись неаккуратно. Неточности происекали и отъ того, что денежная оцѣнка вывозимыхъ количествъ (такъ же, какъ и ввозимыхъ) дѣлалась иногда довольно ошибочно, да и трудно было тутъ соблюсти полную точность; дѣлалась на основаніи приблизительныхъ расчетовъ, объявляемыхъ самими владѣльцами товаровъ или же таможенными служащими.

Несмотря на все это, намъ представляется вѣрнымъ мнѣніе Ломана<sup>2)</sup>, что при всѣхъ этихъ неточностяхъ отношеніе между ввозомъ и вывозомъ во французской официальной статистикѣ передавалось довольно правильно, соответственно реальной дѣйствительности, хотя абсолютно цифры и ввоза, и вывоза получались меньше дѣйствительныхъ. Этотъ выводъ методологически правиленъ потому, что, вѣдь, всѣ эти „источники ошибокъ“ дѣйствовали одинаково и при исчисленіи ввоза, и при исчисленіи вывоза. Если же, послѣ этихъ оговорокъ, перейдемъ, въ частности, къ цифрамъ, касающимся торговли Франціи съ Россіей, то должны будемъ прибавить еще и слѣдующее.

Если въ цифрахъ, сообщенныхъ Калонномъ, есть ошибка,

---

<sup>1)</sup> Lohmann: Die amtliche Handelsstatistik England und Frankreichs im 18 Jahrhundert (Sitzungsberichte der K. Preuss. Akademie der Wissenschaften, 1898, Juli — Dezember, S. 881.

<sup>2)</sup> L. c., 887.

то: въ томъ отношеніи, что перевѣсъ баланса въ пользу Россіи еще больше, нежели указывается въ этихъ цифрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, русское правительство указываетъ, что въ имперіи замѣчается масса французскихъ товаровъ, но въ русскихъ таможенныхъ книгахъ слѣда объ этомъ нѣтъ, ибо Калоннъ въ своемъ письмѣ непремѣнно привелъ бы русскія цифры, если бы эти цифры были ему даны; но онъ просто говоритъ: „l'aveu que font les russes qu'il y a parmi eux une grande circulation du produit de notre sol et de notre industrie“ и т. д. Значить, единственная цифра для опредѣленія французскаго вывоза въ Россію есть та, какую даетъ Калоннъ. Мы можемъ предположить, на основаніи вышесказаннаго, что она ниже дѣйствительной, но у насъ нѣтъ возможности сказать: „вотъ другая цифра, цифра русскаго происхожденія, составленная на основаніи болѣе дѣйствительныхъ исчисленій“, ибо, если французская таможня могла не особенно аккуратно исчислить вывозимыя изъ Франціи мануфактурныя, скажемъ, издѣлія, или вина, или водки, въ виду почти полнаго отсутствія вывозной пошлины, — то ужъ русская таможня, для которой всѣ эти товары являлись ввозомъ, обложеннымъ часто высокою пошлиною, навѣрное, отмѣтила бы точнѣе ихъ количество. Слѣдовательно, предполагая, что цифра французскаго вывоза, даваемая Калонномъ, меньше дѣйствительной, мы такъ или иначе не можемъ, все-таки, забыть, что заинтересованная сторона прямо не опровергла этой цифры. Если же перейдемъ къ цифрѣ русскаго ввоза, то мы тутъ ужъ, дѣйствительно, можемъ счесть цифру 6.412.329 ливровъ минимальной. Вглядимся въ составныя части этой цифры. Конечно, произведеній русской мануфактуры французскіе тарифы не пропускаютъ почти вовсе, ихъ ввезено во Францію на ничтожную сумму. Но зато лѣса, желѣза, льна, пенки ввезено на 4.280.000 воску, кожъ, сала ввезено на 1.412.00, т.е. почти весь русскій ввозъ состоитъ изъ такихъ продуктовъ, которые во Франціи не были обложены пошлиной и, слѣдовательно, регистрировались неаккуратно. Но если во Франціи не обложень ихъ ввозъ, то и въ Россіи подавно не обложень ихъ вывозъ, такъ что ни во Франціи, ни въ Россіи никто не былъ заинтересованъ въ точной ихъ статистической регистраціи. И нужно было, дѣйствительно, очень ужъ большія количества этихъ товаровъ ввести во Францію, чтобы во французскихъ регистрахъ остался хоть такой слѣдъ, какъ цифра въ 6.412.339 ливровъ.

Въ XVIII столѣтіи Россія была въ Европѣ страной, откуда едва ли не легче всего было вывозить сырье, ибо почти всюду (не говоря уже объ Англии и Франціи) вывозъ многихъ сырыхъ продуктовъ былъ либо прямо запрещенъ, либо обложень высокимъ тарифомъ.

Поэтому именно относительно торговли Франціи съ Россіею нужно признать, что перевѣсъ Россіи былъ еще гораздо больше, чѣмъ указывалъ Калоннъ на основаніи французской официальной статистики.

Отмѣтимъ къ слову, что въ той же связкѣ (F<sup>12</sup> 1835) имѣется подсчетъ результатовъ торговли Франціи со всѣми иностранными державами за 1788 годъ<sup>1)</sup>. Согласно цифрамъ этого документа, Россія въ 1788 г. ввезла во Францію больше товаровъ (6.871,900 л.), чѣмъ Пруссія (3.547,700), Швеція (5.581,100), Данія съ Норвегіей (4.068,800), Швейцарія (6.561,900), Миланъ, Тоскана, Лукка и Венеціанская республика — вмѣстѣ взятыя (3,607,700 + 1,577,900 + 136,800 л.) и больше чѣмъ Сѣверо-Американскіе Штаты (3,189,500). Изъ 19 государствъ, съ которыми Франція въ 1788 г. вела торговлю, всего 8 державъ больше ввезли во Францію, чѣмъ вывезли изъ нея — и въ ихъ числѣ Россія. Не нужно при этомъ забывать, что и въ 1788 году далеко не всѣ товары, приходившіе во Францію изъ Россіи, регистрировались, какъ русскіе провенансы: англійское, голландское, ганзеатическое мореплаваніе отнюдь не перестало играть роль во франко-русскомъ обмѣнѣ.

Замѣтимъ, что торговый договоръ, о которомъ хлопоталъ Калоннъ, устроенъ къ концу того же 1786 года<sup>2)</sup>. Со стороны Франціи уполномоченнымъ былъ графъ Сегюръ, со стороны Россіи — графы Воронцовъ, Остерманъ и Безбородко и д. с. с. Марковъ; 31 декабря 1786 г. договоръ былъ подписанъ.

Договоръ уменьшалъ пошлины на французскіе товары (на бургонскія вина вм. 50 к. — 40 к. за бутылку, на шампанскія вм. 60 к. — 50 коп., на остальныя вина вмѣсто 15 р. — 12 р. за грузъ въ 240 бутылокъ, за марсельское мыло вмѣсто 6 р. — 1 р. за пудъ), — вообще же Франція причислялась къ „наиболѣе благопріятствуемымъ націямъ“, и прямыя торговыя сношенія между нею и Россіею сильно этимъ договоромъ облегчались.

Этотъ договоръ, въ общемъ, съ точки зрѣнія „торговаго баланса“, оказался, повидимому, болѣе выгоднымъ Франціи, чѣмъ Россіи. По крайней мѣрѣ, такъ говорятъ нѣкоторые документы, хранящіеся въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ (см., напр., рукопись Edmond Genet: „Observations statistiques sur la Russie“ — въ 35-мъ регистрѣ серіи „Russie“ въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ Парижѣ, помѣченную 30 октября 1792 г.).

Чтобы ужъ покончить съ франко-русскимъ договоромъ 1786 г., нужно еще отмѣтить, что англичане пришли въ большое раздраженіе по поводу успѣха, достигнутаго французской дипломатіей, и лондонскій дворъ именно послѣ этого договора повелъ борьбу противъ политики Екатерины и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, турецкая и шведская войны были ускорены благодаря интригамъ Англии<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Нац. Арх. F<sup>12</sup> 1835. Résultat de la Balance en argent du commerce connu entre la France et chaque puissance étrangère.

<sup>2)</sup> Martens: Recueil des principaux traités, T. III (Gottingue, 1791) № 142. Traité de navigation et de commerce entre S. M. le Roi de France et S. M. l'Impératrice de toutes les Russies.

<sup>3)</sup> Hartwiss: Précis historique concernant les époques principales du commerce des anglais en Russie (Dorpat 1806), стр. 50.

Впрочемъ, Франціи не пришлось долго пользоваться выгоднымъ для нея договоромъ. При революціи дипломатическія отношенія между обѣими державами были прерваны, а высочайшимъ указомъ 8 апрѣля 1793 года всякія торговыя сношенія съ Франціей были воспрещены. Въ этомъ смыслѣ Екатерина II еще болѣе круто отвѣтила на казнь Людовика XVI, нежели Алексѣй Михайловичъ на казнь Карла I Стюарта.

Прибавлю въ заключеніе, что французы послѣ разрыва торговыхъ сношеній отдали себѣ ясный отчетъ, до какой степени русская торговля важна для нихъ. Когда, въ 1800 году, Павелъ I завелъ дружественныя отношенія съ генераломъ Бонапартомъ, и рѣчь зашла даже о союзѣ, — то нѣкій Guttin подалъ мемуаръ, въ которомъ доказываетъ пользу подобной комбинаціи. Этотъ мемуаръ до сихъ поръ не изданъ и хранится въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Поговоривши въ общихъ словахъ о томъ, что русскіе не могутъ обойтись безъ французскихъ продуктовъ (причемъ онъ не называетъ ни одного такого продукта), Гюттэнъ уже вполне опредѣленно заявляетъ, что Россія есть единственная страна, которая могла бы доставить французамъ средства возродить ихъ флотъ. (Онъ имѣетъ въ виду строительный лѣсъ, веревки, коноплю, парусный холстъ и т. д.)<sup>1)</sup>

Калоннъ говоритъ только о торговлѣ Россіи съ Франціей. Какъ обстояло дѣло съ общимъ русскимъ торговымъ балансомъ?

Какъ было уже сказано, таможенная статистика въ XVIII вѣкѣ находилась въ довольно неутѣшительномъ состояніи, и цифры ея необходимо принимать съ оговорками. То, что выше я сказалъ о статистикѣ французской, примѣнимо съ еще большимъ основаніемъ къ нашей. Поэтому не буду долго задерживаться на цифровыхъ показаніяхъ, которыя даются современниками относительно общей суммы ежегоднаго ввоза и вывоза.

Германъ, пользовавшійся официальными данными, говоритъ, что въ 1790 году ввозъ въ Россію былъ равенъ 22<sup>1</sup>/<sub>2</sub> милліонамъ рублей, а вывозъ—27<sup>1</sup>/<sub>2</sub> милл. рублей, такъ что торговый балансъ былъ на сумму въ 5 милліоновъ руб. въ пользу Россіи<sup>2)</sup>.

Вильгельмъ Фрибе, членъ вольно-экономическаго общества, издавшій въ самый годъ смерти Екатерины книгу о земледѣліи, торговлѣ и промышленности въ Россіи, въ общемъ не особенно благоприятно судящій о торгово-промышленномъ преуспѣяніи Россіи, опредѣляетъ цифру вывоза только изъ гаваней Балтійскаго и Бѣлаго морей въ 40 милліоновъ рублей, и утверждаетъ, что

<sup>1)</sup> Архивъ франц. министерства иностр. дѣлъ, серія „Russie“, № 35 (подписано) Guttin.

<sup>2)</sup> Herrman: „Stat. Schilderung von Russland in Rücksicht auf Bevölkerung, Landesbeschaffenheit, Naturprodukte, Landwirtschaft, Bergbau, Manufakturen und Handel (Leipzig. 1790).



перевѣсъ въ торговомъ балансѣ „большою частью остается на сторонѣ русскихъ“<sup>1)</sup>).

Но достаточно вспомнить то, что было раньше сказано о невозможности произвести точный учетъ товарамъ, вывозъ которыхъ не обложенъ пошлиною, достаточно, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять въ соображеніе, что огромное большинство товаровъ, вывозимыхъ изъ Россіи, пошлины за вывозъ не платили, чтобы уже убѣдиться въ неточности этихъ цифръ. Конечно, онѣ были еще больше.

Существуетъ, впрочемъ, и совершенно прямое указаніе, исходящее отъ министра финансовъ Румянцева, что до начала XIX столѣтія никакой работы по сведенію торговаго баланса въ финансовомъ вѣдомствѣ не предпринималось, и что даже не были приведены въ систему тѣ матеріалы, которые могли бы для этой цѣли служить; да и самые матеріалы были совершенно недостаточны<sup>2)</sup>.

Румянцевъ, какъ мы видимъ, не считаетъ нужнымъ даже упомянуть о приводившихся въ разныхъ сочиненіяхъ цифрахъ. Но если поэтому позволительно скептически относиться къ точности цифръ ввоза и вывоза, то, согласно съ вышеприведеннымъ методологическимъ указаніемъ Lohmann'a, все же и эти подсчеты баланса могутъ правильно указать общее соотношеніе между ввозомъ и вывозомъ. А тутъ показанія современниковъ почти единодушны: Россія больше вывозитъ, нежели ввозитъ; заграничныя страны несравненно больше завязать отъ Россіи въ торговомъ отношеніи, чѣмъ Россія отъ нихъ. Приведенное письмо Калонна въ этомъ смыслѣ не составляетъ диссонанса, но существенно подкрѣпляетъ разбросанныя тамъ и сямъ сужденія современныхъ Екатерининъ авторовъ.

Таковы свидѣтельства, касающіяся внѣшней торговли Россіи. Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что современные екатерининскому царствованію показанія совсѣмъ не говорятъ о Россіи, какъ объ отсталомъ и зависимомъ въ экономическомъ отношеніи государствѣ; мало того, мы видѣли изъ приведенныхъ рукописей официальнаго происхожденія, что торговый балансъ сводится въ пользу Россіи, мы видѣли также на примѣрѣ французскаго торговаго баланса, что Россія занимала далеко не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ державъ по суммѣ своего ввоза во Францію.

<sup>1)</sup> W. Chr. Friebe: „Ueber Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur, Industrie und Produkte“ (Gotha. 1796), t. II, стр. 110.

<sup>2)</sup> См. Tableaux du commerce de l'empire de Russie. Années 1802—1805. (St. Petersburg, 1808). За подписью Румянцева въ предисловіи читаемъ между прочимъ слѣдующее: il paraît qu'on ne se soit pas encore occupé en Russie des combinaisons propres à former ce qu'on appelle la balance du commerce. Toutes les connaissances à ce sujet se sont bornées jusqu'ici à une nomenclature générale des Marchandises exportées et importées ainsi que du montant en numéraire des droits de douanes qu'on s'attacha à connaître. Encore ces mêmes connaissances demeuraient elles comme couvertes d'un voile mystérieux et n'étant guère classées systématiquement dans les archives ou on les gardait, on était privé si j'ose le dire des moyens d'en tirer des conséquences utiles.

II.

Переходимъ къ показаніямъ о промышленности.

Состояніе промышленности въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка Шторхъ рисуе въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ: „Возникло множество новыхъ фабрикъ и мануфактуръ, изъ которыхъ многія превосходно процвѣтають, духъ индустріи распространился повсемѣстно въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ огромнаго государства“<sup>1)</sup>. Правда, онъ отмѣчаетъ, что Россія еще не избавилась отъ заграничнаго ввоза, особенно предметовъ роскоши. „Россія, конечно, фабрикуетъ теперь несравненно дѣятельнѣе (fabriziert jezt gewiss unendlich thätiger), чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ“, но и потребности „дѣйствительныя и воображаемая“ также безконечно возросли. Однако, онъ увѣренъ, что не за горами то время, когда и эти „утонченнѣйшія потребности“ будутъ удовлетворяться предметами роскоши, производимыми русскою индустріей: послѣ всѣхъ уже достигнутыхъ успѣховъ поруку въ томъ онъ видитъ въ талантливости русскаго народа, „въ промышленномъ, утончающемъ духѣ націи“ (der betriebsame, rafinierende Geist der Nation), въ ея склонности ко всякому мастерству, въ „достойной удивленія способности къ подражанію“, а также онъ надѣется на „живое соревнованіе при усиливающейся конкуренціи фабрикъ“<sup>2)</sup>.

Говоря о талантахъ русскаго народа, Шторхъ, между прочимъ, даетъ въ нѣмецкомъ переводѣ выдержку изъ сильно читавшаго въ 80-хъ и 90-хъ г.г. XVIII вѣка сочиненія Levesque'a: „Histoire de la Russie“. Мнѣніе Левека въ самомъ дѣлѣ интересно, хотя нужно замѣтить, что Шторхъ неточно въ одномъ мѣстѣ переводитъ французскій подлинникъ (повидимому, по соображеніямъ характера цензурнаго).

Левекъ<sup>3)</sup> очень высокаго мнѣнія о нѣкоторыхъ отрасляхъ русской индустріи. „Русскимъ удаются фабрики и ремесла, — говоритъ онъ. — Они дѣлають тонкія полотна въ Архангельскѣ, ярославское столовое бѣлье можетъ сравниться съ самымъ лучшимъ въ Европѣ. Стальныя тульскія издѣлія, быть можетъ, уступаютъ только англійскимъ. Русская шерсть слишкомъ груба, чтобы можно было фабриковать изъ нея тонкія сукна, но нѣкогда получали отъ иностранцевъ все сукно для обмундированія войскъ, а теперь иностранцы начинаютъ сами получать его изъ фабрикъ этой страны (Россіи)“.

По мнѣнію Левека, русскіе „болѣе, чѣмъ многія другія націи, приближаются къ совершенству формы“ . . . „Заставьте русскаго состязаться съ иностранцемъ, и можно биться объ закладъ, что русский будетъ работать съ меньшимъ числомъ инструментовъ такъ же хорошо и выработаетъ тѣ же предметы съ менѣе „сложными машинами“<sup>4)</sup>. Русскіе настолько даровиты, что они срав-

1) Storch: op. cit., т III, стр. 46.

2) Storch: op. cit., т III, стр. 47.

3) Буква s въ этой фамиліи не произносится.

4) Levesque: „Historie de Russie“, т. IV, 539 (Paris 1792).

няются или превзойдутъ въ смыслѣ индустріи\* другіе народы; „если они когда-либо получатъ свободу“. Эти слова Левека „s'ils obtiennent jamais la liberté“ Шторхъ, очевидно, счелъ нецензурными и замѣнилъ ихъ болѣе затѣйливымъ оборотомъ: „если судьба дастъ имъ всѣ тѣ преимущества, которыя въ другихъ странахъ благоприятствуютъ промышленности“<sup>1)</sup>.

Возьмемъ даже автора, который, въ общемъ, не такъ благоприятно смотритъ на русскую промышленность, именно Friebe. Правда, Friebe не можетъ быть для насъ такъ авторитетенъ, какъ, напримѣръ, Storch или Herrmann, ибо на 17-ти небольшихъ страницахъ, которыя онъ посвящаетъ промышленности, онъ больше дѣлаетъ общихъ замѣчаній, чѣмъ фактическихъ сообщеній. Но и онъ отмѣчаетъ ту счастливую особенность русской промышленной организации, что цехи не подавляютъ талантовъ, не дѣлаютъ помѣхи труду (хотя и сѣтуетъ при этомъ на недостаточный надзоръ за доброкачественностью работы)<sup>2)</sup>. Не можетъ онъ не признать также „безконечно“ большого роста русскихъ фабрикъ за время отъ Петра до конца XVIII вѣка, и даже за послѣднюю половину XVIII вѣка<sup>3)</sup>. Русскія кожевенныя фабрики, по мнѣнію этого (въ общемъ, строгаго) судьи, такъ усовершенствовались, что другія страны тщетно пытаются въ этомъ отношеніи сравняться съ Россіей<sup>4)</sup>. Убѣдительныя подтвержденія и иллюстраціи этого факта я нашелъ въ документахъ, касающихся судебъ кожевеннаго производства въ Италіи конца XVIII и начала XIX вѣка: русской конкуренціи въ этой области (даже на чисто итальянскихъ рынкахъ приписывалось огромное значеніе<sup>5)</sup>).

Теперь намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о русской промышленности въ концѣ XVIII вѣка сравнительно именно съ промышленностью французской.

Если я беру для сравненія именно французскую промышленность, то считаю нужнымъ напомнить, что, вѣдь, Франція считалась страной крупной промышленности, самую индустріальную изъ всѣхъ державъ европейскаго континента въ концѣ XVIII вѣка или, точнѣе, самую индустріальную страной въ тогдашнемъ мірѣ, кромѣ Англии. Когда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я начиналъ разбираться въ документахъ, касающихся исторіи французской обрабатывающей промышленности, когда я приступалъ къ чтенію документовъ серіи F<sup>12</sup> въ Национальномъ архивѣ, то для меня

---

1) Storch: l. c. — wenn das Schicksal ihnen alle die Vorteile gewährt, welche die Industrie in anderen Ländern begünstigen.

2) Friebe: Ueber Russl. Handel (Gotha, 1796), II — 404.

3) Friebe: op. cit. II, 405 — Vergleicht man die jetzigen Manufakturen, welche Russland besitzt mit denen zum Anfang dieses Jahrhunderts oder auch nur vor fünfzig Jahren, so muss man gestehen, dass dieser Zweig der Industrie in diesem Zeitraume sich unendlich vergrössert hat.

4) Friebe: II — 414.

5) Тарле, Экономич. жизнь королевства Италіи въ царств. Наполеона 1917), (стр. 408—409.

постепенно стала выясняться все болѣе и болѣе рѣшительная необходимость совершенно отрѣшиться отъ вычитанныхъ понятій о французской промышленности.

Начать съ того, что самая эта серія F<sup>12</sup> оказалась очень мало и очень поверхностно изслѣдованною. А, между тѣмъ, безъ этой серіи нельзя себѣ составить никакого точнаго представленія о французской промышленности XVIII вѣка.

И вотъ, во время этой работы мнѣ постоянно приходило въ голову,—до какой степени выиграла бы русская экономическая историографія, если бы европейская была лучше разработана и если бы, такимъ образомъ, сравнительный методъ могъ съ извѣстной увѣренностью быть пущенъ въ ходъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я беру съ умысломъ книгу ученаго, вовсе не склоннаго уменьшать роль русской индустріи и собравшаго въ своей книгѣ такъ много матеріала для доказательства серьезныхъ размѣровъ развитія русской промышленности въ прошломъ и настоящемъ. Я говорю о „Русской фабрикѣ“ М. И. Туганъ Барановскаго. Эту книгу упрекали въ томъ, что она слишкомъ сгущаетъ краски въ пользу своего тезиса. Я бы упрекнулъ ее въ отсутствіи (тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о XVIII вѣкѣ) иллюстрацій изъ западно-европейской исторической жизни, если бы не зналъ, что авторъ сошлется на недостаточность и необработанность экономической исторіи Запада въ этотъ періодъ (кромѣ, развѣ, Англии).

И для меня, когда я зналъ, напр., французскую промышленность по книгамъ вродѣ *German'a Martin'a*, которая такъ и озаглавлена: „*La grande industrie sous Louis XV*“, и тому подобнымъ работамъ—тоже казалось, что и сравнивать нельзя Россію XVIII вѣка съ Франціей въ смыслѣ индустріальнаго развитія. Но когда я сталъ знакомиться съ настоящей дѣйствительностью, которая оставила свои реальные слѣды въ серіи F<sup>12</sup>, то понялъ, что рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній считать, что Россія екатерининскаго времени въ самомъ дѣлѣ сколько-нибудь сильно отстала отъ наиболѣе передовой въ индустріальномъ отношеніи страны европейскаго континента. М. И. Туганъ-Барановскій говоритъ, что крупное производство было въ эпоху Петра Великаго новостью въ Россіи, но такую же точно новостью оно было за сорокъ лѣтъ до Петра — во Франціи при Кольберѣ. Точно также, если намъ говорить, что въ теченіе XVIII вѣка русская фабрика не сдѣлала техническихъ успѣховъ, можно указать, что и во Франціи до самаго XIX столѣтія технические успѣхи были до послѣдней степени убогими и (не говоря уже объ отсутствіи паровыхъ машинъ даже въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка) только съ конца 1780-хъ годовъ англійскія прядильныя и ткацкія усовершенствованія очень медленно и туго спорадически появляются во Франціи.<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Ср. мою докторскую диссертацию „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи“, Т. II, (1911), главы 1, 2, 3.

Нужно читать документы серии F<sup>12</sup>, гдѣ рѣчь идетъ объ этихъ усовершенствованіяхъ: о каждомъ экземплярѣ увѣдомляютъ министра, приглашаютъ то одного, то другого англичанина и чуть не золотомъ осыпаютъ его за согласіе остаться на службѣ во Франціи; министръ финансовъ знаетъ по имени 15-лѣтнюю работницу (изъ одной парижской мастерской), которая умѣетъ обращаться съ одной машиной, и рѣчь идетъ о томъ, чтобы послать ее въ провинцію начальствовать надъ мануфактурой, и власти все тоскуютъ (въ своей перепискѣ), что эта дѣвушка слишкомъ молода для начальственныхъ функций. Проектеры, самые фантастическіе авантюристы удостоиваются серьезнаго отношенія, проекты ихъ обстоятельно разсматриваются, и иногда имъ дается даже субсидія. Самое ясное представление выносится читателемъ этихъ документовъ: механическія усовершенствованія, шедшія изъ Англіи, были до самаго XIX вѣка для Франціи совершенно случайнымъ новшествомъ, экзотическимъ явленіемъ. Въ этой области дѣлались эксперименты, нащупывалась почва, но не болѣе. Въ этомъ отношеніи Франція временъ Людовика XVI гораздо ближе къ екатерининской Россіи, чѣмъ къ Англіи Аркрайта и Уатта, — и недаромъ уже въ эпоху революціи слышны ревнивыя жалобы, что Екатерина II („La despote du nord“) очень успѣшно отовсюду переманиваетъ къ себѣ на службу самыхъ искусныхъ рабочихъ и французскимъ ремесламъ грозитъ отъ этого оскудѣніе: обѣ державы нуждались одинаково въ такихъ „искусныхъ рабочихъ“, бывшихъ въ тѣ времена во всѣхъ континентальныхъ странахъ наперечетъ. Прибавлю, что и за все наполеоновское царствованіе положеніе во Франціи въ этомъ отношеніи не измѣнилось (см. мое изслѣдованіе о „Конт. блокадѣ“ гл. 2, 3, 4).

Туганъ-Барановскій говоритъ далѣе, что покровительство русской фабрикѣ къ концу XVIII вѣка уменьшилось, а фабрика все-таки продолжала развиваться. Онъ могъ бы прибавить, что русская промышленность при Екатеринѣ и понятія не имѣла о томъ дѣятельнѣйшемъ правительственномъ покровительствѣ, которымъ пользовалась промышленность французская при Людовикѣ XVI и, даже при революціи.

Въ Россіи въ теченіе всего екатерининскаго царствованія не было ничего похожего на непримиримый протекціонизмъ, столь характерный для французскаго стараго режима вплоть до послѣднихъ его годовъ. „Чрезмѣрное покровительство, — констатируетъ А. С. Лаппо-Данилевскій относительно Россіи въ екатерининскую эпоху: — которымъ первоначально пользовалось крупное производство, въ это время стало излишнимъ. Въ теченіе первой половины XVIII вѣка русское производство сдѣлало замѣтные успѣхи. Число фабрикъ увеличилось въ нѣсколько разъ. и обороты на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно возросли“<sup>1)</sup>. А въ

<sup>1)</sup> Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Историческій очеркъ А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1899 стр. 121.

это самое время строжайше протекціонистскіе принципы продолжали считаться во Франціи альфой и омегой государственной мудрости, и стоило правительству въ 1786 г., при заключеніи договора съ Англіей, нѣсколько отъ этихъ принциповъ отклониться, чтобы со стороны представителей цѣлой массы отраслей промышленности посыпались градомъ жалобы, упреки, мольбы объ уничтоженіи договора, который „губить“ національную индустрію. Дѣло доходило до того, какъ я уже старался показать въ другомъ мѣстѣ<sup>1)</sup> на основаніи подлинныхъ данныхъ, промышленники иной разъ просили правительство даже не остановиться предъ объявленіемъ войны Англіи, если это нужно въ видахъ расторженія ненавистнаго договора. Нечего, далѣе, и сравнивать положенія русскихъ промышленниковъ временъ Екатерины съ положеніемъ ихъ французскихъ товарищей — хотя бы, напр., временъ революціи, — относительно всякаго рода казенныхъ субсидій и вспомошествований: мнѣ приходилось читать прямо цѣлыя сотни просьбъ и моленій владѣльцевъ индустриальныхъ предпріятій въ Парижѣ и провинціи, моленій о денежной помощи, обращенныхъ къ правительству и въ послѣдніе годы стараго режима, и при Учредительномъ и Законодательномъ Собраніяхъ, и при Конвентѣ, и при Директоріи. Нѣкоторые картоны серіи F<sup>12</sup> почти цѣликомъ изъ такого рода документовъ и состоятъ. И правительственная власть нерѣдко удовлетворяетъ эти просьбы — а владѣльцы сплошь и рядомъ подкрѣпляютъ свои домогательства ссылкой на то, что они „кормятъ“ столько-то десятковъ „pères de famille“, которые въ случаѣ краха предпріятія останутся на улицѣ. И любопытнѣе всего въ этихъ просьбахъ сознание своего права на эти милости, привычка къ субсидіямъ, обратившаяся явственно во вторую натуру. Этого явленія въ екатерининской Россіи не замѣтилъ никто изъ писавшихъ о состояніи тогдашней индустріи.

### III.

Но, несмотря на то, что въ концѣ XVIII вѣка русская промышленность не пользовалась такимъ покровительствомъ со стороны правительства, какъ промышленность французская, цифровыя данныя, касающіяся русской индустріи, не даютъ никакихъ основаній ставить тогдашнюю Россію въ рангъ отсталой и экономически-зависимой державы. Для насъ не такъ важно даже число мануфактуръ въ тѣхъ или иныхъ городахъ и губерніяхъ, показываемое современными писателями. Но нельзя обойти молчаніемъ, что самые авторитетные и внимательные наблюдатели даютъ очень внушительныя цифры.

Бюшингъ считаетъ, что „лучшія мануфактуры въ Россіи — полотняныя,“ и что онѣ „доставляютъ большую массу полотна

---

<sup>1)</sup> Рабочій классъ въ эпоху революціи. Спб. 1909, гл. I.

для внутреннего потребления и для вывоза<sup>1)</sup>. Шелковыхъ мануфактуръ въ Россіи было въ 1762 г. — 26, а въ 1775 — ровно вдвое больше (52), причемъ онѣ вырабатывали „красивѣйшіе“ сорта шелка. По словамъ Германа (въ 1780 г.), въ Россіи было 64 полотняныхъ мануфактуры; говоря о другихъ промыслахъ, онъ не даетъ точныхъ цифръ. Шторхъ въ одной Московской губерніи насчитываетъ (въ 1787 году) 761 фабрику (Fabriken und fabrikmässige Anstalten — „Sawoden“) и подчеркиваетъ, что въ эту цифру не входятъ мелкія предприятия<sup>2)</sup>, въ Петербургѣ — 120 мануфактуръ, въ Ярославлѣ 21 („sehr bedeutende“, настаиваетъ авторъ). Относительно общаго числа мануфактуръ въ Россіи напомнимъ, что, напр., М. И. Туганъ-Барановскій считаетъ наиболѣе точною цифру, приводимую на основаніи данныхъ мануфактуръ-коллегіи Бурнашевымъ (въ его „Очеркъ исторіи мануфактуръ“ 1833), т. е. что въ 1762 году въ Россіи было 984 фабрики, а въ 1786 г. — 3161; „Матеріалы по исторіи и статистикѣ русскихъ мануфактуръ“, изданные вѣдомствомъ финансовъ въ 1865 году, даютъ для перваго года екатерининскаго царствованія 984 фабрики, а для послѣдняго — 3129.

Замѣчу, что я лично не спѣшу признать ни цифру Бурнашева, ни цифру „Матеріаловъ“ для конца екатерининскаго царствованія — непрекаемою. Дѣло въ томъ, что въ VIII томѣ Записокъ Императорской Академіи Наукъ (Mémoires de l'Académie des sciences, за 1817 г.) былъ помѣщенъ академикомъ Германомъ, строгимъ и осторожнымъ статистикомъ, общій обзоръ исторіи русскихъ мануфактуръ, причемъ онъ даетъ<sup>3)</sup> для 1802 года цифру 2270. Правда, по общимъ отзывамъ при Павлѣ вывозъ сократился и, вообще, промышленная дѣятельность не была оживленною, но трудно предполагать, чтобы за пять лѣтъ изъ 3161 или даже 3129 фабрикъ закрылось около 900. Разногласіе между цифрами Бурнашева и министерства финансовъ, съ одной стороны, и цифрою Германа — съ другой стороны, можно объяснить себѣ такъ, что Германъ не принималъ въ расчетъ болѣе или менѣе мелкія предприятия, которыя болѣе походили на мастерскія („Werkstätte“), нежели на „Fabriken und fabrikmässige Anstalten“, какъ выражается Шторхъ. Отмѣтимъ еще, что Petri считаетъ, что въ 1806 году въ Россіи было 2378 фабрикъ болѣе или менѣе крупныхъ („ohne die zahlreichen kleinen Etablissements“, оговаривается онъ), — и на этихъ 2378 фабрикахъ работало будто-бы болѣе полумилліона рабочихъ<sup>4)</sup>. Если послѣдняя цифра и составляетъ преувеличеніе, то подсчетъ фабрикъ не особенно противорѣчитъ вышеприведеннымъ показаніямъ, — и цифра, даваемая Германомъ, отчасти подтверждается цифрою Петри. Германъ, замѣтимъ, въ своей

1) Büsching: Erdbeschreibung, I, 701.

2) Storch: Gemälde (op cit.) III, 212: ...ohne die zahlreichen Etablissements und einzelne Werkstätte in Dörfern.

3) Mémoires de l'Académie des sciences, t. VIII, стр. 451.

4) Petri: Russlands blühende Handels-Fabrik und Manufakturstädte in alphabetischer Ordnung (Leipzig, 1811).

„Russlands statistische Schilderung“ явно интересуется именно только большими промышленными предприятиями. Но въ такомъ случаѣ цифра Германа (2270) особенно для насъ интересна: пусть намъ назовутъ державу континентальной Европы, которая въ 1802 году имѣла больше 2270 сколько нибудь крупныхъ мануфактуръ, и тогда согласимся, что Россія была „отсталой“ въ индустриальномъ отношеніи странюю. Были цѣлые города, носившіе явно выраженный фабричный характеръ. Читая описаніе путешествія извѣстнаго Палласа, объѣзжавшаго Россію по порученію академіи наукъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ г.г. XVIII вѣка, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое путешественникъ вынесъ отъ посѣщенія Арзамаса: при всей нечистотѣ и внѣшней неприглядности города,—онъ показался Палласу необыкновенно благоденствующимъ многолюднымъ, причемъ городъ своимъ процвѣтаніемъ обязанъ—обрабатывающей промышленности, все его населеніе, кромѣ купцовъ и чиновниковъ, состоитъ изъ представителей промышленности, и Палласъ даже приводитъ этотъ городъ въ доказательство того, насколько и для всего государства выгодны фабрики и мануфактуры<sup>1)</sup>.

Но, конечно, самое интересное это общее впечатлѣніе которое путешественникъ получилъ отъ Арзамаса, впечатлѣніе чисто фабричнаго города. Напрасно мы стали бы у Артура Юнга или у другихъ авторовъ, оставившихъ описаніе путешествій во Франціи въ концѣ XVIII вѣка,—искать чего-либо подобнаго при описаніи не столицы, даже не провинціального центра, а третьестепеннаго города.

Не менѣе интересны цифры рабочихъ, занятыхъ на отдѣльныхъ фабрикахъ.

Можно сомнѣваться въ статистическихъ итогахъ, подводившихся въ XVIII в., напр., въ подсчетахъ торговаго баланса и т. п.,—но какое основаніе есть у насъ для сомнѣній въ отдѣльныхъ сообщеніяхъ относительно числа рабочихъ на той или иной фабрикѣ, особенно если эти сообщенія исходятъ отъ такого добросовѣстнаго и серьезнаго писателя, какъ Германъ, объѣздившій Россію. Есть огромныя шелковыя мануфактуры: въ Москвѣ — Михаила Милетина — 988 рабочиыхъ, Лазарева (близъ Москвы) — 500 рабочихъ, Семена Бабушкина — 351 рабочій; огромныя суконныя мануфактуры,—напр., Гарденина (въ Воронежѣ)—435 рабочихъ, Алексѣя Иванова (въ Москвѣ)—453 рабочихъ, Ивана Кожина

---

<sup>1)</sup> Вотъ это замѣчательное мѣсто (Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs, St. Petersburg 1771, I Theil, стр. 46—47): ...so unreinlich und schlecht bebaut Arsamas auch sein mag, so ist er dennoch ein ungemein nahrhafter, volkreicher und wohlhabender Ort, welcher seine Aufnahme denen hier im Schwange gehenden Gewerben zu danken hat und im kleinen die Vorteile zeigt, welche einem Staat durch Fabriken und Manufakturen zuwachsen müssen. Fast die ganze Stadt — einige Kaufmannschaft und Canzley-beamten ausgenommen,—wird von Seifensiedern, Gerbern, Blaufärbern und Schusters bewohnt, welche letztere einen grossen Theil der allhier bereiteten Ledersorten verarbeiten und zu einem sehr wohlfeilen Preis weit und breit verführen.



(въ Лебединскѣ)—589 рабочихъ, Суровщикова (въ Москвѣ) — 545 рабочихъ, Якова Тулинина (въ Тамбовѣ и Воронежѣ) — 2250 рабочихъ, — цифра огромная и для двухъ мануфактуръ, — Юстинова (въ Малороссіи)—756 рабочихъ, наслѣдниковъ Ивана Дребеля (въ Казани)—1128 рабочихъ, Алексѣя Гурьева (въ Шацкѣ)—1700 рабочихъ. Но самыя огромныя мануфактуры попадаютъ среди выдѣлывающихъ холстъ и полотно. „Онѣ очень многочисленны и частью значительны и велики“, — говоритъ Германъ. Цифры, которыя онѣ приводитъ<sup>1)</sup>, съ избыткомъ подтверждаютъ это мнѣніе. Приведемъ выдающіеся образчики (статистика относится къ 1780 году): на мануфактурѣ Демидова (въ Перемышлѣ)—472 рабочихъ, у Зерскаго (въ Суздалѣ)—599 рабочихъ, у Михайлы Гусятникова (въ Зарайскѣ)—795 рабочихъ, у Петра Хлѣбникова (въ Пронскѣ)—1059 рабочихъ, у Ларіона Лугинина (въ Тулѣ)—1295 рабочихъ, у Данилы Земскаго (въ Московскомъ уѣздѣ)—1031 рабоч., въ Ярославѣ (у наслѣдниковъ Яковлева) — 2637 рабочихъ, у Гончарова (въ Маломъ-Ярославцѣ) — 2559 рабочихъ, у Гончарова (въ Москвѣ) — 3479 рабочихъ; относительно нѣкоторыхъ точная цифра рабочихъ не приведена, но ее легко можно хоть приблизительно возстановить, — напр., когда Германъ говоритъ, что на мануфактурѣ Трапезникова работаетъ 706 станковъ (въ Ярославлѣ), то, вспоминая, что въ томъ же Ярославлѣ на мануфактурѣ наслѣдниковъ Яковлева работаютъ 2637 человекъ при 690 станкахъ, читатель можетъ заключить, что у Трапезникова рабочихъ было больше 2600 во всякомъ случаѣ. На парусно-полотняныхъ мануфактурахъ Калуги въ 1793 г. работало 8860 рабочихъ, — и работали для вывозной торговли<sup>2)</sup>.

Относительно многихъ промысловъ Германъ и вообще не даетъ цифръ, а ограничивается указаніемъ, что такихъ мануфактуръ въ Россіи много и онѣ — велики. Напримѣръ, о мануфактурахъ, выдѣлывающихъ парусный холстъ, онѣ говоритъ: „dergleichen sind im russischen Reiche sehr viele und sehr grosse“<sup>3)</sup>; о производствѣ мыла онѣ говоритъ, что „его въ Россіи выдѣлывается такъ много, что значительная часть его можетъ вывозиться за границу“<sup>4)</sup>. Нельзя тутъ, кстати, не упомянуть, что всѣ обращенія французскихъ фабрикантовъ мыла къ своему правительству въ послѣдніе годы XVIII вѣка—это одинъ непрерывный вопль о гибели производства, о недостаткѣ необходимаго сырья, причемъ и со стороны населенія слышатся тѣ же жалобы и просьбы, чтобы правительство предприняло какія-нибудь мѣры противъ такого зла, какъ отсутствіе мыла<sup>5)</sup>.

1) Statistische Schilderung von Russland. St.-Petersburg und Leipzig. 1790.

2) Damaze de Raymond: Histoire de Russie (Paris, 1812), I, стр. 405.

3) Herrman, 379.

4) Ibid., 341.

5) Нац. Арх. F<sup>12</sup>. 1505. (Rapport 10 vendem, an III и мн. др. въ этомъ картонѣ).

Приведенныя выше цифры являются въ сравненіи съ цифрами рабочихъ на французскихъ мануфактурахъ поистинѣ чудовищными. Мы не теряемъ изъ вида (хотя прямыхъ указаній въ этомъ смыслѣ и мало, но нужно представлять себѣ дѣло—разрѣчь идетъ о XVIII-мъ вѣкѣ—такъ), что эти тысячи рабочихъ, занятыхъ на русскихъ предпріятіяхъ, конечно, далеко не всѣ работали въ зданіи мануфактуры. Этимъ, между прочимъ, и объясняется разительное противорѣчіе въ общихъ подсчетахъ, причѣмъ одни утверждаютъ, что въ Россіи было чуть ли не болѣе полумилліона рабочихъ, а другіе—для тѣхъ же, приблизительно, лѣтъ, довольствуются цифрою въ сто тысячъ. Замѣчу, что и во французской статистикѣ XVIII в. наблюдаются такія же колебанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ подсчеты очень часто входили всѣ рабочіе, какъ работавшіе въ зданіи мануфактуры, такъ и получавшіе работу на домъ. Но, вѣдь, и для Франціи конца XVIII вѣка эта оговорка совершенно необходима; во Франціи, судя по прямымъ, несомнѣннымъ доказательствамъ, большинство сколько-нибудь крупныхъ предпріятій было организовано именно по такой системѣ, что предприниматель давалъ рабочимъ матеріаль и, часто, орудія производства, а работали они на дому.

Во Франціи „промыслы, разсѣянные по деревенскимъ хижинамъ“, о которыхъ говоритъ Артуръ Юнгъ, путешествовавшій въ 1790 году, играли очень важную роль въ индустріи,—и знакомаясь съ документами серіи F<sup>12</sup>, я на каждомъ шагу вспоминалъ это показаніе Юнга. Въ 1910 г. въ своемъ изслѣдованіи „L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime“ я постарался доказать повсемѣстность и полное господство этого явленія во Франціи. Мало того. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что миѣние объ экономической отсталости Россіи, укоренившееся въ европейской литературѣ въ срединѣ XIX вѣка, дѣятельно поддѣрживалось у насъ извѣстнымъ теченіемъ общественной мысли, возводившимъ эту отсталость въ идеаль и усматривавшимъ въ ней залогъ самобытнаго развитія и лучезарнаго будущаго. Противники этого теченія возставали противъ оцѣнки этой отсталости Россіи, но не пробовали по этому случаю указать, что если Россія и могла назваться во второй половинѣ XVIII столѣтія „отставшей“ отъ Англіи страной, то для конца XVIII эту „отсталость“ дѣлила съ нею и самая промышленная страна континента Франція. Развѣ не знакому намъ идилию рисуешь (и критикуешь) Артуръ Юнгъ, гражданинъ опередившей весь міръ индустріальной державы, когда онъ говоритъ о французкомъ крестьянинѣ<sup>1)</sup>; „крестьянинъ, живущій со своею семьею на своей землѣ, удовлетворяющій всѣмъ своимъ нуждамъ своимъ собственнымъ промысломъ, не прибѣгая къ обмѣну, независимый ни отъ кого, представляетъ, правда, картину сельскаго счастья,—но счастья, несоумѣстимаго съ потребностями современнаго общества“, и если бы

1) A. Joung : II, 379.

Франція состояла только изъ подобнаго населенія, она, по мнѣнью Юнга, пала бы жертвою иноземнаго завоеванія. По типу своему французская промышленность конца XVIII вѣка отнюдь не была болѣе развитой, чѣмъ промышленность русская; она не была и достаточно сильною, чтобы совершенно измѣнить стародавній бытъ крестьянства,—какъ не была для этого достаточно сильною и современная ей русская индустрія.

Во Франціи конца XVIII вѣка фабрика, на которой (или, точнѣе, на которую) работаетъ 100—150—200 чел. — считается очень крупною; больше 300—400 чел. попадаетъ въ видѣ единичныхъ исключеній. Очень промышленный городъ Toucoing (въ сѣверномъ департаментѣ) хлопочетъ, чтобы правительство помогло фабрикамъ, ибо, — пишутъ администраторы: — всѣ эти фабрики вмѣстѣ кормятъ 1000—1200 рабочихъ<sup>1)</sup>. G. Martin въ своей книгѣ: „La grande industrie en France sous le règne de Louis XV“<sup>2)</sup> любитъ приводить большія цифры рабочихъ, работающихъ въ той или иной мѣстности: въ Сэнъ-Шамонѣ работаютъ надъ выдѣлкою лентъ 8000 женщинъ, въ Руанѣ съ окрестностями занято 3495 станковъ и т. д.

Имѣя дѣло съ этими цифрами, надлежитъ помнить, что сюда входятъ не только такіе рабочіе, которые, получая отъ хозяевъ матеріалъ и заказъ, работаютъ у себя на дому, но также и всѣ ремесленники и всѣ крестьяне, которые просто вырабатываютъ товаръ у себя дома и продаютъ его въ городѣ. Самъ Мартэнъ признаетъ, что во время жатвы — всѣ эти станки, разбросанные по деревнямъ, не работаютъ вовсе<sup>3)</sup>. Во II томѣ своей диссертации о „Рабочемъ классѣ во Франціи“ я привожу цѣлый рядъ документальныхъ указаній, обнаруживающихъ, что весьма часто деревня занималась промышленнымъ трудомъ только въ зимніе мѣсяцы.

Типична эта связь съ землею для индустріальнаго быта XVIII в. не только во Франціи, но и на всемъ континентѣ. Достаточно вспомнить, напр., характернѣйшее мѣсто у Мирабо въ его описаніи прусской монархіи: рассказавши, что во всей Помераніи на всѣхъ промыслахъ — 6681 чел., онъ поясняетъ, что, въ сущности, эти рабочіе вырабатываютъ товаръ дома и затѣмъ продаютъ его купцу, который и сбываетъ его<sup>4)</sup>.

И) какъ велико число рабочихъ, занятыхъ на отдѣльныхъ

1) Нац. Арх. F<sup>12</sup> 679. Le chef de la 2 division des bureaux du Ministre de l'interieur (14 floréal an 4).

2) Paris, 1900.

3) Op. cit., 260.

4) Mirabeau: De la Monarchie prussienne sous Frédéric le Grand, III—53: „En général il ne faut pas juger ces sortes d'ouvriers, comme ceux qui travaillent dans une fabrique réunie aux gages d'un entrepreneur. Presque tous ont outre leur métier quelque terrain... c'est là même le grand avantage de ce genre d'établissement où chaque ouvrier travaille librement pour lui, après quoi il vend son ouvrage au marchand qui le débite. Да и въ Англіи XVIII в. эта связь промышленности съ деревенскимъ трудомъ вовсе еще не была исчезнувшимъ явленіемъ.

мануфактурахъ? Есть ли большія фабрики и много ли ихъ? Мартэнъ въ высшей степени неясно и неопредѣленно говоритъ: „до-стоверно, что со середины XVIII столѣтія существуютъ очень большія фабрики. Однѣ занимаютъ 1.800 рабочихъ, какъ въ Лиможѣ, другія—1.500, какъ въ Руу еп Velay. Марсель имѣетъ 40 шляпныхъ мастерскихъ съ 500 рабочихъ, 38 фабрикъ мыла и 1000 рабочихъ“<sup>1</sup>. Уже эти отрывочныя, не идущія одно къ другому сообщенія показываютъ, какъ неясенъ цифровой матеріалъ у автора. Но если допустимъ полную точность цифръ (1.800 и 1.500 чел.) и если прибавить знаменитую аббевильскую мануфактуру Ванъ Робэ, гдѣ работало 1.500 человѣкъ, то вотъ предъ нами три едва ли не крупнѣйшія заведенія Франціи. Чтеніе документовъ, содержащихся въ серіи F<sup>12</sup>, даетъ намъ полную увѣренность, что во Франціи конца XVIII столѣтія мануфактуры, гдѣ работало болѣе 500 человѣкъ, были очень большою рѣдкостью, а большими предпріятіями считались уже тѣ, гдѣ работало 100—200 человѣкъ. Обильныя документальныя подтвержденія читатель найдетъ во II томѣ моего „Рабочаго класса во Франціи“. И русскія мануфактуры того времени были далеки отъ современнаго типа, — но число предпріятій, дѣйствительно громадныхъ по количеству занятыхъ рабочихъ, въ Россіи было, повидимому, больше, чѣмъ во Франціи.

Часть рабочаго населенія Россіи была въ крѣпостной зависимости отъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ; это было возможно, если эти владѣльцы были дворяне, — и что нѣкоторыя предпріятія въ Россіи держались именно крѣпостнымъ трудомъ, не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ великъ былъ процентъ рабочихъ крѣпостныхъ — установить въ точности едва ли особенно легко. — Германъ утверждаетъ<sup>1</sup>), что въ 1812 году на большихъ подсистанныхъ имѣ фабрикахъ работало 119.093 рабочихъ; изъ нихъ 31.160 — государственныхъ крестьянъ, 27.292 — помѣщичьихъ крѣпостныхъ и 60,641 — свободныхъ.

Какъ въ этомъ отношеніи обстояло дѣло къ концу царствованія Екатерины — мы не знаемъ. Думается, что въ русскихъ архивахъ должны быть данныя, по которымъ будущій изслѣдователь установитъ ясную картину распредѣленія рабочихъ между категоріями крѣпостныхъ и свободныхъ. Нужно замѣтить, что при перечисленіяхъ именно крупныхъ фабрикъ владѣльцы-дворяне упоминаются очень рѣдко, а, какъ извѣстно, съ 1762 года промышленники не дворянскаго происхожденія потеряли право владѣть крѣпостными. Ясно одно: по мнѣнію иностранныхъ наблюдателей, фабрики и заводы къ концу екатерининскаго царствованія отнюдь не были тепличными растеніями, и обрабатывающая промышленность достигла такого развитія, что если и не составляла сколько-нибудь существенной статьи русскаго вывоза, то, во всякомъ случаѣ, дѣлала Россію по смыслу неодно-

<sup>1</sup>) Mémoires de l'Académie des sciences (St. Pétersbourg), t. VIII, 462.

кратныхъ утвержденій самихъ иностранцевъ, страну, въ общемъ, экономически-независимую отъ сосѣдей.

Сдѣлаемъ выводъ. Иностранцы-современники, повидимому, ясно видѣли то, о чемъ забыло потомство: что Россію нѣтъ никакихъ основаній считать страну, въ промышленномъ отношеніи отсталою отъ большинства другихъ странъ европейскаго континента въ XVIII столѣтіи.

Вспомнивши обо всѣхъ этихъ показаніяхъ современниковъ, мы можемъ лишь пожелать, чтобы экономическая жизнь Россіи въ эту пору была освѣщена возможно скорѣе — и освѣщена исчерпывающимъ образомъ. Только это позволить дать вполнѣ точный отвѣтъ на поставленный тутъ вопросъ.

Критическій анализъ матеріаловъ скажетъ, конечно, со временемъ и здѣсь свое рѣшающее слово.

Многое заставляетъ думать, что легенда объ экономической „отсталости“ тогдашней Россіи не выйдетъ вполнѣ невредимою изъ подобнаго испытанія.

Слово — за изслѣдователями русской экономической исторіи.

Вѣдь, для исторіи русской промышленности, а также и торговли во второй половинѣ XVIII столѣтія не сдѣлано и приблизительно того, что успѣли сдѣлать для исторіи, напр., крестьянства XVIII в. и сельскаго хозяйства въ крѣпостную эпоху покойный В. И. Семевскій, В. А. Мякотинъ, П. Б. Струве и другіе (тоже, впрочемъ, еще пока немногочисленные) изслѣдователи; не сдѣлано и того, что для исторіи русской промышленности XIX вѣка сдѣлалъ М. И. Туганъ-Барановскій. Это явленіе обычное: и въ англійской, и во французской, и въ германской, и въ итальянской научной исторіографіи обстоятельныя, нерѣдко капитальныя, изслѣдованія по аграрной исторіи уже существовали тогда, когда исторія промышленности была еще почти *terra incognita*.

Будемъ надѣяться, что и въ русской исторіографіи этотъ пропускъ — явленіе преходящее.

---

## VI.

### Англійскій посолъ и Екатерина въ 1756—1757 гг.

Лондонскій Record Office поражаетъ своею скудостью по части документовъ, относящихся къ знаменитому „Reversal of alliances“, т. е. къ дипломатическимъ событіямъ 1755—1756 гг., предшествовавшимъ взрыву Семилѣтней войны. Вся интимная, наиболѣе конфиденціальная сторона исторіи этихъ лѣтъ обходится документами англійскаго хранилища весьма тщательно. Можетъ быть, именно поэтому такъ слабо освѣщенъ указанный моментъ (во всемъ, что касается Англии) также и въ специальной литературѣ, не исключая и лучшей изъ имѣющихся монографій — т. е. книги Corbett'a, „England in the Seven Years War“, вышедшей въ двухъ томахъ, въ 1908 году. Теперь, довольно неожиданно, пришла помощь со стороны русскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, — и въ распоряженіи ученаго міра оказались важные документы, многое дающіе именно для освѣщенія указанного критическаго момента европейской исторіи. Въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей русскійскихъ“, кн. 229, управляющій Государственнымъ архивомъ и архивомъ мин. иностр. дѣлъ С. М. Горяиновъ издалъ секретную переписку Екатерины (въ бытность великою княгиней) съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ, сэромъ Чарльзомъ Уилльямсомъ. Эта переписка опубликована съ тою тщательностью и знаніемъ дѣла, которыя уже неоднократно проявлены были С. М. Горяиновымъ при подобныхъ (очень отвѣтственныхъ) работахъ.

Спеціалисты прочтутъ съ пользою эти документы. До сихъ поръ, кромѣ очень немногихъ, этой переписки никто не видѣлъ. Могли ее читать только царствующія особы, а съ момента поступления ея въ Архивъ, она хранилась тамъ подъ особыми печатями, и была вытребована оттуда лишь дважды: императорами Александромъ II и Александромъ III.

Переписка эта длилась почти годъ (съ 31 іюля 1756 года по іюнь 1757). Сложныя и очень опасныя интриги, въ которыхъ дѣятельнѣйшую роль играли Екатерина и Уилльямсъ, вынудили обоихъ корреспондентовъ къ соблюденію ряда конспиративныхъ предосторожностей. Уилльямсъ долженъ былъ возвращать письма

Екатерины одновременно съ присылкою своего на нихъ отвѣта; оба — не подписывались никогда. Екатерина говорила о себѣ въ мужскомъ родѣ; лицомъ, о которыхъ шла рѣчь, давались иногда условенныя клички и т. д. И за всѣмъ тѣмъ — переписка (особенно со стороны Екатерины) поражаетъ прямо отчаянно своею смѣлостью, доходящею кое-гдѣ до дерзости, до вызова судьбѣ; ибо Нарышкинъ и другіе почтальсны могли, разумѣется, попасться съ поличнымъ (или, просто, предать), — а то, что писала великая княгиня, конечно, должно было показаться Елисаветѣ во сто кратъ преступнѣе, нежели тѣ слова, которыя побудили ее съ такою жестокостью покарать въ свое время Н. Ф. Лопухину, Бестужеву и др.

Эти документы бросаютъ новый свѣтъ на многое: теперь нужно окончательно оставить мысль, будто только невозможное поведение Петра III въ семь мѣсяцевъ его царствованія заставили Екатерину перейти отъ неопредѣленныхъ мечтаній къ дѣлу. Оказывается, что уже въ 1756 - 1757 гг. она совершенно опредѣленно думала о захватѣ престола и принимала самыя рѣшительныя мѣры съ тою цѣлю, чтобы событія не застали ее врасплохъ. Рушится и общепринятое сужденіе о необыкновенной, будто бы, осторожности Екатерины, которая яко-бы до послѣдняго момента принимала участіе въ заговорѣ больше попустительствомъ: опубликованные документы говорятъ о нелегальныхъ сношеніяхъ Екатерины съ гвардіею еще въ 1756—57 гг. Наконецъ, вырисовывается, что душою пруссофильскаго теченія при петербургскомъ дворѣ въ эту памятную эпоху начала семилѣтней войны была едва-ли не Екатерина: восторженное отношеніе къ Фридриху II со стороны Петра Федоровича играло въ этомъ теченіи, можетъ быть, меньшую роль, чѣмъ дѣятельныя интриги его жены, побуждаемой англійскимъ посломъ, союзникомъ прусскаго короля. Екатерина была нужна Уилльямсу для содѣйствія его планамъ: его цѣлю было помѣшать участію Россіи въ коалиціи противъ Фридриха, помѣшать, другими словами, дружественнымъ и совмѣстнымъ дѣйствіямъ Россіи съ ненавистною и враждебною англичанамъ Франціею. Но зачѣмъ былъ нуженъ Уилльямсъ Екатеринѣ? Переписка даетъ на этотъ вопросъ вполне удовлетворительный отвѣтъ. Во-первыхъ, Уилльямсъ былъ другомъ и покровителемъ фаворита Екатерины Станислава Понятовскаго, и только черезъ посредство Уилльямса Екатерина могла надѣяться на возвращеніе Понятовскаго въ Петербургъ, несмотря на то, что Елисавета Петровна къ молодому поляку рѣшительно не благоволила. Во-вторыхъ, — и это самое важное, — англійское золото и вліяніе могли быть далеко не лишними при выполненіи тѣхъ опасныхъ плановъ, какими полна была уже тогда голова великой княгини.

Оба корреспондента съ надеждою подхватываютъ каждый слухъ о болѣзни государыни, и съ самою обезоруживающею искренностью предаются нѣтерпѣливому ожиданію ея смерти. Вотъ Уилльямсъ обнадеживаетъ Екатерину, что у государыни

водянка: „Завтра говѣютъ, но я прошу мнѣ объяснить, какъ совмѣщаются говѣніе и колдовство. У кого вода поднялась въ нижнюю часть живота, тотъ уже обреченный человѣкъ, и я знаю изъ хорошаго источника, что кашель вернулся и что дыханіе очень коротко“ (стр. 13). Екатерина удваиваетъ свою любезность: ... „Насколько обязана я Провидѣнію, которое послало васъ сюда, какъ ангела-хранителя, чтобы вы соединились со мною дружбою. Я знаю, что у васъ есть дружба ко мнѣ. Вы увидите, что если когда-нибудь я буду носить корону, я буду ею отчасти обязана вашимъ совѣтамъ“ (18). Осторожный Уилльямсъ больше настаиваетъ на чисто-дипломатическихъ вопросахъ, но его корреспондентка не изъ тѣхъ людей, которые теряютъ изъ вида главную нить. „Въ отвѣтъ (на то, что Вы пишете) о Вашихъ собственныхъ дѣлахъ, я вамъ скажу: сдѣлайте меня императрицей, и я васъ утѣшу“ (26, письмо отъ 9 августа 1756 г.). Читатель явно улавливаетъ, что Екатерина убаюкиваетъ Уилльямса надеждою, будто можно еще разстроить вступленіе Россіи въ коалицію противъ Фридриха, особенно, если не скупиться на подкупъ: „Предубѣжденіе вице-канцлера (М. И. Воронцова) противъ Пруссіи будетъ легко устранить, — особенно, опустивши руку въ карманъ“ (письмо отъ 12 августа). Но всѣ ея интересы — не въ дипломатіи, а въ спальнѣ большой государыни. 18 августа (1756 г.) Екатерина пишетъ Уилльямсу: „Вы позволили мнѣ называть васъ своимъ другомъ. Вашъ титулъ меня смущаетъ, но такъ какъ мои намѣренія далеки отъ всякаго злого умысла, я беру смѣлость Вамъ сообщить и просить Вашего совѣта насчетъ мыслей, возникшихъ у меня въ виду усилившихся за двадцать четыре часа недомоганій нѣкоторыхъ лицъ. Вотъ мои мечты. Когда я получу предупрежденіе настолько вѣрное, что нельзя будетъ допустить ошибки, о началѣ предсмертныхъ припадковъ, я прямо пойду въ комнату моего сына. Если я встрѣчу или смогу очень скоро заполучить оберъ-егермейстера (А. Г. Разумовскаго), я оставлю его при сынѣ съ людьми, находящимися подъ его начальствомъ. Если нѣтъ, я возьму его къ себѣ въ комнату. Равнымъ образомъ пошлю вѣрнаго человѣка предупредить пять гвардейскихъ офицеровъ, на которыхъ я могу положиться: каждый изъ нихъ мнѣ приведетъ пятьдесятъ солдатъ (въ чемъ уже условлено по первому сигналу), которыхъ, можетъ быть, я не пушу въ дѣло, но которые будутъ сопровождать меня въ видѣ запаса во избѣжаніе всякихъ помѣхъ. Замѣйте, что они получаютъ приказаніе только отъ великаго князя и отъ меня. Я пошлю предупредить канцлера, Апраксина, Ливена, чтобы они пришли ко мнѣ, а въ ожиданіи ихъ я войду въ покои умирающей, куда велю позвать капитана, командующаго карауломъ, и я лично приму его присягу и удержу его при себѣ. Мнѣ кажется, что будетъ лучше и безопаснѣе оставить обоихъ великихъ князей вмѣстѣ, чѣмъ если бы одинъ изъ нихъ меня сопровождалъ; равнымъ образомъ я думаю, что мѣстомъ



сбора моихъ людей будетъ моя передняя. При какомъ-либо движеніи, и самомъ малѣйшемъ, которое я бы замѣтилъ (а), я велю, какъ своимъ людямъ, такъ и солдатамъ караула взять подъ стражу Шуваловыхъ и дежурнаго генераль-лейтенанта. Прибавьте къ этому, что младшіе офицеры лейбъ-кампанцы — люди надежные, и хотя я не имѣю сообщеній со всѣми, но я могу въ достаточной мѣрѣ рассчитывать на двухъ или трехъ изъ нихъ и настолько пользуюсь уваженіемъ, что заставляю повиноваться мнѣ всякаго, кто не будетъ подкупленъ. Какъ другъ, исправьте и предпишите мнѣ то, чего не достааетъ въ моихъ соображеніяхъ, и то, чего я не предвидѣлъ (а) . . . молитесь небо, чтобъ оно мнѣ дало свободную голову“.

Тутъ интереснѣе всего разработанность плана до послѣднихъ подробностей и явное указаніе, что съ гвардіей уже имѣлись опредѣленные сношенія, силы были на готовѣ, а инициатива должна была всецѣло исходить отъ Екатерины. Знаменательна фраза, что офицеры: „получать приказаніе только отъ великаго князя и отъ меня“. Сличая это мѣсто съ другими, тамъ и сямъ разбросанными замѣчаніями, нужно придти къ заключенію, что прежде всего Екатерина хотѣла обезопасить себя отъ Шуваловыхъ и Іоанна Антоновича (ср. стр. 50) и что въ этотъ первый моментъ она дѣйствовала бы отъ имени своего мужа; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей, повидимому, представлялось, что власть непосредственно перейдетъ въ ея руки. Какъ этотъ второй моментъ сложится, она избѣгаетъ пока говорить своему корреспонденту. Уильямсъ тревожится за нее. И она сама сознаетъ, что если бы тѣ, противъ кого она куетъ ковы, были болѣе пронизательны и „злы“, то ей могло бы придтись плохо: „Шлю вамъ всю благодарность за Вашу дружбу и за опасенія насчетъ меня. Вѣрю, что намъ могли бы нанести болѣе вреда, чѣмъ мы терпимъ до сей поры. Но малодушіе всѣхъ этихъ людей, рискъ, наконецъ, правило Маккиавелли, который говоритъ, что человѣкъ рѣдко бываетъ настолько злымъ, насколько онъ долженъ былъ бы быть для своей бозопасности, позволяютъ мнѣ быть болѣе спокойнымъ, чѣмъ слѣдовало бы по внѣшнимъ признакамъ“ (письмо отъ 21 августа 1756, стр. 62).

Мечты о коронѣ не покидаютъ Екатерину. Ея дружба съ Уильямсомъ заставляетъ ее вспомнить о перепискѣ Ивана Грознаго съ англійскою королевою Елизаветою: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ (а) подлинный договоръ за подписью Елисаветы, заключенный этою королевою съ Иваномъ Васильевичемъ. Онъ находится въ московскихъ архивахъ. Этотъ государь, хотя и былъ тираномъ, былъ великимъ человѣкомъ, а такъ какъ я постараюсь, насколько мнѣ позволить моя природная слабость, подражать великимъ людямъ этого края, я надѣюсь также украсить когда-нибудь ваши архивы моимъ именемъ, и я буду очень гордиться тѣмъ, что заблуждалась, слѣдуя за Петромъ Великимъ“ (91, письмо 27 августа).

А императрица все не умираетъ. Оба корреспондента все-таки не перестаютъ обнадеживать другъ друга: „Императрица не вышла вчера, такъ какъ она только съ трудомъ можетъ вытянуться, вслѣдствіе болѣе въ тѣлѣ... снова прибавилъ кашель. Она, однако, волочится къ столу, чтобы могли сказать, что видѣли ее, но, въ дѣйствительности, ей, должно быть, очень плохо“, — сообщаетъ Екатерина Уилльямсу 30 сентября (1756 г.). Большая суевѣрная государыня тревожится по поводу смерти царедворцевъ, боится кометы, и Екатерина спѣшитъ обрадовать англійскаго посла: „Такъ какъ вы хотите новостей, знайте, что комета была видна третяго дня и вчера среди бѣлаго дня, что внезапная смерть Строганова, — оплакиваемого, вообще, въ виду доброты его сердца, — и эта комета наводятъ такой страхъ на императрицу, что усилилось задыханіе, что боли въ нижней части тѣла въ связи съ постоянными недомоганіями, которыя, вы знаете, даютъ поводъ опасаться рака, усилились, что ноги не менѣ опухли, и водянка несомнѣнна; кашель былъ такъ силенъ послѣ вторника, что не встала съ постели на слѣдующій день“... (194, 4 окт.).

Извѣстно, какія заботы и какую нѣжность наружно расточала Екатерина относительно Елисаветы Петровны во время болѣзни. Изъ разбираемыхъ документовъ видно, что она съумѣла окружить больную цѣлою системою шпіонства, причемъ каждый соглядатай ничего не зналъ объ остальныхъ: „Вчера среди дня случились у императрицы три головокруженія или обморока. Она боится, очень пугается, плачетъ, огорчается и, когда спрашиваютъ у нея, отчего, она отвѣчаетъ, что боится потерять зрѣніе. Бываютъ моменты, когда она забывается и не узнаетъ тѣхъ, которые окружаютъ ее. Говорятъ, однако, что она хорошо провела ночь.... Мой хирургъ, человекъ очень опытный и разумный, высказывается за апоплексическій ударъ, который сразитъ ее безошибочно. У меня имѣются три лица, которыя не выходятъ изъ ея комнаты и которыя не знаютъ, каждое въ отдѣльности, что они меня предупреждаютъ, и не преминутъ въ рѣшительный моментъ сдѣлать это“ (211, 17 октября 1756).

Нетерпѣніе друзей Екатерины столь же велико, какъ и ея собственное. Понятовскій пишетъ ей письмо, въ которомъ восклицаетъ: „Ахъ, бревна, вы, дѣйствительно, приводите насъ въ бѣшенство; скорѣе бы она умерла“. Екатерина послѣ слова „бревна“ (routres) — вставляетъ свою рукою (очевидно, поясняя потомству) слово: „l'Imp.“ — чтобы не оставалось сомнѣнія, что рѣчь идетъ именно объ императрицѣ (стр. 213).

Уилльямсъ достаетъ для великой княгини деньги, всячески ее поддерживаетъ, а она съ увѣренностью говоритъ о близкомъ будущемъ, когда надѣется захватить власть и вознаградить Англію: „Весна (1757-го г.) можетъ легко доставить средства, чтобы привести всѣ вещи въ порядокъ, и разъ я буду тамъ (на престолѣ), я обеспечу вамъ друзей“.... „а это обратите на

пользу вашего отечества и вашего дѣла. Мой другъ! Мой совѣтникъ! Сказано, что ваше великодушіе будетъ использовано мною полностью“ (8 января 1757, 318)... Тѣ же увѣренія она повторяетъ уже отъѣзжающему изъ Россіи Уилльямсу спустя полгода: „Моя дружба и моя благодарность къ вамъ дошли до того, что, въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь, я никогда не буду въ состояніи ничѣмъ расплатиться съ вами. Я обращаю поэтому, коль скоро я смогу, мои обязательства къ вамъ на благо вашей родины. Да, милостивый государь, никогда, ничто не отвлечетъ меня отъ главной задачи — возстановить прежнее положеніе и весь блескъ (Англии), чего Россія должна ей пожелать для собственной своей выгоды“... „Я всегда буду противникомъ французской, лишь бы Господу Богу было угодно захотѣть этого“... Непоколебимая настойчивость, огромное честолюбіе, размѣры котораго она сама прекрасно сознавала, сказываются въ каждой фразѣ этого послѣдняго письма, такъ же, какъ твердая увѣренность, что ей суждено царствовать. „Я обязана вамъ благодарить за хорошее мнѣніе, которое вы имѣете о той малой долѣ здраваго ума, которымъ Небо надѣлило меня; можетъ быть, вы предполагаете его слишкомъ много во мнѣ, по дружбѣ, которую вы питаете ко мнѣ? По этому поводу я знаю двѣ вещи: одно, — что я имѣю столько честолюбія, сколько человѣкъ можетъ имѣть, а другое, — что я сдѣлаю добро вашему отечеству“ (342—343, 2 июля).

Громадная, широко раскинутая сѣтъ интригъ, въ центрѣ которыхъ стояли Екатерина и Уилльямсъ, вырисовывается въ высшей степени ярко въ этой перепискѣ, — и ни одинъ историкъ, который занимается семилѣтней войной, не вправѣ будетъ оставить эти документы безъ вниманія. Отвлечъ Россію отъ союза съ Франціей и Австріей не удалось, и Уилльямсъ навсегда покинулъ Петербургъ (лѣтомъ 1757 г.)

Но не только для исторіи европейской дипломатіи и не только для біографа Екатерины, занятаго выясненіемъ ея психологіи и ея роли, интересны эти документы. Тамъ и сямъ въ нихъ разбросаны отдѣльныя черты, любопытныя съ бытовой стороны, съ точки зрѣнія нравовъ эпохи. Приведемъ, въ заключеніе, рассказъ Уилльямса о томъ, какъ онъ подкупилъ великаго канцлера Россійской имперіи, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Вотъ эта сцена съ натуры. сообщаемая англійскимъ посломъ Екатеринѣ (77 — 78, 23 августа 1756). „Уже съ нѣкотораго времени великій канцлеръ просилъ меня предоставить ему крупную пенсію отъ короля, говоря, что ему даютъ здѣсь ежегодно лишь семь тысячъ рублей, и что на такое жалованье онъ не можетъ жить по своему положенію, что ему извѣстны интересы его отечества, что онъ знаетъ, что они связаны съ интересами Англии и что, такимъ образомъ, онъ могъ-бы служить (англійскому) королю, не дѣйствуя противъ своей совѣсти и не нанося вреда своему отечеству, что если бы король желалъ дать ему возможность жить сообразно съ высо-

кимъ чиномъ, которымъ онъ облеченъ, руки у него были-бы свободны, и онъ служилъ бы всегда только Англии и Россіи. Я ему отвѣтилъ на это, что съ нѣкотораго времени онъ, правда, оказалъ только очень незначительныя услуги королю, но что я его другъ, что я пользуюсь при моемъ дворѣ гораздо большимъ кредитомъ, чѣмъ онъ предполагалъ, и что въ надеждѣ на то, что онъ сдержитъ свое слово, я готовъ ему услужить. Онъ продолжалъ, однако, все не вѣрить моимъ словамъ. Но онъ страшно удивился, когда я въ понедѣльникъ, по окончаніи разговора съ нимъ по Вашему дѣлу, сказалъ ему: я служу не одному Вашему покровителю (т.-е. Екатеринѣ), но я сдѣлалъ также и Ваше дѣло. Король жалуетъ вамъ пожизненную пенсію въ двѣнадцать тысячъ рублей въ годъ.—Онъ меня не благодарилъ и, при моемъ уходѣ, онъ не обратилъ никакого вниманія на свою пенсію, хотя я ему сказалъ, что уплата по ней должна была начаться съ этого дня. Но вчера онъ позвалъ къ себѣ Вольфа (великобританскій консулъ и банкиръ, черезъ котораго посоль Уилльямсъ передавалъ деньги, кому было нужно. Е. Т.) и ему сказалъ все то, что я до-вѣрилъ ему, и все-таки выразилъ Вольфу недо-вѣріе къ моимъ извѣстіямъ. Вольфъ замѣтилъ ему: „Ахъ, милостивый государь, если онъ Вамъ это сказалъ, то оно не можетъ быть иначе; Вы не знаете ни посла, ни кредита, которымъ онъ пользуется при своемъ дворѣ. Если Вы, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваетесь въ правдѣ, я ручаюсь за платежъ пенсіи“. „Думаете-ли Вы,—возразилъ канцлеръ, что онъ бы началъ немедленно производство платежа и что онъ мнѣ уплачивалъ бы по тысячѣ рублей въ мѣсяць?“ — „Я же Вамъ ихъ буду уплачивать,—воскликнулъ Вольфъ: если посоль Вамъ это сказалъ, и не попрошу у него приказаній на то“. И вотъ великій канцлеръ еще болѣе изумился. Но онъ опомнился и сказалъ тотчасъ Вольфу: „Прошу васъ сходить сейчасъ къ послу и благодарить его отъ моего имени за всю его дружбу ко мнѣ. Скажите ему, что мы заживемъ вмѣстѣ наилучшимъ образомъ, что я сдѣлаю возможное для него“ и т. д.

Самому Уилльямсу эта совершаемая имъ же покупка великаго канцлера, по случаю, за двѣнадцать тысячъ рублей, кажется настолько курьезною, что, рассказавши все это Екатеринѣ, онъ не можетъ воздержаться, чтобъ не прибавить: „Вотъ сцены, поспѣшно описанныя, которыя показались бы красивыми анекдотами для будущаго столѣтія“ (стр. 78).

Не нужно забывать, что великій канцлеръ Россійской имперіи собирался „зажить наилучшимъ образомъ“ съ посломъ враждебной державы, ибо Россія была въ войнѣ съ Пруссіей, а Англія въ дружбѣ и союзѣ съ Пруссією,—и рѣчь шла о томъ, чтобы всячески мѣшать русскимъ войскамъ дѣйствовать сколько-нибудь энергично противъ Фридриха II и чтобы тормозить ту политику, которую официально велъ этотъ же самый великій канцлеръ по прямому приказу Елисаветы Петровны. Но Елисавета Петровна, какъ жаловался канцлеръ, платила ему всего семь

тысячъ въ годъ, а Георгъ II предложилъ двѣнадцать тысячъ. Ариѳметика восторжествовала.

Долгую свѣтско-дипломатическую школу прошла Екатерина предъ тѣмъ, какъ пробилъ, наконецъ, долго-жданный ею часъ, и однимъ изъ самыхъ почитаемыхъ ею учителей и руководителей на этомъ пути, конечно, нужно признать теперь Уилльямса. Но ему не пришлось дожить до выступленія своей ученицы на мировую арену (онъ покончилъ съ собою въ концѣ 1759 года на родинѣ, уже въ отставкѣ).

Что даютъ эти документы для исторіи возникновенія семи-лѣтней войны?

1756 годъ былъ рѣшительнымъ моментомъ въ созданіи обѣихъ комбинацій великихъ державъ, которымъ суждено было съ осени того-же года вступить въ длительную между собою борьбу. Въ январѣ 1756 года былъ подписанъ договоръ между Англійей и Пруссіей, фактически дѣлавшій Англию союзницею Пруссіи. Съ этого момента Пруссія получала надежду на мощную денежную поддержку, Англія же, обезпечивая своимъ вмѣшательствомъ продолжительность предстоявшей на континентѣ войны, тѣмъ самымъ надолго связывала Францію и, слѣдовательно, получала свободу дѣйствій на сѣверѣ Америки противъ колоніальныхъ французскихъ силъ. Вслѣдъ за этимъ дипломатическимъ событіемъ капитальнаго значенія произошло другое, не менѣе важное: 1-го мая (того-же 1756 года), въ отвѣтъ на дѣйствіе Англии, французскій дворъ подписалъ такъ называемый Версальскій договоръ съ Австріею.

Итакъ, предъ тѣмъ моментомъ, когда начинается переписка между Уилльямсомъ и Екатериною, великія державы уже выстроились враждебными парами: Англія и Пруссія противъ Франціи и Австріи. Вопросъ шелъ о томъ, на чью сторону станеть Россія,—и такъ какъ императрица Елисавета совершенно опредѣленно и многократно заявляла о твердомъ намѣреніи поддержать Австрію, то весьма понятно, что всѣ усилія Уилльямса направились въ сторону созданія внутренняго разлада при русскомъ дворѣ.

Работа Уилльямса сильно осложнилась тѣмъ, что ему, въ сущности, приходилось спѣшно разрушать сложную постройку, которую съ такимъ трудомъ создавалъ одинъ изъ ближайшихъ его предшественниковъ на посольскомъ посту въ Петербургѣ, полковникъ Гай Дикенсъ, интереснѣйшія донесенія котораго (за 1750—1753 г. г.) тоже лишь недавно впервые опубликованы<sup>1)</sup>. Гаю Дикенсу приказано было создать союзъ между Англійей и Россіей противъ Пруссіи, ибо Фридрихъ II тогда угрожалъ ганноверскимъ владѣніямъ англійскаго короля Георга II. Теперь же, въ 1756—57 г. г., Уилльямсу нужно было стремиться какъ разъ къ обратному: къ заключенію соглашенія въ пользу прусскаго короля. Эта задача не была рѣшена Уилльямсомъ въ благопріятномъ смыслѣ, —

<sup>1)</sup> См. Сборникъ И. Р. Ист. Общества, томъ 148 (стр. XXII+554) Петр. 1916.

и война между Россіей и Пруссіей началась уже осенью 1756 года. Но, во всякомъ случаѣ, войдя въ довѣрительныя отношенія къ Екатеринѣ и подкупивши великаго канцлера Бестужева, Уильямсъ могъ разсчитывать, что явится возможность въ дальнѣйшемъ вліять на ходъ военныхъ дѣйствій и дипломатическихъ выступленій Россіи въ желательномъ для Англіи и Пруссіи смыслѣ. И, какъ извѣстно, онъ не ошибся.

Замѣчу, кстати, что англійскій кабинетъ уже съ давнихъ поръ давалъ взятки Бестужеву, еще задолго до прибытія Уильямса въ Петербургъ. Любопытно при этомъ, что въ то же время англичане зорко слѣдили и за другими получками канцлера. Такъ, напр., 18 марта 1753 года Гай Дикенсъ спѣшить увѣдомить герцога Ньюкэстльскаго, что австрійское правительство прислало Бестужеву взятку въ тридцать тысячъ флориновъ, а саксонское правительство даетъ канцлеру еще восемь тысячъ рейхсталеровъ. Деньги-же эти, по мнѣнію посла, явятся очень кстати для Бестужева, ибо канцлеръ сможетъ покрыть ими растрату, которую онъ произвелъ разомъ по двумъ вѣдомствамъ.

Мы видимъ, что Уильямсъ, дѣйствовавшій спустя три года послѣ Гая Дикенса, нашелъ почву для переговоровъ о деньгахъ съ Бестужевымъ достаточно подготовленною. Но при Гаѣ Дикенсѣ молодая великая княгиня еще не смѣла никому признаваться въ своихъ опасныхъ, честолюбивыхъ мечтахъ. Уильямсу-же удалось, повидимому, возбудить полнѣйшее къ себѣ довѣріе и съ ея стороны.

Восторженный почитатель Фридриха II — наслѣдникъ престола Петръ Ѳедоровичъ, честолюбивая жена наслѣдника, явственно готовая оказать Англіи (а потому и Пруссіи) любую услугу за возможную въ будущемъ помощь при попыткѣ овладѣть престоломъ, наконецъ, великій канцлеръ, глава русскаго дипломатическаго вѣдомства, состоящій на жалованіи у Англіи, — таковы были лица, окружавшія больную Елисавету Петровну, когда начиналась война съ Пруссіей.

Измѣна гнѣздилась въ Петербургѣ съ первыхъ дней войны. Когда впослѣдствіи Фридрихъ II получилъ извѣстіе о смерти Елисаветы, онъ, какъ мы знаемъ, выразилъ свою радость итальянскими словами: „*morta la bestia, — morto il veneno*“ (въ письмѣ къ барону Книппгаузену). Переписка Уильямса съ Екатериною показываетъ, что русскій „ялъ“ уже съ самаго начала войны былъ значительно обезвреженъ, къ жестокому ущербу для всѣхъ союзниковъ Россіи.

„Тайная дипломатія“ XVIII столѣтія жертвовала интересами страны съ неменьшею готовностью, чѣмъ „открытая“ въ нашу эпоху. Подробности „тайной дипломатіи“ XVIII вѣка — мы узнаемъ лишь теперь; нѣкоторыя детали „открытой“ „соціалистической“ дипломатіи будутъ, вѣроятно, узнаны также нескоро. Но будутъ узнаны. Вѣдь графъ Бестужевъ тоже, несомнѣнно, полагааль, что

его операціи останутся на-вѣки сокрытыми отъ любопытныхъ глазъ. Конечно, ни въ XVIII, ни въ XIX, ни въ XX вѣкахъ одними деталями въ большихъ историческихъ событіяхъ ничего не объяснишь; но отсюда не слѣдуетъ, что безъ этихъ деталей можно обойтись. Задача исторіи — не довольствоваться кое-чѣмъ, если можно узнать многое, но и не довольствоваться многимъ, если можно узнать все. *Ne quid veri non audiat historia!*

---

## VII

# Соглядатай Наполеона I о русскомъ обществѣ 1808 г.

(Изъ неизданныхъ документовъ Национальнаго архива).

Среди бумагъ наполеоновскаго секретариата, попавшихъ въ Национальный архивъ, есть много интересныхъ показаній, касающихся Россіи и не только нетронутыхъ изслѣдователями, но даже нигдѣ и не помѣченныхъ, ибо описи этихъ документовъ не существуетъ вовсе. Объ одной изъ этихъ бумагъ (на которую я натолкнулся, изслѣдуя вопросъ о вліяніи континентальной блокады на положеніе французской обрабатывающей промышленности) мнѣ и хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ.

Эта бумага хранится въ картонѣ AFIV 1696, въ папкѣ „Russie“. Pièces diverses. 1808\*. Называется документъ : „Aperçu de la situation politique de la Russie en général et des provinces polonaises réunies à cet empire en particulier“. Рукопись, старательно переписанная и находящаяся среди бумагъ, представлявшихъ непосредственно императору, — не подписана. Писалась она, какъ явствуетъ по содержанию, кѣмъ-либо изъ соглядатаевъ Наполеона, которыми въ годы между тильзитскимъ миромъ и нашествіемъ 1812 года кишмя-кишѣли обѣ столицы. Кое-какія строки этого документа касаются на-строения дававшей тонъ части русскаго общества въ 1808 году, когда дворянская фронда противъ тильзитской политики Александра I уже начинала сказываться; есть также замѣчанія, характеризующія старую Москву, за нѣсколько лѣтъ до комедіи Грибоѣдова.

„Ни одна столица въ какомъ бы то ни было государствѣ Европы не можетъ доставить столько свѣдѣній, освѣщающихъ политическое состояніе той или иной имперіи, сколько доставляетъ Москва относительно состоянія Россіи“, — доноситъ французскому императору его агентъ. „Этотъ огромный городъ населенъ дворянами почти изъ всѣхъ провинцій имперіи. Буржуазія въ Москвѣ состоитъ изъ людей всякихъ племенъ, привлеченныхъ торговлею : изъ обитателей великой и малой Россіи, провинцій, прежде принадлежавшихъ Польшѣ, изъ ливонцевъ, татаръ, грузинъ и т. д. Въ то же время Москва населена крестьянами



сосѣднихъ провинцій, которые селятся въ качествѣ рабочихъ или поденщиковъ. Въ ней живутъ также въ большомъ числѣ иностранцы: греки, армяне, нѣмцы, англичане, французы-эмигранты, а также подданные нынѣшней Французской имперіи, итальянцы, шведы. Нѣмцы составляютъ самый многочисленный классъ ремесленниковъ, торговцевъ, ученыхъ; армяне и шведы — образуютъ классъ торговцевъ. Что касается до образа мыслей московскаго дворянства, то дворянство можно раздѣлить на три класса: классъ вельможъ и военныхъ, которые уже вышли въ отставку или удалились отъ дѣлъ (*déjà congédiés ou retirés*), классъ людей, которымъ не удалось получить повышенія (*qui n'ont pas réussi dans leurs promotions*) и, наконецъ, тѣхъ, которые надѣются возвыситься и стараются стать на сторону нынѣшнихъ министровъ, защищая ихъ при всякомъ случаѣ. Поэтому легко встрѣтить при всякой бесѣдѣ различныя мнѣнія относительно правительства и европейскихъ событій“.

Въ общемъ, по мнѣнію автора, русскіе не знаютъ иного развлечения, кромѣ игры въ карты или бесѣды по поводу каждаго событія, имѣющаго отношеніе къ ихъ правительству или къ европейскимъ правительствамъ. Что касается ихъ правительства, то предметомъ или похвалъ, или критики являются, обыкновенно, министры, генералы, военные и гражданскіе губернаторы, и самъ императоръ; что касается Европы, то поводъ къ полемическимъ бесѣдамъ подають теперь Франція, Англія и, даже, маленькое герцогство Варшавское. Каково общее мнѣніе и каковы частныя сужденія вліятельныхъ особъ? Насколько можно судить объ общественномъ мнѣніи <sup>1)</sup> „по согласію чувствъ различныхъ классовъ народа“, кажется, что русскіе живо сожальютъ о разрывѣ политическихъ и торговыхъ связей съ Англіей. „Это мнѣніе можно считать общимъ: оно занимаетъ умы министровъ, какъ отставныхъ, такъ и нынѣшнихъ, умы русскихъ вельможъ и купцовъ“. Отъ наблюдателя не укрылось и то, что самъ императоръ, „хотя и разстался съ княземъ и княгиней Чарторыйскими и г. Новосильцевымъ, однако, не позволяетъ имъ удалиться изъ Петербурга, а князь Кочубей, который былъ самымъ ярымъ англичаниномъ (*sic*), замѣщенъ теперь княземъ Куракинымъ, который является не менѣе яримъ въ этомъ отношеніи, такъ что перемѣна въ министерствѣ не измѣнила политическихъ принциповъ петербургскаго кабинета, если не считать внѣшности“. Такимъ образомъ, около царя остались приверженцы Англіи, а худшей обиды Наполеону нельзя нанести. Дѣло въ томъ, что разорявшая русскій помѣстный классъ континентальная блокада, губившая русскій сбытъ, сдѣлала дворянство въ высшей степени враждебнымъ Наполеону

---

1) *Opinion publique*. Авторъ употребляетъ строкою выше другой оттѣнокъ: *opinion générale*.

и дружественнымъ Англии. Но соглядатай, подмѣтивши фактъ, не вполне понимаетъ его причины.

„Эта англоманія сдѣлалась почти привычкою у всѣхъ русскихъ вельможъ и купцовъ: первые приобрѣли эту привычку по модѣ, а вторые — по соображеніямъ выгоды. Каждый русскій вельможа любить во всемъ подражать англичанамъ; каждый купецъ предвидитъ близкое разореніе отъ прекращенія политическихъ сношеній съ Англіею“.

У „вельможъ“ эта „англоманія“, на которую жалуется агентъ, тоже вызывалась не „модою“, но серьезно затронутыми матеріальными интересами, и нѣсколькими строчками ниже самъ авторъ это признаетъ. Авторъ документа свидѣтельствуесть о громадности англійской торговли съ Россіей въ эпоху предъ Тильзитскимъ миромъ и предъ распространеніемъ на Россію континентальной блокады: „Вся русская страна была полна англійскихъ факторій; самые богатые банкиры были англичане, кредитъ бумажныхъ денегъ держался только торговлею съ англичанами, министры получали регулярно жалованье отъ лондонскаго двора (*les ministres recevaient des appointements réguliers de la cour de Londres*), такъ что послѣ послѣднихъ событій вся торговля находится въ застоѣ, русскіе вельможи, привыкшіе къ роскоши, съ горечью терпятъ лишенія въ удовлетвореніи своихъ потребностей и въ то же время чувствуютъ осязательное уменьшеніе своихъ доходовъ. Русскія бумага пали на 50%; продукты (владѣній) помѣщиковъ лишены вывоза“.<sup>1)</sup>

Къ сожалѣнію, агентъ бросаетъ фразу о подкупѣ министровъ англійскимъ дворомъ, не развивая этой мысли и не снабжая своего свидѣтельства никакими доказательствами. Простое ли это поясненіе, вскользь брошенное? Намекъ ли Наполеону о томъ, какія мѣры могутъ помочь противъ „англоманіи“? Воспоминаніе ли о подкупѣ канцлера Бестужева Георгомъ II, за пятьдесятъ лѣтъ до того?<sup>2)</sup> Или нѣчто болѣе новое, такое, что агентъ предполагаетъ хорошо извѣстнымъ Наполеону, о чемъ и распространяться не стоитъ?

Агентъ освѣдомлялся въ торговомъ мірѣ: „до какихъ поръ Россія можетъ выдержать это лишеніе торговли?“ — и его „увѣрили, что это можетъ продлиться не дальше будущей весны, и если обстоятельства не перемѣнятся, то самые богатые дома обанкротятся“. Русское правительство не можетъ осуществлять свои обязательства предъ Наполеономъ, такъ какъ боится бунта: „осмѣлились даже публично утверждать, что если англійскій флотъ появится предъ Кронштадтомъ, то нисколько не сомнѣваются, что

---

<sup>1)</sup> О послѣдствіяхъ континентальной блокады для Россіи см. мою книгу „Континентальная блокада“ (М. 1913), соотв. глава.

<sup>2)</sup> См. статью въ настоящей книгѣ: „Англійскій посоль и Екатерина“.

произойдетъ революція, въ томъ случаѣ, если императоръ не захотѣлъ бы стать на сторону англичанъ“. Недовольство политикою Александра заходить такъ далеко, что его называютъ „приказчикомъ“ Наполеона (*j'ai observé seulement que cela était un avis général de tous les russes que les choses telles comme elles sont maintenant, ne peuvent subsister nullement et que l'empereur de Russie ne peut être regardé longtemps comme un homme d'affaires, p r y k a s t s c h i k , de Sa Majesté l'Empereur Napoléon*). — Мнѣніе наполеоновскаго корреспондента таково, что все это долго продолжаться не можетъ, и что русское правительство едва ли не ведетъ уже тайные переговоры съ врагами французскаго императора. И онъ, предвосхищая событія за четыре года, уже анализируетъ шансы французской арміи, которая перейдетъ чрезъ Нѣманъ и вторгнется въ русскіе предѣлы: это въ высокой мѣрѣ характерное доказательство, что уже въ 1808 году, въ расцвѣтѣ франкорусскаго союза, въ годъ эрфуртскаго свиданія и тѣсной дружбы обоихъ императоровъ, война между Франціей и Россіей внимательнымъ наблюдателямъ казалась очень и очень вѣроятною. — Въ Литвѣ, по мнѣнію автора, французовъ примутъ жители радушно; но страна очень бѣдна, очень опустошена. Весьма характерно осторожное указаніе Наполеону, что онъ слишкомъ встревожилъ своими реформами (въ герцогствѣ Варшавскомъ) крѣпостническое польское дворянство: „Дворянство названныхъ провинцій немного напугано новыми конституціонными законами. Всѣ эти учрежденія, какъ бы восхитительны они ни были, должны были бы быть предоставлены жителямъ болѣе ловкимъ способомъ, нежели это случилось въ герцогствѣ Варшавскомъ. Свобода крестьянъ, военная повинность, внезапное введеніе кодекса Наполеона испугали дворянство“.

Что касается Великороссіи, то здѣсь Наполеонъ можетъ разсчитывать на крестьянъ, „которые будутъ очень расположены встать на сторону побѣдоносной французской арміи, потому что они только и мечтаютъ о свободѣ и слишкомъ хорошо познали свое рабство, которое очень жестоко“. Но отъ дворянства онъ не совѣтуетъ ничего ожидать.

Выискивая благоприятные шансы для французскаго вторженія, корреспондентъ Наполеона останавливается на томъ, что „жители Малороссіи и казаки терпѣть не могутъ жителей Великороссіи, почти такъ, какъ ирландцы — англичанъ“. И онъ приводитъ фантастическій разсказъ о генералѣ Платовѣ, казачьемъ атаманѣ, который будто бы высказался въ откровенной бесѣдѣ въ томъ смыслѣ, что „французской арміи не достаетъ только казаковъ, и что онъ, Платовъ, очень удивляется, что французы не стараются расположить къ себѣ его націю“ (казаковъ). Всѣ эти слухи любопытны, конечно, не въ томъ отношеніи, чтобы имъ можно было вѣрить, но они даютъ понятіе о томъ, до какой степени въ началѣ XIX вѣка бросалась въ глаза отчужден-

ность казаковъ отъ остальнаго населенія Россіи. (Вспомнимъ, впрочемъ, что спустя полвѣка эту отчужденность весьма положительно констатировалъ такой очевидецъ и наблюдатель, какъ Левъ Толстой въ своихъ „Казакахъ“). Нечего и говорить, что анекдотъ объ измѣнническихъ тенденціяхъ Платова, взятый самъ по себѣ, въ качествѣ фактическаго сообщенія, ни малѣйшаго довѣрія не заслуживаетъ. — Въ заключеніе авторъ донесенія перечисляетъ литовскихъ вельможъ, на которыхъ можно рассчитывать при войнѣ съ Россіею, но этимъ деталямъ здѣсь не мѣсто. Одно впечатлѣніе первенствуетъ, когда читаешь это изящнымъ почеркомъ написанное письмо и вспоминаешь объ его адресатѣ и первомъ читателѣ: фатальная невозможность для Наполеона сохранить миръ съ Россіей, не отступая отъ континентальной блокады, невозможность, передъ которой безсильны оказались и Наполеонъ, и Александръ — вотъ что чувствуется въ каждой строчкѣ этого любопытнаго документа.

Невѣдомый согладатай не могъ знать только, случится ли міровой пожаръ въ 8-мъ году или въ 12-мъ...

---

## VIII.

# Послѣдніе дни Наполеоновской арміи въ Россіи.

(Два неизданныхъ рапорта маршала Бертье).

Во время отступленія Наполеона изъ Россіи, начальникъ его штаба маршалъ Бертье (герцогъ Невшательскій) постоянными рапортами сообщалъ императору объ общемъ положеніи арміи, на основаніи поступающихъ въ штабъ отдѣльныхъ донесеній начальниковъ частей. Нѣкоторые изъ этихъ рапортовъ Бертье попали съ частью багажа въ руки казаковъ, — и были доставлены русскимъ властямъ, такъ что ими могъ впоследствии пользоваться Михайловскій-Данилевскій для своей исторіи Отечественной войны. (Между прочимъ, находящееся въ приложеніи къ „Войнѣ и миру“, во главѣ „Бѣгство Наполеона“, донесеніе Бертье отъ 9 ноября взято Толстымъ именно у Данилевскаго). Но рапорты, уцѣлѣвшіе въ французскомъ багажѣ и вывезенные изъ Россіи, очутились сначала въ архивѣ Наполеоновскаго государственнаго секретариата, а оттуда перешли въ Національный архивъ. Нужно замѣтить, что много бумагъ было сожжено по приказу Наполеона еще во время похода изъ опасенія, какъ бы онѣ не попали въ руки непріятели.

Въ картонѣ N 1643 серіи AF. IV, въ этомъ самомъ отдѣлѣ Національнаго архива — „fonds de la secrétairie d'Etat“ — я нашель, между прочимъ, два въ высокой степени интересныхъ рукописныхъ рапорта маршала Бертье императору Наполеону: одинъ отъ 9 декабря (н. с.) 1812 года, другой отъ 12 декабря; первый помѣченъ Вильною, второй — Ковно. Самая папка, въ которой находятся эти документы, отмѣчена словами: „Grande armée. Campagne de Russie 1812. L'état major général“. И тутъ же прибавлено, что недостающія бумаги были сожжены по приказу Его Величества во время похода (Les pièces qui manquent à ce dossier ont été brûlées par ordre de Sa Majesté pendant la campagne). Первый документъ помѣченъ № 271, второй № 272.

Оба рапорта рисуют картину страшнаго бѣдствія, полного уничтоженія великой арміи. Бертье, какъ всегда, пишетъ эпически спокойно и сдержанно, но отъ этого картина только выигрываетъ въ своей выразительности. Первое донесеніе, какъ сказано, писано изъ Вильны, въ тотъ самый день (9 декабря = 27 ноября с. с.), когда французы должны были спѣшно покинуть городъ, подвергшись еще наканунѣ атакѣ. Второе донесеніе (12 декабря = 30 ноября) послано изъ Ковно, а уже на другой день начались бои между подошедшимъ Платовымъ и маршаломъ Неемъ. Черезъ два дня Платовъ вошелъ въ Ковно, а послѣдніе остатки французской арміи перешли русскую границу и направились къ Тильзиту. Такимъ образомъ, печатаемые мною тутъ въ переводѣ документы — живое и авторитетнѣйшее показаніе наиболѣе освѣдомленнаго, стоявшаго въ центрѣ событій участника и наблюдателя, — отчетъ о самыхъ послѣднихъ дняхъ наполеоновской арміи предъ ея окончательнымъ исчезновеніемъ съ русской территоріи.

Названія мѣстностей кое-гдѣ неразборчивы, малопонятны; польско — литовскія названія встрѣчныхъ деревень, хуторовъ и поселковъ плохо давались французамъ.

Напомню, въ заключеніе, не-специалистамъ, что герцогъ Невшательскій — это самъ маршалъ Бертье; герцогъ Эльхингенскій — маршалъ Ней; герцогъ Беллунскій — маршалъ Викторъ; герцогъ д'Абрантесъ — маршалъ Жюно; герцогъ Истрійскій — маршалъ Бессьеръ; герцогъ Экмюльскій — маршалъ Даву; герцогъ Тарентскій — маршалъ Макдональдъ; герцогъ Бассано — государственный секретарь Марэ; король (Неаполитанскій) — Мюратъ; вице-король (Италіи) — Евгенийъ Богарнэ; герцогъ Данцигскій — маршалъ Лефевръ; герцогъ Тревизскій — маршалъ Мортье.

Наиболѣе трудная задача, — командованіе арьергардомъ, на который наѣдали казаки, — лежала въ эти дни на маршалѣ Неѣ (герцогѣ Эльхингенскомъ). Самъ Наполеонъ еще 26 ноября (-8 декабря н. с.) выѣхалъ изъ Варшавы въ Парижъ.

## I. (№ 271)

(На поляхъ — не тѣмъ почеркомъ, которымъ написано донесеніе—приписано наискось): Герцогъ Невшательскій.

День 8-го былъ самымъ роковымъ. Герцогъ Беллунскій явился одинъ, весь арьергардъ покинулъ его, люди гибли отъ холода. Артиллерія погибла, вслѣдствіе недостатка лошадей. Всѣ погибли.

Собрали 400 человѣкъ изъ 1-го и 4-го. Въ корпусѣ Вреде осталось всего 2000 человѣкъ. Герцогъ Эльхингенскій составитъ изъ этого арьергардъ.—Удручающія подробности. Казна,—багажъ.

Вильна, 9 декабря, 5 часовъ утра.

## Государь.

Ночь съ 7 на 8 и день 8 были еще тяжелѣе для арміи, чѣмъ предыдущіе, благодаря чрезвычайной суровости мороза. Въ тотъ моментъ, когда король отправлялся изъ Мѣдунки съ вашей гвардіей по дорогѣ въ Вильну, явился герцогъ Беллунскій и заявилъ, что у него нѣтъ болѣе арьергарда, и что всѣ его люди покинули его, большая часть изъ нихъ погибла отъ холода, и что онъ былъ вынужденъ бросить свою артиллерію, такъ какъ его лошади пали.

Король приказалъ остаткамъ перваго и втораго корпуса держаться въ Руковы: но изъ обоихъ этихъ корпусовъ удалось собрать всего 400 человѣкъ. Генераль графъ Вреде, который стоялъ въ Слободкѣ, постепенно отступалъ, держась на линіи предполагаемаго прохода арьергарда герцога Беллунскаго; онъ дошелъ до Слобъ—Хомидки и до Кены. Сегодня утромъ онъ займетъ позицію въ Руковы, присоединивъ къ себѣ отъ 4 до 500 человѣкъ 1-го и 4-го корпуса и получивъ приказъ образовать арьергардъ. Генераль сообщаетъ, что изъ 8000 человѣкъ, которые у него были, осталось всего 2000, — онъ проситъ, чтобы ему разрѣшили сняться съ позиціи; но онъ согласился держаться на позиціи въ Руковы. Король передалъ Вреде въ распоряженіе герцога Эльхингенскаго, который съ сегодняшняго дня беретъ на себя заботы объ арьергардѣ: онъ поддержитъ генерала Вреде дивизіей Суасона, которая тоже очень ослаблена. Большая часть артиллеріи приведена въ негодность, благодаря падежу лошадей, и благодаря тому, что у большинства канонеровъ и фурлейтовъ отморожены руки и ноги. Одна изъ повозокъ, на которыхъ везли казну, разграблена возчиками; удалось спасти всего 12.000 франковъ. Дѣлается все, что въ предѣлахъ человѣческой власти, чтобы спасти остальные повозки: но каждая гора является новымъ препятствіемъ; на спускахъ, несмотря на тормазы, орудія увлекаютъ лошадей. Дорога усѣяна замерзшими, умершими людьми; вчера изъ 8 отставшихъ стрѣлковъ гвардіи шесть умерло. Герцогъ д'Абрантесъ, вмѣсто того, чтобы быстро двигаться впередъ по дорогѣ въ Меречъ, явился вчера вечеромъ въ Вильну, гдѣ онъ насъ страшно стѣснилъ. Ваши большіе экипажи, двигавшіеся подъ охраной драгунъ гвардіи, прибыли въ величайшемъ безпорядкѣ. Мы ихъ отправимъ въ путь завтра на Ковно. Всѣхъ отбившихся помѣстили въ монастыряхъ. Король надѣется, что корпуса соберутъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Его величество имѣетъ въ виду продержаться возможно дольше на виленскихъ высотахъ, чтобы дать время продвинуться впередъ. Но, государь, я долженъ сказать Вамъ всю правду. Армія пришла въ полный безпорядокъ. Солдаты бросаютъ ружье, потому что не можетъ больше держать его: и офицеры, и солдаты думаютъ только о томъ, какъ бы защитить себя отъ ужаснаго холода, который держится все время на 22—23 градусахъ. Офицеры Генеральнаго Штаба, наши адъютанты не въ состояніи идти. Можно надѣяться, что втеченіе

сегодняшняго дня мы соберемъ вашу гвардію: начальники полны энергіи. Король сдѣлаетъ все, что въ силахъ человѣческихъ: онъ думаетъ, что ему придется стать за Нѣманомъ, и что мы неминуемо потеряемъ значительную часть артиллеріи и обоза.

Герцогъ Бассано уѣхалъ сегодня ночью въ Варшаву; мы всѣ устали, такъ какъ принуждены идти пѣшкомъ.

Ваше Величество, извините меня, что я не посылаю болѣе подробныхъ донесеній: наше мужество преодолѣетъ всѣ препятствія, если это будетъ въ предѣлахъ силъ человѣческихъ; никогда еще въ этой мѣстности не бывало въ это время года 23-хъ градусовъ мороза.

Король, вице-король и маршалы чувствуютъ себя хорошо.

Ваше Величество упоминали о шести тысячахъ литовцахъ, бывшихъ здѣсь; они такъ разбрелись, что будетъ въ высшей степени трудно собрать ихъ въ Ковно.

Выражаю Вашему Величеству чувства глубочайшаго почтенія.

Герцогъ Невшательскій  
генераль-майоръ

А. Бертье.

Р. С. Непрiятель преслѣдуетъ насъ все время съ большимъ количествомъ кавалеріи, орудіями на саняхъ и небольшимъ отрядомъ пѣхоты. Передаютъ за вѣрное, что русская армія, посланная за нами, направляется на Вильну; вчера, передъ нашимъ приходомъ въ этотъ городъ, тамъ произошла ложная тревога, вызванная криками ура, которые испускали казаки; тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ они отступили; это произошло немногимъ ранѣе вѣзда нашихъ экипажей.

## II (№ 272)

(На поляхъ, тѣмъ же почеркомъ, которымъ сдѣлана приписка на поляхъ въ первомъ документѣ, — приписано наискось):

Ковно, 12 декабря 1812 года.

Герцогъ Невшательскій

Пріѣздъ въ Вильну.

Мѣры, принятыя для пребыванья тамъ, сведены на нѣтъ, благодаря отсутствію дисциплины и преслѣдованію непріятеля, генераль Вреде принужденъ отступить. Непрiятель дѣлаетъ приступъ, но отбить, король приказываетъ за ночь очистить городъ.

Герцогъ Эльхингенскій вынужденъ сжечь всю артиллерію и весь обозъ въ полуверстѣ отъ Вильны.

Морозъ въ 25 градусовъ.



Государь.

Король и ваша гвардія прибыли 8-го въ Вильну.

Я имѣлъ честь писать вамъ 9-го, что король отдалъ въ распоряженіе герцога Эльхингенскаго корпусъ генерала Вреде и дивизию генерала Суасона, поручивъ этому маршалу командованіе арьберггардомъ; вслѣдствіе этихъ диспозицій, генераль Вреде получилъ приказаніе явиться утромъ 9 въ Руковы, гдѣ король оставилъ его въ качествѣ арьберггарда. Принцъ вице король, герцогъ Экмюльскій и герцогъ Беллунскій едва могли собрать 300 человекъ. Генераль Вреде прибылъ на зарѣ съ отрядомъ около 2000 человекъ пѣхоты и кавалеріи, оставшимся отъ всего его корпуса, потерявъ остальныхъ, вслѣдствіе морозовъ и вслѣдствіе ежедневныхъ стычекъ съ неприятелемъ. Вице-король, герцогъ Экмюльскій, герцогъ Беллунскій отправились въ Вильну, на указанные пункты, чтобы собрать по возможности, свои корпуса, но, когда 8-го утромъ въ одномъ изъ предмѣстій раздалось казацкое ура, около 2400 человекъ, которые были собраны тамъ, прорвали охрану, разсѣялись по городу, и соединились съ отсталыми. Генераль Вреде не успѣлъ занять позиціи въ Руковы, какъ на него напалъ отрядъ въ 5000 человекъ кавалеріи съ 12 орудіями, и онъ сообщилъ намъ, что, не имѣя возможности удержаться на этой позиціи, онъ занялъ промежуточную въ полуверстѣ отъ города, на возвышенности, господствующей надъ нимъ. Ваши экипажи, государь, которые должны были придти въ Вильну 6-го или 7-го, прибыли только 8-го вечеромъ; кавалерія, которую спѣшили, приказавъ ей идти черезъ Новыя Троки, несмотря на всѣ распоряженія, явилась въ Вильну въ полномъ безпорядкѣ; Ваше Величество знаете спускъ, ведущій къ этому городу, эту ледяную гору; несмотря на тормазы, почти всѣ наши повозки сорвались и полетѣли другъ на друга; морозъ все время достигаетъ 23 градусовъ, говорятъ, что онъ доходилъ даже до 25, онъ измучилъ всѣхъ, у большинства людей руки и ноги отморожены; король почувствовалъ, что, несмотря на то, что неприятель находится у воротъ города, придется провести тамъ по меньшей мѣрѣ цѣлый день 9-го, вмѣстѣ съ гвардіей; сдѣлали попытку привести въ порядокъ пѣшую кавалерію, артиллерію и обозъ. 9-го былъ полученъ приказъ отправить въ 12 часовъ вашъ большой багажъ, но жандармерія покинула его; у большинства кучеровъ и почталюновъ оказались отморожены руки и ноги, и они не желали идти, среди нихъ началось даже нѣкоторое возмущеніе противъ конюшаго; всѣ они хотѣли оставаться въ Вильнѣ. Около двухъ часовъ мы услышали пушки генерала Вреде, черезъ минуту этотъ генераль является къ королю и сообщаетъ ему, что неприятель возобновилъ атаку съ 6000 человекъ кавалеріи и артиллеріи и что онъ былъ сбитъ съ позиціи, но что онъ надѣется продержаться до ночи, защищая предмѣстья и маленькіе холмики; герцогъ Эльхингенскій, который втѣченіе дня тщетно пытался собрать дивизию Суасона и набралъ всего

600 человекъ, отправился ему на помощь; съ другой стороны, явилось 700—800 казаковъ съ двумя орудіями и напали на предмѣстья со стороны рѣвки, они были отбиты однимъ батальономъ гвардіи; нѣсколько гранатъ попало въ городъ; къ ночи непріятель, потерявъ надежду попасть въ городъ, отступилъ въ деревни, чтобы достать пропитаніе. Несмотря на всѣ наши попытки водворить порядокъ, Ваше Величество можете сами судить о безпорядкѣ, царившемъ въ городѣ; король приказалъ ударить сборъ, чтобы собрать гвардію на площади, его величество почувствовалъ, что необходимо будетъ очистить городъ втеченіе ночи, предоставивъ герцогу Эльхингенскому, командующему арьберггардомъ, защищать городъ; несмотря на приказъ брать припасы въ магазинахъ, и офицеры, и солдаты оставались въ домахъ, лишь съ громаднымъ трудомъ можно было установить нѣкоторый порядокъ; къ пяти часамъ еще не удалось отправить ваши экипажи. Было рѣшено сжечь нѣсколько повозокъ, и наконецъ набрали достаточное количество людей, чтобы отправить остальные. Король почувствовалъ, что при данномъ положеніи вещей онъ не можетъ провести ночь въ Вильнѣ, вслѣдствіе этого онъ отступилъ къ воротамъ Ковно и устроилъ свою главную квартиру въ большомъ кафэ, гдѣ Ваше Величество при проѣздѣ ставили лошадей; онъ приказалъ слѣдовать за собой гвардіи и поставилъ ее близъ города на возвышенности; герцогъ Данцигскій собралъ едва 600 человекъ, герцогъ Тревизскій имѣлъ не болѣе сотни. Что касается конной гвардіи, она была поставлена въ предмѣстьѣ Ковно и получила приказъ быть готовой къ выступленію, но не покидать пока мѣста стоянки. Съ безконечными затрудненіями ваши экипажи были отправлены въ 8 часовъ вечера.

Прибывъ на новую главную квартиру у воротъ Ковно, отправили принцу Шварценбергу, генералу Ренне и герцогу Тарентскому письмо, копію котораго я при семъ прилагаю. Я послалъ приказанія генералу Эльбэ, Женье и графу Дарю взорвать и сжечь, какъ только получится извѣщеніе отъ герцога Эльхингенскаго, все, что окажется невозможнымъ взять съ собой. Я приказалъ этому генералу организовать возможно лучше полицію въ этомъ городѣ, и употребить ночь и завтрашній день, — пока будетъ возможность, — на то, чтобы очистить городъ. Въ 4 часа утра 10-го король выступилъ съ гвардіей, 1-мъ и 4-мъ корпусомъ, представлявшими крылья, офицерами и сотней солдатъ, остальное все было въ полномъ безпорядкѣ.

Ваше Величество знаете, что въ полутора лье отъ Вильны есть ущелье и очень крутая гора; прибывъ туда къ 5 часамъ утра, вся артиллерія, ваши экипажи, наши экипажи, войсковою обозъ — представляли ужасное зрѣлище. Ни одна повозка не могла проѣхать, ущелье было загромождено орудіями, а повозки опрокинуты; мы могли достигъ вершины горы, только проложивъ себѣ путь справа и слѣва черезъ лѣсъ; король нашелъ нужнымъ подождать наступленія дня при выходѣ изъ ущелья; мы занялись

тѣмъ, что оттаскивали въ сторону опрокинутые экипажи, сжигали тѣ, которые загромождали проходъ, чтобы открыть проѣздъ для казны, для экипажей Вашего Величества, изъ которыхъ удалось проѣхать только тремъ; Ваше серебро и деньги казначея Вашего кабинета были сложены въ мѣшки и перевезены на нашихъ лошадяхъ, ничего не было потеряно, и почти всѣ экипажи были ввезены въ гору, послѣ того какъ въ каждый было запряжено по 20 лошадей. Король отправился въ дальнѣйшій путь къ Евѣ въ 9 часовъ утра, мы слышали пушечные выстрѣлы, на герцога Эльхингенскаго было произведено рѣшительное нападеніе, послѣ чего онъ началъ отступленіе; непріятель ночью расположилъ нѣсколько орудій на высотахъ и обстрѣливалъ дорогу; дойдя до ущелья, герцогъ Эльхингенскій встрѣтилъ тамъ такія же затрудненія, — чтобы взвести на гору одинъ экипажъ, нужно было не менѣе часа.

Это и былъ моментъ окончательной гибели всей артиллеріи, фуръ и обоза, герцогъ Эльхингенскій приказалъ сжечь все это; вечеромъ этотъ маршалъ добрался до Руковы, у него оставалось всего на всего не болѣе 2000 человекъ, какъ баварцевъ, такъ и изъ дивизіи генерала Суасона; чрезвычайный морозъ и большое количество снѣга завершили дезорганизацію арміи, большая дорога была сплошь занесена снѣгомъ, и люди невольно сходили съ нея и падали въ окружавшіе ее рвы и ямы. Между Евѣ и Вильной попалась навстрѣчу артиллерія дивизіи Суасона, шедшая изъ Ковно, и король приказалъ ей повернуть обратно, чтобы спасти эти шестнадцать орудій. Мы вышли изъ Евѣ въ семь часовъ утра 11-го, когда аррьергардъ уже подходилъ; герцогъ Эльхингенскій приказалъ передать намъ, что онъ не въ состояніи оказывать сопротивленіе значительному количеству кавалеріи, находящейся передъ нимъ и 15-ти орудіямъ, слѣдующимъ за нею на саняхъ, вслѣдствіе этого мы принуждены были 11-го сдѣлать большой переходъ и остановиться на ночлегъ въ Римшикахъ, а герцогъ Эльхингенскій близъ Тисморны. Король продолжалъ свой путь и прибылъ 11-го въ полночь въ Ковно. 12-го утромъ герцогъ Эльхингенскій передалъ намъ, что у него не осталось и 1500 человекъ, и что онъ едва-ли сможетъ добраться до Римшикъ, до такой степени кавалерія тѣснитъ его. Король приказалъ сказать ему, что нужно, чтобы онъ, во что бы то ни стало, попытался продержаться завтрашній день, защищая проходъ въ Ковно. Здѣсь есть мостовое укрѣпленіе, которое не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, такъ какъ Нѣманъ исчезъ, онъ замерзъ и покрытъ снѣгомъ, такъ что экипажи ѣдутъ по немъ какъ по равнинѣ, и онъ можетъ выдержать даже тяжесть большихъ орудій.

Я принужденъ сказать Вашему Величеству, что армія въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, какъ и гвардія, которая состоитъ всего изъ 400 или 500 человекъ; генералы и офицеры потеряли все, что у нихъ было, у большинства изъ нихъ отморожены тѣ или дру-

гія части тѣла, дороги усѣяны трупами, дома наполнены ими, вся армія представляетъ собой одну колонну, растянувшуюся на нѣсколько лье, которая выходитъ въ путь утромъ и останавливается вечеромъ безъ всякаго приказанія; маршалы идутъ тутъ же, король не считаетъ возможнымъ остановиться въ Ковно, такъ какъ нѣтъ болѣе арміи. Его Величество переноситъ свою главную квартиру сегодня на высоты лѣваго берега, куда приказано перевести гвардію, 1-й и 4-й корпуса; всѣ люди изъ спѣшенной кавалеріи тоже переведены на лѣвый берегъ и продолжаютъ свой путь на Кенигсбергъ. Припасы раздаются на 8 дней, а также даютъ вещей и оружія по сколько возможно, но солдаты не хотятъ брать; я приказалъ генералу Эльбэ принять всѣ необходимые мѣры, чтобы сжечь и уничтожить все, чего нельзя будетъ забрать. Мы нашли здѣсь двѣсти съ чѣмъ-то лошадей, я велѣлъ заперчь ихъ въ 12 орудій и въ повозки съ припасами, которые король приказалъ переправить на лѣвый берегъ; я велѣлъ забрать всѣхъ лошадей, какихъ можно было найти, чтобы смѣнить уставшихъ лошадей у повозокъ, на которыхъ везли казну; часть ихъ только чудомъ дошла сюда. Въ данную минуту, Государь, съ нами ведется войну не непріятель, а ужаснѣйшее время года, мы держимся только благодаря нашей энергіи, но вокругъ насъ все замерзаетъ и не въ состояніи приносить никакой пользы. Посреди всѣхъ этихъ бѣдствій, Вы можете быть увѣрены, Ваше Величество, что все, что окажется въ силахъ человѣческихъ, будетъ сдѣлано ради спасенія чести Вашего оружія. 25 градусовъ мороза и обильный снѣгъ, покрывающій землю, служатъ причиною бѣдственнаго состоянія арміи, болѣе не существующей. Вотъ уже три дня какъ мы не получали эстафетъ; я могъ написать Вашему Величеству только отсюда, такъ какъ только здѣсь нашлись лошади и почталыоны.

Герцогъ Истрійскій, донесенію котораго можно вѣрить, сообщаетъ, что у него замерзло и умерло 11 офицеровъ и около 1000 солдатъ.

Выражаю Вашему Величеству чувства глубочайшаго почтенія.

Герцогъ Невшателъскій, генераль майоръ Бертье.

P. S. Я вновь вскрываю свое письмо; повидимому, король имѣетъ намѣреніе переправить армію, т. е. кучу людей, составляющихъ ее, на Вислу, въ мѣстечки Торнъ, Мариенбургъ и Данцигъ (sic). Герцогъ Тарентскій въ Эльбингѣ.

---

## IX.

### Политическая программа 1854 года.

Характерными въ новѣйшей исторіи русско-прусскихъ отношеній всегда являлись два факта: 1) экономическое использование Россіи было главною, основною выгодною, къ достиженію которой стремились правящіе круги Берлина, и 2) они никогда не теряли окончательно надежды достигнуть этой основной цѣли безъ военнаго риска, но почти исключительно пользуясь своими высокими и тѣсными связями въ Россіи, дружбою со дворомъ и родствомъ съ династією. Поверхностному взгляду иногда дѣло представляется такъ, что только съ 70-хъ—80-хъ гг. XIX столѣтія, со времени усиленной индустриализаціи Пруссіи (и съ нею всей Германіи), умѣстно говорить о стремленіи къ экономическому захвату Россіи. На самомъ дѣлѣ эту тенденцію можно прослѣдить гораздо раньше; во всякомъ случаѣ, къ началу Крымской кампаніи она уже вполне оформилась и, какъ сейчасъ увидимъ, вполне отчетливо выражалась.

Тогдашняя Россія интересовала, вообще говоря, прусское правительство вовсе не только (и даже не преимущественно), какъ оплотъ охранительныхъ началъ. 1854 годъ былъ непохожъ на 1848 г.; гроза миновала, не оставивши ощутимаго слѣда, кромѣ ожесточенія противъ Россіи со стороны всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ европейскаго общества, ожесточенія, иногда слѣпо и несправедливо распространявшагося не только на правительство, но и на весь русскій народъ. Во всякомъ случаѣ, это ожесточеніе оказалось къ началу Крымской кампаніи гораздо болѣе реальнымъ факторомъ, чѣмъ благодарность элементовъ реакціонныхъ. О томъ, какую позицію заняла въ тотъ моментъ Австрія, извѣстно всѣмъ, — такъ же, какъ извѣстны мотивы ея дѣйствій на границахъ Молдавіи и Валахіи. Но несравненно менѣе запечатлѣлось въ исторической памяти представленіе о позиціи Прус-

си; это и не мудрено. Во-первыхъ, Пруссія ни въ малѣйшей степени не была затронута восточнымъ вопросомъ вообще и столкновеніемъ западныхъ державъ съ Россіею — въ частности; во-вторыхъ, она была въ военномъ отношеніи слишкомъ слаба, чтобы выступить въ европейскомъ конфликтѣ со сколько-нибудь самостоятельнымъ и рѣшительнымъ словомъ, выступить, не будучи къ тому прямо вызванной, а по собственной инициативѣ; въ третьихъ, ея финансы находились въ чрезвычайно шаткомъ, временами даже въ критическомъ состояніи. По всѣмъ этимъ причинамъ, Пруссія и не хотѣла, и не могла активно вмѣшаться въ конфликтъ; никакимъ рѣзкимъ, запоминающимся, дипломатическимъ жестомъ она и не реагировала на разразившіяся событія.

Но чѣмъ затруднительнѣе дѣлалось положеніе Россіи, тѣмъ болѣе сказывалось въ правящихъ берлинскихъ кругахъ нѣкоторое сложное умонастроеніе: не то нетерпѣніе, не то раздраженіе, не то боязнь упустить моментъ, чего-то недополучить, о чемъ-то не стороваться.

Правда, нѣчто весьма существенное (и именно въ области экономической) было Пруссіей въ этотъ моментъ получено, — и удержано на много лѣтъ; герценовскому „Колоколу“ пришлось еще въ 1866 году съ недоумѣніемъ писать: „во время Крымской войны уменьшеніемъ сухопутной пошлыны противъ морской на иностранные товары мы не мало послужили Пруссіи, чрезъ которую весь товаръ получался тогда транзитомъ; послѣ войны Россія, безъ всякой нужды, оставила за нею эту привилегію“ („Колоколь“, 1 октября 1866, № 228). Но этого показалось недостаточно. Втеченіе всей второй половины 1854 года въ Европѣ ходили слухи о какомъ-то важномъ коллективномъ выступленіи государей германскаго союза; иногда говорилось о единичномъ выступленіи Пруссіи. Ни до какого вмѣшательства дѣло, какъ только что замѣчено, не дошло, но нервное настроеніе породило въ германской публицистикѣ нѣсколько разнообразныхъ проектовъ. Самымъ интереснымъ, конкретнымъ, характернымъ изъ нихъ нужно признать одинъ, изложенный въ анонимной, но совершенно очевидно исходившей изъ высшихъ бюрократическихъ сферъ, брошюрѣ подъ характернымъ названіемъ: „Was haben Deutsche von Russen zu fordern?“ Собственно, это — лишь подзаголовокъ, названіе же болѣе широкое: „Begehren nach Unabhängigkeit von russischer und britischer Politik“ (Berlin, 1854). О томъ, чего нужно требовать отъ Англіи, авторъ общаетъ сообщить впослѣдствіи въ особой брошюрѣ, но разсматриваемая — трактуетъ исключительно о Россіи. Совершенно ясно, что авторъ принадлежалъ къ такъ называемой партіи принца Прусскаго (будущаго короля и императора Вильгельма I), которая довольно сдержанно относилась къ Россіи во все время Крымской кампаніи. Принцъ Вильгельмъ, der liebe Wimpus, — какъ его называла въ письмахъ дружески-шутливо его сестра, супруга Николая Павловича, императрица Александра Феодоровна, — вообще говоря, поспѣ-

шилъ демонстративнымъ сближеніемъ съ Австріею (съ апрѣля 1854 года) совершенно развязать Францу-Иосифу руки въ его предположенныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи; партія принца Вильгельма обвиняла короля Фридриха-Вильгельма IV въ излишнемъ руссофильствѣ, — и консервативный, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не совсѣмъ чуждый придворныхъ сферъ, пламенный прусско-германскій патриотъ, написавшій разсматриваемую брошюру, подобно принцу Вильгельму, съ одной стороны, не хочетъ восвать съ Россіею, но, съ другой стороны, хотѣлъ бы безъ войны еще кое-что получить отъ нея.

Планъ анонимнаго автора заключается въ предложеніи потребовать отъ Россіи, чтобы всѣмъ нѣмцамъ было предоставлено право безпрепятственно вѣзжать и свободно, безошлинно ввозить товары въ Россію и продавать ихъ тамъ. Въ высшей степени любопытны какъ мотивировка, такъ и разработка этого проекта; въ умонастроеніи автора отражаются, какъ нельзя полнѣе, среда и моментъ, его породившіе.

Прежде всего, онъ категорически отрицаетъ наличность или возможность какихъ-либо важныхъ военныхъ замысловъ германскихъ государствъ противъ Россіи. Занять остзейскія провинціи? Зачѣмъ? Авторъ совѣтуетъ шире и глубже смотрѣть на положеніе дѣлъ, на естественныя отношенія между германцами и русскими. „Всѣ земли славянскихъ племенъ... самую природою обстоятельство... предназначены Провидѣніемъ къ тому, чтобы послужить почвою, ..., на которой германство призвано упражнять въ настоящей борьбѣ свою силу и доблесть“; то же Провидѣніе предназначило германцамъ въ удѣлъ „стать господствующей силою“ въ славянскихъ земляхъ. Начиная съ Петра I, по мнѣнію нашего автора, Россія всецѣло подпала подъ эту власть германства, предуказанную, какъ онъ убѣжденъ, для всѣхъ вообще славянскихъ земель самимъ Провидѣніемъ; въ особенности же это сдѣлалось непререкаемымъ, отраднымъ и яркимъ фактомъ, со времени перехода престола къ Петру III: „во всѣхъ отрасляхъ законодательства, суда, государственнаго управленія, науки и обученія, какъ и въ сухопутномъ войскѣ и во флотѣ на самыхъ высшихъ постахъ“ утвердились нѣмцы; и даже, говоритъ онъ, послами Россіи (предъ взрывомъ войны 1854 г.)—въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Стокгольмѣ, Копенгагенѣ, Гаагѣ, Гамбургѣ, Сѣверной Америкѣ, Бразиліи и т. д. — являются только нѣмцы.

Самый фактъ, замѣтимъ къ слову, и для временъ Николая I, и для позднѣйшей эпохи многократно подтверждалъ, иногда даже въ очень раздраженныхъ выраженіяхъ, тотъ же Герценъ, относившійся къ этому явленію отрицательно (ср. между мн. проч. „Колоколъ“, 1 янв. 1867 г., № 231, 232, стр. 1896-я: или тамъ же, 15 октября 1861, № 109, стр. 935-я). Но разбираемая брошюра оцѣниваетъ указанный фактъ совсѣмъ иначе. Авторъ съ восторгомъ и гордостью настаиваетъ на томъ, что „два мил-

ліона нѣмцевъ“ такимъ образомъ поддерживаютъ „свою славу, утверждаютъ почтеніе къ себѣ и свою старинную власть надъ государствомъ съ восемьюдесятью милліонами жителей!“ (стр. 8). Самъ авторъ восхищенно спрашиваетъ: видано ли гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ, чтобы даже формальное завоеваніе, военное подчиненіе одного народа другому—давало такіе блестящіе, длительные и „обезпеченные въ отдаленномъ будущемъ“ результаты? Грустно только, что Германія, das Mutterland, остается столь равнодушною къ этой „гордой побѣдѣ“ своихъ сыновъ. Это „благородное сознаніе побѣды надъ русскими“, къ сожалѣнію, плохо оцѣнено Германією, полагаетъ нашъ авторъ, а между тѣмъ оно могло бы сильно поспособствовать развитію германской вѣры въ свои силы.

При такихъ обстоятельствахъ, не печально ли будетъ, если германскія государства примкнутъ къ „наслѣдственнымъ врагамъ“ германизма: туркамъ, французамъ, мадьярамъ—и пойдутъ войною противъ своихъ же дѣтей, упрочившихъ такъ счастливо свое владычество надъ Россією? Только врагъ нѣмецкихъ успѣховъ въ Россіи можетъ пожелать ея разоренія войною! (стр. 12).

Но между тѣмъ, война коалиціи противъ російской имперіи уже грозитъ германской власти въ Россіи нѣкоторою опасностью. Дѣло въ томъ, что нашъ авторъ съ сожалѣніемъ констатируетъ наличность промышленной дѣятельности въ нѣдрахъ Россіи, далеко отъ остзейскаго края, который занять торговлею, но не промышленностью. Эта русская внутренняя индустрія только выигрываетъ отъ войны: сырье, лишенное внѣшняго сбыта, уже сразу подешевѣло, а фабрикаты—вздорожали, такъ какъ прекратилась конкуренція иноземнаго ввоза. Что же выйдетъ? Москва обогатится, а остзейскій край разорится, такъ какъ онъ только потребляетъ фабрикаты, но не производитъ ихъ. Всякое же обогащеніе, экономическое усиленіе „Москвы“, „востока“, „внутренней“ Россіи въ ущербъ нѣмецкимъ пограничнымъ областямъ російской имперіи есть несчастье, предупредить которое и составляетъ національный долгъ Германіи. Должны же понять германскіе государи, — пишетъ нашъ авторъ, — что неудобно инициативу мѣръ, прямо направленныхъ во вредъ Москвѣ и „внутренней“ Россіи, брать на себя русской нѣмецкой династіи, русскимъ нѣмцамъ, германскимъ дѣтелямъ въ російской имперіи, даже и очень большую власть имущимъ, такъ какъ это вызвало бы въ народѣ „опаснѣйшія подозрѣнія“. Автору кажется, что эта инициатива должна непременно послѣдовать извнѣ, со стороны германскаго отечества. Что же дѣлать? Соединиться всѣмъ германскимъ государствамъ Zollverein'a и не только потребовать, но если удачно сложатся обстоятельства, то прямымъ непосредственнымъ осуществленіемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій, захватнымъ порядкомъ — реализовать „свободу торговли“ на русско-прусской границѣ. И это даже для русскаго правительства будетъ легче, ему не придется вести непріятныхъ



переговоровъ ; нужно будетъ только потерпѣть „одинъ легкій ударъ“ (стр. 15). Мало того : автору кажется, что послѣ этого „легкаго удара“ само русское правительство поставитъ себѣ въ удовольствіе „смѣло и открыто объявить законно унаслѣдованное и постоянно вновь заслуживаемое господство нѣмцевъ въ Россіи — величайшею славою и гордостью мирнаго германства предъ цѣлымъ свѣтомъ“. Такимъ простымъ и скорымъ способомъ германцы въ то же время будутъ избавлены и отъ опасной для нихъ конкуренціи англійской торговли въ Россіи (англичанъ нашъ авторъ, вообще, терпѣть не можетъ и всегда говорить о нихъ со смутнымъ безпокойствомъ). Но что, если, сверхъ всякаго ожиданія, русская династія и русскія высшія сферы (которыхъ авторъ съ горечью коритъ за то, что онѣ будто „стыдятся своего нѣмецкаго происхожденія“) вдругъ заявятъ протестъ противъ свободного ввоза нѣмецкихъ товаровъ въ Россію? Нужно въ такомъ случаѣ, не объявляя войны Россіи, не обращать вниманія на протестъ и только сопровождать ввозимыя въ Россію партіи товаровъ военными отрядами и конвоями. Граница — длинная „отъ Мемеля до отдаленнѣйшихъ уголковъ Силезіи“, а потому русскимъ невозможно будетъ всюду ее оградить одинаково сильно. Впрочемъ, нашъ авторъ, вѣдь, и весь проектъ свой писалъ, имѣя въ виду, что у Россіи въ данный моментъ найдется достаточно дѣла въ одномъ только Крыму.

Послѣдствія такой мужественной мѣры будутъ самыя отрадныя : обогащеніе германскаго отечества, укрѣпленіе германской власти въ Россіи, „здоровый подъемъ германскаго духа, права, единства и порядка“, соединенный съ общимъ экономическимъ подъемомъ, — гордое сознаніе, что удалось „предписать величайшей державѣ въ Европѣ свободную торговлю съ нѣмцами“. А въ будущемъ результаты будутъ еще важнѣе : при такомъ тѣснѣйшемъ сближеніи германцевъ внѣшнихъ съ германцами, завоевавшими владычествующее положеніе въ бюрократіи и около династіи внутри Россіи, явится возможность употребить это уже издавна упрочившееся господство къ прямой и непосредственной выгодѣ для германскаго отечества. Но не слѣдуетъ думать, что надъ помыслами нашего автора безраздѣльно властвуетъ одна лишь категорія цѣлесообразности, — и что правовой, „моральный“ элементъ отсутствуетъ въ его соображеніяхъ. Нисколько. Нѣмцы, по его мнѣнію, имѣютъ моральное право сдѣлать то, что онѣ имъ совѣтуютъ : неужели нѣмцы своею вѣрностью царямъ и, вообще, дѣятельностью въ Россіи не заслужили такой привилегіи, которую получили англичане въ Китаѣ, гдѣ торгуютъ опиумомъ? Конечно, заслужили, и авторъ съ облегченною душою обращается къ анализу благихъ послѣдствій отнынѣ морально оправданной мѣры.

Такимъ образомъ, тутъ еще отдается скромная дань той „идеѣ справедливости“, которая въ дальнѣйшей эволюціи наступательнаго патріотизма утратила, какъ извѣстно, въ мірѣ всякую власть надъ умами.

Брошюра кончается торжественнымъ указаніемъ, что если и откроются враждебныя дѣйствія германскихъ государствъ противъ Россіи, то все же есть разница въ томъ, какъ эти государства будутъ воевать съ Россіей, и какъ воюють съ ней Англія и Франція: западныя державы (Англія и Франція) ведутъ войну съ Россіей, не дѣлая различія между нѣмцами и русскими, „а мы хотимъ ее вести за нѣмцевъ противъ русскихъ“. „Западныя державы (Англія и Франція) могутъ желать возстановленія господства славянъ въ Россіи... а мы, напротивъ, должны утвердить наше доброе, нѣмецкое право“, нѣмецкую власть въ тѣхъ сферахъ, гдѣ она преобладаетъ въ русской имперіи.

Смотрѣть ли на эту программу, какъ на запоздалый откликъ споровъ (ведшихся съ довольно большою, по временамъ, горечью) по вопросу о русско-прусскомъ торговомъ договорѣ въ концѣ 1830-хъ и началѣ 1840-хъ годовъ или, прежде всего, какъ на сводку мнѣній тѣхъ, кто требовалъ отъ германскихъ государствъ болѣе активной политики въ восточной войнѣ, — все равно разобранная брошюра интересна, какъ психологическій документъ, и характерна именно для властныхъ по положенію, консервативныхъ по убѣжденію круговъ германскаго общества. Здѣсь, у нашего автора вообще никакой „руссофобіи“ мы не можемъ усмотрѣть. Это, — скорѣе всего забота о томъ, какъ бы не ускользнуло давно облюбованное дѣло, хлопотливая мысль о томъ, чтобы использовать благопріятный моментъ для необходимаго внѣдренія. Истинный врагъ — не Россія, которой нашъ авторъ собирается нанести „легкій ударъ“, но Англія, въ союзѣ съ которой этотъ „легкій ударъ“ будетъ наноситься. Это одна изъ мыслей чрезвычайно свойственныхъ психологіи данныхъ сферъ — и удивительно живучихъ.

---

## Х.

### Выдача Л. Г. Дейча.

(По неизданнымъ документамъ).

Внѣшнія обстоятельства исторіи выдачи Л. Г. Дейча германскимъ правительствомъ — русскому въ 1884 году были въ свое время рассказаны въ печати самимъ потерпѣвшимъ. Русскій революціонеръ, отважившійся совершить поѣздку изъ Швейцаріи во Фрейбургъ (лежащій недалеко отъ швейцарской границы), былъ арестованъ по приказу баденскихъ властей и, спустя съ лишнимъ мѣсяць, 9 мая 1884 года, былъ отданъ на станціи Александрово въ руки русскихъ жандармовъ. Самый арестъ былъ произведенъ довольно случайно, — но когда баденскія власти узнали, кто попалъ въ ихъ руки, судьба Дейча была рѣшена.

Л. Г. Дейчъ передалъ въ своихъ воспоминаніяхъ исторію своего ареста и заключенія, свиданіе съ товарищемъ прокурора Богдановичемъ, котораго послало русское правительство, чтобы получить въ свои руки врага; но онъ не рассказалъ (да и не могъ рассказать) о томъ, какая переписка между правительствами предшествовала выдачѣ.

Среди документовъ, относящихся къ русско-германскимъ отношеніямъ и хранящихся въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ (картонъ: Berlin, 1884—1), я натолкнулся на нѣсколько шифрованныхъ телеграммъ, касающихся этого дѣла. Дешифрованный текстъ приписанъ иногда тутъ же, на телеграфномъ бланкѣ, иногда переписанъ на отдѣльной бумагѣ. Предъ нами лишь телеграммы отъ посольства; отвѣтовъ изъ Петербурга — нѣтъ.

Вотъ содержаніе этихъ документовъ. 8 апрѣля (н. с.) 1884 года русское посольство послало министру иностранныхъ дѣлъ такую телеграмму: „Здѣшняя полиція увѣдомила консула, что задержанный Булыгинъ есть извѣстный Дейчъ. Прошу инструкцію относительно дальнѣйшаго задержанія этого преступника, такъ какъ, по свѣдѣніямъ консула, баденская власть не имѣетъ достаточныхъ причинъ для вчиненія ему иска“.

Черезъ два дня новая шифрованная (уже французская телеграмма) отъ посольства (за № 164, отъ 10 апрѣля 1884 года): „Я просилъ о выдачѣ Дейча нашимъ властямъ административнымъ путемъ. Гатцфельдъ мнѣ сказалъ, что онъ еще въ тюрьмѣ.“

Когда его дѣло окончится во Фрейбургѣ, онъ будетъ высланъ на нашу границу, и мы будемъ предупреждены относительно мѣста его возвращенія. Прибавивши, что это его мысль, но не формальное обѣщаніе, Гатцфельдъ увѣрилъ меня, что вмѣшательство нашего посланника въ Карлсруэ не необходимо“.

Бисмаркъ сразу же успокоилъ руссiйское посольство, что Дейчу не миновать выдачи, что бы тамъ въ Баденѣ ни дѣлали мѣстныя власти; и 11 апрѣля въ Петербургъ отправляется новая, успокоительная телеграмма (за № 234): „Баденское правительство обѣщало прусскому передать ему Дейча, каковъ бы ни былъ исходъ его процесса“.

„Затѣмъ онъ будетъ выданъ намъ. Я получилъ сегодня положительное въ томъ увѣреніе отъ директора департамента иностранныхъ дѣлъ. (Подписано) Коцебу“.

Но вотъ прошло еще четыре дня, — и новое безпокойство: оказывается, что баденское правительство все-таки хотѣло бы получить кое-какіе документы, касающіеся этого дѣла. Бисмаркъ, живо интересовавшійся дѣломъ Дейча, пришелъ на помощь: въ Петербургъ летитъ новая шифрованная французская телеграмма. „Директоръ Бояновскій, замѣняющій государственнаго секретаря во время болѣзни Буша, сказалъ мнѣ, что правительство въ самомъ дѣлѣ для выдачи Дейча имѣетъ надобность въ документахъ, обѣщанныхъ нами. Онъ находитъ, что мы осложнили бы дѣло, если бы мы обратились прямо къ баденскому правительству, и совѣтуетъ не дѣлать этого. Баденъ выдастъ Дейча императорскому правительству, именно, властямъ эльзасскимъ въ Страсбургѣ. Оттуда онъ будетъ отправленъ на нашу границу. Онъ (Бояновскій) прибавляетъ, въ видѣ лично-довѣрительнаго сообщенія, что канцлеръ, живо интересуясь быстрымъ разрѣшеніемъ (вопроса), предлагаетъ самъ (этотъ) маршрутъ германскимъ властямъ“.

Однако, дѣло все же шло не такъ гладко, какъ было бы желательно: не успѣлъ Коцебу (завѣдывавшій русскимъ посольствомъ въ Берлинѣ) послать радостное извѣстіе, что самъ Бисмаркъ „живо интересуется“ выдачей Дейча, какъ на другой же день пришлось вдогонку отправить еще одну телеграмму: „Гатцфельдъ мнѣ сказалъ, противно своему прежнему мнѣнію, что непосредственное дѣйствіе въ Баденѣ было бы полезно, чтобы имѣть двѣ тетивы въ своемъ лукѣ (rouir avoir deux cordes à son arc — чтобы дѣло было вѣрнѣе. Е. Т.). Если бы слѣдствіе во Фрейбургѣ относительно Дейча окончилось прекращеніемъ дѣла (sentence de non lieu), то наша формальная просьба о выдачѣ повліяла бы на рѣшеніе баденскаго правительства. Кромѣ того, германское правительство требуетъ отъ баденскаго административной высылки Дейча къ эльзасской границѣ, откуда Мантейфель намъ его пришлетъ. Бояновскій проситъ не воспользоваться его совѣтомъ относительно необращения прямо въ Баденъ и не упоминать объ этомъ совѣтѣ въ разговорѣ съ Швейницемъ. Онъ боится непріятностей по службѣ, такъ какъ Бисмаркъ на-

ходить полезнымъ дѣйствіе въ Баденѣ. Экземпляръ формальныхъ судебныхъ актовъ все-таки долженъ быть сюда посланъ. Коцебу“.

Воспользовавшись происшедшей заминкою, канцлеръ, пока судъ да дѣло, попросилъ объ отвѣтной любезности, и 23 апрѣля Коцебу телеграфируетъ (въ шифрѣ, но по-русски) въ Петербургъ: „Въ виду нашихъ хлопотъ о выдачѣ преступниковъ намъ, позволяю себѣ предложить не дѣлать, если возможно, въ настоящее время затрудненій при выдачѣ въ Пруссію подданнаго Штади, преслѣдуемаго за подлогъ. Почтите отвѣтомъ по телеграфу“. Вѣроятно, со стороны русскаго правительства препятствій не всгрѣтилось, такъ какъ вскорѣ дѣло Дейча благополучно окончилось, къ обоюдному удовольствію переговаривавшихся о немъ великихъ державъ. 29 апрѣля Коцебу, временно замѣщавшій больного посла, князя Орлова, послалъ въ министерство краткій отчетъ о своей дѣятельности. Въ этомъ отчетѣ онъ съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ, что „дѣло Дейча составило важный предметъ дѣятельности (Коцебу) въ теченіе послѣднихъ недѣль“. И въ самомъ дѣлѣ, кажется, ничто болѣе въ эти дни не интересовало ни Гирса, ни Александра III, ни, конечно, Коцебу, дѣлавшаго себѣ на Дейчѣ карьеру. Въ этомъ же отчетѣ Коцебу считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія своего начальства, что ему въ Берлинѣ сначала было дали понять, что впредь лучше вести дѣло о выдачѣ непосредственно съ имперскими властями, а не съ „маленькими государствами“; но уже скоро все пошло совсѣмъ не соотвѣтственно этому указанію, и въ концѣ концовъ, дѣло оказалось зависящимъ именно отъ баденскихъ властей. Коцебу полагаетъ, что это объясняется желаніемъ Бисмарка считаться съ самолюбіемъ отдѣльныхъ правительствъ Германскаго союза. Но, конечно, все это были детали. Въ главномъ и царь, и его министръ, и его посолъ могли быть вполне удовлетворены тѣмъ усердіемъ къ ихъ интересамъ, которое обнаружили германскія власти. Напр., директоръ департамента прусскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Бушъ, разговаривая о дѣлѣ Дейча съ Коцебу, указалъ, что онъ, Бушъ, противникъ манеры дѣйствовать украдкою при выдачѣ преступниковъ, и вообще противъ выдачи чисто-административнымъ путемъ. Но почему? Потому что низшіе органы администраціи могутъ „поддаться чувствамъ жалости и снисхожденія“ или обнаружить „недостаточное усердіе“. Относительно революціонеровъ нужно, по мнѣнію Буша, дѣйствовать открыто.

Открыто — такъ открыто. Въ Берлинъ, а оттуда въ Карлсруэ, явился Богдановичъ, тогда товарищъ прокурора, впоследствии губернаторъ, убитый въ Уфѣ 6 мая 1903 года. Богдановичъ привезъ бумагу судебного характера, на основаніи коихъ, по мнѣнію русскаго правительства, Дейчъ подлежалъ выдачѣ. „Я посовѣтовалъ ему“, пишетъ Коцебу, „безъ потери времени направиться въ Карлсруэ и Фрейбургъ, такъ какъ роль германскаго

правительства въ этотъ моментъ ограничивается надежною отправкою преступника на нашу границу, послѣ того, какъ онъ будетъ выданъ мѣстными баденскими властями“.

Наконѣцъ, всѣ эти неусыпныя заботы увѣнчались долгожданнѣмъ успѣхомъ, — и 7 мая 1884 года Коцебу могъ отправить Гирсу послѣднюю телеграмму: „Такъ какъ баденское правительство согласилось на выдачу Дейча, то онъ будетъ отвезенъ тремя полицейскими агентами въ Александрово, гдѣ и будетъ намъ отданъ въ среду, 9 мая, въ 8 час. 12 м. утра“.

Дѣло было ликвидировано. Дейчъ на много лѣтъ исчезъ въ Сибири.

Подобныя выдачи практиковались Германіей неукоснительно вплоть до начала послѣдней войны. Особенно любилъ этотъ способъ проявленія добрососѣдской любезности именно кн. Бисмаркъ, — и какъ разъ въ 80-хъ годахъ, въ эпоху существованія въ самой Германіи исключительныхъ законовъ противъ социалистовъ.

Въ Германіи сколько-нибудь замѣтнаго протеста не послѣдовало ни въ обществѣ, ни въ печати.

Во Франціи другъ Дейча, Плехановъ, сдѣлалъ все, отъ него зависевее, чтобы широко оповѣстить обо всемъ прессу. (Г. В. Плехановъ говорилъ мнѣ, что ему въ этомъ отчасти помогъ бывший тогда еще очень „краснымъ“ покойный Анри Рошфоръ.) Но этотъ шумъ, поднятый во Франціи, не измѣнилъ участи обреченнаго, съ самаго начала, русскаго революціонера, такъ фатально попавшаго въ западню.

Въ дѣлѣ Дейча характернѣе всего полнѣйшая поглощенность россійской дипломатіи этимъ дѣломъ, казалось бы, по существу ея функцій вовсе не касающимся. Всѣ вопросы міровой политики въ апрѣлѣ 1884 года совсѣмъ вышли изъ поля зрѣнія Коцебу и его начальства: все отступило на задній планъ изъ-за Дейча.

Такъ жила и работала дипломатія великой державы въ восьмидесятыхъ годахъ. Дѣло Дейча, въ этомъ смыслѣ — бытовая картина.

---

## XI.

### Къ исторіи 1904—1905 г.г.

Предъ нами лежатъ телеграммы, которыми въ 1904—1907 г.г. обмѣнивались германскій и русскій императоры. Многое въ этой корреспонденціи весьма любопытно съ точки зрѣнія исторіи международной политики; для исторіи внутреннихъ русскихъ событий, происходившихъ въ это время, переписка даетъ меньше. Хранились эти телеграммы въ такъ называемой Собственной Е. В. походной канцеляріи.<sup>1)</sup>

Императоръ Вильгельмъ II обрисовывается въ этой тайной корреспонденціи въ болѣе благопріятномъ и яркомъ видѣ, чѣмъ его тогдашній другъ. Предъ нами человекъ, зорко и умѣло блюдущій интересы своей родины, ставящій себѣ точную дипломатическую задачу и неуклонно и разумно стремящійся къ ея разрѣшенію. Ему нужно во что бы то ни стало образовать противъ Англіи союзъ трехъ великихъ континентальныхъ державъ; достиженіе этой цѣли въ моментъ, съ котораго начинается переписка, значительно облегчено тѣмъ, что Россія находится въ войнѣ съ Японією и въ рѣзкой дипломатической враждѣ съ Англією. Значитъ, рѣчь идетъ только о томъ, чтобы заставить Францію порвать заключенное съ Англією 8 апрѣля 1904 года соглашеніе и примкнуть къ русско-германской комбинаціи.

Но какъ это сдѣлать? Императоръ Вильгельмъ понималъ, конечно, что Франція ни за что не согласится совершить этотъ актъ, который поставилъ бы ее въ вассальную зависимость отъ Германіи. Онъ пришелъ къ этому заключенію не только путемъ чисто логическимъ, но на основаніи самыхъ положительныхъ и многочисленныхъ фактовъ. Вѣдь, втеченіе почти десяти лѣтъ, съ 1894 года по 1903 годъ, германскій императоръ не щадилъ усилій, чтобы привлечь Францію въ фарватеръ своей политики. Любезность, предупредительность, обѣщанія — все было пущено въ ходъ, и временами, особенно въ эпоху фашодскаго инцидента (1898—1899 г.г.) и бурской войны (1899—1902), могло казаться, что задача, поставленная себѣ германскимъ императоромъ, вовсе не такъ ужъ далека отъ разрѣшенія. Но едва только дѣло доходило до приступа къ болѣе положительнымъ и принципиальнымъ соглашеніямъ, — какъ все разстраивалось, и выведенная съ большими

<sup>1)</sup> Эта статья и текстъ телеграммъ были напечатаны въ июль 1917 года въ „Быломъ“.

усиліями дипломатическая постройка разлеталась, какъ карточный домикъ. Съ того момента, какъ взошелъ на англійскій престолъ король Эдуардъ VII, а въ особенности со времени образования англо-французской entente cordiale (въ 1904 году), для Вильгельма II, повидимому, стало ясно, что къ дѣлу нужно попытаться подойти инымъ путемъ. Нужно заключить сначала тайно формальный договоръ съ Россіей, а ужъ затѣмъ внезапно поставить правительство французской республики предъ совершившимся фактомъ. Тогда Франціи нужно будетъ либо немедленно примкнуть къ уже создавшейся комбинаціи, — и континентальный союзъ противъ Англій будетъ на лицо, — либо разорвать франко-русскій союзъ и считатьъ съ близкою перспективою германскаго нападенія. Императоръ имѣлъ всѣ основанія рассчитывать на то, что Франція выберетъ первый исходъ.

Что Вильгельмъ II усматривалъ 99 процентовъ успѣха всей комбинаціи именно въ соблюденіи строжайшей предварительной тайны, — это весьма помято. Что русскій императоръ, союзникъ Франціи, съ готовностью на это пошелъ, что тайный договоръ между двумя монархами былъ подписанъ безъ вѣдома Франціи, съ которой у Николая продолжали сохраняться наисердечнѣйшія отношенія, что этотъ тайный договоръ дѣлалъ Германію госпожею положенія въ Европѣ и прочно отдавалъ въ ея руки Россію, это, конечно, было результатомъ, которымъ германскій императоръ былъ вправѣ гордиться. Правда, обстоятельства сложились такъ, что оказалось болѣе цѣлесообразнымъ использовать этотъ договоръ нѣсколько иначе, чѣмъ предполагалось; онъ не былъ внезапно предъявленъ Франціи съ требованіемъ примкнуть къ комбинаціи. Но, все равно, фактически франко-русскій союзъ съ этого времени на нѣсколько лѣтъ прекратилъ свое существованіе. Что получила Россія отъ этого тайнаго дѣянія ея монарха? Рѣшительно ничего; напротивъ, этотъ договоръ дипломатически завершилъ то, что путемъ войны начала Японія: вывелъ Россію изъ строя державъ, съ интересами которыхъ нужно считаться. Если бы Россія тогда открыто порвала съ Франціей и вступила въ союзъ съ Германіей въ 1904—5 г.г., это имѣло бы много невыгодъ и нѣкоторыя выгоды; но вступать въ договоръ тайный значило получить только ущербъ, ужъ безъ всякихъ возможныхъ выгодъ. Именно это и было сдѣлано императоромъ Николаемъ II.

Таково главное дѣло, къ которому стремился Вильгельмъ II въ эти годы. Конечно, переписка занята вовсе не только этимъ однимъ. Между монархами существовали еще тѣ дружескія личныя отношенія, которыя ни для кого не были секретомъ. „Дядя Альбертъ“, „дядя Бертъ“ (т. е. король Эдуардъ VII), родственникъ обоихъ корреспондентовъ, поминается императоромъ Вильгельмомъ въ уважительномъ тонѣ; императоръ (въ телеграммѣ № 1) даже высказываетъ увѣренность въ его миролюбіи. Но уже съ 1906 года тонъ Вильгельма становится все болѣе сухимъ: вліяніе



короля на русское правительство дѣлается все замѣтнѣе. Печатаемая англійскій текстъ телеграммъ<sup>1)</sup>, я ограничусь здѣсь указаніями на тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ сколько-нибудь существенный интересъ.

Пачка, находящаяся въ моемъ распоряженіи, начинается телеграммою изъ Кіля, отъ 16 іюня 1904 года; дѣло было въ разгаръ русско-японской войны, и германскій императоръ не устаетъ расточать соболѣзнованія, поздравленія, совѣты. Николай благодарить, поясняетъ и снова благодарить. Бѣгло упоминаетъ (№ 3, 21 іюня 1904 г.) о договорѣ, подписанномъ Витте и канцлеромъ Бюловымъ, — томъ самомъ торговомъ договорѣ, который на десять лѣтъ значительно закабалилъ Россію, и выражаетъ по этому поводу надежду, что Вильгельму пріятно крейсировать (тотъ, по обыкновенію, въ это время совершалъ на своей яхтѣ прогулку по Сѣверному морю). Но Вильгельмъ говоритъ совсѣмъ инымъ тономъ, когда интересы его страны сколько-нибудь затронуты: „русскій пароходъ, назвавшійся крейсеромъ „Смоленскомъ“, остановилъ пароходъ германскаго Ллойда „Принцъ Генрихъ“ и отобралъ всѣ почтовые тюки, содержавшіе корреспонденцію въ Японію. Этотъ актъ, нарушеніе международнаго права, вызоветъ большое удивленіе и раздраженіе въ Германіи. Принимая во вниманіе дружественныя чувства, обнаруживаемыя нашею страной по отношенію къ Россіи, въ случаѣ повторенія, я боюсь, что это посодѣйствуетъ значительно уменьшенію симпатіи, которую еще питаетъ Германія къ Вашей странѣ“. Николай извиняется. Но проходитъ еще нѣсколько дней, русскій крейсеръ захватываетъ нѣмецкій пароходъ „Скандію“, и Вильгельмъ уже рѣзко требуетъ прекращенія этихъ случаевъ, говоритъ о „пиратствѣ“ и грозитъ „международными осложненіями“. Даже подписывается не „Вилли“, какъ всегда, а строго: „Вильгельмъ“. Николай опять извиняется. Очень интересна телеграмма Вильгельма отъ 8 октября 1904 г. (№ 10). Вильгельмъ выражаетъ надежду, что запертый въ Портъ-Артуръ русскій флотъ нападетъ на японскій флотъ и, хотя самъ можетъ и погибнуть, но такъ ослабитъ врага, что подготовитъ этимъ „побѣдоносный успѣхъ“ Балтійскаго флота, который, прійдя въ восточныя воды, „легко“ одержитъ успѣхъ надъ японцами. „Тогда власть надъ моремъ вернется къ вамъ, — и японскія сухопутныя силы — въ вашихъ рукахъ; тогда вы возглашаете: „общее наступленіе“ вашей арміи, — и врагъ — hallali!“ ... Что это такое? Германскій императоръ всегда былъ окруженъ морскими специалистами и отлично былъ осведомленъ о всѣхъ условіяхъ дальневосточной войны. Не будемъ же оскорблять его воинской репутаціи предположеніемъ, что онъ могъ искренно вѣрить въ успѣхъ этого плана побѣды надъ японцами.

---

1) См. приложение.

Вполнѣ естественно также, что императоръ Вильгельмъ слышать ничего не хочетъ о преждевременномъ мирѣ Россіи съ Японіей: столь дорога ему честь Россіи! Извѣщая Николая о дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ касательно японскихъ попытокъ начать мирные переговоры, онъ пишетъ (8 октября 1904 г., № 11): „это показываетъ, что Японія приближается къ предѣлу своихъ силъ въ людяхъ и деньгахъ... Насколько я знаю ваши идеи о дальнѣйшемъ развитіи войны, — и еще послѣ тяжкихъ неудачъ — вы, конечно, никогда не приложите руки къ подобному дѣлу“... Императоръ Николай спѣшитъ успокоить своего друга: „Вы можете быть увѣрены, что Россія будетъ въ этой войнѣ сражаться до конца, и пока послѣдній японецъ не будетъ изгнанъ изъ Манчжуриі... Сердечно благодарю за вашу лояльную дружбу, которой я вѣрю больше всего“ (№ 12).

Отправкою эскадры Рождественскаго германскій императоръ чрезвычайно интересовался, и даже сдѣлалъ попытку на этой почвѣ сразу, безъ всякихъ тайныхъ договоровъ, оторвать Францію отъ Англии. Рѣчь шла о протестѣ Японіи и Англии противъ снабженія углемъ русской эскадры во время слѣдованія ея на востокъ. Вильгельмъ предлагаетъ Николаю „напомнить Вашей союзницѣ Франціи“ объ ея обязательствахъ предъ Россіей, если же она попытается уклониться отъ дѣла снабженія русской эскадры углемъ въ своихъ портахъ, то онъ, Вильгельмъ, согласенъ съ своей стороны пригрозить: „Хотя Делькассе ярый англофилъ (an anglophile engagé), но онъ будетъ достаточно благоразуменъ, чтобы понять, что британскій флотъ совершенно неспособенъ спасти Парижъ“. И такимъ-то образомъ и „образуется могущественная комбинація изъ трехъ сильнѣйшихъ континентальныхъ державъ“.

Онъ простираетъ при этомъ свою заботливость о русскихъ интересахъ до того, что снова напоминаетъ о необходимости выстроить нѣсколько новыхъ линейныхъ судовъ, чтобы къ моменту окончанія войны располагать значительными силами: „наши частныя фирмы были бы очень рады получить заказы... Увѣряю васъ въ моей абсолютной лояльности. Привѣтъ съ любовью Алисъ. Вилли“. Какъ разъ подоспѣлъ инцидентъ съ случайною стрѣльбою русской эскадры въ гульскихъ рыбаковъ (въ Доггербанкѣ), — и Николай рѣшительно становится на точку зрѣнія Вильгельма: нужно образовать германо-русское соглашеніе, а когда оно состоится, „Франція обязана будетъ присоединиться къ своей союзницѣ“. „Эта комбинація“, признается онъ: „часто приходила мнѣ въ голову, она означаетъ миръ и спокойствіе для свѣта. Привѣтъ съ любовью отъ Алисы. Ники“ (№ 14). Нечего и говорить, что германскій императоръ тотчасъ же отправилъ Николаю проектъ договора. Одновременно, онъ по мѣрѣ силъ раздуваетъ гульскій инцидентъ (передаетъ слухи, будто среди рыбацкой флотиліи находился таинственный „чужой пароходъ“, слѣдовательно „тамъ была не чистая игра“, foul play); сообщаетъ о гото-

вящейся будто-бы экспедиціи англичанъ въ Афганистанъ; укоризненно говорить о стремленіяхъ, замѣчающихся во Франціи и Англіи, поскорѣе прекратить русско-японскую войну; снова увѣрять Николая, что кадры японскихъ войскъ близки къ истощенію и т. д. Вильгельмъ узналъ, между прочимъ, что Англія даже не прочь дать Россіи компенсацію въ Персіи за потерю Манджурии; но онъ предостерегаетъ русскаго императора, чтобы тотъ не поддавался на это, ибо все равно Англія не подпуститъ Россію къ теплому морю (№ 17). Онъ, напротивъ, старается вдохнуть въ своего корреспондента военный энтузіазмъ. Все это писалось въ ноябрѣ 1904 года, наканунѣ паденія Портъ-Артура, когда еще можно было, въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ войны безъ крупнаго ущерба. Во всякомъ случаѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ Мукдена, ни о какихъ персидскихъ компенсаціяхъ уже и слуха не могло возникнуть.

Между тѣмъ дѣло съ тайнымъ договоромъ, о которомъ съ такимъ жаромъ писалъ Николай еще 16 октября, — задержалось. Русскаго императора взяло, повидимому, сомнѣніе насчетъ того, какъ поведетъ себя Франція, когда ей предъявятъ этотъ сюрпризъ. И вотъ, 10 ноября 1904 г., онъ вдругъ спрашиваетъ Вильгельма, не лучше-ли, трежде чѣмъ подписать договоръ, все-таки показать его французамъ? А иначе, вѣдь, „покажется, будто мы хотимъ навязать силою этотъ договоръ Франціи“.

Но, вѣдь, все дѣло было именно въ этомъ! Вильгельмъ совершенно справедливо полагалъ, что Франція ни за что не согласится на подписаніе подобнаго договора, если у нея спросятъ заблаговременно ея мнѣнія. Весь успѣхъ затѣяннаго предпріятія покоился на строжайшей предварительной тайнѣ и потому на внезапно предъявленномъ требованіи къ французскому правительству примкнуть къ договору. Императоръ Вильгельмъ спѣшитъ сообщить Николаю II „твердое свое убѣжденіе, что было бы абсолютно опасно увѣдомлять Францію“, пока они оба не подписали договора. „Это имѣло бы діаметрально противоположное нашимъ желаніямъ дѣйствіе“. Онъ обстоятельно поясняетъ свою мысль. Только абсолютная увѣренность въ томъ, что Вильгельмъ и Николай уже связаны обѣщаніемъ взаимной помощи, можетъ заставить французозъ удержатъ Англію отъ рѣшительныхъ шаговъ. „Если же Франція будетъ знать, что русско-германскій договоръ только въ проектѣ, но еще не подписанъ, то она немедленно увѣдомитъ объ этомъ своего друга, если не тайнаго союзника, Англію, съ которою она связана „entente cordiale“... „Послѣдствіемъ такого увѣдомленія, несомнѣнно, явится нападеніе двухъ союзныхъ державъ Англіи и Японіи на Германію какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Ихъ огромное морское превосходство быстро справится съ моимъ небольшимъ флотомъ, и Германія временно будетъ преодолѣна“. А это нарушитъ міровое равновѣсіе къ ущербу и для Германіи, и для

Россіи, ибо тогда, къ моменту окончанія русско-японской войны, Россія останется безъ поддержки лицомъ къ лицу съ Японіей и ея „торжествующими друзьями“.

Итакъ, „предварительное увѣдомленіе Франціи поведетъ къ катастрофѣ“! Вильгельмъ согласенъ ужъ лучше вовсе оставить это дѣло, — и молчать о всѣхъ этихъ переговорахъ. Дальше въ телеграммахъ упоминается о письмѣ императора Николая къ Вильгельму, о бесѣдѣ германскаго императора съ Шебеко, — но ни письма, ни содержанія бесѣды мы не знаемъ. Повидимому, императоръ Николай опять сталъ обнаруживать колебанія, но на этотъ разъ уже въ сторону, благоприятную подписанію тайнаго договора. 27 ноября (1904 г.) германскій императоръ телеграфируетъ, что времени больше терять нельзя, и снова настойчиво подчеркиваетъ, что никакая третья держава не должна услышать „даже шопота“ объ этихъ намѣреніяхъ, пока не будетъ подписана конвенція между обѣими державами касательно снабженія углемъ русской эскадры. Императоръ Вильгельмъ внушительно прибавляетъ, что послѣдствія разглашенія могутъ быть очень опасными, и что онъ вполне надѣется на лояльность Николая. Царь совершенно съ этимъ согласился.

Затѣмъ въ нашей пакѣ телеграммъ — большой незаполненный промежутокъ — отъ 29 ноября (12 декабря) 1904 года до 1 февраля 1905 года: ни одной телеграммы за все это время въ нашемъ распоряженіи пока не имѣется, — да и въ телеграммѣ отъ 1 февраля находимъ лишь указаніе на трудности въ снабженіи углемъ эскадры Рождественскаго, идущей на Дальній востокъ. Любопытна телеграмма отъ 26 мая, въ которой Николай II увѣдомляетъ германскаго императора о визитѣ американскаго посла Мейера (относительно прелиминарныхъ переговоровъ о мирѣ), причемъ русскій императоръ упоминаетъ о полученномъ отъ Вильгельма письмѣ съ аналогичными предложеніями.

Нѣсколько телеграммъ (въ іюль 1905 года) относятся къ надѣлавшей въ свое время много шума неожиданной для всей Европы встрѣчѣ обоихъ монарховъ въ Бьоркезундѣ. Нужно только вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ произошло это достопамятное свиданіе. Вильгельмъ II съ весны 1905 года вель опредѣленно враждебную дипломатическую кампанію противъ Франціи. Его путешествіе въ Танжеръ, демонстративное провозглашеніе нерушимого суверенитета марокккаго султана, угрозы въ офиціозной печати германской имперіи, — все это заставило кабинетъ Рувье пожертвовать министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассе, который имѣлъ репутацію рѣшительнаго врага Германіи. Втеченіе всего мая и іюня 1905 г. надъ Франціею и ея столицею виталъ призракъ возможнаго нападенія со стороны Германіи. Уступивши предъ неожиданною угрозою, французское правительство дѣятельно готовилось къ дипломатическому отстаиванію своихъ мароккскихъ позицій; и вотъ, въ этотъ чрезвычайно хлопотливый моментъ еще далеко неулегшейся тревоги, во Франціи

съ изумленіемъ узнали о томъ, что Николай II отправился на личное свиданіе съ германскимъ императоромъ, крейсировавшимъ у входа въ Финскій заливъ. Ничего успокаивающаго въ этомъ извѣстїи для Франціи не было. Толки о фактическомъ распаденїи франко-русскаго союза распространились по всѣмъ европейскимъ канцеляріямъ: до такой степени этотъ визитъ казался непонятнымъ.

Наши телеграммы рисуютъ дѣло такъ: инициатива свиданія исходила отъ Вильгельма, пожелавшаго вдругъ „явиться, какъ простой туристъ“ къ царю. Но ясно и то, что Николай принялъ это предложеніе съ полнымъ восторгомъ. Онъ самъ выбралъ мѣстомъ свиданія Бьоркезундъ, такъ какъ „въ эти серьезныя времена“ не желалъ удаляться отъ столицы. Оба монарха предупредили другъ друга, что держать все дѣло въ полной тайнѣ (Вильгельмъ не сказалъ рѣшительно никому, кромѣ командира своей яхты). Очевидно, опять можно было опасаться помѣхъ и неприятныхъ представленій со стороны Франціи. Германскій императоръ напередъ заявлялъ царю, что имѣетъ для него „весьма важныя новости“.

О чемъ говорили монархи въ Бьорке, — это до сихъ поръ остается ихъ тайною. Среди безчисленныхъ догадокъ, заполнявшихъ втеченіе всего іюля 1905 года европейскую прессу, довольно настойчиво распространялась версія о тѣхъ совѣтахъ касательно русскихъ внутреннихъ дѣлъ, какіе будто бы далъ Вильгельмъ Николаю во время этого свиданія. Повидимому, эта версія правильна. По крайней мѣрѣ, въ первомъ же телеграфномъ привѣтствїи, которое германскій императоръ послалъ русскому послѣ того, какъ они разстались (<sup>16/29</sup> іюля 1905 г.), Вильгельмъ выражаетъ весьма опредѣленно свое мнѣніе по наиболѣе жгучему вопросу тогдашней русской дѣйствительности: рѣчь идетъ о Булыгинскомъ проектѣ Государственной думы.

И вотъ, мы должны совершенно безпристрастно признать, что на этотъ разъ вліяніе, которое пытался оказать Вильгельмъ на колеблющуюся волю своего корреспондента, было вовсе не реакционнымъ. Германскій императоръ зрѣло обдумалъ вопросъ и далъ весьма разумный совѣтъ, исходя, конечно, изъ стремленія содѣйствовать консолидаціи монархическаго принципа въ Россїи, но при этомъ обнаруживая вполне государственное пониманіе невозможности спасти этотъ принципъ одною только щедростью въ расходованїи патроновъ. „Вы получите отъ меня письмо сегодня. Я смѣю совѣтовать обнародовать Булыгинскій проектъ какъ можно скорѣе, такимъ образомъ, чтобы представители русскаго народа были скоро избраны. Пока это будетъ происходить, откроется мирная конференція, и условія станутъ извѣсны обѣимъ сторонамъ. При томъ настроенїи, какое сейчасъ преобладаетъ въ Россїи, раздраженныя массы возложить всю отвѣтственность за всѣ невыгодныя послѣдствїя (мира) на ваши плечи, а всякій успѣхъ сочтутъ результатомъ личныхъ дѣйствій Витте.

Было бы превосходно, если бы въ видѣ первой работы вы бы дали этимъ представителямъ на голосованіе мирный договоръ, послѣ того, какъ онъ будетъ формулированъ, — такимъ образомъ возлагая одиш за рѣшеніе на страну и предоставляя русскому народу голосъ въ вопросѣ его собственной судьбы, чего онъ такъ сильно хочетъ. Результатъ (въ такомъ случаѣ) былъ бы его дѣломъ и, слѣдовательно, былъ бы заткнуть ротъ оппозиціи (would... stop the mouths of the opposition). Привѣтъ съ любовью Алисъ“.

Это — необычайно характерное письмо. Въ немъ — весь Вильгельмъ. Тутъ и вполнѣ искреннее желаніе указать носителю монархической власти разумный выходъ изъ труднаго положенія, и вѣрное пониманіе натуры корреспондента, на котораго лучше всего повліять, указывая ему на непосредственныя личныя выгоды отъ народнаго представительства, и ревнивая, чисто монархическая индивидуальность, даже вчужѣ не желающая, чтобы подданный (Витте) затмилъ собою своего государя.

Но далеко не только о булыгинской думѣ шель разговоръ на императорскихъ яхтахъ. Послѣ свиданія въ Бьорке Вильгельмъ уже прямо пишетъ Николаю объ ихъ союзѣ, объ осуществленномъ между нами договорѣ. Германскій императоръ въ это лѣто много носился съ мыслью объ объявленіи Балтійскаго моря „закрытымъ“ для военныхъ флотовъ всѣхъ державъ, кромѣ тѣхъ, берега которыхъ омываются этимъ моремъ. Повидимому, именно въ Бьорке императоръ Николай примкнулъ къ этому плану. Англійское правительство поспѣшило, узнавши объ этихъ предположеніяхъ, послать эскадру именно въ Балтійское море безъ установленныхъ визитовъ и обычныхъ знаковъ официального дружества, и именно послало ее въ Германскія воды. Сообщая объ этомъ Николаю, Вильгельмъ пишетъ: „или Англія встревожена извѣстіемъ о нашей встрѣчѣ, или они желаютъ меня испугать!“ Поѣздка германскаго императора въ Копенгагенъ еще болѣе возбуждала подозрительность англичанъ, такъ какъ послѣ Бьорке этотъ визитъ производилъ впечатлѣніе готовящагося объединенія прибалтійскихъ державъ. Николай, съ своей стороны, находилъ, что визитъ Вильгельма въ Копенгагенъ произошелъ „очень кстати“, и надѣялся, что императоръ „будетъ удовлетворенъ результатомъ своихъ бесѣдъ тамъ“. Вильгельмъ условился съ Николаемъ, что будетъ говорить съ датскимъ королемъ объ ихъ рѣшеніи насчетъ Балтійскаго моря, но нашелъ неудобнымъ заговорить объ этомъ: до такой степени, — сообщаетъ онъ Николаю, — датскій король былъ запуганъ, а общественное мнѣніе Даніи встревожено слухами, сѣявшими недовѣріе къ Вильгельму, и шедшими, главнымъ образомъ, изъ Англіи. „Британскій посоль, объѣдая съ однимъ изъ лицъ моей свиты (one of my gentlemen — фамильярный терминъ для обозначенія святскихъ *E. T.*), прибѣгалъ къ очень рѣзкимъ выраженіямъ противъ меня, обвиняя меня въ гнуснѣйшихъ интригахъ и планахъ и объявляя, что каждый англичанинъ знаетъ и

убѣжденъ, что я работаю для войны съ Англіею и для уничтоженія Англіи. Вы можете себѣ представить, какія вещи можетъ подобный человѣкъ виѣдрить въ умы датской (королевской) фамиліи, двора и народа. Я сдѣлалъ все зависящее, чтобы разсѣять тучу недовѣрія, ведя себя совершенно просто и не дѣлая даже намековъ на серьезную политику; принимая также во вниманіе большое количество каналовъ, идущихъ изъ Копенгагена въ Лондонъ, и вошедшую въ поговорку нескромность датскаго двора, я боялся дать знать что бы то ни было о нашемъ союзѣ, такъ какъ это было бы немедленно сообщено въ Лондонъ,—а это—самая невозможная вещь, пока договоръ долженъ оставаться секретнымъ.

Послѣ долгаго разговора съ Извольскимъ, во всякомъ случаѣ, я могъ добиться, что нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Рабенъ и много вліятельныхъ лицъ уже пришли къ убѣжденію, что въ случаѣ войны и грозящаго нападенія на Балтику со стороны иностранной державы, датчане ожидаютъ,—такъ какъ ихъ беспомощность и неспособность поддержать даже тѣнь нейтралитета при нашествіи очевидны,—что Россія и Германія немедленно предпримуть шаги къ охранѣ своихъ интересовъ, наложивши руку на Данію и занявши ее на время войны. Такъ какъ это явилось бы въ одно и то же время обезпеченіемъ территории и дальнѣйшаго существованія династии и страны, то датчане понемногу подчиняются этой альтернативѣ и настраиваются на этотъ ладъ (and making up their minds accordingly). Такъ какъ это и есть именно то, чего вы желали и на что вы надѣялись, то я подумалъ, что лучше не затрагивать этого предмета (въ разговорѣ) съ датчанами и воздержался отъ какихъ бы то ни было намековъ, такъ какъ лучше дать этой идеѣ развиваться и созрѣвать въ ихъ головахъ, и предоставить имъ самимъ извлекать конечные выводы, такъ что они, по собственной волѣ, подчинятся побужденію положиться на насъ и идти вмѣстѣ съ нашими двумя странами. Все достается тому, кто умѣетъ ждать“ (послѣдняя фраза—по-французски: *Tout vient à qui sait attendre*).

Въ этомъ письмѣ характерно не только категорическое констатированіе существованія союза между обоими императорами, но и строжайше личный характеръ всего предпріятія: Извольскій не знаетъ ни о чемъ, и Вильгельмъ какъ бы хвалится предъ Николаемъ, что ему удалось, работая для ихъ общаго дѣла, раздобыть путемъ „долгаго разговора“ кое-какія важныя данныя отъ Извольскаго! А рѣчь шла не болѣе и не менѣе, какъ о подготовкѣ войны съ Англіей, причемъ Россія должна была бы выступить вмѣстѣ съ Германіей. Очевидно также, что, когда въ Бюрке Вильгельмъ заявилъ о необходимости въ случаѣ войны съ Англіей оккупировать Данію, несмотря на ея нейтралитетъ,—то Николай высказалъ пожеланіе въ такомъ духѣ, что хорошо-бы поговорить предварительно объ этомъ намѣреніи съ датскимъ королемъ. Но Вильгельмъ и тутъ вполне резонно (съ своей точки зрѣнія) пожелалъ сохранить полнѣйшую тайну, рассуждая такъ,

что все равно, при внезапной оккупации Дании, датчане не будут в силах оказать сопротивление; Николая-же онъ успокоилъ соображениями о томъ, что для самихъ же датчанъ, въ сущности, эта оккупация будетъ полезна, и что они якобы „понемногу“ уже сами привыкаютъ къ этой мысли. Мы видимъ, что доктрина „Noth kennt kein Gebot“ предназначалась къ осуществленію первоначально въ Дании, а не въ Бельгіи (ибо въ 1905 году имѣлась въ виду война съ Англіей, а не съ Франціей). Какъ бы затѣмъ, чтобы совершенно успокоить своего корреспондента, его новый, хотя и тайный союзникъ пишетъ ему о старыхъ союзникахъ: „Что вы скажете о программѣ празднествъ въ честь вашихъ союзниковъ въ Коусъ?“ (Рѣчь идетъ о торжественномъ братаніи англійскаго и французскаго флотовъ въ июль 1905 года). „Всѣ крымскіе ветераны приглашены встрѣтиться съ „братьями по оружію“, которые вмѣстѣ съ ними сражались противъ Россіи! Въ самомъ дѣлѣ очень деликатно! Это показываетъ, что я былъ правъ, когда я предупреждалъ васъ два года тому назадъ относительно возобновленія старой „Крымской комбинаціи“... Въ отвѣтъ Николай „горячо благодаритъ за интересныя подробности“ и находитъ, что Вильгельмъ прекрасно сдѣлалъ, что ничего не сообщилъ объ ихъ союзѣ. О датскомъ-же нейтралитетѣ и о томъ, что Вильгельмъ събъ этомъ не говорилъ ни съ кѣмъ,—русскій императоръ не пишетъ вовсе.

Во всякомъ случаѣ, союзъ, хоть и тайный, на лицо, и въ ближайшее время интересы Николая и интересы Вильгельма совпадаютъ. А потому германскій императоръ рѣшительно стоитъ за двѣ мѣры, которыя, какъ онъ правильно и вполне разумно полагаетъ, диктуются прежде всего интересами его друга: за скорѣйшій созывъ Думы и послѣднее окончаніе проигранной войны съ Японіей. „Мой посолъ“, пишетъ онъ 7/20 августа 1905 г., „увѣдомилъ меня только что, что вы приказали опубликовать указъ о созывѣ „Великой Думы“ (sic: „Great Duma“. *E. T.*). Статуты ея, которые должны быть образованы на основаніяхъ, отчасти сходныхъ съ нашимъ Staatsrath'омъ, даютъ ей формы совѣщательнаго учрежденія. Я прошу васъ принять мои самыя горячія поздравленія по поводу этого великаго шага впередъ въ развитіи Россіи. Изъ газетъ я узнаю, что въ общемъ мирные переговоры идутъ удовлетворительно, но что есть нѣкоторые пункты, которые представляютъ кое-какія трудности для соглашенія. Прежде чѣмъ вы примете ваше окончательное рѣшеніе относительно мира или продолженія войны,—послѣднее будетъ имѣть далеко идущія послѣдствія, которыя трудно предвидѣть до послѣдняго ихъ результата, и будетъ стоить безграничнаго количества жизней, крови и денегъ,—мнѣ бы представлялось превосходнымъ образомъ дѣйствій, если бы вы подвергли этотъ вопросъ предварительному обсужденію Великой Думы. Такъ какъ она представляетъ русскій народъ, то ея отвѣтъ былъ бы голосомъ Россіи. Рѣшилъ бы онъ въ пользу мира,—вы были бы уполномочены націей заключить миръ на осно-



вани предложеній, сдѣланныхъ вашимъ делегатамъ въ Вашингтонѣ; и если Россія сама считаетъ, такимъ образомъ, что ея честь не потерпѣла ущерба, то вы можете вложить вашъ мечъ въ ножны со словами Франциска I: *tout est perdu fors l'honneur*. Никто въ вашей арміи или странѣ или въ остальномъ свѣтѣ не имѣетъ права порицать васъ за этотъ актъ. Если съ другой стороны Дума сочтетъ, что предложеніе неприемлемо, а японское правительство откажется вести переговоры на другихъ основаніяхъ, тогда опять-таки это Россія устами Думы приглашаетъ васъ, своего императора, продолжать борьбу, беря такимъ образомъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія на себя самое и защищая васъ разъ навсегда предъ свѣтомъ и предъ исторіею въ будущемъ отъ упрека, что вы пожертвовали тысячами сыновъ Россіи, не спротививши страну, или даже противъ ея желанія. Это послужитъ большимъ стимуломъ и придастъ силу вашимъ личнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ вы почувствуете, что воля всего вашего народа васъ толкнула на рѣшеніе бороться до рокового конца, не обращая вниманія на время, потери и лишенія, что является единственнымъ возможнымъ образомъ дѣйствій, если нужно продолжать войну. Я бы на вашемъ мѣстѣ не пропустилъ этого перваго и лучшаго случая войти въ тѣсное общеніе съ чувствами и желаніями вашей страны относительно мира или войны, давая русскому народу давно желанную возможность рѣшить—или принять участіе въ рѣшеніи своего будущаго, на что онъ имѣетъ положительное право, и предоставляя Думѣ прекрасный случай немедленно начать работать и показать, что она способна сдѣлать, и достойна-ли она тѣхъ ожиданій, которыя всѣ возлагаютъ на нее. Рѣшенія, которыя приходится принять, такъ страшно серьезны въ своихъ послѣдствіяхъ и такъ далеко идутъ, что совѣмъ невозможно для какого либо смертнаго государя брать отвѣтственность за нихъ только на одни свои собственные плечи, безъ помощи со стороны своего народа! Да будетъ Господь съ вами! Не забывайте очередного производства по гвардіи. Вилли“.

Отвѣтъ Николая не менѣе любопытенъ, чѣмъ эта телеграмма Вильгельма. Конечно, онъ обидѣлся: „*Il déteste les conseils*“, сказалъ о немъ одинъ хорошо его знающій французскій политическій дѣятель. Повидимому, ему особенно не понравилось, что Вильгельмъ придаетъ такое серьезное значеніе Думѣ, и что онъ хочетъ, чтобы царь раздѣлилъ съ нею свою отвѣтственность. Во-первыхъ, Николай не сразу отвѣтилъ, (что и мотивируетъ участіемъ на маневрахъ въ Красномъ Селѣ); во-вторыхъ, пишетъ: „интересъ, съ которымъ вы относитесь къ будущему созыву Думы, доставляетъ мнѣ большое удовольствіе“, и тутъ же подчеркиваетъ, что это учрежденіе — чисто совѣщательное: „Я вѣрю, что лояльность и здравый смыслъ моего народа серьезно помогутъ въ этомъ совѣщательномъ учрежденіи развитію Россіи“. Что касается мира, то онъ невозможенъ, если японцы будутъ настаивать на полученіи хотя бы одного вершка русской территоріи или одного рубля

контрибуціи. Личной отвѣтственности онъ, Николай, ничуть не боится. „Вы знаете, какъ я ненавижу кровопролитіе, но все же оно предпочтительнѣе позорнаго мира, когда вѣра человѣка въ себя, въ свое отечество — разбивается въ куски. Можетъ быть, завтра вопросъ будетъ рѣшенъ. Я готовъ принять всю отвѣтственность на себя самого, такъ какъ моя совѣсть чиста, и я знаю, что большая масса моего народа стоитъ за мною. Я прекрасно освѣдомленъ объ огромной серьезности момента, который переживаю, но я не могу дѣйствовать иначе. Благодарю васъ за участіе, которое вы принимаете въ моихъ тревогахъ. Привѣтъ съ любовью отъ Алисы. Ники“. Но, вотъ, Вильгельмъ узнаетъ о состоявшемся прелиминарномъ соглашеніи между японскими и русскими представителями. „Я выражаю самая сердечныя свои поздравленія, что найдено рѣшеніе, позволяющее Россіи выйти изъ войны съ полною честью, и которое во всѣхъ отношеніяхъ воздастъ должную дань храбрости вашей арміи и вашему постоянству въ отстаиваніи правъ и національной чести Россіи. Я слышалъ, что Японія уступила всѣмъ вашимъ требованіямъ. Президентъ Рузвельтъ, — я слышалъ, — дѣлалъ почти сверхчеловѣческія усилія, чтобы побудить Японію уступить. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ великое дѣло для вашей страны и для всего свѣта, тѣмъ болѣе, что, какъ я слышалъ отъ него, Англія положительно отказалась пошевелить пальцемъ, чтобы помочь ему побудить ея союзниковъ японцевъ уступить его предложеніямъ. Еще разъ — искреннѣйшее поздравленіе. Я радъ, что оказался способенъ быть вамъ кое-въ-чемъ полезнымъ въ это время. Привѣтъ съ любовью Алисъ“.

Когда Витте возвращался изъ Портсмута, Вильгельмъ просилъ Николая, чтобы тотъ разрѣшилъ ему посѣтить проѣздомъ Берлинъ, такъ какъ германскій императоръ намѣренъ былъ наградить его орденомъ за торговый договоръ Россіи съ Германіей. Царь согласился. За два дня до ожидаемаго пріѣзда Витте, 11/24 сентября 1905 г., Вильгельмъ спрашиваетъ царя (о Витте): „Освѣдомленъ ли онъ о нашемъ договорѣ? Могу ли я сказать ему объ этомъ, если онъ не освѣдомленъ?“ Николай отвѣтилъ: „До сихъ поръ освѣдомлены относительно договора вел. кн. Николай, военный министръ, начальникъ генеральнаго штаба и Ламсдорфъ. Ничего не имѣю противъ того, чтобы Вы сказали о немъ Витте“. Рѣчь идетъ о тайномъ „союзномъ“ договорѣ, заключенномъ лично между обоими монархами. Характерно, что до подписанія этого тайнаго договора Вильгельмъ настаивалъ на строжайшемъ секретѣ, а Николай предлагалъ подѣлиться этою тайною (съ французами); послѣ подписанія, — и когда для германскаго императора стало уже ясно, что царь не хочетъ этотъ договоръ пустить внезапно въ ходъ для давленія на Францію, Вильгельмъ, очевидно, пришелъ къ заключенію, что, если такъ, то все же хоть какая нибудь польза отъ тайной сдѣлки можетъ быть реализована только, если объ ея существованіи будетъ кое-кто знать.

Что касается Николая, то послѣ окончанія войны, когда онъ уже нѣсколько менѣе нуждался въ Вильгельмѣ, онъ какъ будто сталъ задумываться относительно того, что скажутъ французы, когда узнаютъ объ его новомъ, тайномъ союзѣ съ германскимъ императоромъ? По крайней мѣрѣ 29 сентября 1905 г. Вильгельмъ считаетъ своевременнымъ отправить Николаю длинную телеграмму, въ которой дѣлаетъ всѣ усилія, дабы умиротворить слишкомъ чуткую совѣсть своего друга. Оказывается, что выработка условеннаго въ Бьорке договора нисколько не противорѣчитъ франко-русскому союзу, „конечно, если только онъ не направленъ прямо противъ“ Германіи. „Съ другой стороны, обязательства Россіи относительно Франціи могутъ идти лишь настолько далеко, насколько Франція заслуживаетъ этого своимъ поведеніемъ“. А между тѣмъ, оказывается, что Франція, по авторитетному мнѣнію германскаго императора, не заслужила, чтобы Николай считался съ нею! Она оставила Россію въ трудную минуту, „въ то время какъ Германія помогала вамъ всѣми путями, насколько это было возможно безъ нарушенія законовъ нейтралитета. Это морально тоже налагаетъ на Россію обязательства относительно насъ: *do ut des*“. Кромѣ того, Франція желала „среди мира“ внезапно напасть на Германію, соединившись съ Англіей. И когда? Какъ разъ, когда Вильгельмъ изо всѣхъ силъ старался помочь Россіи, союзницѣ Франціи! „Это—экспериментъ, который она не должна болѣе повторять, и противъ повторенія коего—я долженъ ждать—вы защитите меня. Я вполне съ вами согласенъ, что побудить Францію присоединиться къ намъ обоимъ будетъ стоить времени, труда и терпѣнія, но разумные люди въ будущемъ сьумѣютъ заставить себя выслушать и почувствовать“. Во всякомъ случаѣ, уже и сейчасъ этотъ тайный бьоркезундскій договоръ приноситъ благіе результаты, Франція, и не зная о немъ, его чувствуетъ: „Наше мароккское дѣло улажено къ полному удовлетворенію, такъ что расчищена атмосфера для лучшаго соглашенія между нами“. Словомъ, договоръ въ Бьорке столь хорошъ, что императоръ Вильгельмъ поминаетъ даже имя Господне по его поводу: „Нашъ договоръ—очень хорошая основа для того, чтобы на немъ строить (дальше). Мы соединили наши руки и подписали его предъ Богомъ, который слышалъ наши обѣты“. Вильгельмъ призываетъ за Николаемъ право внести извѣстныя измѣненія или оговорки (напр., въ случаѣ абсолютнаго отказа Франціи прикнуть къ договору), но пока эти оговорки не представлены Николаемъ и не приняты Вильгельмомъ, до той поры, — настойчиво подчеркиваетъ германскій императоръ, — договоръ долженъ соблюдаться. А между тѣмъ, „вся ваша вліятельная пресса — „Новое Время“, „Русь“ и др. уже двѣ недѣли какъ стали рѣзко анти-германскими и англофильскими (*pro-british*). Отчасти, онѣ подкуплены большими суммами англійскихъ денегъ, несомнѣнно“. Во всякомъ случаѣ, это тягостно дѣйствуетъ на германскій народъ. Вообще, времена стоятъ неспокойныя, нужно ясно выбрать

линію поведенія. И снова увѣренія, что договоръ не противорѣчить, въ сущности, франко-русскому союзу: „Что подписано, то подписано! И Богъ — свидѣтель!“ Обычный best love Алисъ заканчиваетъ эту телеграмму.

Дѣло было не только въ газетныхъ статьяхъ, — и уже съ октября 1905 г. Вильгельмъ какъ будто начинаетъ замѣчать признаки начинающагося англо-русскаго сближенія. Подозрительнымъ окомъ слѣдитъ онъ за поѣздкою Бенкендорфа изъ Лондона въ Данію—по вызову находившейся тамъ Маріи Феодоровны. Всюду императоръ видитъ руку „великаго творца злыхъ козней“, the great mischiefmaker, т. е. дяди Берти, какъ его называютъ переписывающіеся любящіе родственники: англійскій король Эдуардъ VII начинаетъ своею тѣнью закрывать предъ Вильгельмомъ чуть не пол-горизонта.

Николай старается увѣрить императора, что на него, царя, „ничто не въ состояніи повліять, кромѣ интереса безопасности и чести его страны“, увѣряетъ, что Бенкендорфъ „лояльный подданный и дѣйствительный джентльменъ“ и не можетъ никогда пойти ни на какія интриги. Вильгельмъ сообщаетъ царю о „разоблаченіяхъ Делькассе“ (т. е., конечно, о появившихся въ газетахъ извѣстіяхъ, что Делькассе получилъ въ бытность свою министромъ обѣщаніе Англій проиизвести высадку на континентъ въ случаѣ войны между Германіей и Франціей). Николай, съ своей стороны, политично указываетъ на отрицательное вліяніе газетныхъ интервью Бюлова (вѣроятно, тутъ намекъ на вдохновляемую тогда канцлеромъ Бюловымъ газетную компанію относительно Франціи, какъ „заложницы“ Англій: канцлеръ заявилъ, что войны Германіи съ Англійей одинъ на одинъ—не будетъ, ибо въ такой войнѣ Германія ничего не можетъ выиграть, — если же Англія нападетъ на Германію, то Германія нападетъ на Францію, и на сушѣ обильно вознаградитъ себя за всѣ потери на морѣ). Вообще, полемика начинается все болѣе проглядывать въ телеграфной перепискѣ императоровъ. Николай что-то очевидно писалъ Вильгельму о Таттенбахѣ (германскомъ представителѣ въ Марокко, очень рѣзко боровшемся противъ французскаго вліянія въ этой странѣ). Вильгельмъ отвѣчаетъ (въ ноябрѣ 1905 г.), что свѣдѣнія Николая о Таттенбахѣ — неточны. Удостоверяя, что изъза Марокко не нужно тревожиться, Вильгельмъ въ то же время обращаетъ вниманіе царя на опасность предпринимаемой Франціей и Англією морской демонстраціи противъ Турціи, ибо это раздражитъ мусульманскій міръ, — и опять съ порицаніемъ напоминаетъ о „крымской комбинаціи“, т. е. объ англо-французской entente. Спустя нѣсколько дней, 19 ноября, Николай, благодаря за письмо (пока до насъ не дошедшее), считаетъ долгомъ телеграфировать: „нашъ союзъ съ Франціей—оборонительный“, и говоритъ дальше о какой то посылаемой имъ деклараціи, которая должна остаться въ силѣ, пока Франція не приметъ „нашего новаго соглашенія“. Въ чемъ тутъ дѣло — неясно, пока у насъ

нѣтъ дополнительныхъ документовъ и, прежде всего, писемъ обоихъ монарховъ, которыми они обмѣнивались въ эти же дни. Телеграмма кончается увѣреніемъ, что Николай сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы довести мароккскую конференцію до выработки общаго соглашенія. На этомъ обрывается имѣющаяся у насъ телеграфная переписка 1905 года.

Телеграммы, относящіяся къ 1906 году, и немногочисленны, и сравнительно не столь значительны по своему содержанію, какъ депеши 1904 и 1905 гг. Да и общій духъ и тонъ корреспонденціи какой-то другой. Ласковыя послѣднія строчки, *best loves* Алисъ и т. п. — остались, а самая душа дружбы куда-то испарилась. Есть коротенькія увѣдомленьца, — нѣтъ прежнихъ интимныхъ разговоровъ и совѣтовъ. Наиболѣе ранняя дата пачки 1906 года — 10 іюня. Увѣдомляя Вильгельма объ отставкѣ Ламсдорфа и замѣнѣ его Извольскимъ, царь считаетъ долгомъ извиниться, что долженъ пользоваться услугами Извольскаго не въ Берлинѣ, въ качествѣ посла, а въ Петербургѣ, въ качествѣ министра. Вильгельмъ успокаиваетъ его: онъ, Вильгельмъ, хорошо понимаетъ резоны царя. Это любопытно, если принять во вниманіе болѣе позднія чувства рѣшительной вражды и антипатіи, которыя питалъ и питаетъ въ настоящее время германскій императоръ къ Извольскому. О роспускѣ первой Государственной Думы Николай впервые сообщилъ Вильгельму лишь за четыре Дня до самого событія, 6 іюля 1906 года, и то только вслѣдствіе необходимости мотивировать отѣну своего обѣщаннаго визита. „Вы знаете“, пишетъ онъ: „какъ я ждалъ нашей встрѣчи въ первые дни августа. Но дѣла оборачиваются такъ серьезно, что я рѣшилъ въ непродолжительномъ времени разогнать (to disband) Думу. Я увѣренъ, вы поймете, что при такихъ обстоятельствахъ я не могу покинуть мою страну. Съ искреннимъ сожалѣніемъ я долженъ отложить свой визитъ къ вашимъ берегамъ на нѣкоторое время. Невольная отсрочка еще увеличиваетъ мое нетерпѣніе видѣть васъ. Привѣтъ съ любовью отъ насъ обоихъ.“ Вильгельмъ отвѣтилъ на другой же день, 7 іюля: „Я глубоко скорблю, что мы не можемъ встрѣтиться, но вполне понимаю причины, которыя препятствуютъ вамъ покинуть вашу страну въ этотъ моментъ. Я горячо надѣюсь, что мы сможемъ встрѣтиться позже, въ болѣе спокойныя времена. Да будетъ съ вами Богъ и да хранитъ онъ васъ. Привѣтъ съ любовью Алисъ. Вилли“. Въ послѣдней строкѣ какъ будто — намекъ на безпокойство за Николая, стоявшаго тогда предъ однимъ изъ самыхъ роковыхъ рѣшеній своей политической жизни. Но, такъ какъ Вильгельма не спрашиваютъ, что онъ думаетъ о предстоящемъ роспускѣ Думы, то онъ и не считаетъ, очевидно, умѣстнымъ хоть одно слово сказать по этому поводу. Точно такъ же сдержанно, лаконично и строго официально звучитъ и телеграмма Вильгельма (отъ  $\frac{3}{16}$  августа 1906 г.) о визитѣ англійскаго короля и отвѣтъ Николая по этому поводу. Первый находить, что дружескія отношенія между Германіей и

Англіей благодѣтельны не только для этихъ двухъ странъ, но и для всего міра,—второй совершенно съ этимъ мнѣніемъ согласенъ; и оба удѣляютъ этимъ своимъ мыслямъ по пяти строкъ. Всѣ подобныя банальности, сумѣстныя въ официальныхъ сообщеніяхъ производятъ курьезное впечатлѣніе, когда пересылаются въ зашифрованномъ видѣ, и когда ни посылающій, ни получающій явственно не вѣрятъ ни единому звуку ихъ. Особенно это странно читать послѣ длинныхъ, конспиративныхъ посланій Вильгельма къ царю въ 1904—1905 г.г., когда онъ создавалъ анти-англійскую комбинацію на континентѣ и готовилъ закрытіе Балтійскаго моря, а тотъ же „дядя Берти“ отправлялъ въ видѣ угрозы свой флотъ къ германскимъ берегамъ. „Я обрадованъ этимъ результатомъ визита дяди Берти“, пишетъ, съ своей стороны, Николай. Въ этой крутой переиначкѣ тона рельефно сказываются быстрые успѣхи начавшагося послѣ Портсмутскаго мира англо-русскаго сближенія. Прежняя интимная откровенность относительно Англій сдѣлалась для Вильгельма уже невозможной. Да и многое прежнее стало, очевидно, невозможнымъ. Что-то оборвалось навсегда. Еще менѣе богаты содержаніемъ три телеграммы, относящіяся къ 1907 году. Въ первой (изъ Травемюнде, <sup>17</sup>/<sub>30</sub> іюня 1907 года) Вильгельмъ благодаритъ царя за намѣреніе пріѣхать въ Свинемюнде на свиданіе 6 августа, и только проситъ, если возможно, измѣнить эту дату и прибыть 3-го августа; во второй (отъ 18 іюня) Николай соглашается на это предложеніе; въ третьей (предположительно помѣченной 2 августа 1907 года) Вильгельмъ увѣдомляетъ о новомъ свиданіи своемъ съ англійскимъ королемъ: „Встрѣча съ дядею Берти удовлетворительна. Дядя въ хорошемъ расположеніи и настроенъ миролюбиво. Видимо подъ влияніемъ македонскихъ дѣлъ (въ подлинникѣ неразборчиво слово въ фразѣ: visibly impressed by the . . . in Macedonia), считаетъ необходимыми солидарныя представленія въ Афинахъ. Спрошенный королемъ относительно настоящаго состоянія Россіи, я былъ счастливъ увѣдомить его, что я слышалъ отъ васъ, что все идетъ хорошо, роспускъ-же Думы вами является такимъ же актомъ, какъ роспускъ португальскаго парламента его кузеномъ Карлосомъ“. Рѣчь шла о роспускѣ второй Государственной Думы. Замѣчу, кстати, что въ германской прессѣ въ тѣ годы неоднократно сравнивали Карлоса съ Николаемъ, а португальскаго министра Франко, специализовавшагося на борьбѣ противъ народнаго представительства, со Столыпинымъ. Когда Карлосъ былъ убитъ, когда Франко бѣжалъ, когда въ послѣдствіи преемникъ Карлоса былъ низвергнутъ, и пала монархія въ Португаліи, эти параллели — по крайней мѣрѣ, въ консервативной прессѣ — прекратились. Престолъ Романовыхъ тогда казался неизмѣримо крѣпче, чѣмъ престолъ послѣдней линіи Браганца.

Таковы эти телеграммы, сохранившіяся въ бумагахъ походной канцеляріи. При всей ихъ бѣглости и отрывочности, онѣ, какъ уже было выше отмѣчено, привносятъ кое-какія очень

интересныя черты и недостававшіе штрихи въ картину русско-германскихъ отношеній временъ русско-японской войны и ближайшихъ дней послѣ ея окончанія. Въ настоящее время я имѣю всѣ основанія утверждать, что современнымъ возможнымъ окажется дать гораздо болѣе полную документальную характеристику этихъ отношеній за все время царствованія императора Николая II. Несомнѣнно, и годы 1904—1906 будутъ освѣщены гораздо полнѣе, чѣмъ это возможно было бы сдѣлать на основаніи уцѣлѣвшихъ (или, точнѣе, пока найденныхъ) телеграммъ, которыя тутъ предлагаются вниманію читателя. Во всякомъ случаѣ, уже изъ содержанія этихъ телеграммъ можно сдѣлать нѣсколько выводовъ: 1) императоръ Вильгельмъ очень серьезно разсчитывалъ въ 1904—1905 гг. образовать германо-франко-русскій союзъ противъ Англіи. 2) Средствомъ осуществленія этой комбинаціи онъ считалъ предварительное заключеніе тайнаго договора между нимъ и Николаемъ, — и затѣмъ воздѣйствіе, путемъ прямого давленія, на французское правительство („спасать Парижъ“). 3) Николай II не рѣшился на доведеніе этой комбинаціи до логическаго ея конца, предусмотрѣннаго Вильгельмомъ, и, заключивши тайный договоръ съ германскимъ императоромъ, все же не согласился пустить въ ходъ этотъ договоръ, какъ средство устрашенія Франціи; такимъ образомъ договоръ (или, даже, союзъ, какъ выражается Вильгельмъ) между обоими императорами остался въ строгой тайнѣ. 4) Послѣ свиданія въ Бюрке германскій императоръ, на основаніи соглашенія съ царемъ, принялся за реализацію своей давнишней мечты объ объявленіи Балтійскаго моря закрытымъ, но, натолкнувшись на препятствія со стороны датскаго двора и правительства и на угрожающую позицію, занятую англичанами, удовольствовался лишь рѣшеніемъ, въ случаѣ войны съ Англією, просто, оккупировать своими войсками нейтральную Данію, чтобы получить этимъ упрощеннымъ и ускореннымъ путемъ всѣ тѣ выгоды, которыя не желала ему предоставить Данія добровольнымъ присоединеніемъ къ тайной русско-германской комбинаціи. О своемъ планѣ нарушить нейтралитетъ Даніи императоръ Вильгельмъ, какъ мы видѣли, прямо и сообщилъ царю, своему тайному союзнику, не вызвавши этимъ со стороны послѣдняго ни малѣйшихъ возраженій. 5) Что касается области русской внутренней политики, то Вильгельмъ является, разумѣется, приверженцемъ принципа сильной монархіи, но приверженцемъ разумнымъ, понимающимъ опасность положенія Николая, и желающимъ искренно эту опасность уменьшить; самъ же Николай нисколько этой опасности не учитывалъ, и, даже, съ нѣкоторой похвалбою давалъ понять Вильгельму въ отвѣтъ на его серьезные и дѣльные совѣты, что вовсе не желаетъ раздѣлить съ кѣмъ бы то ни было свою отвѣтственность. Нужно обратитъ вниманіе, что Вильгельмъ съ удареніемъ называетъ членовъ Государственной Думы (даже булыгинской) представителями русскаго народа, желаетъ, чтобы имъ было дано право голосовать мирный договоръ съ Японією, подчеркиваетъ, что

русскій народъ совершенно правъ, если желаетъ имѣть голосъ по вопросу о собственной участи; а Николай, какъ мы знаемъ, въ это же лѣто 1905 года выражалъ желаніе, чтобы Дума называлась не „Государственной“, а „государевой“, т. е. именно стремился принизить даже съ внѣшней стороны ея самостоятельность и авторитетность. Вильгельмъ разумно понималъ, что Дума можетъ принести пользу Николаю, взявши на себя часть его отвѣтственности; Николай этого не понималъ, не желалъ и, вообще, не боялся за себя такъ, какъ за него боялся Вильгельмъ, глубже и серьезнѣе смотрѣвшій на вещи. Еще одну черту нужно отмѣтить: въ 1904 году русско-японская война нужна Вильгельму, и онъ всячески раздуваетъ и поддерживаетъ пламя пожара; лѣтомъ 1905 года эта вой на ему уже не нужна; напротивъ, у него есть надежда, при возвращеніи Россіи къ европейскимъ дѣламъ, вовлечь ее въ орбиту своей анти-британской политики. И онъ сообразно съ этимъ дѣйствуетъ: по мѣрѣ силъ препятствуетъ миру въ 1904 году, когда миръ еще возможенъ для Россіи на сравнительно мягкихъ условіяхъ, и всецѣло поддерживаетъ въ 1905 году усилія Рузвельта, хотя миръ послѣ Мукдена и Цусимы уже гораздо болѣе тягостенъ для его корреспондента. Вообще, Вильгельмъ рисуется въ этой перепискѣ дѣятельнымъ, безпокойнымъ, зоркимъ дипломатомъ, заботящимся и о большемъ, и о маломъ, помнящимъ о великодержавныхъ задачахъ Германіи, но не забывающимъ кстати вернуть словечко и о томъ, что германскія частныя фирмы „съ удовольствіемъ“ получили-бы заказъ на русскія линейныя суда. И чувствуется, что это удовольствіе частныхъ фирмъ въ полной мѣрѣ будетъ раздѣлено германскимъ императоромъ.

Самый слогъ телеграммъ Вильгельма особый; твердая, законченныя фразы, ясныя доводы, точныя цѣли, никакой расплывчатости, гдѣ можно—ласка, гдѣ нужно—угроза. А съ той стороны: да, согласенъ, очень счастливъ, узналъ съ радостью, совершенно вѣрно, желаю пріятнаго путешествія etc.; и все же, при безспорномъ вліяніи сильной индивидуальности на болѣе слабую, не было, вѣроятно, ни одного момента, когда Вильгельмъ могъ-бы окончательно положиться на эту внѣшне-податливую, но внутренне-упорную, самолюбивую, ускользящую натуру.

Бумаги министерства иностранныхъ дѣлъ, надъ которыми въ настоящее время работаетъ пишущій эти строки, даютъ болѣе обильный матеріалъ для исторіи сношеній обѣихъ имперій за остальное время царствованія Николая II. Но эти пока публикуемыя телеграммы, которыя царь оставилъ въ своей походной канцеляріи, не передавая ихъ въ архивъ министерства, настолько важны и характерны и носятъ настолько рѣзко выраженный индивидуальный отпечатокъ, что представляется умѣстнымъ опубликовать ихъ теперь же. Да и самый моментъ былъ особеннымъ, уже не повторявшимся въ исторіи отношеній обоихъ монарховъ. Текстъ печатается въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ расшифрованъ, съ соблюденіемъ орфографіи подлинника<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> См. приложение.



## Приложение.

### Текст телеграфной переписки императоровъ.

1.

From Kiel the 16-th of June 1904.

Sa Majesté L'Empereur.

Uncle Albert's visit going of course well. — He is very lively and active and most kind. — His wish for peace is quite pronounced, and is the motive for his liking to offer his services wherever he sees collisions in the world. — The weather is simply disgusting. — Best love to Alice. — Sympathize sincerely with Your fresh losses of ships and men.

(signed) Willy. — A. of A.

2.

From Nordfjordeidet, the 20-th of June 1904.

Sa Majesté L'Empereur. — Péterhof.

Condole with You at death of Count Keller, a brave soldier and gentleman. Have communicated date fixed by You to My brother in law; he will of course report himself to You. — Perhaps My cousin of Hohenzollern will watch the Japan troops on their side. — We have fine weather here. — Best love to Alice.

(signed) Willy.

3.

From Péterhof the 21-st of June 1904.

Sa Majesté L'Empereur d'Allemagne Nordfjordeidet.

Thank You for Your condolence. — Saw M-r Witte who reported the conclusion of the treaty with Count Bülow. Hope You are enjoying Your cruise. — Have inspected all the troops of the first army corps. — Best love from both.

(signed) Nicky.

4.

From Molde the 5 of July 1904.

Sa Majesté L'Empereur.

A Russian steamer calling itself a cruiser „Smolensk“ has stopped the German Lloyd's steamer „Prince Henry“ and carried off the whole of the post bags containing correspondence to Japan. — This act, a violation of international law, will create great surprise and disgust in Germany, considering the friendly feeling shown to Russia by our country, and if repeated will, I fear, contribute to considerable reduce the sympathy still cherished for Your country by Germany.

(signed) Willy.

5.

From Péterhof the 7-th of July 1904.

Sa Majesté L'Empereur. — Berlin.

Excuse Me for answering so late but having come back from an inspection of the 22-d division, I had no time to write sooner. — I regret this excess and trop de zèle of the „Smolensk“. — Measures shall be taken to prevent similar cases occurring. — Would be too sad if one episode were to spoil the excellent relations existing between our countries. — I took Your aide-de-camp Count Lambsdorff with me. — Your Wiborg regiment presented itself very well. — I told them I was sure they would show themselves worthy their Colonel in Chief.

(signed) Nicky.

6.

From Drontheim Hohenzollern the 8-th/21-st of July 1904.  
Péterhof. — Sa Majesté L'Empereur.

Best thanks. — Quite satisfied. — Hope My regiment wilful to behave well. — Best love to Alice.

(signed) Willy.

7.

From Drontheim the 10-th/23-d of July 1904.  
Péterhof. — Sa Majesté L'Empereur.

I have just heard from Hamburg Line that Russian „cruiser“ has carried off their steamer „Scandia“ under Russian officers and crew to unknown destination. — This act is an open violation of international sea law, and is nearly adequate to piracy. — I think it is high time that the captains of the so-called cruisers should receive instructions warning them to refrain from committing such acts as the above, as they are able to bring about international complications.

(signed) Wilhelm.

8.

From Péterhof the 11-th/24-th of July 1904. Drontheim.  
Sa Majesté L'Empereur.

Orders have already been given to captains to refrain from stopping ships, but it is not easy to transmit them instructions while they cruise about. — Steamer „Scandia“ shall be immediately released on her arrival at first port. — During this war we learned that enormous quantities of countreband was being shipped from Europe to Japan. — Naturally out of a feeling of selfdefence we wanted to put a stop to it. — I hope You will see from this that there was not the slightest idea in Russia of provoking any bitter feeling in Germany. — Once more I regret very much what has happened.

(signed) Nicky.

9.

From Drontheim the 11-th/24-th of July 1904, at 8 o'cl. 20 m. evening.  
Péterhof. Sa Majesté L'Empereur.

Sincerest thanks. — News of the release of „Scandia“ will eminently help to relieve feeling of concern and anxiety which was settling on the country especially on the commercial part of Germany. — May You soon have good news from the front. — Best love to Alice. — Very cold weather here.

(signed) Willy.

10.

From Hubertustock the 8-th of October/25-th of September 1904 at 6 o'cl. 25 m. aftern.  
Réval. — Sa Majesté L'Empereur.

The colonel of My Wiborg regiment telegraphed to Me the fact of Your kind acknowledgement of their bravery by the despatch of a large number of decorations; as Chief I venture to thank You heartily for this act, and to express My pleasure at the vaillant behaviour of the Wiborgs! I see by the papers that the fleet are for target practice at the well known ranges near Reval where We passed such delightful days. — I hope they will learn their duty soundly, and introduce telescopic sights, which the japaneses have on their guns, but were wanting in the Port-Arthur fleet. — I suppose that when the ice sets in, the fleet will establish their base at Libau, or near Danish coast in the Kicege bay for instance, for their steam tactics and squadron drill, which is a very practical place in winter. — So that when the spring comes they will be ready for the march to the East, knowing their leader, their ships and their guns; and then reestablish the Russian supremacy on the sea. — I am, as every man in My country is, — full of enthusiastic admiration at brave Stoessel, his gallant garnison; may God help them to hold out! The vessels in the harbour are of course the main attraction for the japaneses. — I hope they will make a try for the japanese fleet, and if they manage to run down or smash or damage the 4 line of battle ships left to Japan, though they themselves may perish too, they will have done their duty, shattering the strength of the japanese seapower, and preparing the way for the Baltic fleet's victorious success on its arrival, in winning easely against a damaged antagonist, unable to repair his ships or build new ones in time. — Then the sea power is back in Your hands and the japanese land forces are at Your mercy; then You sound the „general advance“ for Your army, and the enemy! Hallali! Schebecko just brought Your letter, when I was finishing My telegram. — Many hearty thanks! I have already given every order that Hamburg — America line is in no way to be hampered, but has free scope to do what they like. It is very sensible to keep the squadron here till the ships are thoroughly „seasoned“ and till all units are ready to go out together. — There is no doubt that the appearence of a strong, fresh fleet with many numbers — though some may be older ships — will do well and decide the day in Your favour; the main point is that the ships in Port-Arthur must make for the japanese and try to sink, ram or damage as many ships as they can, so as to prepare the ground for the Baltic fleet, which on arrival will only have to finish that rest of the hostile ships off. — Also I think it would be practical for You to begin ordering line of battle ships to be built, with private firms, as the japanese have done in England. — So that when in a year or two the negociations for peace begin, You can dispose of a fresh reserve to impose Your will and make yourself independent of foreign intervention. — Best love to Alice.

(signed) Willy.

11.

From Neues Palais the 8-th/19-th of October 1904.  
Tzarskoé Sélo. — Sa Majesté L'Empereur.

I have information from good source that former japanese minister at Petersburg, Kurino, has reappeared in Europe. — He is in Paris and seems to be authorized to try to get France and England — l'entente cordiale! — to mediate in favour of Japan

for peace. — It seems also as if the Chinese were being pushed forward by Japan to offer to mediate on their part too. — This shows that Japan is nearing the limits of its strength in men and money, and now that they have gained advantages over the Mandschurian army, they fancy that they can stop now and try to reap the fruits of their efforts by enticing other powers to mix themselves in the matter and to get at Mandschuria, by peace conference. As I know Your ideas on the further development of the war, and that after a severe reverse You will of course never lend a hand to such a proceeding, I thought it My duty to inform You of what seems going on behind the scenes. — I think the strings of all these doings lead across the channel.

(signed) Willy.

12.

From Tzarskoé Sélo the 10-th of October 1904  
Neues Palais. — Sa Majesté L'Empereur.

Having been out shooting I could not answer Your interesting telegram earlier. — Many thanks for the information about Japan's activity in some european countries. — I heard about it also but I can not quite make out whether the strings of these doings lead across the Channel or perhaps the Atlantic. You may be sure that Russia shall fight this war to the end until the last Jap is driven out of Mandschuria only then can come the talk about peace negotiations and that solely between the two belligerents. — May God help us. — Hearty thanks for Your loyal friendship which I trust beyond anything.

(signed) Nicky.

13.

From Neues Palais the 14-th/27-th of October 1904. at 4 o'cl. 28 m. night.  
Tzarskoé Sélo. — Sa Majesté L'Empereur.

For sometime english press has been threatening Germany, on no account to allow coals to be sent to Baltic fleet now on its way out. It is not impossible that the japanese and british government may lodge a joint protest against our coaling Your ships coupled with a „sommation\* to stop further work. The result aimed at by such a threat of war would be the absolute immobility of Your fleet, and inability to proceed to its destination from want of fuel. — This new danger would have to be faced in community by Russia and Germany together, who would both have to remind Your ally France of obligations she has taken over in the treaty of dual alliance with You, the „casus foederis“. — It is out of the question that France, on such an invitation, would try to shirk her implicit duty towards her ally. Though Delcassé is an anglophile „enragé“, he will be wise enough to understand that the british fleet is utterly unable to save Paris. — In this way a powerful combination of 3 of the strongest continental powers would be formed, to attack whom the anglo-japanese group would think twice before acting. — The complaints of England against our coaling russian ships are all the more frivolous, as England since the beginning of the war — after making a present of two ironclads „Nishin“ and „Kassuga“ under british officers and crews to Japan — has constantly supplied the japanese fleet with their coals, selling them no less than 30 steamers. — The naval battles fought by Togo are fought with Cardiff coals. — It would of course be much more agreeable for us if the british were wise and remembering all this, left us alone and in peace. But never will I for a moment recede before unjust threat. I am sorry for the mishap in the North sea. If the fleet are afraid of night attacks, I think the use of the search lights alone would

suffice to guard the ships from being surprized if all the lights are turned on the sectors outside the fleet. — The use of guns — especially in European waters — should be restricted as much as possible. My news from London say that the press and mob make a noise, the Admiralty some fuss, but that government, court and society look with greatest calm at the event as an unhappiness, arising from the great nervousness. — I have sure news from Italy that the Terni shipbuilding trust (Terni, Odero, Orlando) are building 3 surfeit seagoing ironclads of 12.000 tons each, for a foreign unnamed power — probably Japan; reminds Me of My former suggestion that You ought not to forget to order new ships of the line also, so as to be ready with some of them when war is over. They will be excellent „persuaders“ during the peace negotiations; our private firms would be most glad to receive contracts. I have attached Lambsdorff to Your suite and Person, as You kindly did with Shebeko for Me. I am deeply sensible for Your kind appreciation of My action towards You and Russia, and assure You can always rely on My absolute faithful loyalty. — Best love to Alice.  
(signed) Willy.

14.

From Tzarskoé Sélo the 16-th/28-th of October 1904.  
Neues Palais. — Sa Majesté L'Empereur.

Your telegram comes at a very serious moment. — I thank You heartily for it. — Of course You know the first details of North sea incident from our admiral's telegram. Naturally it changes completely the character of the event. I have no words to express my indignation with England's conduct. It seems that the continental powers, in similar cases, have to confront the danger of her public opinion overwhelming a more reasonable attitude of her government. The latter has to follow the wishes of the country, makes risky steps and sends thundering notes with quite unacceptable conditions. — That is the consequence of acting on the spur of the moment! — Today I ordered Lambsdorff to send to my London Ambassador a proposition to subject the whole question to an international commission of enquiry as laid down in the Hague Conference protocole. — I agree fully with Your complaints about England's behaviour concerning the coaling of our ships by german steamers whereas she understands the rules of keeping neutrality in her own fashion. — It is certainly high time to put a stop to this. — The only way as You say would be that Germany, Russia and France should at once unite upon an arrangement to abolish anglojapanese arrogance and insolence. — Would You like to lay down and rame the outlines of such a treaty and let me know it. — As soon as accepted by us, France is bound to join her ally. This combination has often come to my mind, it will mean peace and rest for the world. — Best love from Alix.

(signed) Nicky.

15.

From Neues Palais the 17-th/30-th of October 1904 at 9 o'cl. evening.  
Tzarskoé Sélo. — Sa Majesté L'Empereur.

Best thanks for telegram. Have sent letter, including draft of treaty You wished for, off by Imperial fieldjaeger this evening. — Heard from private source that Hull fishermen have already acknowledged that they have seen foreign steamcraft among their boats, not belonging to their fishing fleet, which they knew not! So there has been foul play! I think the british embassy in Petersburg must know these news, whereto are kept from the british public till now, for fear of „blamage“. — Best love to Alice.  
(signed) Willy.

16.

From Neues Palais the 2-d/15-th of November 1904 at 4 o'clock. 33 min. afternoon.  
Sa Majesté L'Empereur — Tzarskoé Sélo.

From reliable source in India I am secretly informed that expedition „à la Thibet“ is being quickly prepared for Afghanistan. It is meant to bring that country for once and all under british influence, if possible direct suzerainty. The expedition is to leave end of this month. The only not english European in Afghanistan service, the director of the arms manufactory of the Emir, a German gentleman, has been murdered, as „préambule“ to the action! The losses of the japanese before Port-Arthur are according to My informations 50 thousand men; consequently they are beginning to get tired of the war, as they loose too many men. This has made them ask in Paris and London for mediation, and that is why these two powers let their press renew the ventilation of the probabilities of their being able to mediate. Japan hopes to get Port-Arthur and Mandschuria from them, by help congress. — Am preparing answer to Your kind letter, which I trust will meet Your wishes. Best love to Alice.

(signed) Willy.

17.

From Neues Palais the 6-the/19-th of November 1904 at 10 o'clock. 33 min. morning.  
Tzarskoé Sélo. — Sa Majesté L'Empereur.

Lambsdorff leaves to-night with letter. My statements about India in last telegram are corroborated by the speech of Lord Selborne who alluded to Afghanistan question. I hear from trustworthy private source, that authorities in Tokio are getting anxious at the future outlook of the war. They have expressed their mortification at not having gained a real success ad Liaoyang considering enormous loss of men, because they were without any fresh reserves. The steady pouring in of fresh battalions from Russia is quite far beyond their expectations, as they never thought the Siberian railway capable of keeping up the transports unremittngly. They begin to see, in consequence, that though they are at an end with their cadres, and especially officers, Your army is daily increasing in strength, men and striking power, and that the scales of war are slowly but surely turning against them. A Japanese general went so far to say: „the soup we have cooked, we must now eat it up!“ My suspicions accordingly, that the japaneses are trying secretly to get other powers to mediate because they are now at the height of their successes have proved correct. Lansdowne has asked Hayashi to intimate to England the conditions upon which Japan would conclude peace. They were telegraphed from Tokio, but were so preposterous that even blustering Lansdowne thought them too strong and urged Hayashi to tone them down. When they made a wry face and difficulties, Lansdowne added „of course England will take good care, that a mediaeval Russia will be kept well out of Mandschuria, Korea, etc., so that de facto Japan will get all she wants!“ That is the point the British have in their eye when they speak of friendship and friendly mediation. France, as I hear from Japan, is already informed of these plans, and of course a party to this arrangement. taking — as usual in the new „entente cordiale“ — the side of England, They are going to offer You a bit of Persia as compensation, of course far from the shore of the gulf — ça va sans dire — which England means to annex herself fearing You might access to the warm sea, which You must by right, as Persia is bound to fall under Russian control and

government. This would give thither a splendid commercial opening, which England wants to debar You from. Probably Your diplomatists will have reported all this to You before, but I thought nevertheless it My duty to inform You of all I knew, all of which are authentical serious news from absolutely trustworthy sources. Lansdowne's words are authentical too. So You see the future for Your army is brightened up and soon You will be able to turn tables upon the enemy. May God grant You full success, while I continue to watch everywhere for You. Best love to Alice.  
(signed) Willy.

18.

From Tzarskoé Sélo the 7-th/20-th of November, 1904 at 7 o'cl 50 m. evening.  
Neues Palais. Sa Majesté L'Empereur.

Count Lamsdorff brought Me to day Your very kind and most interesting letter. — Accept My heartiest thanks also for Your telegram of yesterday, which brought Me much information. In a very few days I will send You My answer and I hope this affair shall be settled soon to our mutual benefit. — Alix sends You best love.  
(signed) Nicky.

19.

From Tzarskoé Sélo the 10-th/23-rd of November 1904 at 12 o'cl. 30 min. day.  
Neues Palais. Sa Majesté L'Empereur.

Before signing the last draft of treaty I think it advisable to let the French see it. As long as it is not signed one can make small modifications in the text; whereas if already approved by Us both it will seem as if we tried to enforce the treaty on France. — In this case a failure might easily happen, which I think is neither Your wish. — Therefore I ask Your agreement to acquaint the Gouvernement of France with this project and upon getting their answer shall at once let You know by telegraph.  
(signed) Nicky.

20.

From Tzarskoé Sélo the 10-th/23-rd of November 1904 at 12 o'cl 30 min. a. p.  
Neues Palais. Sa Majesté L'Empereur.

Hearing that the Emperor of Austria has written to You about an arrangement signed between Russia and Austria, I think it My duty to inform You also from My side. Wishing to strengthen Our efforts in keeping peace and tranquility in the Balkan affairs according to the agreement of 1897, the Emperor and I resolved to sign a secret declaration for the observation of a loyal and strict neutrality in case one of the Empires should be in a state of war, alone and without provocation on its part, with a third country, the latter wishing to endanger the existing status quo. Naturally this declaration does not concern any small Balkan country and it will last as long as Russia and Austria continue their policy of peace in southeastern Europe. Knowing Your efforts for preserving general peace I am sure this agreement shall meet Your sympathy and kind consideration.  
(signed) Nicky.

21.

From Moschen b. Kujau, the 13-th/26-th of November 1904 at 9 o'cl. 33 min. morn.  
Tzarskoé Sélo. Sa Majesté L'Empereur.

Best thanks for telegram. You have given Me a new proof of Your perfect loyalty by deciding not to inform France without My agreement. Nevertheless it is My firm conviction that it would be absolutely dangerous to inform France before

We both have signed the treaty; it would have an effect diametrically opposed to Our wishes. It is only the absolute sure knowledge that We are both bound by treaty to lend each other mutual help, that will bring the French to press upon England to remain quiet and keep the peace, for fear of France's position being jeopardized. Should however France know that a Russian-German treaty is only projected but still unsigned, she will immediately give short notice to her friend (if not secret ally) England, with whom she is bound by „entente cordiale“ and inform her immediately. The outcome of such information would doubtless be an instantaneous attack by the two allied powers England and Japan on Germany in Europe as well as in Asia. Their enormous maritime superiority would soon make short work of My small fleet and Germany would be temporarily crippled. This would upset the scales of the equilibrium of the world to Our mutual harm, and later on when You begin Your peace negotiations, throw You alone on the tender mercies of Japan and her jubilant and overwhelming friends. It was My special wish — and as I understood Your intention too — to maintain and strengthen this endangered equilibrium of the world through expressly the agreement between Russia, Germany and France. That is only possible if Our treaty becomes a fact before; and if We are perfectly d'accord under any form. A previous information of France will lead to a catastrophe! — should You notwithstanding think it impossible for You to conclude a treaty with Me, without the previous consent of France, then it would be a far safer alternative to abstain from concluding any treaty at all. Of course I shall be (s. M.) in the same manner as You have only informed Lamsdorff, so, I have only spoken to Bülow; who guaranteed absolute secrecy. Our mutual relations and feelings would remain unchanged as before, and I shall go on trying to make Myself useful to You as far as My safety will permit. Your agreement of neutrality was communicated to Me by the Emperor of Austria, and I thank You for Your telegram doing the same, I think it very sensible and it has My fullest approval. Best love.

(signed) Willy.

22.

From Tzarskoé Sélo the 15-th/28-th of November 1904 at 10 o'cl. night.  
Sa Majesté L'Empereur. Neues Palais.

Best thanks for telegram. In answer to it shall send You a letter with explanations on the matter. I think a letter is safer than having to cipher long telegrams, which may attract unnecessary attention. I remain strongly of opinion that We shall come soon to a complete conformity of views on this question, which interests Us both so much. Best thanks for Your frank and kind conversations with Schebeko that he reported to Me.

(signed) Nicky.

23.

From Neues Palais the 27-th of November (10-th of December) 1904 at 10 o'cl 22 min. evening.

Tzarskoé Sélo. — Sa Majesté L'Empereur.

Your letter of the 7-th, for which best thanks, has just crossed Mine of same date. We must now before all come to a permanent agreement about coaling question. This question becomes daily more and more urgent. To day again serious news has reached Me from Port-Said and Cape-Town; there is now no time



to be lost any more. No third power must hear even a whisper about Our intentions before We have concluded the convention about the coaling business, the consequences otherwise would be most dangerous. I of course place full reliance in Your loyalty.

(signed) Willy.

24.

From Tzarskoé Sélo the 28-th of November (11-th of December) 1904 at 5 o'clock 5 min. a. m.

Neues Palais. — Sa Majesté L'Empereur.

Hearty thanks for Your letter. Fully agree that both Our Governements must now come to a permanent understanding upon coaling question. Lamsdorff was to see Alvensleben this morning. You may fully rely on My loyalty and on My wish to arrive at a speedy settlement of this serious question.

Nicky.

25.

From Tzarskoé Sélo the 29-th of November (12-th of December) 1904 at 7 o'clock 45 min. a. m.

Neues Palais. — Sa Majesté L'Empereur.

I have ordered My Minister of Foreign Affairs to hand over to Count Alvensleben a note declaring My complete acquiescence to Your wish concerning the coaling question. Happy to report this to You.

(signed) Nicky.

26.

[Безъ даты].

Upon enquiring into the coaling business, I learnt that two agents of the Ham-bourg — America line are now in Petersbourg to negociate about the sale of the coaling ships, but that your people refuse to buy, pretending that they have no spare crews to man the colliers. This cannot be true and I suppose that the wish to have peace at any price is uppermost in the minds of the parties who plead impossibility. For surely a few hundred sailors, with officers and engineers to match, might be taken from the Black Sea squadron which has got to remain inactive any way — and send directly by steamer through the Suez Canal to Madagascar. They might be installed on board of the colliers long before the 3-d squadron arrives in Madagascar, for which Rojestwenski will have to wait any way, if he would avoid defeat, the second squadron being inferior to the Japanese naval forces. It is lucky for You that the French have at all times, even against their own interests during the German war, maintained the point of naval law that belligerent vessels may remain in a neutral port for any length of time and without disarming. Thus the French Governement are fully entitled to let the second squadron remain in Madagascar until the arrival of the 3-d. The Russian crews for the colliers would therefore have ample time to reach Nossibe and to install themselves on board. The new manning of the colliers will give Rojestw. legitimate motive for staying in Nossibe until he is reinforced by the 3-d squadron. If any body were to advise you to let Rojest. attack the Japanese before the arrival of reinforcements You might ask that party whether he is ready to take upon himself the responsibility for the result.

Willy.

27.

Berlin. Sa Majesté l'Empereur. [Безъ даты].

Admiral Rojestvensky wired yesterday for the third time that two Hamburg-America line coaling ships have not yet recieved orders from their Company to follow further to Madagascar under German flag. The agreement concerning money guarantees against war risk has been settled with the Company through Mendelsson bank, but the Hambourg America-Company fears to give orders before getting instructions from the Chancellor. Would You kindly give the necessary permission without which the further sailing of the squadron becomes entirely impossible.

Nicky.

28.

Berlin 2/15 Février 1905. 12 ч. 55 м. по пол.

I told you with beginning of this coaling-business that I should do nothing to prevent. I can give no instructions whatever with regard to it because it is a private enterprise. The Hamburg-America line know the situation and must act on their own responsibility. From this point of view I have ordered now to let Ballin know once more by wire that as far myself and my Governement he is at liberty to act as he thinks fit, of course at his own risks.

Willy.

29.

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne. Berlin. [Безъ даты].

Micha came back to day enchanted with your kindness and hospitality. He repeated to me every thing You wished him to tell him. The day after Your letter came the american ambassador Mr. Meyer asked to see me. I received him yesterday. He was instructed by the president to lay the proposition which You had written to me about. I agreed on condition that the fullest secrecy be kept until Japan gave her consent to open with us preparatory negotiations. Of course if her demands were unreasonable the discussing would be broken off. Best love from both.

Nicky.

30.

Шведскій портъ въ Ботническомъ заливѣ сѣвернѣ Стокгольма около 100 миль бд. Вары. [Безъ даты].

I shall shortly be on my return journey, and cannot pass across entrance of the Finnish sea without sending You best love and wishes. Should it give You any pleasure to see Me — either on shore or Your yacht — of course am always at Your disposal. I would come as simple tourist, without any fêtes.

31.

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne Hernoesand. [Безъ даты].

Delighted with your proposition. Would it suit you to meet at Bjoerkesund near Viborg a pleasant quiet place living on board our yachts? In these serious times I cannot go far from the Capital. Of course our meeting will be quite simple and homely. Looking forward with intense pleasure to see you.

Nicky.

32.

From Nyland the 7-th (20-th) of July 1905 at 1 o'cl. 25 m. p. m.

Most happy. Would it suit you if I arrived at your anchorage — Bjoerkesund — on Sunday (10-th) 23-rd evening? My yacht draws 6 and half mètres water; would be thankful for a trustworthy pilot, to lead us through the entrance. Please to communicate where you will anchor. Have kept the whole matter quite secret, so that My gentlemen on board even know nothing; also at home nobody informed. Am so delighted to be able to see you. Hope You will not be disturbed. by My Nordland's Gesellschaft who always accompany Me since 15 years. Best love.

Willy.

33.

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne Nyland.

Shall be Sunday 10-th (23-d) afternoon at Bjoerkesund. Have given orders about trustworthy pilot. Place of anchorage will be between the islands of Bjoerke and Kavitz. Till now have kept our planned meeting secret. So happy to see you. Wish you a smooth passage. Best love.

Nicky.

34.

From Nyland the 8-th (21-st) of July 1905 at 1 o'cl. 26 m. p. m.

Most obliged. Expect to arrive on 23-rd (10-th) at 7 evening. Please let pilot meet us off Hochland. Nobody has slightest idea of meeting; only My captain, who is ordered to keep absolute secrecy. All my guests under impression of going to Visby in Gothland. Am overjoyed at seeing You again. Have most important news for You. The faces of My guests will be worth seeing, when they suddenly behold your yacht! A fine lark! Tableaux! Which dress for the meeting.

Willy.

35.

S. M. l'Empereur d'Allemagne Nyland.

Steamer with pilots shall await your arrival at south end of island Hochland 10-23 July at sunrise. Micha will accompany me. Best love.

Nicky.

36.

From „Danzig“ the 16-th (29-th) of July 1905 at 1 o'cl. 28 min. p. m.

My Wife sends many compliments and thanks for your kind telegram. Reuter telegrams, this morning announce cruise of british Channel fleet to Baltic and looking in at Our ports, without paying visits of ceremony! Either England is anxious on account of Our meeting, or they want to frighten Me! This will lend more weight to My conversation at Copenhagen. You will receive letter from Me to day. I venture to advise promulgating the Bouliguine bill as soon as possible so that the representatives of Russian people be elected soon. Meanwhile till that has taken place, the peace conference will have been opened and the conditions become known for both sides. With the actual spirit prevailing in Russia, the disaffected masses would try to place the whole responsibility for all disadvantageable consequences on your shoulders, and the successes as results on Wittes personal manage. It would be excellent

as a first task for these representatives, if you gave them the treaty of peace after it has been formulated, to vote upon; thus leaving the odium of the decision to the country and thereby giving the Russian people a voice in the matter of their own prosperity, which they so much wish for. The outcome, would be their work and therefore stop the mouths of the opposition. Best love to Alice.

Willy.

37.

Sa Majesté l'Empereur. Danzig. [Бееъ даты].

I was deeply touched by your kind letter and thank you for telegram. Have also heard about British Channel fleet's projected appearance in the Baltic.

Your visit to Copenhagen comes in very good time. Hope you will be pleased with result of your conversations there. Shall impatiently await short notice from you about visit. Best love to Victoria from both. Wish you success.

Nicky.

38.

From Sassnitz (ile of Rügen) the 2 of Aug. 22-d of July 1905 at 1 o'cl. night.

Visit passed off well, under extreme kindness shown to Me by whole family, especially by your dear old grandfather. After My arrival I soon found out through reading the press-reports — Danish and foreign — that a very strong current of mistrust and apprehension had been gendered against My visit, especially from England, the King had been so intimidated and public opinion so worked upon that I was unable to touch the question We had agreed, I has to mention to Him. The British Minister, dining with one of My gentlemen, used very violent language against Me, accusing Me of the vilest plans and intrigues, and declaring, that every englishman knew and was convinced, I was working for a war with and for destruction of England. You may imagine, what stuff a man like this, may have been distilling into the minds of the Danish family, court and people. I did all in My power to dispell the cloud of distrust by behaving quite unconcernedly and making no allusion to serious politics at all; also considering the great number of channels leading from Copenhagen to London and the proverbial want of discretion at the Danish court, I was afraid to let anything be known about Our alliance, as it would immediately have been communicated to London; a most impossible thing as long as the treaty is to remain secret for the present. By a long conversation with Isvolsky however, I was able to gather that the actual Minister of foreign affaires count Raben and a number of persons of influence have already come to the conviction that in case of war and impending attack on the Baltic from the foreign power, the Danes expect — their inability and helplessness to uphold even the shadow of neutrality against an invasion being evident -- that Russia and Germany will immediately take steps to safeguard their interests by laying hard on Danemark and occupying it during the war. As this would in the same time guarantee the territory and future existence of dynasty and country, the Danes are slowly resigning themselves to this alternative and making up their minds accordingly. This being exactly what You wished and hoped for, I thought it better not to touch the subject with the Danes and refrained from making any allusions; as it is better to let the idea develop and ripen in their heads, and to let them draw the final conclusions themselves, so that they will on their own accord be moved to lean upon Us and fall in line with Our two countries. „Tout vient à qui sait attendre“.

The question about Charles going to Norway has been arranged, up to the smallest detail, England having consented to everything and there is nothing to be done any more. I talked with Charles about his prospects and found Him very sober and without any illusions about his task.

What do You say to the programme of festivities for Your allies at Cowes? The whole of the Crimean veterans have been invited to meet former „brothers in a r m“, who fought with them against Russia! Very delicate indeed! It shows was right when I warned You two years ago of reforming of old „Crimean combination“ they are fast warming up again with a vengeance.

Weather was fine. Best love to Alice.

Willy.

39.

Sa Majesté l'Empéreur. Sassnitz. [Безъ даты].

Thank you warmly for interesting details. Glad your visit went off well. You were quite right in not letting anything be known about our alliance. As the question about Charles going to Norway is settled I understand that nothing can be done. Am waiting for report from Isvolski about question of Danish neutrality in its last phase. Best love from Alexandrine.

Nicky.

40.

From „Wilhelmshöhe“ the 7-th (20-th) of August 1905 at 11 o'cl. 34 min. morning.

My ambassador just informed me that You have ordered the decree to be published which renders to convocation of „Great Duma“. The statutes to be formed on lines somewhat similar to our Staats Rath“ giving it the form of „consultative body“. I beg you to accept My warmest congratulations for this great step forward in the development of Russia. By the papers I gather that in general the peace negotiations are going on satisfactorily; but that there are some points which offer some difficulty to agreement. Before you take your final decision for peace or continuation of war — latter will be of far reaching consequence, difficult to foresee to the utmost result, and will cost unlimited lives, blood and money — I should fancy it an excellent procedure if you were to submit this question to the „Great Duma“ first . . . As it represents the people of Russia its answer would be the voice of Russia. Should it decide for peace, You are empowered by the nation to conclude peace on the proposals submitted to your delegates at Washington; and if thus Russia itself thinks that its honour is not impaired, You can return your sword to its scabbard with the word of Francis I „tout est perdu fors l'honneur!“ Nobody in your army or country or in the rest of the world has a right to blame you for this act. If on other hand the „Duma“ thinks the proposal unacceptable, and the Japanese government refuse to treat on other basis, then again it is Russia that through the voice of the „Duma“ invites you its Emperor to continue the fight; thus taking the full responsibility for the whole of the consequence on itself and shielding you once for all before the world and history in the future from the reproach that you have sacrificed thousands of Russia's sons without asking the country or even against their wishes. This will lend your personal action a grand stimulus and strength, as you will feel yourself borne by the will of the whole of your people decided fight to the bitter end, regardless of time,

losses and privations, which is the only possible way to proceed, if the war is to continue. I would in your place not miss this first and best opportunity to decide into to close touch with your country's feelings and wishes about peace or war, giving the Russian people the long wished for opportunity to decide or take part in the decision relating to its future — which it has a positive right to — and also of giving the „Duma“ immediately a fine opportunity to work and to show what is able to do, and whether it comes up to the expectation everybody puts into it. The decisions which are to be taken are so terribly earnest in their consequences and so far reaching that it is quite impossible for any mortal sovereign to take the responsibility for them alone on his shoulders without help of his people! May God be with you! Do not forget the line advancement vis-à-vis of the Guard.

Willy.

41.

Wilhelmshöhe, Sa Majesté l'Empereur. [Безъ даты].

Accept my warmest thanks for your kind telegram which touched me deeply I could not answer you before being occupied with manoeuvres in the neighbourhood of Krasnoe Selo. The interest You take in the future convocation of the „Duma“ gives me great pleasure. I believe that the loyalty and good sense of my people will be a serious help for the developement of Russia in this consultative body. For the last three months I have thought much about the question of peace or war. I receive daily telegrams, letters, adresses etc. begging me not to conclude peace on hard terms. There are two points upon which every good Russian agrees to continue the fight to the end if Japan insists on them: not an inch of our territory, not one rouble of war indemnity. And these are precisely the terms which the Japanese do not want to give way in. Nothing either will induce me to consent to these two demands. Therefore there is no hope for peace for the present. You know I hate bloodshed, but still it is preferable to an ignominious peace, when the faith in oneself, in one's fatherland, would be scattered to pieces. Perhaps to morrow this question will be decided. I am ready to carry the whole responsibility myself, my conscience being clear, and knowing the great bulk of my people backing me up. I am perfectly aware of the immense seriousness of the moment I am living in, but I cannot act otherwise. Thank you for the interest you take in my troubles. Best love from Alix.

Nicky.

42.

Изъ замка Rominten 11 сент. 12 ч. 20 м. д.

Sa Majesté l'Empereur.

By your kind order Witte will be here on 26-13 m. Is he informed of our treaty? Am I to tell him about it if he is not? Best love to Alix; killed four stags here, nothing especially big, weather cool and fine. Waidmanns Heil!

43.

Sa Majesté l'Empereur Rominten.

Till now the Grand Duke Nikolas, the war minister, the chief of General staff and Lamsdorff are informed about treaty. Have nothing against your telling Witte about it. Enjoying my stay on the Polar Star, dry fine weather. Best love from Alix. Waidmanns Dank.

Nicky.

44.

Изъ Homburg Schloss 4 сент. 9 ч. 30 м. утр.

Witte is, as I hear, on his return journey. Would you allow him to visit me „en passant“ on his way to Russia? As I intend decorating him on account of the coming into existence of the treaty of commerce, which he concluded last year with Bülow. Happy cruise! Our manoeuvres most interesting in lovely country, but very wet! Best love to Alix.

Willy.

45. [Безъ даты].

Cablegrams from Washington brought me news of the agreement of the Conference on preliminaries of peace, by which the final conclusion of peace is, it seems, at last guaranteed. May I express my most heart-ful compliments that a solution has been found, which enables Russia to emerge with full honor out of the war; and which pays tribute in every respect to the gallantry of your army as your constancy in vindicating Russia's rights and national honor. I hear Japan has conceded all your demands. President Roosevelt, I hear, has made nearly superhuman efforts to induce Japan to give way. He has really done a great work for your country and the whole world. The more (sic. E. T.) so as I heard from him, that England positively refused to budge a finger to help him in working upon their allies the Japanese to give way to his demands. Once more sincerest compliment I am glad if I have been able to of any use to you in this time, Best love to Alix.

46.

Изъ Gluckburgtsee, 29 сентября.

The working of treaty does not — as we agreed at Bioerkö — collide with the Franco — Russian alliance, — provided of course the latter is not aimed directly at my country. On the other hand the obligations of Russia towards France, can only go so far as France merits that through her behaviour. Your ally has notoriously left you in the lurch during the whole war, whereas Germany helped you in every way as far as it could, without infringing the laws of neutrality. That puts Russia morally also under obligations to us; do ut des. Meanwhile the indiscretions of Delcassé have shown the world, that though France is your ally she nevertheless made an agreement with England and was on the verge of surprising Germany with British help in the middle of peace, while I was doing my best to you and your country her ally. This is an experiment, which she must not repeat again and against a repetition of which I must expect you to guard me. I fully agree with you that it will cost time, labour and patience to induce France to join us both, but the reasonable people, will in future make themselves heard and felt! Our Maroccan business is regulated to entire satisfaction, so that the air is free for better understanding between us. Our treaty is a very good base to build upon. We joined hands and signed before God who heard our vows. I therefore think that the treaty can well come into existence.

But if you wish any changes in the works or clauses or provisions for the future or different emergencies — as for instance the absolute refusal of France which is improbable — I gladly await any proposals you will think fit to lay before me! Till these have been layed before me and are agreed upon, the treaty must be adhe-

red to by us as it is. The whole of your influential press Nowosti, Nowoie Wremja, Russj, etc. have since a fortnight become violently antigermans and pro-british. Partly they are bought by heavy sums of british money no doubt. Still it makes my people very chary and does great harm to the relations newly growing between our countries. All these occurrences show that times are troubled, and that we must have clear courses to steer; the treaty we signed is a means of keeping straight, without interfering with your alliance as such. What is signed is signed! and God is our testator! I shall await your proposals. Best love to Alix.

Willy.

47.

Sa Majesté l'Empereur Glücksburg Hohenzollern 30 сент. 8<sup>3</sup>/<sub>4</sub> утра.

As Fritz Leopold arrives on Sunday to present himself after having been under fire on several occasions may I decorate him with the St. Georges cross of 4-th class? General Linievitch reported to me about his coolness and excellent behaviour in several affairs in May last. Best love.

Nicky.

48.

Императорскій Телеграфъ въ Александри. Телеграмма № 3 28 словъ. Подана въ Kiel 13 Octobre 1905 г. 1 ч. 45' м. по полудни. Получена въ Péterhof 30 Septembre (ст. стилия) 1905 г. 4 ч. 15 м. по полудни.

Sa Majesté L'Empereur.

Most touched and thankful for your kind intention. I envy him this coveted decoration; best love. Horrible weather.

Willy.

49.

Изъ Neues Palais 15 октября 2 ч. 27 м. дня.

So glad to know my brother in law back from war under your roof. Many thanks once more for the great honour of St. George cross! it seems that the arch-mischiefmaker of Europe in London is at work again. The revelations of Delcassé notwithstanding which terribly compromised him and his Gouvernement, as planing war against our friendly nation in peace! Like brigands in a wood! He has sent Benkendorff — your ambassador — to Copenhagen on a clandestine mission to your mother with the instructions to win her over to influence you for a policy against me! The foreign office in London knows about his journey, which is denied at your Embassy there. I may of course be misinformed, but the extraordinary behaviour of England leads me to think that it cannot do harm to inform you at all events. It is peculiar that your ambassador should lend himself to such tricks; as they are bound to be found out, there by creating fresh excitement, of which I think we had quite enough lately. Best love, weather horrible.

Willy.

50.

Sa Majesté l'Empereur — Neues Palais 4-17 Октября 1905.

Best thanks for your telegrams. Benkendorff by My permission as My Mother invited him to come as a friend of the Danish family. What sort of conversation went on I certainly do not know. But I can resolutely assure you that nothing can



influence me except the interest safeguard and honour of My country! Benkendorff is a loyal subject and a real gentleman. I know he would never land himself to any false tricks even if they came from the great mischiefmaker himself. Delcassé's revelations are extraordinary but I think Bulow's conversations with some newspaper correspondents have not helped much to clear up the situation. I shall write to you soon. Fritz Leopold looks brown very well. Best love from both.

Nicky.

51.

Sa Majesté l'Empereur Homburg. [Безъ даты].

Very kind of you to wish to see Witte and decorate him. Are enjoying our cruise have luckily weather. Best love from all.

Nicky.

52

From Neues Palais 13-26 November 1905.

Thanks for letter. Shall reply after hearing chancellor. Your information about Tattenbach incorrect. He as acted „en concert“ with his friend colleague the whole time and they have both left Fez a while ago. I quite agree that complications should by all means be avoided in or near Europe. There is no fear of any arising in or about Marocco. But Macedonia and the Balcans are much more dangerous; and the naval demonstration against Turkey in this moment may lead to most unexpected consequences, should the „amour propre“ of the Islamitic world resent the pressure brought to bear upon their master. The work of the „Crimean Combine“ is to be detected here.

Willy.

53.

Послана 19 ноября 1915 г. Neues Palais. Sa Majesté l'Empereur.

Best thanks for your kind letter that gave me great pleasure. — Our alliance with France is a defensive one. I think the declaration I sent you could remain in force until France accepts our new agreement. I will certainly do all in My power to bring the Marocco conference to a general understanding. Best love from us both.

Nicky.

54.

Послано 25 ноября 1905. Berlin. Sa Majesté l'Empereur.

Flügel-adjutant Schebecko must receive a new nomination. I propose to replace him by colonel Tatischeff of My Guard Hussards. He was a long time with uncle Wladimir has been often in Berlin, speaks very good German. I intend to promote him general of the suite on My namesday and with your approval to attach him to your person. At the same time I would like to know whether you find it necessary. We should again name special military attaches, éxcept Lambsdorff and Tatischeff. Best love from Alix.

Nicky.

55.

From Neues-Palais, 30-th of November (13-th of December 1905 at 8 o'clock 20 min. morning.

Colonel Tatischeff your propose to attach to My person shall be welcome. Respecting your question about the special military attachés, besides those „à la suite“ of our respective persons, I think it practical they should be created. Formerly it

was always so. It places the personal attachés in too precarious and difficult position, if they are to do their „trade“ in the same time they are in the staff of the sovereigns. They must be reserved for this honour alone and only gather and transmit loyally the official military or confidential informations they receive from the sovereign, or by the sovereign's permission from the official military authorities. • They must be persons of blameless character, upon whom the sovereigns can implicitly rely and enjoy the fullest confidence of the officers, of the respective Imperial Headquarters, to whom they are to belong. This implied that they should have nothing whatever to do with the usual „trade“ of the simple military agent. Werder's position with your Grandfather is a good example how it ought to be. Best love to Alix.

Willy.

56.

Berlin Sa Majesté l'Empereur.

With the change of ministry count Lamsdorff is leaving and I intend to replace him by Iswolsky. I am very sorry not to be able to keep him for Berlin but need his services now here. I am sure You will understand it. Have come over to Peterhof as real summer weather has set in. Saw Tatischeff today who gave me Your kind messages. Best love from both.

Nicky.

NB. Отвѣтъ на эту телеграмму послѣдовалъ June 10-th 1906. (Приписано тутъ-же. E. T.)

57.

June 10-th 1906 from Strasbourg at 6 o'cl. 45 m.  
Peterhof Sa Majesté l'Empereur.

Thanks for informations about Iswolsky, which I quite understand. Also here summer has set in, all chestnuts and lilas are in full bloom and the air is very warm. Best love to Alix.

William.

58.

You know how I was looking forward to our meeting in the first (days) of August. But things are becoming so serious that I have decided to disband the Douma shortly. I am sure You will understand that in these circumstances I cannot leave my country. With sincere regret I have to put off my visit to Your shores for a certain time. This involuntary postponement makes my impatience to see You grow. Best love from both.

NB. Отвѣтъ на эту телеграмму послѣдовалъ 7 июля 1906 г. (приписано тутъ же. Телеграмма отъ Николая; не снабжена ни датою, ни подписью).

59.

From Hamburg (Trondhjem) the 7-th 20-th of July 1906 at 10 o'cl. 55 min.

I deeply deplore that We cannot meet, but fully understand Your reasons that prevent Your leaving Your country in this moment. I fervently hope that We may meet later on in quieter times. God be with You and preserve You. Best love to Alice.

Willy.

60.

From Wilhelmshöhe, 3/16 of August 1906 at 6 o'cl. 52 m. evening.

Uncle Bertie's visit has passed off most satisfactorily. He is looking well and seems to be in good spirits. We both agreed that the maintenance of friendly relations

between Our two countries is not only a blessing for them, but also for all other nations. I most sincerely hope that the exchange of views between uncle Bertie and Myself, which all go towards the confirmation of the world's peace, might be of benefit to You and Your great Empire.

Willy.

61.

Wilhelmshöhe — 4 августа 1906.

I express my warmest thanks for Your kind telegram. The maintenance of friendly relations between Germany and England is an absolute necessity for the world. I am pleased about this result of uncle Bertie's visit.

Nicky.

62.

S. M. L'Empereur Berlin 23 авг. 1906.

Having received Tatisheff's report about Your opinion of Boris presence of war army manoeuvres I recall him from the frontier. Fondest love.

Nicky.

63.

From Travemuende, the 17/30-th of June 1907 at 11 o'cl. 25 u. night.

I received by Tatisheff Your kind proposal to come to Swinemuende about the sixth of August, leaving Peterhof the fourth. I am very thankful for this intention, but if it were possible for You to arrive already the third I should prefer this day, as I have already fixed an inspection programme for Myself beginning with the sixth of August which can not be changed without arousing public attention. I also heard by captain Hintze that You were able to come between the twenty-third of July and so I hope the third will not be inconvenient to You. Please let me know if the third suits You. Then I shall propose by captain Hintze particulars for Our Meeting, to which I look forward with heartfelt expectation.

William.

64.

Sa Majesté L'Empereur. Travemuende. Петергофъ 11 ч. 30 м. веч. 18 июня / 1 июля 1907 г.

Agree with pleasure to arrive on the third of August new style. For me also it is most convenient. Shall be thankful for particulars sent through Hintze. Wish You a smooth agreeable cruise in the north.

Nicky.

65.

Wilhelmshöhe 15—2 Août 1907 подана въ 2-ч. 15 м.

Meeting with uncle Bertie satisfactory. Uncle in good humour and peacefully disposed. Visibly impressed by the ... in Macedonia, thinks joint remonstrances in Athenes necessary. When asked by the king about the actual state of Russia I was happy to inform him that I heard by You that all went well, the dismissal of the Duma by You being the same act as the dismissal of the portuguese parliament by his cousin Carlos. After several rainy days we have since yesterday beautiful weather and made yesterday a morning auto-drive through the silent woods of the neighbourhood. Hope so much You found Alix in good health, best love to her.

(Слово во второй строкъ этой телеграммы — неразборчиво; замѣнено здѣсь точками. Е. Т.)



# Оглавление.

	Стр.
Предисловіе . . . . .	5
I. Императоръ Николай I и крестьянскій вопросъ въ Россіи по неизданнымъ донесеніямъ французскихъ дипломатовъ . . . . .	7
II. Императоръ Николай I и французское общественное мнѣніе . . . . .	28
III. Письма Герцена къ Эдгару Кинэ (Изъ рукописей Національной бібліотеки въ Парижѣ). . . . .	79
IV. Герценъ и германская государственность . . . . .	91
V. Была-ли екатерининская Россія экономически отсталю страну? . . . . .	122
VI. Англійскій посоль и Екатерина въ 1756—1757 г.г. . . . .	150
VII. Соглядатай Наполеона I о русскомъ обществѣ. (Изъ неизданныхъ документовъ Національнаго архива) . . . . .	160
VIII. Послѣдніе дни наполеоновской арміи въ Россіи. (Два неизданныхъ рапорта маршала Бертъе) . . . . .	165
IX. Политическая программа 1854 года. . . . .	173
X. Выдача Л. Г. Дейча. (Изъ бумагъ Министерства Иностр. дѣлъ). . . . .	179
XI. Къ исторіи 1904—1907 г.г. . . . .	182
Приложеніе. . . . .	201

## Замѣченныя опечатки.

Стр.	Напечатано:	Читать:
27 (10-я стр. снизу)	слишкомъ	слишкомъ.
41 (11-я стр. сверху)	тоннствующихъ	воннствующихъ.
67 (примѣч.)	Галэ-де-Кюльюра	Галэ-де-Кюльюра.
87 (9-ая стр. сверху)	пва	два.
108 (22-я снизу)	Горибальди	Гарибальди.
151 (14-я сверху)	семь мѣсяцевъ	шесть мѣсяцевъ.